

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

5' 2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН
БЫТИЕ НАШЕ
ДЫРЧАТОЕ

МАЙКЛ СУЗНВИК
КАРЛ ФРЕДЕРИК
ЧАРЛЗ СТРОСС
НИЛ ЭШЕР

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН:
ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

✦
**Издательство «ЭКМО»
НАГРАЖДАЕТ**
за 10-летнее
непрерывное, продуктивное
и успешное сотрудничество
ЗОЛОТЫМ ПАМЯТНЫМ ЗНАКОМ 585-й пробы

✦
**Ахманова Михаила Сергеевича
Головачева Василия Васильевича
Громова Дмитрия Евгеньевича
Гуляковского Евгения Яковлевича
Звягинцева Василия Дмитриевича
Ильина Владимира Леонидовича
Ладыженского Олега Семеновича
Михайлова Владимира Дмитриевича
Перумова Николая Даниловича
Чадовича Николая Трофимовича**

✦
**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ АВТОРОВ
И ЖЕЛАЕМ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ!**
✦

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечатъ»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечатъ», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8(49672)6-25-36,
8(496)270-73-59.
Отдел продаж услуг:
8(499)270-73-59.

Тираж 14 200 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

201 Евгений ЛУКИН

БЫТИЕ НАШЕ ДЫРЧАТОЕ

Новая поездка писателя в город Суслов не привела его к старым знакомым. На сей раз никакой магии, сплошная наука и техника.

3 Дмитрий ГРАДИНАР

БОЛЬШОЕ ШОУ ДЛЯ СТАЛКЕРА

...играет на самом сокровенном — извечном стремлении человека к Марсу.

25 Нил ЭШЕР

ТИХО МОЛВИЛ БОРМОКРЯК

Проводник — опасная профессия. Однако порой угрозу представляют отнюдь не «на лицо ужасные» аборигены...

49 Сергей КУПРИЯНОВ

КОРОЛЕВА КУБА

В азартные игры, как известно, пагубно не столько играть, сколько отыгрываться.

81 Чарлз СТРОСС

ХОБОТ И НЕРАЗБЕРИХА

А вам никогда не приходилось таскать за собой слона?

123 Карл ФРЕДЕРИК

ПОТОМОК

По мнению автора, искусство ради жизни по-настоящему вечно.

165 Алистер РЕЙНОЛДС

ЗИМА. ГОЛУБОЙ ПЕРИОД

Как говорил Пикассо, работу молодого талантливому художника способны оценить всего несколько человек. И еще меньше — полотно признанного мастера.

187 **Майкл СУЭНВИК**
ЛЕТО ДИНОЗАВРОВ

Если вы увидели у себя во дворе мирно пасущихся трицератопсов, значит, вам пора в отпуск.

147 **Антон ПЕРВУШИН**
ПЕРВАЯ МЕЖЗВЕЗДНАЯ

Космические первопроходцы готовы к полету!

162 **Сергей КУДРЯВЦЕВ**
**В СМЕРТИ КИНО ПРОШУ ВИНИТЬ
«ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ»**

Иногда и культовые ленты бывают вредны для кино.

158 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Рецензент считает, что увидел лучший российский фантастический фильм. Многие ли с ним согласятся?

267 **Дмитрий ВОЛОДИХИН**
ЁРШ МОХИТО ИНКОРПОРАЙТЕД

...или блеск и нищета жанровой критики.

272 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Кто лучше писателей ее оценит!

276 **РЕЦЕНЗИИ**

Давно доказано: чтение делает человека лучше, а рецензент — лучший друг читателя.

297 **КУРСОР**

Путешествия во времени, сквозь червоточины и другие НФ-события.

283 **Вл. ГАКОВ**
**«В СРЕДНИЕ ВЕКА ВСЕ МЫ БЫЛИ БЫ
ТЕОЛОГАМИ»**

Почитатели называли его уважительно Янтарным Принцем фантастики. В этом месяце знаменитому писателю исполнилось бы 70 лет.

290 **ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ**

Большое жюри закончило свою работу.

293 **Дмитрий БАЙКАЛОВ, Евгений ХАРИТОНОВ**
РОВЕСНИК ВЕКА

Рассказ о «Росконе-2007» и мини-интервью лауреатов.

299 **ПЕРСОНАЛИИ**

Классики и современники, мэтры и дебютанты, постоянные авторы журнала и новички на наших страницах.

Д М И Т Р И Й Г Р А Д И Н А Р

БОЛЬШОЕ ШОУ

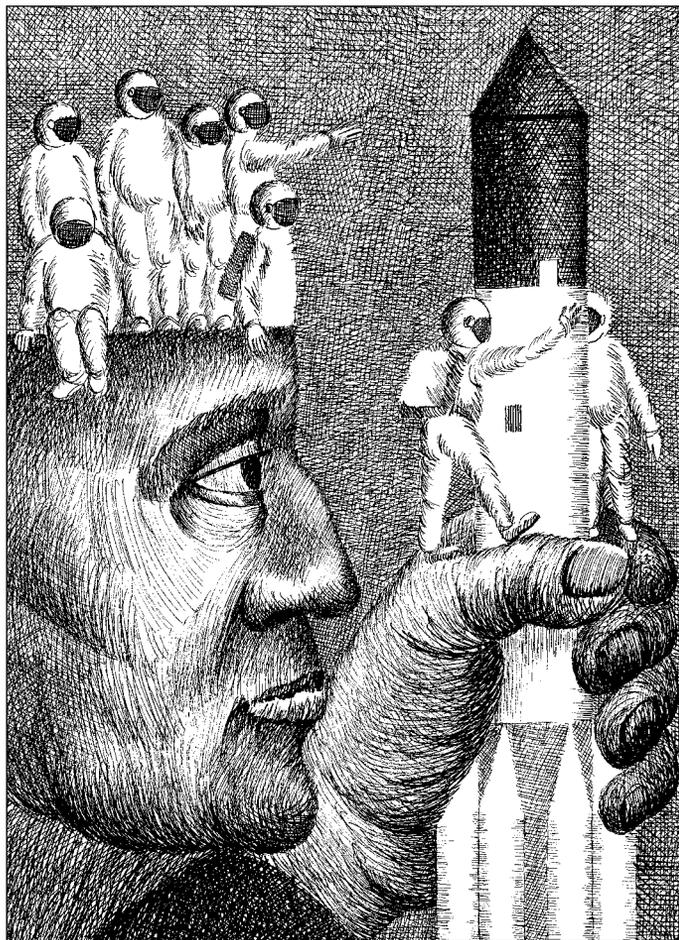

Иллюстрация Евгения КАПУСТИНСКОГО

ДЛЯ СТАЛКЕРА

Они не боялись. До хрипоты, до посинения готовы были со мной спорить, но не боялись. Ни пятисот километров, разделяющих нас и ближайшую обитаемую станцию-зимовку «Восход-4», ни крайне жестких правил, установленных организаторами шоу, ни связанных с этими правилами условностей, вроде ограничений по кислородному запасу, а значит, и по времени, при выходе из модуля. Они просто хотели заработать свой миллион, поймать шанс, как это называет Во Марлинг, интерактивный ведущий программы...

Еще в учебном центре, когда программа только набирала обороты, у некоторых участников возникали вопросы. К слову, первоначальное количество игроков составляло семьдесят пять человек, не верящих никаким обещаниям, разве что главному — дошедшие до конца ловят шанс.

Изначально подорванное доверие — вовсе не случайность, причиной такого положения дел стало прошумевшее в Европе и России британское шоу «Большое космическое надувательство». Им обещали полет на русском «Буране», их гонял до седьмого пота майор спецназа Валентин Калашников, для них устраивались зачеты по основам космогонии, началам физики полета и астронавигации, даже заставили повторить клятву космонавта, что на самом деле оказалось рецептом приготовления мясного блюда. А в итоге — посадили оставшихся курсантов, свято верящих в орбитальность своего полета, в великолепно сделанный тренажерный аппарат, навешав на уши русской лапши, потому что тренажер имитировал все аспекты полета, за исключением невесомости! И все равно они верили.

Они несли космическую вахту, теряясь в догадках, когда на обзорных экранах имитатора на фоне очертаний Африканского континента вдруг появлялся гигантский мотылек, нагло игнорирующий всякие данности вроде необитаемости космоса, температуры в минус двести и вообще наличие космического вакуума со всеми его прелестями. Правда, задавали при этом вопросы.

После завершения «Большого космического надувательства» еще долгое время никто не соглашался быть выставленным на посмешище. Ситуацию изменил великий Во Марлинг. Он просто перевернул чашку. И придумал «Большое галактическое шоу». Он перевернул чашку, и все завертелось, зашевелилось, ожило!

— Вик, — сказал он мне, произнося имя на британский манер. — Вик, ты будешь единственным профессионалом в команде, и мы не собираемся этого скрывать.

Он называл меня Виком, а я называл его Большим Во. Паритет номер один. Мы были большим друг для друга, чем для самих себя.

— Нужно продемонстрировать полную открытость намерений, чтобы никто не принял это за очередное надувательство. Тем более, риск есть, и он велик. Без твоего участия цыплята спекутся раньше срока, и этого нам не простят.

Мы говорим только правду. Мы честно раскрываем карты еще до начала игры. Верьте нам! Не упустите шанс! Паритет номер два — для того, чтобы большинство поверило в обман, нужно быть честным с меньшинством.

— Никто не заставит их рисковать без надобности. Понимаешь? Никто! Но даже каменистое плато в Антарктиде — вовсе не безопасный тренажер, что был смонтирован где-то в Южной Шотландии. Транспортные вертолеты, вездеходы повышенной проходимости, арендованный программой спутник «Интерсат-Навигатор» и команда спасателей, которые будут находиться в постоянной готовности прийти на помощь, — это еще не стопроцентная гарантия. Если твой цыпленок сломает ногу, — он называл будущих участников шоу цыплятами, приучив меня делать то же самое, — мы не станем его эвакуировать, вам придется выхаживать неудачника собственными силами. Камеры будут повсюду, днем и ночью, это же шоу, Вик! Это, черт возьми, «Большое галактическое шоу»! Или вы ловите шанс, или я никогда не расплачусь с кредиторами. Семьдесят два миллиона! Семьдесят два! Ты представляешь, какие деньги уже вложены и сколько предстоит вложить в дальнейшем?

— Я знаю, Большой Во, это треть бюджета какого-нибудь голливудского приключения Ганнибала в мире египетских фараонов или четверть стоимости очередной попытки реанимировать дряхлеющего Гарри.

— Ты шутишь, значит, ты все понял. Приступаем к работе.

В этом и заключалось величие Большого Во. Он все и всегда понимал правильно. Он умел переворачивать чашки.

Мне не светило поймать шанс, как тем двенадцати счастливицам, что отправятся со мной на самый пуп Земли, в Антарктиду. Но эти же цыплята обеспечивали наседку, то есть меня, гарантированным заработком в шесть тысяч фунтов стерлингов ежемесячно с момента от-

правки на плато. В период подготовки моя ставка куда как скромнее — пятьсот фунтов. Поверьте, даже этого много.

Счастливчик ли я? Не знаю, наверное, да. Когда участвуешь в геологической экспедиции или сопровождаешь группу черных археологов, надеющихся раскопать очередную Трою где-нибудь за Гималайской грядой, а то и вовсе проникнуть в Шамбалу, поискать тамошние артефакты, заработок зависит исключительно от прихоти работодателей. Никаких контрактов, бумаг и юристов. Веришь не веришь, здесь два туза, а на поверку — паршивые тройки. Когда я оказался на мели, мне довелось водить по Тибету группу за полсотни долларов в неделю, при этом обеспечение также оставляло желать лучшего. Едва ли не подножный корм, никаких крепких напитков, только вода во флягах, с ее помощью — отвар из корешков и местных «энергетических», как они говорили, трав, и постоянные сны об отбивных с картошкой. Эти чудики желали приобщиться к божественному и обрести бессмертие. Думаю, так они протянут максимум лет до сорока, превратившись в странствующих очарованных бомжей. Что толку в голодном цитировании Блаватской? Через три недели я сплавил их другому сталкеру, который тоже искал чего-то великого и неземного, он не видел во сне отбивные... Сплавил, потому что доверяю мудрости Соломона. Все пройдет. И все — суета сует. Предложение Большого Во — манна небесная вместе со всеми отбивными мира для такого бродяги, как я. Спасибо интернету.

— Вик, я очень рассчитываю на твою помощь. Пятьсот фунтов — мелочь, будем считать это небольшими подъемными, но зато какие перспективы! Ты будешь сладко есть, мягко спать, через три месяца, едва вы окажетесь на плато, на твой счет начнет капать по девять тысяч долларов! Если рейтинг программы превысит расчетную величину, заработает система премий. Ты станешь известней, чем Кортасар с Боливаром! Станешь знаменитостью для всего мира. Где бы ты ни оказался, тебя встретят, как героя. В Греции и Самоа, Стамбуле и Мемфисе!

Большой Во умел правильно выговаривать имена городов, для него не было проблемой произнести без запинки название столицы древнего государства даков Сармиседжетуса или венгерских городов Секешфехервар и Кишкунфеледьхаза, не говоря уже о китайских Шицзячжуан, Чжанзякоу, Цзинидэжэнь (он не путал с Цзиньшацзяном, другим названием реки Янцзы!) и прочих Макурадаки — Макурагаме в Японии. Странно, что сейчас он ограничился только Стамбулом. Мог бы и чего позакovskyристей завернуть.

— Вик! Первоначально планируется вести проект десять месяцев, включая три месяца подготовки. Но если рейтинг превысит... если пойдет реклама... шампунь, майки и кепки с логотипом «Большого галактического шоу», то время будет продлено. На год, еще на месяц, на восемь лет, — кто знает?

Мое шестое чувство — а я привык ему доверять — встрепенулось, ошарапало мозг, толкнуло в сердце и в правую руку, которой я чуть бы- ло не лишился четыре года назад во время перехода через Анды.

— Во... — я умышленно опустил приставку Большой, — ты же не собираешься сделать нас гребцами на галере? В контракте говорится, что на это нужно согласие...

— Конечно, Вик! Ты же лучший! — он смеялся мне в лицо, обнажая здоровые жемчужные зубы. Тридцать две штуки.

А я? Что мог сделать я? Со своими четырьмя оставшимися, остальные — чудо современного протезирования. Каньон в Колорадо. Спал туриста.

— Ты прав, Вик! Но мы же говорим о доверии! Если кто-то окажется против, хотя бы один участник, мы представим дело так, будто происходит замена экипажей! Перелет на Марс, — теперь это занимает четыре месяца, — значит, пустим шоу в два русла. Ваш мнимый возврат, а перед этим — корабль со сменным экипажем! Максимум восемь месяцев, разве что уведомить о таком решении нужно чуть раньше, чтобы мы успели набрать добровольцев, найти другого сталкера и заново провести подготовительный курс. Эти дополнительные восемь месяцев для тебя — сорок восемь тысяч фунтов! Столько не зарабатывает даже член британского парламента. Если он, конечно, не наследный принц рода Мальборо или Честерфильдов.

— Понял, Большой Во. Считай, что я в игре.

— Ты лучший, Вик! Когда вернешься, я подарю тебе бриллиантовые шпоры сэра Уильяма VIII, и мы напьемся вдвоем, за счет телекомпании, в захудалой портовой таверне, где нас никто не узнает.

— Погоди, что-то я не слышал такого... Разве ваш король носил бриллиантовые шпоры?

— Господи, конечно же, нет! Но кто об этом знает?

Он снова смеялся. Я, кажется, тоже, уже не стесняясь матовых зубных протезов. Еще через неделю меня представили семидесяти пяти соискателям.

— Всем встать! — скомандовал Большой Во, хотя для них он тогда еще был просто Во Марлингем. — Прошу приветствовать, ваш цезарь

и Бог, пастух и матадор, человек-легенда в мире путешественников, Виктор Авдеев...

А про бриллиантовые шпоры он верно сказал. Король их не носил. Но кто об этом знает? Кроме меня и, разумеется, Большого Во. Еще одна перевернутая чашка. Еще один паритет: вы хотите, чтобы верили мы, а нам нужна ваша вера. Тет-беш, как говорят филателисты про марки в сцепках, где они развернуты друг к другу основаниями. Зеркальная правда. Перефразируя Ницше: когда вы вглядываетесь в зеркало, зеркало смотрит на вас. Пятьсот фунтов аванса. Как же я напился, зная, что ближайшие десять месяцев (максимум восемнадцать) предстоит довольствоваться безалкогольным пивом.

Хотя сколько там до зимовщиков? Пятьсот? Для бешенной собаки семь верст не крюк. Это если без вездехода. У нас их будет четыре. Двухместные, шестиколесные, с какими-то хитрыми движками, армированная кабина... В общем, маленькие такие антарктидоходы.

Так вот, снова о шпорах Уильяма VIII. Фокус в том, что для всех мы отправляемся на Марс. Идея колонизации красной планеты все еще вызывает сомнения в некоторых умах. И все бы ничего, только от этих некоторых зависит финансирование подобной программы. Сама станция на Марсе, аппарат — модуль, настоящий перелет... Уму непостижимо, сколько это может стоить!

Японские инженеры обещают станцию на пятьдесят человек всего за двести миллионов. Не йен, конечно, зеленых Франклинов. Очень оптимистичный расчет, которому никто не верит. Не без оснований, скорее всего, но судить не берусь. США называют другую цифру. Полтора миллиарда. Чуть меньше, чем требуется затратить на появление очередного президента, гаранта мировой демократии. Эх, Моника, Моника, симпатичная ты моя... Какие там Ивонны Бурже с Клеопатрами? Вот самая дорогая гетера! Только Югов жалко...

Прочь! Завтра стану как стеклышко, и все уйдет. Но мысли продолжали кружить вокруг идеи Большого Во. Черт с ними, с миллиардами, это неизбежные траты. Но как убедить налогоплательщиков, что людям на Марсе ничего не грозит? Одновременно уверив, что колония не рухнет из-за вмешательства человеческого фактора? Не смуглые и златоглазые, а наши, натасканные и подготовленные ко всему, переселенцы могут таких дров наломать, что ты!

Белокурая девчонка, которую я подцепил вчера, кивала в такт моим словам, ни бельмеса не понимая. Только поглядывала на часы. И еще думала, наверное, — не исчезну ли? Зачем? Меньшинству гово-

речь только правду! Сколько тебе обычно предлагают? Сто фунтов? Не обманывай: Большой Во сообщил мне местный преискурант. Хотя это неважно, держи пятьсот, только не забудь расплатиться за выпивку, все отдаю, гол как сокол. Встретимся, может быть, через полтора года, тогда и сходим к тебе в мебелирашку. Чаю попить. А пока...

— Вик! Я понимаю, тебе захочется расслабиться, но нельзя. Гуляй сейчас и будешь гулять после. Но с началом шоу — это табу! Мы набираем шесть пар, а ты — тринадцатый.

— Я не суеверный, Большой Во. И мне не впервой.

— Ты лучший, Вик! — Как он мне надоел своими вечными признаниями в любви! — Хочешь, к алмазным шпорам еще и платиновую шпагу в придачу? С дарственной надписью от Иисуса Христа и ленточкой от Девы Марии?

Большой Во отличался особым цинизмом во всем, что касалось веры. Зажечь свечу в храме? Пожалуйста! Только проследите, чтобы в кадр не попали мои тренировочные штаны, через восемь минут у меня пробежка. И дайте кто-нибудь рубашку, галстук и пиджак! Или: Господи, помоги мне, Господи, устроить все так, как хочу! Построю еще один Нотр-Дам, а рядом на всякий случай синагогу, мечеть и буддистскую кумирню.

И ведь построит! Правда, за чужие деньги, и будет следить, чтобы все это попадало в кадр по отдельности. Тоже на всякий случай... Во Марлинг объяснил нам, чего же он хочет.

— Что нужно, чтобы кто-то раскошелился и не переживал, что вложения сгорят? Правильно, загнать на Марс отряд дилетантов, пусть все увидят, что даже у никчемного простофили появился шанс. Ни единого профессионального космонавта, ни единого ученого — специалиста по Марсу, ни физика, ни врача, только опытный путешественник, человек без постоянного места жительства — Вик Авдеев, который водил группу даже за полсотни в неделю. Закинуть их, а там — пусть крутятся, как знают! Теперь второе. А что нужно, чтобы эта афера не рассыпалась, словно картонный домик? Ежу понятно, — вещал, заглядывая мне в глаза, Во Марлинг, папа и мама «Большого галактического шоу». — На Марсе вы сдохнете при первой попытке выйти наружу, если вообще долетите... Поэтому нужно отправить вас в Антарктиду, где шансы немного возрастают. Конфиденциальность — моя проблема. Объявим, что старт происходит с новейшего российского космодрома, куда КГБ никого не пускает.

— В России больше нет КГБ. Так принято считать...

— Неважно. Сам факт, что Москва может перехватить первенство, уже подстегнет кое-кого. У нас ведь тоже принято считать, что холодная война закончилась. С Роскосмосом все обговорено, будет репортаж о старте экспериментального «Протона-Зет». Натура! Они все равно собираются его запускать. Каково совпадение? В Антарктиде тоже все схвачено, осталось обговорить с французами аренду кое-какой техники для «Востока-4». И спутник у вас настоящий будет, я уже говорил — «Интерсат-Навигатор», три недели как вышел на орбиту. А уж какая у него орбита и каковы возможности — нам лучше не знать. Могу гарантировать, что ни один спутник-шпион не обнаружит ваш модуль.

— А как же оптическое сопровождение полета? Все эти Хабблы и прочие Мичиганские обсерватории? Мы что, по легенде летим на невидимом корабле?

— Ты лучший, Вик! На Марс летит обычный зонд, который доставят на орбиту тем же «Протоном». Лучший! Я подарю тебе...

— Не надо шпагу и шпоры, лучше оригинал Декларации о Независимости США или Хартию Вольности.

— Зачем?

— Продать. А деньги — пропить. Бизнес.

— О-хо-хо! Отменно!

— Ну, так как?

— Извини, не могу.

— Почему, Большой Во? Это же проще...

— Потому что оригиналы существуют на самом деле. Все знают, не только мы с тобой. Лучше — шпоры. Никто не знает... Это уже мой бизнес.

Потом пошли тренировки. Курсантам пока не сообщали конечную цель, чтобы избежать утечки информации через покидающих проект. Мы, космонавты, народ вольный. Куда нас пошлют, туда и хотим. В первый месяц отсеялась половина. Им дали премиальные, подарки от Роскосмоса и «Темзы-телевижн». А из тридцати двух оставшихся мне неожиданно приглянулась ирландская художница. Она имела опыт дальних походов, водила группы, как я сам, правда, не по всем закоулкам мира, а только по местным. Стоунхендж, замки с привидениями, места походов короля Артура и римских императоров. На этом она заработала прелестный шрам. Его я разглядел при ближайшем знакомстве, которое стало возможно, поскольку я единственный, посвященный во все тайны. Я знал, где можно укрыться от видеокamera.

— Большой Во, — сказал я. — Сделай так, чтобы художница попала в число избранных. А я позабочусь, чтобы ее парень непременно оказался геем. Есть тут тройка соискателей со странностями. Наизнанку вывернусь, но ты получишь шоу, которое затмит все выборы всех президентов!

— Ты уверен, что хочешь рискнуть? У тебя будет много забот.

— Я уверен в том, что мне не потратить заработанных денег в одну ночь, да и ее доля пригодится. Зачем расставаться двум богатым людям? Согласен даже на продление контракта до двух лет. Гарантирую — ни один цыпленок не пикнет. Задавлю.

— О'кей, Вик. Сделаю все, что смогу.

Я думал, это согласие. Но ее отсекли после второго месяца. Не видеть мне больше ажурного шрама. Еще один паритет: не нарушать предыдущие договоренности. Я обещал не искать пары, он обещал решить вопрос. В итоге — сумбурный диалог с перебиванием друг друга:

«Как же так? Я только сказал — сделаю все, что смогу. Я не смог. Прости. Какая, к черту, тебе разница, кто поедет со мной в Антарктиду? У нее высокая сопротивляемость к анабиозу, я не могу рисковать. Но ты же бог, Марлин! Ты настоящий бог! Спасибо за бога, Вик, но это я знаю и без тебя. Раньше нужно было говорить. Сейчас поздно. У нее высокая сопротивляемость, а предварительные тесты вы прошли в первую неделю, и про ирландку уже знаем не только мы. Но вы же оставили ее на второй месяц! Теоретически, для полета ей бы потребовалась двойная, а то и тройная доза анабиозита, а это — риск. Не стану же я успокаивать какого-нибудь умника из Департамента здравоохранения тем, что она вовсе не в космическом корабле и что четыре дня анабиоза — ерунда, зато он меня съест живьем! Я бог, но тьму и воду, над которыми носился до сотворения мира, создал не я. Прости. Если для тебя допустима такая замена, обрати лучше внимание на серую мышку с пухлыми губками, у нее высокие шансы попасть в обойму. На эту англоговорящую цыганку? Индуску, Вик, индуску! Кстати, у нее грудь — четвертого размера... Плевал я на ее размеры! Ну, как хочешь... Да она же глупа, как рыба! С такой меньше проблем, поверь старому многоженцу. Завтра последний отбор. Твои геи тоже в обойме. Два из трех. Так что выбирай. Или индуску, или... Как это по-русски? Сообразить на троих? Пошел ты... О-хо-хо! Значит, договорились...»

...Я имел возможность наблюдать, как это выглядело со стороны. Публика ревела от восторга, стоило на специальных экранах, выве-

шенных во многих общественных местах, появиться броским надписям. Надежда человечества! Они готовят прорыв! Первопроходцы цивилизации! Потом крупным планом тугое пламя, бьющее из ракетных дюз. Огромный, в сотню Тауэров, «Протон-Зет» вставал на дыбы. Снизу бежала строка: «Внимание! Это монтаж! У нас все по-честному, до времени прямого репортажа осталось...» — и дальше высвечивалась обведенная кружочком цифра. С каждым днем она уменьшалась на единицу.

Все журналисты, желающие получить аккредитацию, толпой валили в представительство «Большого галактического шоу». Им никто не отказывал. Как же — событие из ряда вон. Просто в последний день мужчина в генеральской форме при орденских планках и строгом взгляде должен был объявить о введении чрезвычайного режима для нового космодрома ввиду террористической угрозы. Этот термин для большинства граждан США и Европы вроде шаманского «нданга-ондонга» — туда нельзя! Стремление уходит, разговоры сразу заканчиваются.

...Потом появлялся Большой Во и пристально вглядывался с экрана в толпу. Он будто оценивал и вопрошал одновременно. Эти — смогли. А готовы ли вы? Сразу же появлялась строка с номерами телефонов для интерактивного голосования и название сайта, где можно было выразить мнение — должно ли человечество стремиться на Марс?

Затем шел коллаж из картин разрушений, оставленных стихийными бедствиями, тревожная таблица статистики, задымленное небо над гигантскими чадающими трубами, и в противовес — безмятежность марсианской поверхности, отснятой, естественно, в Антарктиде, на той самой равнине, где нам придется вскоре изображать колонизаторов.

— Да... Долго здесь обустроиваться, — наконец-то размыкал губы Большой Во. — Но, по-моему, игра того стоит...

Дальше шло вообще что-то невообразимое. Цифровая обработка пейзажа в ускоренном темпе показывала, как планируется выстроить несколько укрытых куполами поселков. Как будет извлечена вода из-под поверхностного слоя, как начнет расти содержание кислорода (об этом сообщали меняющиеся цифры в углу экрана) и, наконец, как на безжизненной почве взойдет первый робкий росток. Через несколько секунд ростков стало больше и уже заметно, что это не просто какой-то сорняк, но звонкий, беременный зернами, колос. И пролился пока еще скупой, осторожный дождь.

Это была кульминация! Толпа ликовала, многие плакали от умиления, набирая на мобильных телефонах Единственно Правильный Номер.

— Жители планеты Земля! Люди всех континентов! — гремел из динамиков голос Во Марлинга. — Только мы способны возродить это далекое поле! Только мы способны помочь старушке-Земле! У нас появился шанс! Мы будем надеяться... — доносилось до меня, когда я уходил подальше от площади, боясь оказаться замеченным. — Мы будем поддерживать... Мы вместе... Плевать на банкиров и политиков! Плевать на гонку вооружений! Нас — семь с половиной миллиардов. Завтра нас станет больше! Построим для потомства новый дом! Неужели мы должны ждать, пока кто-то снизойдет до наших надежд? Подаст милостыню...

Тут губы его брезгливо кривились. На один-единственный миг, но эту гримасу замечали многие. Искривленные губы апперкотом били в подсознание. Это были алмазные шпоры для всех. Лишь немногие посвященные знали, что Марлинг играет. О! Это была потрясающая игра. Один из двенадцати счастливицков, которым уже стало известно, куда на самом деле мы направляемся, так и заявил в беседе «без камеры». Он сказал:

— Большой Во! — (Он уже имел право так его называть, потому что знал правду.) — Если «Протон-Зет» не выдумка, а все эти технологии действительно существуют, почему бы не отправить группу на Марс? Мы справимся! Мы готовы! Любой ведь может стать космическим туристом, почему бы нам...

— Потому, мальчик мой, что космические туристы выкладывают по двадцать миллионов за несколько дней полета. Я едва наскреб один, чтобы отдать его вам. Еще потому, что на самом деле четыре месяца невесомости съедят треть кальция в твоём организме, и без квалифицированной помощи при посадке даже слабое марсианское притяжение превратит вас в ползающих калек. Еще раньше, при взлете на «Протоне-Зет», перегрузка переломает вам кости, и вряд ли они когда-нибудь срастутся. Вы же не космонавты...

Потом он шептал восторженному участнику на ухо, но так, чтобы слышали все:

— Если бы я имел возможность, вы получили бы по миллиону каждый даже за этот шаг. Потому что он — первый. Когда ажиотаж спадет и настанет время для серьезных размышлений, а так всегда бывает, я знаю, — люди задумаются. Мы расскажем наконец-то

правду. Всю правду, как она есть! И то, что модуль — абсолютно герметичен, и что окружающая среда в том месте, где вы побывали, в чем-то не уступает по агрессивности марсианской, а настоящие исследователи Антарктиды это подтвердят. Про величину ультрафиолетового потока на полюсе, где защитный слой Земли самый тонкий, про то, что сила притяжения чуть-чуть меньше привычной, немалого, но некоторый дискомфорт на первое время я вам гарантирую... Резкие изменения давления, температура... Расскажем, что вы носили настоящие скафандры, что ваши транспортные средства помимо основного фотоэлектрического двигателя и восполняемых аккумуляторных батарей снабжены двигателем внутреннего сгорания с полузамкнутым циклом подачи кислорода. Поэтому весь воздух — до последнего кубика, вода до последней капли; их запасы рассчитаны в соответствии с реальной необходимостью использования на Марсе. Вы не сможете добывать для себя воду, не имеете права, если хотите принести пользу. Это предусмотрено контрактом. Вы не сможете пройтись подышать, это тоже запрещено. Вся ваша жизнь на время шоу будет проходить в модуле, доступны только редкие вылазки: по необходимости и для поддержания интереса к программе. Биотуалеты модуля способны обслужить целый стадион футбольных болельщиков. Все отходы тщательно упаковываются... В случае каких-нибудь неожиданностей вот он, — кивок в мою сторону, — сможет связаться с дежурным оператором и получить соответствующие инструкции. Никто не заинтересован, чтобы с вами что-то стряслось. Умри кто-нибудь во время шоу в Антарктиде, и марсианская колония станет просто грезами еще на несколько сотен лет. Пока вы просто не понимаете, каков ваш вклад и что вы совершаете на самом деле для Земли! Подвиг! Помните об этом. Вы — лучшие! Вы наша надежда!

Тут все начинали хлопать в ладоши, одобряя прелестный спич, я тоже присоединился, обнимая Серую Мышку.

— А кто не поверит, — продолжил Большой Во, — черт с ними! Покажем миру «Большое галактическое шоу»!

— Вик, — напутствовал он меня перед стартом, — от твоих действий зависит девяносто процентов успеха. Ничего не напутай. После старта в течение двух недель вы будете оставаться прикованными к креслам. Некоторый отдых — только когда я скажу, чтобы зрители не заметили отсутствия невесомости. Дальше вас подвергнут процедуре анабиози-

рования. Водоросль абсолютно безопасна, вы убедились на собственных шкурах. А нам очень нужно показать вас именно такими — зелененькими, умиротворенными, чтобы люди поняли, какое это благо — анабиозит, а не мерзость, как многие думают. Вы проспите четыре дня — срок на то, чтобы вас доставили в Антарктиду и подготовили модуль к работе. Ты просыпаешься первым. Готовишь приборы и камеры, проходишь регенеративный фильтр для удаления анабиозита из сосудов и поднимаешь своих цыплят. Я ничего не буду иметь против, если первой ты разбудишь Серую Мышку.

— Может быть, тогда лучше миссис Дрейк? А про ее дружка скажем — не вынес перелета. Вместе с вашей цыганкой...

— Убью, Вик! Я тебя убью, придушу собственными руками!

— Шучу, Большой Во.

— Не время для шуток. Я волнуюсь, а ты...

— Это тебе за мою ирландочку. Кстати, попросишь, чтобы потерпела полтора года и не искала никакого О'Хару или О'Брайена.

— Гарантирую! Лично заварю электросваркой пояс целомудрия.

— Как раз это необязательно...

— Дальше. Следи, чтобы никто не вздумал ставить эксперименты. Пытался халтурить и так далее. Многие из мира великих скрежещут зубами, — ты не слышишь? При любом удобном случае шоу прихлопнут как муху. Нас всех объявят шарлатанами и упрячут за решетку. Ирландка тебя не дождется.

— Не нужно со мной, как с ребенком. Я все помню.

— Не перебивай! Твои цыплята, если обратил внимание, редкостные простак...

— То-то я удивлялся, когда отсеивали самых толковых! Нам умных не надобно, нам покорные нужны.

— Кто это сказал?

— Да был один. Павликом звали.

— Я запомню. Великолепные слова. Жаль, для шоу не подойдут.

Но поверь, с таким экипажем тебе будет намного легче справляться, чем с умниками. Сколько ты самое большое находился с группой?

— Семь месяцев. Джунгли Амазонки.

— И как?

— Из двадцати пяти дошли тринадцать. Местного проводника убили, когда он не пожелал грабить заброшенный город.

— А ты?

— Хитрые попались бестии. Треть суммы — вперед, остальное по

возвращении. Думал плюнуть на эти две трети, но не смог... Не из-за денег не смог.

— Я знаю. Ты никогда не бросал своих цыплят, поэтому я тебя и нанял. Пойми, Вик, без тебя они беззащитные дети. Сильный буран, отказ связи, какой-нибудь сбой в системе жизнеобеспечения. Они не будут бояться, но им нужен лидер. Так что...

— Понимаю, Большой Во, ты подаришь шпоры и шпагу. И мы напьемся в дым за чужой счет.

Он внимательно посмотрел на меня, будто с телеэкрана, и сказал:

— Это тоже, Вик. Удачи!

— Тебе удачи, Большой Во. Готовь шпоры. Дари Земле свое шоу, а мы будем дарить надежду. Мы постараемся.

Все. День старта. Нас привезли куда-то за Байкал. Я видел Уральский хребет и зеленое море тайги. Оно не пело, а ревело турбинами и проваливалось в воздушные ямы. Операторы сновали по салону транспортного Ил-76, выискивая хорошие ракурсы для наших изможденных физиономий. Все пытались улыбаться, и ни у кого это не получалось. Ни у кого, кроме Во Марлинга, разумеется.

«Протон-Зет» оказался не то чтобы выше любого здания, которые мне довелось видеть. Он был выше и величественней даже Ай-Петри, если кто бывал в Крыму. На самой верхотуре прилепился крохотный, с булавочную головку, обитаемый отсек. Отряд космонавтов — настоящих, не чета нам, авантюристам — уже находился перед стартовым коридором.

— Первый момент — самый важный! — стараясь перекрыть рык гигантских инженерных машин, орал Большой Во. — Прервись съемка хоть на миг, все вылетит в трубу... Через двадцать минут начинаем! Видишь вторую шахту подъемника? Вы заходите в лифт, вас сопровождают два оператора, руководитель полетов и несколько техников космодрома. Лифт доставит вас к другому отсеку, там, за стартовым, есть второй стенд, макет-дубляж с контрольной аппаратурой. Отряд космонавтов мы, естественно, не снимаем. Их доставят на иглу Протона, после чего наши камеры запечатлеют взлет. Операторы в лифте не прекращают съемку ни на секунду, даже после того, как вы окажетесь в своем отсеке. Учти, Вик, второй стенд хотя и не такой высоты, как оригинал, но тоже не детская горка. Съемка ведется параллельно. Та аппаратура, что установлена в отсеке, включается сразу, как только вы входите. Техники раскладывают вас по ложементам, желают успехов,

задраивают люк в шлюзовой, и сразу двумя планами пойдет взлетающий «Протон-Зет» и вы в модуле. На обзорном экране для достоверности мелькнет немного огня, чуть-чуть дыма, облака понесутся навстречу, вам понравится. Главное — изображать жуткое напряжение на лицах. Никто нам не поверит, если весь подъем на орбиту вы будете загадочно улыбаться. Ну, впрочем, это не ваша проблема. В скафандрах установлены мини-инъекторы...

— Искусственная ломка, тоже на собственной шкуре...

— Правильно, это вы проходили. Но согласись, ты сам далеко не кинозвезда, малейшая наигранность, и даже физиономист-самоучка раскусит вашу игру. Ведь не будет ускорения, а значит, не будет причин, чтобы...

— Проехали. Дальше.

И он продолжал говорить.

Рядом с «Протоном-Зет», машиной, которую трудно представить даже в воображении, я испытал необычайное возбуждение, будто не четыре счастливого в белоснежных скафандрах «Роскосмоса» взлетают на орбиту, а мы — тринадцать эitmenов в синем облачении с эмблемами «Большого галактического шоу» — действительно отправляемся на Марс. И даже хотелось заплакать. Честное слово! Настолько мощный поток энергии источал гигант-ракетоноситель, что ею заражалось все вокруг. Еще непривычно большие тягачи, топливозаправщики, рельсовые краны даже с километрового расстояния представлялись лего-конструктором для Гулливера в стране лилипутов...

— Дальше мы покажем звезды и Землю в вашем иллюминаторе. Никакой невесомости, нормальная тяжесть, поэтому вы и остаетесь в креслах. Через две недели — период так называемой адаптации, сеанс анабиозирования. И только после этого, ну, вернее, через четыре дня анабиоза, у нас появится возможность вздохнуть свободнее. А четыре дня съемки вашего сна я как-нибудь разбавлю космическими роликами до четырех месяцев. Так у нас появится фора во времени. Вдруг что не так — будет время для монтажа. Но это — на крайний случай! Не расслабляйтесь там, в Антарктиде. Календарь, часы, компьютерное время модуля, все будет переставлено на четыре месяца вперед, минус четыре дня. Это чтоб вы не запутались. Но твой основной контракт начинает действовать сразу после пробуждения в модуле.

В общем-то, он говорил сейчас прописные истины, которые мы усвоили за время подготовки. Настоящие космонавты отдали по-воен-

ному честь и пожали руки провожающим. Зашли в лифт. Потом настала наша очередь. «Протон-Зет» ревел и кипел дюзами в предстартовой подготовке. Защитную пленку — гигантское покрывало парашютного шелка, или что там используют — с него убрали, и ракетоноситель сиял первопроходческой красотой истинного покорителя космических просторов. Огромный, гордый, уверенный в себе. Небольшой антураж гигантского шоу.

Нам тоже сказали несколько фраз, мы козырнули, кто как мог. Я по-армейски — руку к виску и резко вниз. Ребята по-голливудски — ко лбу, а потом вперед, чуть выставляя указательный палец. Девчонки вообще кое-как. Индуска, например, просто сказала «сеньк ю вери мач». Лифт, скольжение вбок, а потом вверх. Мне стало не хватать уверенности «Протона-Зет». Только сейчас я почувствовал, в какое безнадежное и глупое болото позволил себя втянуть.

Первопроходцы! Спасители! За вами первый шаг! Тьфу... Мошеники мы, а Большой Во — самый главный мошеник. Одно успокаивало: вон сколько народу умудрился охмурить Во Марлинг. И надеется охмурить еще больше. Пока мы станем пыжиться, усердно изображая, как на дальних тропинках следы наших ног будут словно яблони цвести, Большой Во возьмет большую лопату и станет грести ею деньги. Большие деньги. Шампунь, майки и кепки? Такой и на труссы лейблы повесит, и на пипифакс, и даже на Унитазы Для Будущих Спасителей.

Ложементы, возня где-то вне поля зрения, и вдруг наступила пугающая тишина. Никакой вибрации, да ее и не было с самого начала. Прав Большой Во — без искусственной ломки ничем не разыграть комедию. Тут же слышу голос в динамике. Я знаю, его слышат вместе со мной и миллионы людей, столпившихся у общественных экранов и всех-всех телевизоров мира.

— Сталкер, как чувствуете себя?

— Нормально, — говорю, а у самого горло перехватывает. Как буду смотреть в глаза этим миллионам, когда шоу закончится?

— Экипаж, вы готовы?

— Первая готова, второй готов, третья готова, четвертый готов...

Чередование мальчик-девочка придумал Большой Во. Он много чего такого придумал. Помимо индуски в экипаже есть кореянка, полька, испанка, афроангличанка и типичная миссис Британия — та самая Дрейк, наверняка прапраправнучка знаменитого пирата. За деньги готова лететь в компании с геем и его другом. Полный интернационал.

Наш позывной — Пионеры. Рука так и тянулась пощупать — где же алый треугольник на шее?

— Пионеры готовы, — докладываю зачем-то.

— Пошел отсчет, — зачем-то говорят в ответ. — Десять, девять, восемь...

— Поехали!

Это не Юрий Алексеевич придумал, это единственное печатное, что можно сказать, сидя на острие огромного носителя. А у американцев челноки крепятся сбоку, поэтому там «поехали» не говорят.

Сразу же срабатывают инъекторы, и я говорю вслух: «Вашу мать!» — а дальше еще похлестче. Большой Во как-нибудь выкрутится, представит как некую пикантную деталь. И я могу быть уверенным: все, что я сказал после «поехали», в точности, с сохранением семантики и в идиоматической обработке, переведут на все земные языки. Ну, может быть, в некоторых странах не переведут и не озвучат, а потом тамошние Гоблины все равно постараются. Большой Во признался, что у него уже и со студией Гоблина договор, со всеми Гоблинами мира. На распространение пиратской версии с тем, что мы успеем наговорить за время шоу. Заранее представляю, как будут приветствовать первый камень, неудачно подвернувшийся под ногу, первые семьдесят пять попыток надеть скафандры в экстренном режиме, и все такое прочее.

Меня корчило и корежило. Рядом стонали цыплята. На удивление, девочкам было легче, не иначе, дозу для них уменьшили. Потом потянуло блевать. Всех. Но нужно было держаться. Забрызганный изнутри скафандр — не лучший кадр для шоу. А скоро и условная невесомость. Как нам изображать свободный полет того, что нами исторгнуто? Играть, как в младших классах, в бяку?

На этот случай имелся другой укол. Понижение рвотного рефлекса с одновременной нейтрализацией ломки. Плавали, знаем. Шестнадцать раз репетировали в студии. И к нам в иллюминаторы заглянули звезды. Почти как настоящие.

— Сталкер, вышли на орбиту! Как подъем?

— Супер, — отвечаю. — Век не забуду.

Тут прямо передо мной проплыл в воздухе маленький картонный кружок. Сбоку к нему была прицеплена тончайшая нить, неразличимая при съемке. Разрешающая способность видеокамер в кабине и их светочувствительность специально настроены, чтобы не передавать такую мелочь. Зачем? Плывет себе и плывет... Рядом с цыплятами то-

же запорхали разные штучки. Незакрепленный блокнот и ручка к нему, симпатичный плюшевый мишка с олимпийскими кольцами на поясе.

— Ой, какой хорошенький! — подала реплику индуска.

— Это вам сюрприз. На счастье. Где только не побывал наш Потапыч. Космический долгожитель, между прочим. А заодно — индикатор невесомости.

Хорош индикатор. Сразу на двух нитях. Но цыплята — молодцы, фирму не сдавали.

— Как хочется самой полетать! — опять она.

— На обратном пути, миссис. Когда вас будут встречать.

Две недели тянулись целую вечность. Если бы за стеной кабины был настоящий космос, а в кабине — настоящая невесомость, нам было бы легче. А так — сплошная тяготица. Лежим, ходим под себя. Когда Большой Во разрешает, — ну кто будет две недели подряд наблюдать по телевизору, как мы жуем сопли? — тогда встаем, сбрасываем фиксирующие повязки, вылазим из скафандров и идем осваивать помещения. Это не модуль, а только часть его. Вернее, имитация части. Модуль в это же время тянут мощными тягачами подальше от береговой линии в глубь материка Антарктида, к выбранной десятикилометровой пропелсине.

На случай, если вдруг начнется буран, у Большого Во в рукаве спрятана система оттаивания, заранее смонтированная в грунте. Мы сидим в модуле, картинка в иллюминаторах, само собой, другая, без снега. Зрителям говорят про пылевую марсианскую бурю, и снаружи будто сыпет песок. Когда периметр очищен и высушен, — все автоматически, четыреста киловатт растопят двухметровые сугробы, утверждал Марлинг, — мы выходим и как ни в чем не бывало катаемся на «марсоходах». Для борьбы с голубым небом существуют светофильтры.

Такие перспективы, а пока лежим и лежим, конца и края двум неделям не наступает. Хотя и встаем для разминки, но от пролежней и бездействия полный привет, и хочется скакать по горным кручам тонкорунной овцой. Скорее бы анабиозирование!

Момент, когда тело оплели цепкими микрокатетерами и впрыснули под кожу положенное количество специально выведенных водорослей, я не помню. Всем зрителям, наблюдающим шоу, каждый этап разъясняли, что называется, на пальцах. Две недели — период адаптации. Как видите, это нудно, тяжело, будто прикованным к больничной койке, но ничего страшного, а главное — безопасно. Теперь — стадия

анабиоцита. Обратите внимание на реакцию Пионеров. А что там обр-ращать? Никакой реакции. Анабиоцит проводят во сне. Вот я заснул, а вот проснулся. Ложкой снег мешая, спит Луна большая... Привет, Антарктида!

— Вставай, сталкер, — разбудил меня забытый голос из прошлой жизни. Кажется, Большой Ли? Или — Великий Брюс? Не помню.

Боже, как ломит тело. Я дважды проходил анабиоцит в студии, на-ходясь под пристальным взглядом камер, но никогда не чувствовал се-бя таким разбитым после пробуждения. И что это? Кажется, у меня... Бог ты мой! Я вспомнил, как его зовут! Большой Во! Во Марлинг! Га-лактическое шоу!

— Вик, ты слышишь меня?

— Слышу, но не вв...жж... — слова вязнут, во рту будто побывали все кошки с помоек Мехико (самый большой, кажется, город), мысли путаются и прыгают — с одного на другое. Хреновая водоросль, что ли, попалась?

— Вик, ты лучший. Ты самый лучший. А я вовсе не бог, разве что твой архангел. Картинка появится через четыре минуты. А пока слу-шай меня внимательно и вникай. Первая новость — хорошая. Мы на-учились делать корабли, уничтожающие невесомость...

— Большой Во! Ты самая большая сволочь... Если ты скажешь то, о чем я сейчас думаю...

Ах черт, хоть бы стакан воды. А еще лучше стакан водки!

— Вторая хорошая новость: где-то поблизости от вас, насколько близко — не знаю, это определишь по радиомаяку, там находится большой грузовой контейнер. Его доставили почти год назад, и в нем есть все, чтобы продержаться хоть десять лет. Третья хорошая новость: десять лет не потребуется. Уже пошло финансирование, и размороже-на программа создания мега-челнока, планетарного извозчика. Так что года через два или три...

— Сволочь! Скотина! Убийца! Ты и все остальные!

Я вился ужом, пытаюсь выползти из скафандра. Я был змеей, кото-рая разучилась сбрасывать кожу. Змеей без рук, без ног. Они стали не-подъемными гириями, прикрепленными к торсу. Я шептал, думая, что могу кричать, но для меня этот шепот был равносильен баритону Зевса.

— Сволочь Во Марлинг... — и не было слез, ведь змеи не плачут.

— Вик, не время. Позже выясним отношения. Под твоим ложемен-том — регенерационный массажер, скоро он примется за работу. Ребят

пока не трогай, только когда сам сможешь встать на ноги. Первой разбудишь Серую Мышку. Ее зовут Вики, и это не производное от Виктория, как ты думал. На самом деле она — пилот ВВС, летчик-истребитель... Это твоя единственная помощница, которая знала все с самого начала.

— Поэтому вы вышвырнули ирландку?

— Нет, не поэтому. Девушка задавала чересчур умные вопросы...

— Еще тогда, вначале, все цыплята готовы были лететь на Марс, и только двенадцати счастливчикам раскрыли правду. Почему бы не проделать это еще раз? От радости они будут прыгать до потолка!

— Первые три-четыре дня, может быть. Потом задумаются, начнут взвешивать все за и против. А потом их психика станет просто неуправляемой. И все полетит к черту. Я знаю, о чем говорю. Это не только мое мнение, Вик. Заставь человека пройти по двадцатисантиметровой полосе, нарисованной на асфальте, он сделает это безукоризненно. Пустит его над пропастью по такому же брусу, он сорвется и упадет. Это никакая не надпсихология. Самая обычная, человеческая... Двустороннее движение фантазии: от вас — к телезрителям. И мы вовсе не зря отобрали самых...

— Самых тупых?

— Неправда! Скажем, простачков без достаточного кругозора, чтобы понять, что происходит на самом деле. Угадай, кого на Земле больше — философов, ученых или простых людей, измороженных своей работой? Но зато крепких в физическом отношении, с толстыми нервными волокнами, без всяких исканий и творческих бессонниц. В этом их величие, Вик. Без них, упорно тянущих лямку цивилизации, ничего бы не было. Так кто должен колонизировать Марс?

— Теория золотого миллиарда... А потом на готовенькое примчится и элита человечества. У кого нервные волокна тоньше...

— Этого мы с тобой не увидим. А что до ирландки — она неплохо, как выяснилось, разбиралась и в геологии, и в астрономии. Выйдешь наружу, сам поймешь, что я имею в виду.

— Но все же они не олигофрены, они нормальные, полноценные люди, просто мало читали и не то смотрели, много ли знаний в комиксах и киносериалах! Так что? Неужели не поймут?

— А вот это и есть единственная плохая новость. Ты должен будешь подарить им алмазные шпору и охапку платиновых шпаг. Ты понимаешь меня, Вик?

— Но...

— Это единственная для них возможность выжить. Не бояться. Идти над пропастью, а думать, что идут по асфальту. Верить в то, что, пусть неблизко, пусть в полутысяче километров, но стоят наготове вертолеты, прогревают моторы вездеходы и спасатели несут вахту, чтобы не пропустить призыв о помощи. С модулем ведется интерактивная связь. Когда совсем прижмет, твои цыплята смогут пообщаться с мнимыми исследователями станции «Восток-4». Мнимой станции. Есть и другие ухищрения. Дохлый тюлень, которого в замороженном виде доставили вместе с контейнером. Робот-марсоход перетащит труп стоимостью в сотни миллионов поближе к модулю по твоей команде. Будут еще сюрпризы.

Подо мной мелко вздрогнул ложемент и пошел вибрировать, оживляя ток крови по зацветшим водорослями венам, как гоняют волны по заросшему пруду. Через несколько минут появилась картинка. Я остался при своем мнении, поэтому тут же попытался плюнуть в эту ставшую ненавистной рожу. Не получилось. Слюноотделение пошло только через пять минут. Еще через полчаса я смог пошевелить рукой, и сразу же потянулся к щекам. Так и есть. Борода! Я зарос до самых глаз.

— Да, Вик. Сначала тебе и Вики придется побыть брадобреями. Еще она поможет сделать эпиляцию девушкам, пока они спят. Иначе вопросы пойдут раньше, чем мы предполагаем. И это будут очень трудные вопросы. Гоняй их, Вик, до седьмого пота. Если нужно, врежь кому-то по морде, чтобы боялись. Это разрешается. Только сначала предупреди меня. Интерактив никто не отменял. Не забудь про задержку в передаче сигнала. Все-таки между нами восемьдесят миллионов километров, и расстояние будет увеличиваться. Но ты лучший. И у тебя получится.

— И все это из-за каких-то паршивых ста тысяч? Нет... Сколько там накапает за три года?

— Я знал, что ты согласишься! Пять миллионов тебя устроит?

С такой же легкостью он мог пообещать мне и пятьсот миллионов, но с другой стороны — разве у меня есть выбор? Выбора не было. Только надежда. Сколько бы миллионов мне ни пообещали, расчет строился на другом. Я не смогу бросить цыплят! Проклятье на мою голову! И немножко — на голову Экзюпери...

— Пять миллионов, Вик, — донеслось через четыре положенных минуты. — Плюс вселенская слава покорителя Марса. Скажи честно, разве мечтал ты, подыхая от жажды в пустыне Гоби или в песках Саха-

ры, что когда-нибудь побываешь на Марсе? А в модуле у тебя достаточно воды и кислорода, любимые твои отбивные... Как видишь, эта работа еще и оплачивается. Надеюсь, ты не будешь требовать ответа на вопрос — кто убил Кеннеди? Я знаю, не будешь. Значит, осваивайся. Скорейшего тебе восстановления сил. Что скажешь, Вик?

Он не улыбался. Он даже был по-человечески взволнован, я имею в виду — по-настоящему взволнован, не актерствуя. Он ждал очень важного ответа. И я его, кажется, нашел...

— Шоу должно продолжаться...

Они не боялись. До хрипоты, до посинения готовы были спорить со мной, но — не боялись. Потому что я перестал быть Сталкером, теперь я не меньше чем апостол Петр, потому что у меня — ключи. Психология действительно великая наука. Даже индуска стала выглядеть намного привлекательней, как только я узнал о ней правду.

— Здравствуй, Виктор Афдеефф, — были ее первые слова после пробуждения. — Никогда не прощу тебе ирландку!

О, Господи! Не успели Адам с Евой посмотреть, что у них за игрушки под листиками, и сразу пошли интриги. Шерше ля фам! Теперь уже и на Марсе. И я отправил ее брить бороды и ноги.

Прав, на все сто прав Большой Во! Знание — великая сила. Но есть кое-что посильнее. Например, незнание. И мне придется день за днем дарить цыплятам алмазные шпоры, а они в это обязаны верить.

— Какого черта, Вик? Разве в Антарктиде бывает ветер с песком? Еле успели убраться!

Это еще вопрос из простых. А как я целую неделю бился, чтобы убедить в нормальности здешней силы притяжения! Как разглагольствовал о причинах очередного абсурда, — подумаешь, Солнце стало маленьким! Мы же на полюсе, а тут все не как у людей...

Теперь я должен был мямлить что-то про глобальное потепление, а Вики якобы приняла запоздалое сообщение с «Востока-4», даже успела его записать. Что-то про катаклизмы, про перемещение циклона из Сахары прямо к нам, на плато. Вроде бы пока выкручиваемся.

— Ну ладно, циклон так циклон. А мы вот тюленя нашли. Правда, он какой-то оранжевый, как и все в этой Антарктиде. Завтра попробуем подстрелить альбатроса, я видел одного над горизонтом. Не веришь?

Бог в помощь, ребята! Конечно, верю! Я тоже с вами пойду.

Н И Л Э Ш Е Р

ТИХО МОЛВИЛ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

БОРМОКРЯК

Погруженная в неведомые порочные фантазии Тамира любовно проверила дисплеи своего карабина «оптек». То, что за этим последовало, для меня происходило как в кошмарном сне, с замедленной неотвратимостью катастрофы. Тамира поднесла приклад к плечу, старательно прицелилась и единственный раз нажала на спуск. Чендерье шмякнуло спиной о скалу, и он покатился сквозь заросли вниз, в белую воду потока.

Некоторые существа становятся легендой вопреки тому, что доказано: они мало отличаются от прочих, несомненно, прозаических видов. На Земле лев ведет смертный бой с единорогом, старый мудрый слон никогда ничего не забывает, а благородные киты поют в пучинах призрачные баллады. Эти побеги антропоморфизма кормятся и правдой, и ложью и со временем прочно внедряются в культуру человечества. На Мирали, где я провел последний десяток лет, самый крупный автохтон ничего подобного не удостоился, что вовсе не удивительно для создания, имя которому — четвероногий дерьмод, или чендерье. Зато слухи, будто в миральских диких чащобах поселилось нечто иное, не имеющее ни малейшего права здесь обитать, раскочегарили мифопотребляющие моторы человеческого сознания и привели на планету охотников.

На узких, одетых зеленью пиках не было никаких признаков чендерье. Стая появилась лишь после того, как я пришвартовал дирижабль к «зубу» над горизонтальным уступом, годным для установки палаток-«пузырей». Мои пассажиры мигом приметили, что уступ использовали уже не раз и причалом мне служило железное кольцо, глубоко вделанное в камень... но, с другой стороны, среди здешних крутых склонов, утесов и стремнин место для стаянки — редкость.

Покинув борт дирижабля, Толан вскоре приблизился к краю площадки, чтобы опробовать одноразовую видеокамеру. Эту штуку с указательный палец величиной он нацелил на местность, а сам уставился в наладонник, зажатый в другой руке. Толан выгрузил из гондолы целый ящик таких «добавочных глаз охотника» с намерением разместить их в удобных точках или вывесить на шнуре в заполненные дымкой «карманы». Он подозвал меня. Тамира и Андерс тоже подошли.

— Вот. — Толан мотнул головой, указывая вниз.

По неммыслимому ландшафту, находя, за что ухватиться в гуще буйной вертикальной растительности, и перемещаясь с бесстрашием

пауков на стене, пробирались семь чендерье. Обескураживающе похожие на обезьян, ростом приблизительно с человека и четвероногие; все конечности завершались кистью с восемью длинными цепкими пальцами. А вот головы чендерье ничем не напоминали людские: маленькие, насекомьи, вроде комариных, но с двумя фанфарами хоботов.

— С ними хлопот не будет, верно? — спросила Тамира, сестра Толана.

Я успел прийти к выводу, что она редкостная ксенофобка, но, разумеется, нетерпимость такого сорта мало отражалась на их забаве: инопланетные твари, которых выискивали мои клиенты, обычно относились к разновидности «темечко скушу, мозги высосу».

— Нет, если их не тревожить, — отозвался Толан. Он потыкал большим пальцем в боковые кнопки наладонника и, увеличив изображение, перевел камеру в режим инфракрасной, а потом ультразвуковой съемки.

— Я ничем не подгружалась, — созналась Андерс, личный помощник Толана. — Они травоядные?

— Всеядные, — сообщил я. — Лопают что-то из зелени, которую вы видите, и разнообразят меню рапанами-каменками и осьмишлепами.

— Ах, конечно, рапанами-каменками и осьмишлепами! — хмыкнула Андерс.

Я показал ей витую раковину моллюска, прилепившуюся к широким листьям под уступом.

Андерс кивнула, потом повторила:

— Осьмишлепы?..

— Ну да: смахивают на осьминогов, живут в воде, но при необходимости способны шлепать по суше. — Я покосился на Тамиру и добавил: — Самые крупные из них не больше вашей ладони.

Я еще не раскусил эту троицу. Брат с сестрой вместе охотились, полагались друг на друга, но, похоже, горели взаимной ненавистью. Андерс, про которую я сперва думал, что она спит с Толаном, всегонавсего занималась устройством его дел. Вероятно, соглашаться на эту работу можно было, только разобравшись, что у них к чему, — тогда Тамира не сделала бы тот самый выстрел.

В непригодном для дыхания воздухе разлился горячий химический запах, исходящий от карабина. Должно быть, столь примитивным огнестрельным оружием брат с сестрой пользовались, чтобы

придать охоте остроты. Я растерялся. Толан шагнул вперед и, прежде чем Тамира успела уничтожить еще одно из этих созданий, толкнул ствол ее карабина.

— Глупо, — заметил он.

— Они тебя пугают? — кокетливо спросила Тамира.

Я поднес руку к горлу, пощупал, на месте ли клапан (мне вдруг стало нечем дышать), но оттуда в бронхи по-прежнему сочился ручеек кислорода. Сказать, что у меня возникло нехорошее чувство относительно происходящего, значило бы сильно смягчить впечатление.

— А знаете, она сейчас не просто подвергла нас всех опасности, но и совершила преступление, — небрежно бросил я, когда Толан отошел от сестры.

— Преступление? — переспросил он.

— Она только что убила разумное существо класса С. Если ИИ из егерской службы это обнаружат и сумеют доказать, что ваша сестра была в курсе до того, как спустить курок, ей крышка. Впрочем, главная проблема в другом. — Я оглядел семерку, теперь шестерку, чендерье. Похоже, они никак не могли взять в толк, отчего их полку убыло. — Надеюсь, обойдется без нападения, но не худо бы подежурить.

Толан уставился на меня и сунул камеру в карман. Я развернулся и пошел обратно. Зачем я согласился доставить этих скучающих *аристос* сюда, поохотиться на мифического миральского бормокряка? Деньги. Те, кому их хватает на уютную жизнь без забот, сильно недооценивают звонкую монету как источник мотивации. Толан платил мне достаточно, чтобы полностью погасить долг за дирижабль и предотвратить визит некоего хищника, настроенного взыскать проценты по займу путем принудительного изъятия донорских органов. Осталось бы и на переустройство квартиры в цитадели: тогда я мог бы сдавать ее на время своих отлучек. Я широко использовал доступные церебральные подгрузки и потому много знал о миральской биосфере, но личный опыт — совсем иной коленкор. Мне еще предстояло усвоить и узнать прорву всего. Впрочем, я твердо верил: шансов найти здесь бормокряка у меня практически нет.

— Она просто хотела привлечь к себе внимание, — произнесла у моего плеча Андерс.

— Будем надеяться, не слишком успешно.

Поглядев на дирижабль, я прикинул, не улизнуть ли от этой троицы и не завалиться ли спать до утра. Сегодня нам точно ничего уже не успеть — исполинское синее солнце садилось, вгрызаясь в край планеты.

— Вы должны ее извинить. Первые двадцать лет жизни Тамира для своего отца не существовала и теперь с лихвой восполняет былой недостаток внимания.

Андерс с первых минут подкатывалась ко мне, и я задался вопросом, какую игру затеяла эта богатая стерва, хотя, чтобы получить ответ, пришлось бы потерять бдительность, а этого мне делать не хотелось. В ней всего было в избытке: привлекательности, ума, образования — от одного ее присутствия у меня начинало екать в животе. Не женщина — погибель.

— Извинить? Ну нет, — отозвался я. — Всего лишь терпеть.

И направился к легированному трапу, спущенному из гондолы дирижабля.

— Почему их прозвали «дерьмоедами»? — спросила Андерс, увязываясь со мной. Ей определенно было известно, откуда взялось именько «чендерье».

— Они жрут не только рапан-каменок и осьмишлепов, но и помет сородичей. Пропускают его через второй желудочно-кишечный тракт.

Андерс поморщилась.

Я добавил:

— Но без всякого удовольствия.

— Вы ведь не доложите о том, что случилось, правда? — сказала она.

— Интересно, как?.. Он запретил брать с собой средства связи, которые можно засечь.

Я постарался скрыть озабоченность. Толан не хотел, чтобы миральские ИИ дознались, что, собственно, он замыслил, а потому лично обеспечил всю электронику защитой от слежения. Я мало-помалу начинал задумываться, не выйдет ли нынешняя вылазка мне бокком.

— То есть там у вас никакой связи нет? — Андерс показала на дирижабль.

— Да не стану я стучать. — И я поднялся по трапу, жалея, что нельзя безнаказанно втянуть его за собой. И что так жестко придерживаюсь буквы договора.

В межзрак, когда солнце уходит на строго противоположную от вас сторону планеты, на Мирали воцаряется крошечная чернота. Межзрак сменяет пятичасовую синь и длится около трех часов, предвзя следующие пять часов сини — сумерек, которые представляют со-

бой не день и не ночь, а лишь результат отражения солнечного света от суборбитального пылевого облака. Короче, именно в межзрачок меня разбудили вопли и выстрелы. К тому времени как я приладил на место баллон с кислородом и ссыпался по трапу, все уже закончилось; окрестности заливал яркий свет переносных прожекторов.

— Да, вы предупреждали, — злобно фыркнул Толан.

Я подошел к разодранной, пустой палатке Тамиры. Крови не было — да и откуда, ведь чендерье жутко боятся причинить замене вред. Я бросил беглый взгляд на Андерс. Та изучала наладонник.

— Она жива, — Андерс подняла голову. — Должно быть, пользовалась не палаточным, а индивидуальным запасом кислорода. Надо сейчас же идти за ней.

— Штурм-каркасы в межзрачок? — осведомился я.

— У нас есть приборы ночного видения. — Она посмотрела на меня так, словно лишь сейчас поняла, до чего я туп.

— Да хоть кошки и совы... Жить надоело?

— Извольте объяснить, — с угрозой в голосе предложил Толан.

— Вы уломали меня поехать сюда проводником. План был такой: устроить базовый лагерь и обследовать окрестности на предмет следов бормокряка. С помощью штурм-каркасов.

— Верно...

— Ну так вот: штурм-каркасы здесь обеспечивают безопасность только днем.

— Я рассчитывал на объяснение.

— Объясняю. — Я протянул руку, снял с колышка прожектор, отошел к краю площадки и, направив луч вниз, выхватил из темноты всплески копошения на заросшей скале.

— Осьмишлепы, — узнала Андерс. — И что?

Я повернулся к Толану.

— Ночью они перебираются в новые водоемы, а поскольку медлительны, развили защиту. Стоит чему-нибудь габаритному приблизиться, и осьмишлепы принимаются метать острые иглы. Убить не убьют, зато вы чертовски отчетливо поймете, задело вас или нет, и если вы не запаслись бронеодеждой...

— Но как же Тамира? — перебила Андерс.

— Некоторое время чендерье будут ее опекать.

— Некоторое? — переспросил Толан.

— Поначалу с ней станут обращаться, как с детенышем, заменившим убитого, — пояснил я. — Направлять ее, подхватывать, если сорвется. Потом им это надоест — малютки-чендерье обучаются очень

быстро. Если завтра до первой ночной сини мы их не догоним, считайте, Тамира сломала шею.

— Когда это кончится? — Толан кивком указал на бурную деятельность осьмишлепов.

— В полусинь.

— Тогда и пойдем.

Штурм-каркас — спортивное производное от военных экзоскелетов. Сам каркас — рама — поддерживает тело. Спина опирается на позвоночник, точно стальной плоский червь-паразит. От нее вдоль рук и ног расходятся металлические «кости». На тыльной стороне ладоней и лодыжек огромными пауками растопырились зубья вчетверо длиннее человеческой кисти. Каждый «палец» — альпинистский крюк, запрограммированный на поиск расщелин и трещин в скальной стенке, по которой идет подъем. В целом «штурмовик» сильнее, проворнее и чувствительнее человека. Если пожелаете, он выполнит за вас всю работу. И наоборот, можно вывести его в нейтральный режим, сложить крючья сзади и от начала до конца проделать восхождение самостоятельно; каркас в этом случае активируется только для спасения.

Я заметил, что и Андерс, и Толан включили свои штурм-каркасы примерно на треть поддержки — почти как я сам. Уложив в рюкзаки палатки-«пузыри» и снаряжение, с кислородными баллонами и катализными блоками на поясах они первыми покинули уступ. Штурм-каркас Тамиры — рабски покорный сверкающий остов — карабкался следом. Я оглянулся на дирижабль, соображая, не лучше ли взять да и вернуться на борт. И ушел за край.

Свет разгорался, осьмишлепы пускали пузыри на дне луж, и мы шли с приличной скоростью. Правда, потом, когда пришлось сойти ниже, чтобы не потерять след чендерье, возникли небольшие трудности. Хотя наша тройка перемещалась на трети поддержки, через несколько часов мы запыхались — внизу приходилось не столько заниматься скалолазанием, сколько продираться сквозь густые заросли. Я заметил, что катализный блок с трудом успевает расщеплять атмосферный CO_2 и заполнять два плоских баллона у меня на поясе.

— До Тамиры восемьдесят километров, — вдруг сказала Андерс. — Такими темпами нам ее не догнать.

— Врубить две трети поддержки, — распорядился Толан.

Мы повиновались, и вскоре наши штурм-каркасы рассекали чашу и одолевали каменные кручи с нечеловеческой стремительностью.

На меня напала лень — я казался себе мешком плоти, подвешенным к трудыге-«штурмовику». Зато мы быстро покрыли пресловутые восемьдесят километров и, когда солнце выскочило из-за горизонта, далеко впереди заметили чендерье — вынырнув из неожиданной тени в долинах, они карабкались в гору. Их вновь было семь: создания, которые похитили убийцу своего сородича, по ошибке приняв ее за чендерье, помогали идти Тамире.

— Зачем они это? — спросила Андерс, когда мы одолевали отвесный обрыв.

— Что «это»?

— Крадут людей, лишь бы остаться всемером.

— Я слышал три объяснения: самое благоприятное для выживания число; семь чендерье — залог успешного спаривания; зачаток примитивной религии.

— И какое, по-вашему, верно?

— Вероятно, в каждом есть доля истины.

Расстояние между нами сокращалось, и я услышал, как Тамира всхлипывает — от ужаса, предельной усталости и жалости к себе. Все шесть чендерье ошивались возле нее: настырно подталкивали вперед, ловили ступни Тамиры, стоило ей поскользнуться, хватали за руки и пристраивали ладони на более надежные опоры. Ее темно-зеленый, тесно облегающий комбинезон был заляпан чем-то желтым, желеобразным; меня охватило отвращение при мысли о том, что еще ей пришлось вынести. Тамиру пытались кормить.

Метрах в двадцати от них, на семидесятиградусном откосе, мы остановились и присмотрелись. Тамиру, ни на минуту не оставляя в покое, гнали туда, где склон сперва вставал отвесно, потом уходил за вертикаль.

— Наши действия? — спросил Толан.

— Ее нужно забрать, пока их не понесло вон туда, — я ткнул пальцем в гибельные просторы, раскинувшиеся перед чендерье. — Одна ошибка, и... — я указал вниз. Там, полускрытые напозавшим от близкого водопада туманом, из подлеска вкривь и вкось торчали каменные глыбы. Я умолчал о том, что, несмотря на маячок (который, судя по всему, у Тамиры все-таки был), отыскать тело вряд ли удастся. — Протянем к ней шнур. Андерс поработает якорем. Для этого ей придется забраться наверх, и пожалуй, лучше бы с Тамириным штурм-каркасом. Вы спуститесь по склону, чтобы подхватить Тамиру, если что-нибудь не заладится и она сорвется. Я пойду к ним со шнуром и обвязкой.

— Вам это, конечно, не впервой? — полюбопытствовала Андерс.

— А вам? — парировал я.

Толан подхватил:

— Похоже, вы большой дока по этой части.

— Обычные сведения из планетарного справочника, только и всего.

— Хорошо, будь по-вашему, — смирился Толан.

Я давно заметил у каждого из троицы на поясе навороченную альпинистскую катушку моноволокна. Андерс включила свою. Начал разматываться шнур толщиной с веревку. На выходе его облепляла металлизированная оболочка. Я взялся за кольцо, которым оканчивался шнур, и прицепил к нему обвязку из тканой ленты — ее Толан извлек откуда-то из многочисленных карманов своего рюкзака.

— Готовы? — спросил я.

Они кивнули. Толан полез вниз по склону, Андерс отправилась наверх. Оставалось, минуя чендерье, подобраться к Тамире и впихнуть ее в обвязку.

Когда я приблизился, эти создания наконец спохватились, и насекомьи головы резко развернулись ко мне. Запульсировали хоботки, словно чендерье принюхивались.

— Тамира... Тамира!

Она вскинула голову: лицо и губы перемазаны желтой жижей.

— На помощь!

— У меня тут шнур и обвязка, — сообщил я, но едва ли она поняла.

Нас с Тамирой разделяло около трех метров, когда чендерье, пристраивавший ее ступню на толстый корень, росший поперек обрыва, внезапно обернулся и двинулся ко мне. Громыхнул «оптек», и в нефритово-зеленом торсе существа раскрылся, как взорвался, желто-красный цветок — выходное отверстие раны.

Чендерье вздохнул, обмяк, но устоял: восьмипалые кисти запутались в зелени. Остальные чендерье бросились вниз, к более надежным опорам, и приникли к камню.

— Какого хрена!

— Обвязку на нее надень, быстро! — рявкнул Толан.

Я не мешкая снялся с места — не столько в силу приказа, сколько не желая, чтобы Толан продолжил расстрел чендерье. Тамира сначала была вялой и словно спала, но потом до нее стало доходить. Управившись с обвязкой, я отстранился.

— Андерс!

Андерс определенно все видела, поскольку пронизывавший зеленый шнур туго натянулся и Тамира поехала наверх, подальше от чендерье, которые теперь озадаченно выставили хоботки в сторону второго погибшего. Летел оранжевый снег сдираемой со шнура оболочки. Я вытянул руку, с силой толкнул мертвого чендерье — раз, другой, — и он закувыркался вниз по склону. Остальные заторопились вдогонку. Толан, косясь на меня, двинулся куда-то вбок. Я показал на ближайшую гору с плоской вершиной, где мы все могли бы собраться.

— Есть, держу! — крикнула Андерс.

Я поглядел. Андерс надевала на Тамиру штурм-каркас. «Сюда!» — махнул я в направлении горки. Через несколько минут мы в полном составе сгрудились на островке ровного камня и наблюдали, как пять уцелевших чендерье внизу перехватили сородича, поняли, что тот мертв, вновь отпустили и теперь снова, словно осы у потревоженного гнезда.

— Нужно вернуться к дирижаблю, а как быстро — решайте сами.

Никто не ответил: этот самый миг Тамира выбрала для того, чтобы ее шумно вывернуло. Столь омерзительно не воняла даже размазанная по всему ее телу студенистая желтая дрянь.

— Что это она? — спросила Андерс.

— Ее накормили, — пояснил я.

Тут и Андерс позеленела.

Наконец Тамира села, выпростала из штурм-каркаса руки, уставилась на брата и протянула ладонь. Толан скинул рюкзак, вынул оттуда Тамирин карабин и вернул хозяйке. Она выстрелила, не меняя положения, сидя, и на далеком склоне чендерье кубарем скатился к отвесному обрыву, затем ухнул в пропасть.

— Послушайте, нельзя...

Дуло Толанова «оптека» смотрело прямо мне в лоб.

— Нам можно, — заверил он.

Я прикусил язык. Тамира тем временем высмотрела уцелевших чендерье и одного за другим отправила в окутанное туманом речное ущелье. Лишь тогда мы вернулись в свой лагерь на уступе.

Снова синь — но я определенно созрел для сна и возмутился, когда гондола дирижабля затряслась. Кто-то поднялся по трапу и прошел по внешнему мостику. Вскоре герметичная дверь открылась, и внутрь влезла Андерс. От меня не укрылось, что она с некоторым изумлением отметила превращение пассажирского салона в жилой отсек. Устроив-

шись в кресле пилота в кокпите, я прихлебывал виски, взгромоздив ноги на панель. Андерс отключила подачу кислорода, попробовала воздух в кабине и уселась на угол складной койки лицом ко мне.

— Противно? — спросила она.

Я пожал плечами, стараясь не суетиться. То, что творилось внизу, меня не тревожило. В отличие от ее присутствия в гондоле.

Она продолжала:

— Напрасно! Инцест давным-давно не приводит к тем последствиям, как когда-то. Все генетические изъяны исправляют внутриутробно...

— Разве я сказал, что мне противно? Противно, наверное, вам — иначе с чего бы вы здесь оказались?

Она скорчила гримаску.

— М-м... уж очень они шумят.

— Уверен, это ненадолго, — утешил я. — Скоро вернетесь в свою палатку.

— Не больно-то вы радушны, а?

— Обыкновенная осмотрительность... Известно, как вы развлекаетесь.

— «Вы»?

— Скучающие богачи.

— Я личный помощник Толана. Наемный работник.

Я сидел и бесился, прямо лопался от злости: она, конечно же, говорила чистую правду. Незачем равнять ее с Толаном и его сестрицей. Если честно, Андерс и я — одного поля ягоды. И она только что играючи пробила брешь в моей обороне.

— Выпить не хотите? — спросил я. Во рту у меня пересохло.

Я ожидал взрыва праведного негодования. Отказа. Но Андерс была более зрелой, более опасной.

— Да. Хочу. — С этими словами она расстегнула швы-липучки на сапогах и скинула обувь. Потом отсоединила от клапана на горле воздухопровод, намотала на баллон, сняла баллон с крючка на поясе и поставила на пол. Я выгробся из кресла и налил гостье виски, добавив льда из недавно установленного холодильничка.

— Красота, — вздохнула Андерс, принимая стакан. Когда я хотел пройти мимо нее обратно в кокпит, в кресло, она ухватила меня за локоть и усадила рядом.

— Кстати, — вспомнил я, — если мы не донесем о сегодняшних приключениях, то попадем в сообщники. А это пахнет перековкой. Даже промывкой мозгов.

— Вы гетеро? — спросила она.

Я кивнул. Андерс уперлась ладонью мне в грудь и толкнула на постель. Я покорно улегся. Она поднялась и, глядя на меня сверху вниз, осушила стакан. Потом расстегнула брюки, упавшие к ногам, сбросила их и в рубашке и крохотных трусиках забралась на меня и оседлала.

— Между прочим, твое молчание обойдется Толану очень дорого. В любом случае.

Я понимал, с Толана станется заплатить за мое молчание вовсе не мне. И решил, что стоит задать Андерс перцу за напоминание. Сказано — сделано.

Обессиленные, мы проспали до новой сени.

Тамира возжаждала трофеев. Ей требовались две головы чендерье, чтобы, по-хитрому законсервировав, водрузить их на столбы ворот при въезде в ее с Толаном владения на Земле. К исходу утренней сени мы позавтракали сухим пайком и были готовы отправиться в путь. Я решил: бессмысленно втолковывать этим людям, чем карается добыча разумных существ класса «С» на сувениры. Брат и сестра до того зарвались, что это преступление казалось сравнительно мелким.

— Надо обсудить мое вознаграждение, — заметил я.

— Похоже, кое-что ему уже обломилось, — подала голос Тамира, изучая Андерс.

Толан метнул в сестру неприязненный взгляд и вновь повернулся ко мне.

— Умножьте исходное предложение на десять. И молчок!

— Все, что добудете, поедет в вашем барахле, — предупредил я.

Меня изумляла их надменность. Не исключено, что они выйдут сухими из воды — это мы узнаем довольно скоро, вернувшись в цитадель, — но одного из семерки, вероятно, вел какой-нибудь беспилотник, и, когда чендерье погиб, камеры спутника зарегистрировали это событие. Для себя я усматривал такую возможность: заявить, будто носил личину преступника из страха за свою жизнь и только до тех пор, пока не оказался в безопасности. С другой стороны, если здешние подвиги сойдут этой парочке с рук, отчего бы и мне не поживиться?

Пока шли сборы, я сверился с картой в своем компе, ввел наши координаты и проложил новый маршрут, легче позавчерашнего. Толан категорически воспретил любой вид спутниковой связи, но приборчик не позволял сбиться с курса. Ориентируясь по солнцу,

по собственному углу возвышения, по времени и считывая напряженность магнитного поля Мирали, он безупречно воспроизводил свое положение на карте, которую я загрузил из планетарного атласа-справочника.

Мы спустились за кромку обрыва. Осьмишлепы плескались и хлопали в озерах, землю заливало солнце, синее, словно пламя сварочной горелки. На сей раз мы двигались не спеша, на трети поддержки, останавливаясь перекусить и отдышаться. На привале я продемонстрировал, как на походной плитке варят каменок в раковинах, но лишь Толан изъявил готовность попробовать мясо. Наверное, хотел подчеркнуть свою мужественность. По дороге я привлек внимание спутников к цветению паучьей лозы: ее ядовито-красные мужские цветки в поисках желтых женских цветков-растрепок взмывали в воздух. Это растение и опыляющие его насекомые во имя взаимовыгодного сосуществования вышли далеко за рамки известных на Земле симбиозов. Когда осьмишлепы заморгали в вечерней сини выпуклыми студенистыми глазами, высовывая из маленьких водоемов в скалах купола голов, мы наконец установили на сорокаградусном склоне «пузыри».

Андерс соединила свою палатку с моей; Толан и Тамира в нескольких метрах от нас поступили так же. Они, несомненно, и спальные мешки состыковали по нашему примеру. Секс в палатке, закрепленной на косогоре, когда даже спальник причален сквозь матерчатое дно к камню, оказался слегка сумбурным. В межмрак меня разбудил чей-то голос, невнятно бубнивший бессмыслицу: «глыбр трепльхрап» и «ляп грублор номп». Огласившие утреннюю синь крики и стоны Толана я отнес на счет их с сестрицей любовных игр. Но, выдергивая поутру из ткани палатки шипы осьмишлепов, увидел на шке у Толана пластырь.

— Что случилось?

— Сдуру высунул башку наружу, — ответил он.

— Чем обработали?

— Унибиотиком и анталлергенами.

— Тогда порядок.

Жаль, я не додумался спросить, зачем ему понадобилось вылезать из палатки и ползать в темноте. То, что я решил, будто странный голос в межмраке мне приснился, никак не повлияло на ход событий.

Новый день всего несколько часов как начался, а мы успели добраться до глыбы с плоской макушкой, откуда Тамира безжалостно расправилась с последними чендерье. Изучив местность в подзорную

трубу, я понял: ослепленный треволнениями предыдущего визита сюда, я упустил, насколько в действительности опасна эта зона. Самые пологие склоны здесь были семидесятиградусными, а в прорезавших массив зазубренного камня речных долинах и ущельях почти повсюду вровень с краями ворочался зыбкий туман. В общем, хуже некуда, со штурм-каркасами или без них.

— По идее, они лежат вон там, — Толан опустил подзорную трубу и показал на довольно широкое ущелье, затянутое туманом. На дне ущелья ревел поток.

— Если не смыло, — заметил я.

Толан невозмутимо продолжал:

— Начнем оттуда, откуда они падали. Вдруг хоть кто-то застрял в деревьях.

Мы пропутешествовали вниз, перебрались через невысокий гребень и поднялись на длинный склон, с которого спасали Тамиру. Я двинулся наискось, срезая угол, Андерс — за мной, а Тамира и Толан направились поверху к тому месту, где вчера перебили чендерье, хотя зачем их туда понесло, я понятия не имел — ведь мы собственными глазами наблюдали все падения. Андерс была надо мной, когда я полез на каменный горбатый завиток у плеча скалы, думая высмотреть в зелени чендерье. Я напряженно вглядывался в дымку. Вдруг Андерс пронзительно вскрикнула и в следующий миг (я едва успел обернуться на звук и вогнать крючья в камень) чебурахнулась на меня. Мы загремели с обрыва. Наполовину выпавшая из своего каркаса, Андерс отчаянно обхватила меня за шею. Я посмотрел наверх: нас удерживали на весу два пальца моего «штурмовика». Каркас Андерс — собственность Толана и Тамиры — превратился в мертвый груз. Я перевел взгляд выше и понял, в чем дело.

Брат и сестра спускались к нам, торопливо, но молча, без ободряющих окриков «держитесь!». Пожалуй, это им нужно от нас меньше всего, смекнул я. Толан, должно быть, дико разочарован: мы с Андерс в одной палатке; переруби швартов — и оба свидетеля гибнут в результате несчастного случая... но плюющиеся шипами моллюски помешали ему сделать свое грязное дело. Я вынес свободный «коготь» вперед, надежно ухватил Андерс за пояс и с маху вогнал ножные крючья в утес.

— Снимай каркас.

Андерс в замешательстве воззрилась на меня, потом на склон, и, по-моему, картинка для нее сложилась. Я держал; Андерс между тем проворно отстегнула крепления своего «штурмовика», грудные —

в последнюю очередь. Каркас полетел в туман — огромный хромированный паук... дохлый.

— Хорошо, теперь перекайтесь ко мне на спину и плотно прижмись.

Она одним движением перекатилась. По-прежнему на трети поддержки (любое повышение мощности — и скорость движения штурмкаркаса не дала бы Андерс удержаться) я начал спуск со скалы в туман. Первая пуля отскочила от камня у моего лица. Вторая ударила возле ладони, и Андерс тотчас всхрипнула по-звериному. Что-то теплое тонкой струйкой полилось по моей шее, и хватка Андерс ослабла.

Река бурлила в тумане, протискиваясь среди косых валунов. Мне удалось добраться до одной из таких едва различимых глыб за мгновение до того, как Андерс, теряя сознание, окончательно разжала руки. Я уложил ее на камень и осмотрел повреждение. Рикошет зацепил скулу, пропахав бороздку к виску. Как всякая рана головы, она обильно кровоточила, но при надлежащей санобработке смертью не грозила. Однако сейчас возня с медицинскими комплектами (они были у нас обоих) казалась самоубийством. Сверху, искаженное туманом, долетало бормотание Тамиры и Толана. Потом, ниже и ближе к реке, чей-то другой голос сказал:

— Шабра тапуль. Нуд локок окер.

Это было все равно что, спрятавшись от взломщика в шкафу, услышать над ухом зловещее ворчание. Тревожимый вечным, неугодным движением реки, туман узкими длинными стягами скользил по воздуху, являя и скрывая. В пяти метрах под нашей глыбой на прибрежной гальке враскоряку сидело существо; его голова приходилась вровень с моей. Андерс застонала, и я живо зажал ей рот ладонью. Существо напоминало пирамиду; две из трех пар передних конечностей, сложенные, умиротворенно покоились на выпирающей нижней части торса. Черная когтистая лаписта сжимала останки чендерье. «Указательным» когтем другой лапы существо выковыривало из белой, словно усаженной колючками остролиста, обкладки своего утиного клюва застрявшую кость. Под куполообразным черепом сверкала тиара зеленых глаз.

— Хрям да пульга, — заявило оно, извлекая и выбрасывая кость.

Осознание того, что трупы чендерье привлекли сюда бормокряка, ничуть не утешало. Я безотчетно пригнулся и съежился в надежде, что он меня не видит, а если увидит, я покажусь ему не столь аппетитным. Опустив трясущиеся руки, я принялся отматывать моново-

локно с катушки на поясе Андерс. Проклятая машинка показалась мне невероятно шумной, а оранжевый цвет шнура — нестерпимо ярким. Отмотав достаточно, чтобы обвязаться для страховки, я расстегнул лямки рюкзака Андерс и избавил ее от этой обузы. Теперь, бережно спустив Андерс к дальнему краю валуна, я мог вместе с ней скрыться из поля зрения бормокряка... но тогда угодил бы в листву и наверняка наделал бы шуму. Я решил не мудрствуя взвалить Андерс на плечо и поживее убраться. Но тут в спинную опору моего штурм-каркаса шарахнула пуля, и я распластался ничком.

Переворачиваясь на спину, я поглядел на бормокряка. И покрылся гусиной кожей. Он исчез! Нечто столь огромное не имело права двигаться так прытко и бесшумно. Улегшись навзничь, я немедленно нашел взглядом Толана и его сестрицу. Они спускались со скалы. Мой штурм-каркас казался тяжелым, мертвым, каким скоро стану я сам, но вопрос о том, срзат меня пуля или размелет кошмарный ключ, оставался открытым.

Парочка затормозила в нескольких метрах над нами и, вонзив крючья в камень за спиной, освободила руки, чтобы спокойно целиться из «оптеков». Из тумана что-то вылетело, шлепнулось о камень над Тамирой и упало. Тамира взвизгнула: между ней и скалой застряли кишки и окровавленная плоть — полусъеденный труп чендерье. На дальнем краю каменной глыбы в мареве обозначился бормокряк. Он выпрямился во весь свой немалый рост и вытянул лапу длиной метра три, не меньше. Лезвия когтей выбили из рук Тамиры ружье; оно, вращаясь, улетело прочь и царапнуло по камню с противным звуком, как нож по фарфору. Толан очередью разрядил карабин в бормокряка, но пули с глухим чпоканьем отскакивали, не причиняя и тени вреда. Я сграбастал Андерс в охапку и покатился к краю, не забывая, куда придется падать. Мы провалились сквозь путаницу ветвей в расселину и застряли. Освободиться удалось, когда я отстегнул ремни своего штурм-каркаса и зашвырнул вперед рюкзак.

— Жабер грабер жабер! — обвиняюще взревел бормокряк.

— О боже, о боже, о боже! — Тамира.

Новые выстрелы — Толан.

Издевательское «грябль!».

— Еще встретимся, гад!

Не знаю, кому он это крикнул — бормокряку или мне.

В нижней части расселины скопилась вода — более чем достаточно, чтобы заполнить очистной баллон и промыть рану Андерс, преж-

де чем наложить повязку. Я воспользовался мини-диагностом из медкомплекта и ввел лекарства, которые прибор синтезировал, сообщаясь с характером повреждений. Андерс сразу задышала свободнее и порозовела. Тем не менее положение было аховое. Над нами бродил бормокряк, изредка отпуская себе под нос бессмысленные замечания по поводу происходящего. Чуть погодя — я ломал голову над тем, как бы поставить палатку — небо над расселиной загородил темный силуэт.

— Быркль жабер прись? — осведомился бормокряк и, недовольный моим гробовым молчанием, пошарил в расселине. Ему удалось дотянуться лишь до каменного гребня, где застрял мой штурм-каркас. Бормокряк, словно бы в задумчивом нетерпении, постучал передним когтем по скале и убрал лапу.

— Грябль, — постановил он и удалился.

Лингвисты, загрузившие в свои умы тысячи языков, определенно отчаялись понять бормокряков. Болтовня этих существ бессвязна, но удручающе близка к осмысленности. Им незачем развивать сложный речевой аппарат, тем паче для общения с собратьями, ибо по большому счету эти создания — отшельники и беседуют сами с собой. Сходятся они исключительно ради спаривания, или драки, или и того, и другого. Носить под черепом структуры, способные оперировать языками повышенной сложности, им тоже ни к чему. Две трети своего объемистого мозга бормокряки, похоже, не задействуют вовсе.

Вогнав в края расселины по крюку с резьбой, я вскоре умудрился растянуть поперек нее палатку. Жесткий материал пола выдерживал наш вес, как гамак, даже несмотря на ужимки, ценой которых удалось упаковать Андерс в спальник. Когда она наконец была надежно устроена, я обнаружил, что наступила вечерняя синь. Прихватив мощный фонарь, я исследовал расселину и выяснил, как ее оконечности восходят к поверхности. Затем опасность (в топкой грязи на дне завозились осьмишлепы) загнала меня в «пузырь». Ночь не принесла ничего хорошего. Палатку атаковали сушие орды осьмишлепов, и я забеспокоился, как бы не рухнуть под их тяжестью. Вдобавок здесь, под туманом, было темным-темно. Не рассветало целую вечность, а когда рассвет наступил, Андерс очнулась.

— Они пытались убить нас, — сказала она, ополоснув пересохший рот очищенной водой.

— Кто бы сомневался.

— Где мы сейчас?

— В дыре.

Она уставилась на меня, и я обрисовал положение.

— Как же отсюда выбраться? — в конце концов спросила она.

— Мы оба остались без «штурмовиков», но кислородные баллоны и катализные блоки при нас. Зря я не послал Толана с его чушью насчет «неотслеживаемой электроники» куда подальше. — Я на секунду задумался. — Что с твоим наладонником? Через него нельзя обозначиться?

— Комп хозяйский, как и мой каркас. Сейчас его наверняка уже отрубили. Даже сумей мы до него добраться... — Она задрала голову. Ее рюкзак лежал на бормокряковом валуне.

— А-а.

Андерс пригляделась ко мне.

— У тебя правда нет никакой возможности связаться с цитаделью?

— Даже с дирижабля. Ты же видела наш с Толаном контракт. Я ничего не рискнул протащить с собой — субчик, похоже, из тех, кто отказывается платить из-за любого нарушения договора.

— И что теперь? — спросила она.

— Это во многом зависит от Толана с Тамирой... и от тебя.

— От меня?

— Надо полагать, как ценный сотрудник ты тоже получила имплантант? — Андерс мигом скисла. Я продолжал: — Думаю, эта парочка вернется. На дирижабле. Останемся на одном месте — они примутся палить по твоему имплантанту. Дадим тягу — все равно сядут нам на хвост. Придется залечь под туманом, тише воды, ниже травы, и уповать на то, что пуля — дура. Беда в другом: для нашего здешнего приятеля мы вполне сгодимся на закуску.

— Ну брось меня... возвращайся один. За границами этой зоны им не так-то просто будет тебя найти.

— Это нужно было сказать, — согласился я. — А теперь вернемся к тому, как выбраться отсюда.

Заново упаковав палатку и спальник, мы перебрались в конец расщелины, узкий, но открывающий более легкий доступ к поверхности. К галечным берегам наклонно нисходила голая и скользкая глыба. Над нами маячил край плиты, с которой мы сюда скатились, а за ним, исчезая в тумане, вставала стена камня — по ней я карабкался позавчера. Это зрелище заставило меня прочувствовать, в каком глубоком дерьме мы засели. До цитадели было две с лишним сотни ки-

лометров. Нашу скорость передвижения я оценивал в несколько километров в день... может, чуть больше. Такое путешествие вполне можно пережить. Сведения из атласа-справочника, которые я себе загрузил, содержали перечень того, что годилось в пищу, а нехватка воды нам не грозила по определению. Пока катализные блоки работали, и никто из нас не упал...

— Соорудим из твоего шнура связку метра четыре, чтоб осталось пространство для маневра. Я пойду первым.

— Думаешь, спокойно можно вылезти? — спросила Андерс.

— Да нет... но и куковать здесь толку мало.

Андерс стравила отрезок шнура и взяла катушку на стопор; я пристегнул кольцо, которым оканчивался шнур, к петле сзади у себя на поясе и вскарабкался к краю плиты. Забрался наверх и возликовал — рюкзак Андерс лежал там, где я его бросил. Еще меня порадовало, что Андерс поднялась своим ходом; если бы мне всю дорогу приходилось помогать ей, расчетное время пути удвоилось бы. Андерс накинула лямки рюкзака на плечи, затянула ремешок на животе, и мы направились к круче, заросшей настоящим вертикальным лесом. Прежде чем мы осмелились вторгнуться в эту чашу, я достал наладонник и проложил оптимальный маршрут, который привел бы нас обратно в цитадель, позволяя показываться из дымки лишь на отдельных редких кряжах. Поднимаясь в зарослях по утесу, я не мог избавиться от ощущения, что за нами кто-то следит, огромный и опасный, и что теперь он идет за нами.

Первый день не задался. Виновато было не только крайнее физическое напряжение: постоянный тусклый свет под туманом истощал волю и наводил мрачное уныние. Я знал, сегодня Тамира и Толан до нас не доберутся, но отдавал себе отчет в том, что если ночь они проведут в пути, то к завтрашней утренней сини вернутся — на дирижабле. Правда, они обязательно будут делать привалы. Отдыхать. Они, конечно же, понимают, что всегда успеют найти и прикончить нас.

После захода солнца Андерс поставила на сорокаградусном склоне одну палатку-«пузырь», места для второй не нашлось. Я занялся сбором каменок: их вокруг обнаружилось видимо-невидимо. У нас оставался сухой паек, но я решил, что грех не урвать от этого изобилия — второй такой случай может не представиться. Заодно я нарвал женских цветков паучьей лозы и в развилках костыльника — липких бутонов. Приступая к варке ракушек, я в глубине души ждал от Андерс протестов, но ошибся. Моллюски напоминали жесткую рыбу,

паучья лоза — привядший, чуть сладковатый латук, бутоны же не шли ни в какое сравнение с земной едой, ибо такой несусветной отравы у нас не сыскать. По-видимому, это было сбалансированное питание. Я спрятал плитку и следом за Андерс забрался в «пузырь», аккуратно когда ветки вокруг зашевелились. Сквозь листву ползли полчища крупных бородавчатых осьмишлепов неизвестной мне, а значит, редкой разновидности. Иначе я что-нибудь знал бы о ней из общей базы планетарного атласа.

С утра я поднялся не в духе; вдобавок крепления объединенных спальников (на этом склоне они не давали нам очутиться на дне мешка) натерли мне кожу. Андерс тоже не искрилась весельем. Наверное, в том, что мы ели накануне, не хватало глюкозы: умяв за упаковкой снаряжения по брикету сухого пайка, мы в два счета почувствовали себя гораздо лучше. А может, виноват был какой-нибудь порожденный туманом аналог зимней депрессии.

На втором часу марш-броска идти стало не в пример легче и куда опаснее. Густая растительность на крутых утесах здорово замедляла продвижение, зато могла сыграть роль страховочной сетки. Сейчас мы резво пересекали плешивые склоны чуть круче того, где Андерс ночью ставила палатку. Оступившись здесь, мы, разгоняясь, скатились бы вниз, на еще более обрывистый склон, а то и к провалу, и под занавес сверзились в какую-нибудь сырую, каменистую выгребную яму. Шли мы, по-моему, на большей высоте, чем накануне; туман поредел. Издалека донесся скорбный голос бормокряка:

— Пузлышиш... топлытоплы, — взывал он, возможно, стараясь приманить очередной харч.

Я чертыхнулся, потому что невольно ускорил шаг, поскользнулся и чуть не съехал вниз, да, к счастью, успел удержаться.

— Тише ты, — охнула Андерс.

Я рассчитывал единственно на то, что здешний рельеф отпугнет проклятую тварь... но особой уверенности почему-то не чувствовал. В этом создании мне чудилось нечто без пяти минут сверхъестественное. Пока я не увидел паршивца воочию, я в него не верил, считая миральского бормокряка выдумкой вроде земных русалок и кентавров.

В середине дня по камню вокруг нас зашелкали первые «оптековские» пули, а наверху проплыла тень дирижабля. Меня вдруг обуяла беспечность. Я понял: при любом раскладе нам не жить, и эта уверенность освободила меня от всякой ответственности перед собой и грядущим.

- Промазал, козел! — гаркнул я.
- Виноват, исправлюсь! — долетел из поднебесья крик Толана.
- Не дразни его, — прошипела Андерс.
- Почему? А то он попробует нас убить? — огрызнулся я.

При всем при том я выбрал новый маршрут, уводивший глубже в туман. Вдогонку нам стреляли, но я решил, что шансы схлопотать пулю ничтожны. Должно быть, Толан пришел к тому же выводу: вскоре стрельба прекратилась. Под прикрытием более густых зарослей мы остановились перевести дух; я включил наладонник и чуть не заплакал: за полтора дня мы не прошли и трех километров. Это в общем и целом соответствовало истине и тем не менее удручало. Дальше — больше: впереди между двумя кручами я заметил кряж, на который нам обязательно надо было подняться, чтобы не сбиться с курса. Другая дорога означала крюк в десятки километров. Кряж наверняка выступал из тумана. Толан, конечно же, обнаружил его на своей электронной карте.

- Что теперь? — спросила Андерс.
- Поглядим. Может, там найдется какое-нибудь прикрытие.
- Видль хапль, — пробубнил в глубинах тумана бормокряк.
- За нами чешет, дрянь, — прошептал я.

Андерс молча кивнула.

Затем из марева нагрянула новая беда.

Я плохо понимал, что на краткие мгновения выныривает из дымки в соседнем ущелье. Вдруг зависший на тонком, но чрезвычайно прочном тросе силуэт стал узнаваемым. Я смотрел на четырехлапый якорь дирижабля. К каждой лапе клейкой лентой была примотана одноразовая видеокамера. Мы подхватились и вновь устремились к гребню. Я впопыхах просчитал возможность без помех перебраться через него. Ей-богу, умора!

— У него... там... инфракрасные... — пропыхтел я между судорожными глотками воздуха.

Склон прямо перед нами накрыло грохочущим залпом, словно по скале выпустили полную пятидесятизарядную «оптековскую» обойму.

— Понятно... ему не узнать... какая камера... куда... смотрит... — прибавил я.

Сквозь вертикальные джунгли, отскакивая от веток, пролетела осветительная ракета, и стрельба возобновилась — как ни странно, по прежнему участку. Я вновь мельком увидел якорь, дальше от нас и выше. Толан с сестрой неважнецки управлялись с дирижаблем —

это вам не какой-нибудь гравикар с автопилотом. Вскоре мы увидели останки выбранной ими мишени: старого чендерье, чересчур дряхлого, чтобы поспевать за своей семеркой; его, вероятно, заменил детеныш из нового выводка. Чендерье висел на кривом волокнистом суку костыльного дерева. «Оптековские» пули пробили в его теле рваные дыры.

Мы забрались выше прежнего — откос набирал крутизну, — внезапно очутились у четкого верхнего края горизонтальной чаши костыльника и ходко двинулись вперед, перешагивая со ствола на ствол, спиной к отвесному камню. Через сто метров началось подлинное восхождение, через трещину к менее суровому склону. Я стер стопы; икры и бедра зверски ныли. Непрерывная ходьба по таким кручам подвергала щиколотки и ступни нагрузкам, к которым они определенно не привыкли. Мне стало любопытно, сколько в местных условиях продержатся мои сапоги и перчатки (прочные, из моноволоконных материалов, применяемых войками... но ведь постоянное трение о камень доконает что угодно). Суток сто? Кого я хочу обмануть?

В разгар дня мы очутились на склоне, который, огибая одну из вершин, плавно переходил в подъем к кряжу. Заглянув в наладонник, я увидел, что кряж вроде бы отделен от горы желобом. Я предъявил карту Андерс:

— Вот и укрытие.

Андерс непонимающе остановила на мне взгляд: ее глаза были обведены темными кругами. Потом мы, не сговариваясь, обернулись и внимательно всмотрелись в туман и опрокинутые леса. Там, внизу, шумно двигалось что-то очень большое и грузное, хрустели стволы костыльника. В чаще под нами дождем осыпались сломанные ветки и оборванная листва.

— Потопали...

Задор во мне иссяк. Я вымотался не меньше Андерс. Мы подошли к желобу, изобиловавшему удобными для подъема выбоинами и неровностями, но скользкому от слизи. Медленно, осторожно мы двинулись сквозь редешую дымку в гору. Потом где-то позади и выше нас повис на тросе якорь дирижабля, похожий на чугунную люстру.

— Сюрприз! — проорала сверху Тамира.

Туман мало-помалу расступался, и слева на миг открылся неясный абрис шишковатой вершины. Над ней, лениво вращая винтами, чтобы не снесло дующим с кряжа ветром, парил мой дирижабль. Толан и Тамира стояли на мостике. Оба вооруженные, и я готов был поклясться, что даже отсюда различал их ухмылки. Я выругался

и ткнулся лбом в осклизлый камень. До кряжа оставалось около десяти метров чистого воздуха и столько же, наверное, ждало на другой стороне. Двигаться с должной скоростью — быстрее мчащейся пули — мы никак не могли. Я опять задрал голову. Чтоб вас! Валяться в ногах, униженно выклянчивать что-то в последнюю минуту? Дудки! Я повернулся к Андерс.

— Айда наверх. Не останавливаться.

Она деревянно кивнула, и я возглавил шествие. Пуля угодила в камень прямо передо мной и со свистом ушла в желоб. Господа резвились. Я поднял взгляд к небу: дирижабль боком дрейфовал к горе.

Тогда-то я и увидел это.

Там развевалась лапа. Возникшее у меня ощущение неправомерности проистекало, вероятно, из того факта, что на ней было невообразимо много суставов. Трехпалая кисть с черными изогнутыми когтями сомкнулась на якоре дирижабля и потянула. Восседавший на вершине бормокряк напоминал чудовищное дитя с игрушечным аэростатом на веревочке.

— Хапль да локок, — промолвил он.

Перегнувшись через ограждение мостика, Толан стрелял в монстра. Тамира жалась к внешней стене гондолы и пискляво скулила. Бормокряк дернул за якорь, и Толан перелетел через поручни. Его истошный крик захлебнулся: страшилище поймало Толана одной из многочисленных лап. Карабин бормокряк выдернул и выкинул, как пластмассовую шпажку из бутерброда, а Толана отправил в клюв.

— Не замирай! — пихнула меня в спину Андерс.

— Он использовал нас как приманку, чтобы добраться до них, — сказал я.

— А теперь мы ему без надобности.

Я пошел дальше, сосредоточенный на том, за что цепляюсь, но соznая, что бормокряк надумал покинуть свой насест. Мы очутились на кряже. Я заглянул за гребень — опять туман, опять кручи. Я повернул голову: бормокряк плавно сходил вниз, в марево. На буксире он вел дирижабль с голосящей Тамирой и, запрокинув голову, одной лапой заталкивал Толана поглубже в клюв. В следующий миг бормокряк как будто бы озлился и оторвал брыкающемуся Толану ноги, а остальное сожрал. Затем туман поглотил чудовище, а вскоре и дирижабль. Причитания Тамиры перешли в долгий страдальческий вопль. Потом послышался хруст.

— Мы на очереди, — сказала Андерс, не сводя глаз с колышущегося тумана, и опять подтолкнула меня вперед.

Здесь у нас шансов не было — я это знал.

— Какого черта?..

Я сунул ей кольцо на соединявшем нас шнуре.

— Смотри.

Она включила моторчик; к ее ногам просыпались оранжевые хлопья оболочки. Я покосился на Андерс и увидел бесстрастное согласие с тем, что наконец бросаю ее. Из тумана рывками надвинулся громадный силуэт. Я припустил вдоль края. Меня гнали догадка, надежда, азарт — то, от чего порой зависит жизнь.

Якорь обдирает листву с верхушек костыльника, а отпущенный бормокряком дирижабль, полегчавший на двух человек, набирает высоту. Сперва я хотел перехватить трос, хотя будь я проклят, если знал в ту минуту, как поднимусь по четырехмиллиметровой жиле. В последний момент я поднажал и прыгнул: на три метра вперед и примерно на столько же вниз. На крыше гондолы правая нога подо мной хрустнула, но я не позволил ей разболеться. Я подполз к краю, перемахнул вниз, на тросы подвески, и в два счета очутился внутри, за герметичной дверью. Первым делом я метнулся к приборной доске, сложил якорь, убрал трос и, уже очутившись в кресле пилота, стравил газ и развернул дирижабль в ту сторону, где ждала Андерс. В считанные минуты она оказалась на мостике, потом в гондоле, и я опять включил газоподполнение. Но мы никуда не полетели.

— О нет... нет! — в свой протест Андерс вложила все ощущение несправедливости происходящего. Я тупо посмотрел на россыпь зеленых глаз, на длинный коготь, который придерживал дирижабль за ограждение мостика, и понял: нас выковырнут из гондолы, как рапану-каменку из ее домика. Вряд ли легированный металл «сигары» окажется большой помехой.

— Грябль. — Бормокряк вдруг убрал коготь с поручней, и дирижабль рванулся вывись. Что за игры? Мы приникли к окнам; посмотрели вниз; молчали, пока не уверились, что вышли за пределы его досягаемости. Молчали и потом.

Напоследок — я помню чертовски точно, и плевать, что ученые свято убеждены, будто это звери как звери — бормокряк нам помаhal.

Перевела с английского
Екатерина АЛЕКСАНДРОВА

С Е Р Г Е Й К У П Р И Я Н О В

КОРОЛЕВА

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

КУБА

Авария, произошедшая на одном паршивом танкере, на много дней заставила замереть жизнь в порту Малютка. Распыленное в припортовом пространстве сверхактивное, обогащенное окислителем топливо не позволяло не только включить двигатели кораблей, чтобы выйти из опасной зоны, но и весьма продолжительное время пользоваться как дальней, так и ближней связью. Не говоря уже о ремонтных и даже погрузочно-разгрузочных работах. Потому что достаточно было малейшей искры, чтобы топливо сдетонировало, а космопорт сначала превратился в плазменное облако, где взрываются корабли, запасы горючего и кислорода, а потом в кучку бессмысленной космической пыли, которой и без того хватает во Вселенной. Возможно, много лет спустя на какую-нибудь из планет упадет кусочек искореженного, оплавленного металла, и новый Ньютон, не успевший вырасти из коротких штанишек, будет рассматривать его, морща юный лоб, в то время как ученые мужи станут продолжать спор о происхождении метеорита.

Другими словами, никого из присутствующих на Малютке такая перспектива не устраивала, поэтому правила безопасности, объявленные в первые же минуты после аварии, стали выполняться со всей строгостью, что не помешало начальнику порта Йорку, за глаза за свирепость называемого Кабаном, ввести усиленное патрулирование всей территории и объявить запрет на выход в открытый космос без его личного на то разрешения, получить которое не представлялось возможным.

В космосе, как известно, нет ни ветров, ни течений, ни приливов с отливами, то есть ничего из того, что могло бы естественным путем очистить загрязненное пространство. Ничего, если не считать инерции движения, с которой разлеталось хлестнувшее из брюха танкера топливо. По расчетам, должно пройти около трех недель, прежде чем взрывоопасное облако покинет территорию порта. За несколько дней до этого можно будет потихоньку начинать чистку конструкций и кораблей сжатым газом, вымывая из всяких потайных мест и с обшивки микрочастицы топлива. Сколько на это может уйти времени — тоже неизвестно. Таким образом, крупный космопорт оказался заблокирован на неопределенное время, что вело к крупным и многочисленным убыткам. Представители страховых компаний в ужасе подсчитывали размеры своих выплат, Кабан закручивал дисциплинарные гайки, а остальной народ по большей части маялся от безделья, если не считать охрану, поваров, барменов и официантов. Вот уж кому приходилось пахать от зари до зари.

Первые трое суток Макс просто блаженствовал, упиваясь бездель-

ем. Спал, смотрел телевизор, читал, ел, снова спал, ходил в бар пропустить сто граммов и пару пива прицепом. Небольшая гравитация — всего в одну четверть — позволяла многие вещи проделывать практически с теми же удобствами, что и на Земле. По крайней мере, напитки не улетали из твоего стакана, а на ночь не нужно привязывать себя к койке, чтобы в результате неосторожного движения не проснуться на потолке.

Кормили в портовой столовой сносно, пиво подавали приличное, фильмотека была богатая, так что несколько дней Макс наслаждался жизнью. Да и чего, казалось бы, нужно обычному судовому механику, большую часть жизни проводящему в состоянии ускорения и постоянных стрессов из-за регулярных поломок оборудования? Покой, только покой.

Лишь на четвертый день Игнатов почувствовал что-то вроде усталости, а по истечении недели еще и нарастающее беспокойство. Так долго предаваться безделью он не привык, да и ежедневные сводки, звучащие по внутренней сети, действовали на нервы. Невольно приходили неприятные мысли о смерти, разлитой прямо за стенами порта, да и вообще становилось как-то тоскливо.

Еще пару дней он провел за компьютером, до одурения раскладывая пасьянсы и играя в шумные стрелялки, сражаясь то с динозаврами, оккупировавшими город, то с засевшими на заводе террористами.

Наверное, он так бы и развлекался до самого окончания заточения, потихоньку сходя с ума, если бы на одном из ужинов не столкнулся с Борей Колядой. Пять лет назад они, можно сказать, сдружились, когда проходили переподготовку на трехмесячных курсах. С тех пор они встречались только однажды и точно так же случайно, после чего бурно отметили это выдающееся событие в баре.

Звонко хлопнув друг друга по рукам, так, что кое-кто из окружающих вздрогнул — угроза возможного взрыва здорово давит на психику, — приятели, решив не изменять традиции, двинули в бар, на ходу обмениваясь новостями.

Там-то, за третьей кружкой в меру холодного пива, Боря и поведал, что на пришвартованном во втором ремдоке «Астронавте Янге» идет большая игра «для своих», а выбор спиртного лучше, чем в этом вонючем баре, и цены божеские.

Если на Малютке азартные игры и проституция были запрещены в принципе, то на внутренние порядки судов, имевших разных владельцев и страны приписки, эти ограничения не распространялись. Другое дело, что Кабан успел эвакуировать все экипажи кораблей, стоявшие на рейде и даже у пирсов, так что в связи с вынесенным им же запретом на перемещения за пределами стен порта попасть на них

стало практически невозможно. Другое дело ремонтный док. Чтобы зайти на стоящий там корабль, даже скафандр не требовался.

В общем, Максу это предложение показалось интересным, хотя он не считал себя азартным человеком. Но скука, скука же! Надо же как-то с ней бороться.

Будь Макс опытнее, он заметил бы нездоровый блеск глаз коллеги и правильно оценил некоторую нервозность, если не сказать дерганость приятеля, избыточные с трудом подавляемый азарт проигравшегося в пух и прах игрока.

Вообще отсутствие опыта, даже обыкновенной практичности частенько подводило Макса. Космические дальнобойщики нередко подрабатывают мелкой контрабандой. Когда только возникла мода на ватанабский каменный шелк, но ввоз его на Землю еще не был разрешен, один ушлый помощник капитана по хозяйственной части нашил из него упаковочных мешков для пищевых контейнеров, заработав на этой поставке хорошие деньги. Но эта история, скорее, из разряда легенд, а то, как второй пилот Вартанян провез целую пригоршню драгоценного камиабского жемчуга непревзойденного небесно-голубого цвета, Макс видел лично. Алик поступил как настоящий стратег, обратил себе на пользу даже собственную болезнь. В последнее время у него побаливал желудок, и судовой врач направил его на обследование в городскую клинику Камиаба. Обнаружив у больного начинающийся гастрит, ему выписали лекарство.

Вартанян, с детства проявлявший себя как натура творческая (в частности, ему очень удавались матерные стишки), при виде белосиних капсул быстренько смекнул, какую они могут принести пользу помимо медикаментозной. Купленные им два десятка уникальных жемчужин аккуратно вошли в капсулы, а вскоре весь экипаж знал, что Алик лечится. У него появилась даже собственная диета. Стоит ли говорить, что его любили.

На Земле таможенник, досматривавший его багаж, едва не лишился чувств от служебного восторга, обнаружив незадекларированный меч коллекционного вида, напоминающий турецкий ятаган, по ножнам и рукояти густо усыпанный камнями и заветными голубыми шариками. Потребовалось не меньше получаса, прежде чем таможенник уяснил, что обнаруженное им холодное оружие в драгоценном исполнении является не чем иным, как грубовато выполненный сувениром, о чем имелась соответствующая справка и фирменный чек из магазина. Однако таможня, не желающая выпускать из рук пойманную добычу, все же провела экспертизу, полностью подтвердившую факт бутафории.

После такого фиаско остальной досмотр был проведен без обычного тщания, и когда Алик в ответ на вопрос о лекарстве выискал в во-

рохе бумаг копию рецепта и чек аптеки, вопросы к нему иссякли, а сам он вскоре обогатился на некоторую сумму.

Еще один пример удачливости в незаконной коммерции явил кок корабля шотландец Пол. Всех подробностей той истории он никогда не рассказывал, но однажды, будучи в сильном подпитии, проболтался, что к нему обратился представитель некоей организации и предложил за хорошее вознаграждение вывезти с планеты Чарли образцы нового, только что разработанного и не то что не поступившего в продажу, но еще и не запатентованного косметического препарата, теперь известного как телепатический грим. Суть в том, что нанесенный на тело, главным образом, на лицо, он может в довольно широком диапазоне менять цвет по желанию хозяина. Скажем, секунду назад губы у твоей подружки были алыми, ты отвернулся — хлоп! — а они уже зеленые. Правда, тогда, на первых этапах, яркость цветопадачи оставляла желать лучшего. Да и с точки зрения санитарной безопасности имелись вопросы.

Осталось за кадром, как тубики с кремом попали на борт, хотя по этому поводу у Макса имелись соображения, главное, как они прошли несколько таможенных досмотров — на самой Чарли, в нескольких промежуточных портах и на Земле. Видно, с творчеством у Пола тоже все оказалось в порядке, потому что он наклеил на стандартные тубы этикетки супа-концентрата, в изрядном количестве имеющегося на камбузе корабля, упаковал их в ящик и «нечаянно» залил его горячим топленым маслом, после чего мало у кого возникало желание в нем шарить.

Словом, у Макса перед глазами имелось достаточно примеров для подражания, причем примеров успешных, и он придумал, как ему казалось, безупречную операцию.

Интеллектуальным толчком для нее послужило внезапное увольнение его соседа по каюте, в одном из портов объявившего капитану, что он покидает борт, так как нашел для себя работенку получше. После него осталось много всяких мелочей вроде разномастных грязных носков или набора голографических фильмов настолько садистского содержания, что Макс их абсолютно не мог смотреть. Надо ли говорить, что некоторое время ушло на то, чтобы все это наследство переправить в утилизатор. Среди прочего оказался еще один предмет, некоторое время вызывавший у Макса искреннее недоумение. Собранный из плотно подогнанных друг к другу деревянных реек, щит служил основой для аляповатой картины на тему Рамаяны. Преувеличенно яркие, контрастные краски, оскаленные физиономии, неестественные театральные позы — на звание художественного произведения полотно размером почти метр на метр никак не тянуло. В утилизатор же оно не

угодило только по причине своих размеров. А чуть позже судьба в лице Макса распорядилась иначе. У него появилась идея.

Нью-Кастилья, куда они доставили большую партию сублимированных продуктов питания, в силу каких-то сугубо политических причин находилась в экономической блокаде, преодолевать которую разрешалось лишь кораблям с гуманитарным грузом на борту, причем объем и состав груза жестко контролировались. Надо ли говорить, что ситуация на этой планетке сложилась аховая. Сельское хозяйство там присутствовало в виде нескольких гидропонных оранжерей, урожай которых не мог в полном объеме обеспечить население продуктами, а производство заключалось в выработке кислорода для своих и чужих нужд, добыче некоторых руд, их первичной переработке и некоторое — небольшое — полукустарное производство на их основе. Все остальное было привозным, что, естественно, делало Нью-Кастилью очень зависимой от внешнего мира, и это, очевидно, не вполне понял кто-то из ее правителей.

Впрочем, Макс не больно-то вникал в причины бедственного положения планеты. Он уяснил для себя главное — на Нью-Кастилье имеется переизбыток драгоценных металлов, которые принимаются у нее только в обмен на продовольствие, медикаменты и промтовары. Другими словами, драгоценностей полно, но девать их катастрофически некуда, и по этой причине они там страшно, фантастически дешевы. За пару крепких ботинок из натуральной кожи и бутылку водки можно выменять массивный золотой перстень грубой работы. Впрочем, наличные тоже охотно принимались.

За неделю, пока шла разгрузка и погрузка, Макс, проявив чудеса предприимчивости, договорился, что ему изготовят металлическую раму для картины. Взамен отдал ящик консервированных сосисок, четыре упаковки пива, коробку сардин в масле, два почти новых комплекта летной формы, карманный спутниковый телефон, расписание пассажирских рейсов в этом секторе и походную установку для дистилляции воды. Через два дня ему вручили аляповатую раму размером семьдесят пять на девяносто сантиметров, покрытую чистой медью. Самое главное заключалось в том, что скрывалось за слоем меди. Семь кило натуральной, почти без примесей, платины. В довесок ему отвалили три кило металлического мусора: кусочки меди, олова, железа, магния, даже золота... Главное требование Макса заключалось в возможно большем разнообразии цветов и оттенков.

На обратном пути Макс все свободное время посвятил творчеству. Урезав эпическое полотно под размер рамы, он начал складывать металлическую мозаику на уже имеющийся сюжет. Все проволочки, шайбочки и даже ножки от микросхем, которые он сумел найти на

борту, шли в дело. Неожиданно самого Макса захватил творческий процесс подбора и приклеивания кусочков металла: никогда еще полет не проходил для него так интересно и насыщенно. Нечего и говорить, что за это время в его каюте перебивал весь экипаж, начиная с капитана. И каждый считал своим долгом внести свою лепту. Кто отсыплет пригоршню мелочи, скопившейся в карманах в разных портах, кто пожертвует молнию со старой куртки, кто подарит старую жестянку из-под леденцов, набор пивных крышечек. На доске красовались как фрагменты автоматных гильз, так и граненые стальные вставки, которыми недавно было модно украшать руль автомобиля на Ираиде. Металлического хлама на корабле оказалось с избытком.

Макс закончил около двух третей картины, когда корабль оказался в распоряжении земной таможни. Стол, на котором стояла картина, был заставлен баночками, коробочками, свертками с металлом, там лежали пучки проволоки, инструменты, тюбики с клеем, напильники, кусачки, самодельная машинка для шлифовки, бутылочка с кислотой, микродрель. Словом, наличествовала сугубо творческая обстановка, подкрепленная хорошо узнаваемым запахом свежеработанного металла.

Таможенник Гейнц, хитрый как черт, поздоровался с порога кивком и мазнул по каюте рыбьим глазом.

— Один? — спросил он, ставя досмотровый ящик на небрежно застланную койку.

— Один, — ответил Макс.

С Гейнцем они были старыми знакомыми, и до сих пор тренировок у них не возникало. На это тоже был расчет.

— Чего так?

— Так получилось.

— Бывает. Декларацию давай.

Продолжая шарить по крохотной каюте снулым взглядом, таможенный инспектор вдруг остановился на картине.

— Это что?

— Рамайна. Понимаешь, это тот самый момент, когда Хануман... — начал было объяснять Макс, но таможенник его оборвал, подавшись к произведению.

— А ну-ка.

Сердце Макса пропустило один удар, после чего упало в мошонку и там замерло. Все...

Но, оказалось, чиновника заинтересовала не картина, а обрезки деревянного щита. Гейнц, натянув на кисть резиновую перчатку, выхватил один и приблизил к глазам. Несколько секунд всматривался

в свежий спил, после чего произнес уставное: «Оставаться на местах».

Страшнее этого может быть только «Вы задержаны по подозрению в контрабанде».

Макс замер. Он ничего не понимал.

Таможенник вскрыл свой ящик, извлек какую-то железку, наподобие инструмента стоматолога, и принялся скрести ею по деревяшке, снимая мельчайшую стружку. Потом в дело пошла лупа, затем, напялив на себя респиратор, инспектор капнул на стружку какой-то гадостью, отчего та закипела.

— Кардавр, — произнес он из-под маски, включая вытяжку на максимум.

— Чего? — не понял Макс.

Кардавр? То есть труп, что ли? Что за фигня?

Гейнц, отступив к двери, устало стянул маску.

— Где ты взял эту дрянь? — спросил он.

— Какую? — потерянно поинтересовался Макс. — Я не понял.

Его колени начали мелко дрожать. Неприятности встали перед ним в полный рост, уж это-то он был в состоянии понять.

— Кардавровое дерево.

— С-случайно, — пробормотал Макс.

Это была одна из распространенных и известных страшилок перевозчиков и таможенников. Кардавровое дерево, или кард, как именуют его профессионалы. Обладающее страшными мутагенными свойствами, оно запрещено к провозу в любой порт на любой планете. Из-за этой дряни закрыты две вполне годные для заселения планеты, а еще правительства вынуждены держать восемь фильтрационных лагерей, на самом деле закрытых зон, где содержатся те, кто прикасался к этой внеземной заразе. Перспективы у Макса нарисовались самые что ни на есть безрадостные.

— Игнатов, твое счастье, что я тебя знаю и что этой доске по меньшей мере сто лет. — Инспектор помолчал, что-то прикидывая про себя. — Короче, так. Рапорт я напишу. На корабле объявляется карантин.

— Мать твою, — схватился Макс за голову. Штрафа от компании не избежать. Вот уж попал так попал!

— Слушай сюда. Сейчас в моем присутствии ты упаковываешь каждую мелочь, — инспектор взглядом обвел крохотное помещение. Я вызываю санитарную группу, и все это в самом быстром темпе погружается в утилизатор, включенный на особый режим. Плюс ты получаешь неделю санкарантина. Пока неделя! До выяснения. И не вздумай хоть что-то затырить. Деньги, часы — все! До последнего шурупа.

— Но откуда? — возопил Макс.

— Не стони. Мне тоже из-за тебя, идиота, в карантине париться. Обойдется — простав с тебя.

Обошлось. За сто лет доска потеряла свои ужасные свойства, а Макс — всего за неделю — желание быстрого обогащения. Комиссия, разобрав обстоятельства дела, признала Игнатова невиновным, хотя и вынесла персональное предупреждение. Макс счел за лучшее не оспаривать вердикт, хотя юрист профсоюза и советовал. Как бы там ни было, а он чувствовал за собой вину. Без нее, как известно, наказания не бывает. Он потерял деньги, свои, кровные, честно заработанные, но расстался и с иллюзией. Кто-то может сказать, что он испугался. Пусть так. Но неделя в спецкарантине кого хочешь излечит.

Так что предложение Бори сыграть пару партий в кости он ни в коем случае не рассматривал как способ внезапно обогатиться. Просто средство от скуки и только. Для себя он заранее определил, что больше чем три сотни на кон не поставит ни в коем случае. Главное в азартных играх — четко определить максимум своего грядущего проигрыша.

Пока шли ко второму ремдоку, Коляда, наклоняясь к его плечу, повествовал детали. «Янг» был зарегистрирован не только как транспортник, но и как филиал торгового дома, к которому приписан. Это позволяло прямо на его борту вести торговлю и оказывать иные услуги, разрешенные уставом фирмы. Поэтому ничего противозаконного в начавшейся на его борту игре нет. Сам капитан держит банк, подтверждая его состоятельность солидной гарантией. Все выплаты — сразу. Никакого обмана. Как в лучших домах.

Когда они оказались в ремонтной зоне, Борис вдруг придержал приятеля за локоть.

— Послушай, Макс, я тут забыл... Не возвращаться же. Ты мне тысачу до утра не ссудишь?

К такой просьбе Макс оказался категорически не готов, поэтому чуть ли не весело ответил: «Без проблем». Сказал и сразу же пожалел. Но слово-то вылетело. Столько наличных у него при себе не было, но на карточке значилось примерно около сорока тысяч, большую часть которых составлял бонус по итогам года. А еще имелся счет в одном из земных банков, отсюда недоступный, но само его наличие позволяло чувствовать себя уверенно.

Поэтому вахтенного, которому Боря делал какие-то знаки, Макс практически проигнорировал. Не с босяком дело имеете! Хотя не исключено, что пиво в баре оказалось несколько крепче, чем можно было бы предположить.

Неприятно поразило присутствие во входном коридоре вооруженного охранника с лейблом «Янг» на правом нагрудном кармане. Он их остановил, заступив дорогу.

— К кому? — не слишком учтиво спросил он.

— Ты чего? — нервно удивился Боря. — Я же только что... Ну? Узнал?

Вооруженный осмотрел их с ног до головы — именно с ног, а не в обратном порядке, — кивнул и освободил проход.

— По коридору прямо и направо вторая дверь.

— Да знаю, — досадливо отмахнулся Борис и потянул Макса на увеличенной скорости. Эта его поспешность начинала раздражать и несколько настораживать. Куда он прется? Надо было хотя бы своего капитана предупредить. Замутил голову.

Макс решил некоторое время воздерживаться от спиртных напитков.

К его удивлению, кают-компания была куда больше, чем на его родном «Великане», хотя сам «Янг» здорово уступал ему в размерах. И обставлена побогаче, прямо сказать, нестандартно.

Не слишком яркий свет с потолка выделял два пятна, два стола, вокруг которых сидели люди. Не слишком много, человек по семь-восемь, и были еще свободные места. А подалее, почти в полумраке, имелась не то барная стойка, не то импровизированный магазин, где тоже стояли и сидели люди.

Большого рассмотреть он не успел, потому что Борис дернул его за рукав. Макс обернулся к нему, и тот с умильной улыбкой показал глазами куда-то в угол. Глянув в ту сторону, он увидел стандартный банкомат. Вот уж чего ему никогда не приходилось встречать на борту торговых кораблей. На пассажирских — пожалуйста, но тут... Век, оказывается, живи и весь отпущенный тебе срок учись.

— Наличными? — почему-то шепотом уточнил Макс.

— Ну а как? Конечно.

Выудив из автомата тысячу и вручив Боре, Макс, поколебавшись, разрешил себе пять сотен. Но только пять, и все!

Ему доводилось играть в кости, поэтому он довольно быстро понял принятую за столом схему. Резались в «четверку». То есть в игре четыре человека и крупье, в обязанности которого входит только фиксировать выпавшие очки и сделанные ставки. Кости бросают в очередь. Первый заход в четыре круга, где очки суммируются. Двое проигравших вылетают, давая возможность разыграть кон двум финалистам, которые, в свою очередь, могут поднимать ставки. Выигрыш достается одному: из этой суммы крупье забирает пять процентов. Понаблюдав за двумя партиями, Макс про себя удивился, почему коллега гово-

рил о том, что выплаты идут без задержки; игра шла на наличные, без всяких фишек, которые используют в казино.

Он хотел было занять место в третьей партии, но его опередил изрядно поддатый толстяк, в котором Макс узнал лицензионного инспектора порта, славившегося крутым нравом.

Больше по привычке держаться подальше от начальства, чем по искреннему интересу, Макс отошел к другому столу, где, судя по репликам, шла азартная игра. Раскрасневшийся Боря бросал новенькие купюры в кучу на столе, задирая ставку.

— Сто и сто сверху.

— Триста, — парировал лысый тип с татуировкой на ухе, в очередь тряся деревянный стаканчик. У него выпало шесть очков.

— Пошло триста, — не стал поднимать ставку офицер с нашивками капитана на рукаве.

Макс, подвинувшись, заглянул в записи крупье. Шел четвертый круг. Если кто-нибудь из игроков еще поднимет ставку, то у Бори не хватит денег продолжить игру.

— Пятьсот, — провозгласил некто в гражданском, словно подслушав его мысли. У него выпало семь.

Боря побледнел. Ему не хватало двух сотен. Рука, потянувшись к стаканчику, замерла. Пальцы вонзились в зеленое сукно.

— Покрытие не трогать! — сурово объявил крупье.

Боря поднял голову, его глаза заматались. Остановившись на лице Макса, замерли. Умильная улыбка расцвела на лице игрока. «Черт с тобой», — подумал Макс и кивнул, доставая из кармана деньги.

— Шестьсот! — выкрикнул просиявший Боря, проворно встряхивая стаканчик.

Ну ничего себе заявочки! Растерявшийся Макс отсчитал три сотни и бросил на стол. Нет уж, все! Больше никаких займов за игровым столом.

— Десять!

Капитан и гражданский — откуда такой взялся в порту? — встали из-за стола, но не ушли, остались досматривать игру.

Крупье раздал игрокам по костяшке. Начинает игру тот, у кого выпадет больше очков. Боре повезло. С тремя очками против двух он начинал первым. Попробовал было еще раз вымолить взглядом денег, но Макс благообразно проигнорировал призыв.

— При своих, — объявил тот, тщательно взбалтывая кости и что-то беззвучно шепча.

— Играем, — напомнил крупье.

И Боря сыграл.

— Одиннадцать!!!

Практически предельная сумма.

— Везет дураку, — пробормотал кто-то за спиной Макса.

Прокатившиеся по сукну кости остановились в позиции три-три. Шесть. Татуированный схватил их, запихнул в стаканчик, резко встряхнул и, выбрасывая, объявил:

— Тысяча!

— Ставка не принята, — солидно, без суеты объявил крупье. — У вас девять.

Интересно, откуда берутся такие спецы на торговом судне?

— Почему не принята? — взревел Борин соперник.

— Ставка была объявлена после взброса костей.

— Как это после? До! Я говорю, до!

— В случае разногласий предлагаю просмотреть видеосъемку. Желаете?

— А то как же! Очень даже желаю.

— Игра прерывается. Прошу внимания.

Крупье, отодвинувшись, показал на стену, которая сразу превратилась в большой экран.

— Обычный режим.

Глядя на показанные крупным планом руки и возглас «Тысяча!», Макс не мог бы с уверенностью утверждать, что произошло раньше — вылет кубиков из игрового стакана или возглас. Конечно, ради Бори (и своих денег) он готов был согласиться с утверждением крупье, но совесть его при этом не осталась бы чистой.

— Достаточно? Или желаете замедленное воспроизведение?

Татуированный набычился; он явно желал, но при этом, очевидно, понял, что спорить дальше бессмысленно.

— Не стоит.

Он встал и направился к бару.

— Ваш выигрыш, — объявил крупье, пододвигая деньги к Боре, при этом ловко выхватив из кучи несколько купюр.

Тот дрожащими пальцами стал уравнивать банкноты в более или менее аккуратную пачку.

Макс хотел было шагнуть к нему, чтобы получить долг, как его тронули за локоть. Рядом с ним стоял стюард в белом, оскалившись улыбкой.

— Желаете что-нибудь выпить?

Вид у него при этом был такой, будто он хотел сказать: «Ежели ты, сволочь, не пьешь и не играешь, то какого хрена ты тут делаешь?»

— Легкого пива.

— Сию минуту.

Когда лакей отвалил и Макс нашел взглядом Борю, тот уже что-

то оживленно обсуждал с человеком в гражданском, недавно вставшим из-за стола. Наверное, это какой-нибудь попутный пассажир; иногда капитаны транспортников брали на свободное место одного-двух человек, не брезгуя дополнительным заработком. Не решившись им мешать, Макс снова усадился на стол, где уже формировалась новая партия, в которой Боря, успев последним, тоже принял участие.

— Ваше пиво, — сказал стюард, на подносе у которого стояла стеклянная кружка, закрытая изящной крышечкой.

— Спасибо.

— Позвольте совет. Из-за малого тяготения пена разлетается, так что рекомендую вам воспользоваться соломинкой, — он взглядом указал на длинный пакетик. — А вставлять вот сюда, — показал он на центр крышки.

— Благодарю.

— Ну что вы! Сыграть нет желания?

— Может быть. Только уж ставки у вас больно круты.

— Это поправимо. Еще что-то?

— Пока ничего.

— Открыть вам кредит?

— Кредит? — удивился Макс. Он наконец высвободил соломинку и уже предвкушал первый глоток. — Зачем?

Стюард глазами показал на запотевшую кружку. Макс достал из кармана свеженькую сотню.

— Вот. И разменяйте там.

— Конечно, сэр.

Он не успел дотопить свое пиво, как уже сидел за игровым столом. Предельная ставка — двадцадка.

Первую, как, впрочем, и вторую партию он проиграл и освободил место, чтобы немного прийти в себя. Да, новичкам не всегда везет. Или не сразу? Он отошел к стене, когда к нему подлетел Боря с горящими глазами.

— Ну как? — азартно спросил он.

— Да так, ничего особенного. А у тебя?

— Прет, как на дрожжах.

— Так, может, рассчитаемся?

— Макс, ну договорились же до утра. И потом во время игры — плохая примета, запомни. Ну, я пошел. Дерзай!

И он дерзнул. Проигрывал, выигрывал. Незаметно планка поднялась до полусотни. В какой-то момент он понял, что карман его катастрофически опустел, и тут ему пошла фишка. Выиграл три игры подряд, одну сдал, потом предел подняли до сотни, и он снова выиграл.

Внутри его колотило от напряжения, он пил бесконечное пиво, но хмель не ударял в голову; заявляли о себе лишь почки.

Дождавшись конца партии (он снова выиграл), собрал деньги, без счета сунул в карман и направился в туалет. Там он заодно и подсчитал выигрыш. Больше двух тысяч! Минус исходные пять сотен — полторы штуки чистого наvara. Нехило скуку развеял.

Умываясь, почувствовал, как горит лицо. Пожалуй, на сегодня довольно. Везенье не может быть бесконечным.

Проходя через кают-компанию, старался даже не смотреть в сторону столов, взглядом обшаривая остальное пространство. Бори не было видно.

— Всегда рады вас видеть, — сладко улыбнулся ему стюард. Кажется, в запале Макс отваливал ему немалые чаевые.

Кивнул и вышел в коридор.

Перед тем как отправиться в каюту, заглянул в бар: чувствовал, что не сумеет заснуть без хорошей порции чего-нибудь крепкого. Когда вернулся к себе, обычно где-то пропадающий сосед храпел, лежа на спине. Этот разящий храп и не до конца погашенное возбуждение долго не давали заснуть. Проснулся, не ощущая себя отдохнувшим. Вяло позавтракал, потолкался по порту, узнавая новости — хороших не было, — и отправился на «Янг».

Через два часа от вчерашнего выигрыша не осталось и следа. И Боря что-то не появлялся. Если бы он принес деньги... Потоптавшись с полчаса у бара, решил и воспользовался услугой банкомата. Следующую тысячу он проиграл за пятнадцать минут.

Выпивая у бара очередной стаканчик, понял, что выбрал неправильную тактику. Вчера, играя по-мелкому, он осторожно делал ставки, не слишком рискуя. Сегодня же, ввязавшись в серьезную игру, и рисковать нужно было по-крупному. Мысль показалась здоровой, и он снял еще пять тысяч. Освободился от них он через полтора часа.

Выпив услужливо поднесенную стюардом порцию, решительно вышел. Можно было бы еще продолжить игру, но он слишком много выпил, чтобы рассуждать разумно. Придя в каюту, он, не раздеваясь, рухнул на койку и проспал часа три.

Весь в поту, с противной сухостью во рту, полностью опустошенный. Надо брать себя в руки. Посмотрел на часы. Однако вечер.

Взяв чистое белье, отправился в душ, потом в столовую. Как ни оглядывался, Бориса так и не увидел. Жадно улетая переваренное мясо, вдруг сообразил, что ему нужно. От нетерпения едва закончил ужин. Нет уж, питаться надо нормально.

— Ты чего такой? — спросила, подсаживаясь к нему с подносом, Эмма, штурман «Великана».

— Какой?

— Взъерошенный.

Кого другого он, может, и послал бы, но Эмме он симпатизировал, если не сказать больше. Она к нему тоже относилась не без приязни. Если бы не разница в служебном положении, то их взаимоотношения можно было бы считать перспективными.

— Да нет, ничего. Просто спал днем.

— Много спишь. Слышал, Кабан вроде бы хочет объявить сухой закон до окончания чрезвычайки?

— С чего бы это? — удивился Макс, про себя подумав, что «Янга» это вряд ли коснется. Вовремя он напал на эту жилу.

— Да некоторые тут уже совсем с ума сходят. Кстати, кэп утром объявляет сбор. Ты в курсе?

— Приду, — пообещал он.

Кажется, на тумбочке в его каюте и вправду лежал какой-то конверт, но он почему-то им не заинтересовался.

— Ладно, пойду я. Приятного аппетита.

— Спасибо.

Теперь ему нужны игральные кости. Такие мелочи обычно свободно продаются в сувенирном киоске — от фирменных наклеек порта и расчесок до журналов с картинками и «магических» четок. Он сунулся в игру, не имея достаточного навыка. Нет, ему, конечно, приходилось трясти стаканом, но когда это было! И главное — совсем в иных условиях. Во-первых, другая сила тяжести. Это очень важно. Во-вторых, он растерял ощущение костей. Во время игры, в азарте, не до этого. Ну и в-третьих, ему необходимо к ним привыкнуть. Ощутить как продолжение себя. Когда-то он увлекался теорией игр, мало что понял, но свел кое-какие знакомства, в результате чего получил больше сведений, чем из сухо написанных книг. Это дело надо чувствовать!

Купив два комплекта, заперся в каюте, вместо зеленого сукна бросив на тумбочку шерстяную фуфайку синего цвета — по фактуре почти то же самое. Бросал кости минут двадцать, после чего — перерыв. Самая эффективная методика. За один сеанс многому не научишься, это факт, но некоторые ощущения приходят, определенная уверенность появляется.

Умом Макс понимал, что профессионально выступать ему рановато, но хотелось кое-что проверить на практике. Например, если положить костяшки в стакан шестерками вниз и не очень сильно встряхнуть пару раз, то в условиях уменьшенной вчетверо силы тяжести вероятность того, что при вбросе выпадут обе шестерки, где-то около семидесяти процентов. Совсем неплохо.

Он поставил себе границу — две тысячи. И никакого спиртного. И еще не зарываться. Тянуть игру, присматриваться. Наверняка не он первый открыл, что при пониженной силе тяжести кубики ведут себя иначе, чем при нормальной. Ведь порт не первый год тут стоит. И «Астронавт Янг» не одну неделю в доке. Вон какие натасканные у них крупье.

Отдохнувший, выпавшийся и сытый, он готов был сыграть аккуратно, но не вышло. Сегодня на «Янге» оказался аншлаг. Играли на вылет. На каждое место очередь в два-три человека. Можно сказать, не протолкнуться. Даже к банкомату очередь. На его глазах приготовили еще один стол. Стюарды носились как наскипидаренные, приставая к каждому вошедшему в кают-компанию. Одного суровый охранник вывел за дверь, крепко придерживая за локоть. Поколебавшись, Макс взял себе пива. Пока до него дошла очередь, выпил почти всю кружку.

Верхняя ставка сто. На сукне перед Максом оказался влажный след чьей-то пятерни.

Он присматривался к чужой манере бросать кости. Носатый в желтом комбинезоне с нашивкой «ТКК» над левым карманом играл с азартом, яростно трясая стакан и далеко от себя отбрасывая кости, раскатывающиеся по всему столу. Ему не везло с самого начала. Он яростно ругался и повышал ставку. Усатый худеньш с нашивками помощника капитана играл расчетливо, бережно встряхивая кости, выкладывая их перед собой и показывая при этом неплохой результат. Здоровый пьяный латинос, украшенный рваным шрамом на подбородке, пытался мухлевать, придерживая кости, но крупье при поддержке публики сразу его осадил, пригрозив вывести с борта.

Первую партию Макс выиграл, хотя особой своей заслуги в том не видел. Разве что некоторая уверенность появилась. Во второй он благоразумно не задирает ставки, так что, проиграв, оставил на столе меньше, чем взял в первой. Народу все прибывало, и соответственно, росли ставки. Кто оказывался не в силах их принять, покидал борт «Янга».

Когда Макс, успевший выпить еще пива, снова сел за стол, минимум назначили сто, максимум — тысячу. По наличным он еще вписывался в игру. Как оказалось, в одну, потому что вылетел в финальном бросе. Пришлось снова покинуть стол.

Поразмыслив за барной стойкой, решил еще раз испытать судьбу, тем более что пространство немного расчистилось; несостоятельных игроков потихоньку выдавили из зала. Ставки еще поднялись, поэтому он выудил из банкомата пять тысяч. В финальной схватке против него, судя по нашивке, стоял капитан «Звезды Эд», совершенно лы-

сый детина, непрерывно жуящий жвачку. До этого он уже взял две игры, и куча купюр перед ним внушала уважение и подогривала азарт.

Им обоим — редкий случай — выпало по семи. Значит, предстоит решающая схватка.

— Предлагаю удвоить ставку, — прогнусавил капитан, пузыря слюни на губах и буравя Макса неподвижным, мертвым взглядом.

— Заведение не возражает, — механическим голосом отчеканил крупье.

Макс лихорадочно прикинул. На кону примерно пятнадцать тысяч. У него в кармане не больше трех. На счету... Трудно сказать, но десятка точно есть. Да больше!

— Не возражаю. Но тогда мне в случае необходимости потребуется пройти к банкомату.

— Вообще-то во время игры вставать запрещено, — прокомментировал крупье, жуя губами. — Но если вы гарантируете выплату...

— Естественно! — возмутился Макс.

Ну что это за недоверие! За кого они его держат?!

— Прошу продолжать игру.

Зрители ахнули, когда у обоих выпало по шести.

— Удаиваю!

— Пошло!

Вокруг стола стояли в два кольца. Даже дышать стало нечем. Стюард, которого выкликнул Макс, едва пробился к нему с кружкой холодного пива.

— Господа! Играем.

Лысый выбросил семь. На его макушке выступили капли пота. Макс попытался подсчитать, сколько же сейчас на кону, но запутался и расчетливо-медленно отпил пива. Пошло!

Первый кубик остановился сразу, явив четверку на верхней грани. Зато второй покатился, отблескивая гранями, никак не находя покоя. Два!

Макс на деревянных ногах пошел к банкомату и снял остатки со своего счета, где были жалкие пять сотен. Вернулся к столу и положил деньги перед крупье.

— В расчете?

— Вполне. Благодарю.

Победивший кэп пил прозрачное белое вино из высокого бокала. Макс почувствовал, что его шатает. Ноги совсем не держат.

— Ну что, — ослабилась лысый. — Матч-реванш?

Макс молча развернулся и пошел к бару, стараясь держать спину. Продул! И ведь всего-то не хватило чуть-чуть. Ему определенно везло. Без всякого сомнения. Согласись он на отыгрыш... Если бы у него ос-

тавались деньги. Так ведь они есть! На Земле, в банке. Если бы только работала связь, ему б немедленно перечислили деньги на карточку. И компания за месяц должна, но это уже копейки.

Бармен, молодой человек в белом, сочувственно посмотрел, наливая ему порцию коньяка, и прошептал:

— За счет заведения. Не расстраивайтесь. Поговорите с родными, успокойтесь.

— Шутим? — резко спросил Макс. Издевательств над собой он не терпел.

— Что вы! — отшатнулся бармен.

— Как это я поговорю?

— Так связь восстановили час назад. Можно пользоваться.

Залпом выпив коньяк — только горло обожгло, — он рванул наружу, к ожившему радиоцентру. Тут тоже оказалась очередь, в которой он заметил Боря, стоявшего почти у самой двери. Вид у него был какой-то... С перепою, что ли?

Макс бросился к нему, хватая за плечо.

— Ты куда пропал? Я тебя жду, понимаешь.

— А-а, Макс! — расцвел тот. — Ты? Я тебя просто потерял.

— Это я тебя потерял! Где мои деньги?

— Твои? А! Ну конечно. Сейчас я хочу оформить перевод, так что завтра утречком...

— На мой счет! — отрезал Макс. — Ты понял? На мой.

— Нет, подожди, это невозможно. Это эксклюзив. Интим, можно сказать. — Он наклонился к уху и яростно зашептал: — Это частные средства, они не могут быть зачислены на твой счет.

— Да мне плевать!

Боря с укоризной посмотрел на него. Даже почти с жалостью. Помолчал.

— Ну, если ты так настаиваешь.

— Настаиваю.

— Никаких возражений. Даже с процентами, если желаешь.

Как раз подошла очередь, и Боря, нежно придерживая Макса за поясницу, ввел его в радиорубку, где Макс к собственному удивлению увидел того самого типа в гражданском костюме. Тот что-то набирал на компьютере, морща лоб.

— Господин Позье, — обратился к нему Борис. — Вот господин Игнатов хочет вместо меня получить средства со счета банка «Свис-Арктика».

— В каком объеме?

— В полном.

— Вы подтверждаете это?

Макс пожал плечами. Почему, собственно, нет? Станный вопрос. Если не сказать, дурацкий. А как еще, частями, что ли? В год по капле? Уж на кого-кого, а на игроков он посмотрелся.

— Разумеется.

— И вы, — Позье потрогал себя за мочку уха. — Вы имеете собственный счет на Земле?

— Ну разумеется!

— В таком случае прошу сообщить мне его номер.

Макс, как отличник у доски, отбарабанил комбинацию цифр, а тип только отстукивал клавишами вслед и потом уставился на экран.

— Вполне прилично, — пробормотал он. — Что ж, осталось соблюсти формальности. Попрошу ваш полетный паспорт. Спасибо. И продиктуйте ваши данные. Полное имя...

Пяти минут не прошло, как Макс подписал какую-то бумагу. Все произошло с такой ошеломляющей скоростью, что он опомниться не успел. Только спросил:

— Вы хотите сказать, что деньги поступят на мой счет на Земле? Честно говоря, я рассчитывал получить их здесь.

— Никаких проблем. Всю сумму?

— Естественно.

— Будьте добры вашу кредитку.

Последовал еще один перестук клавиш, по скорострельности напоминающий пулеметную очередь, и кредитка вернулась к своему владельцу.

— Прошу. Если на этом все, пригласите следующего.

Они вышли, и Макс, слегка оглушенный и испытывающий к Боре почти любовь, спросил у него:

— Это кто такой?

— Представитель банка на Малютке. Пошли проверим, что он там нахимичил.

В окошке банкомата, когда Макс ввел свой пин-код, появилась цифра в пятьдесят тысяч. Хлопнув глазами, он только и смог сказать: «Не понял». Затем, вырвав карту, огромными прыжками, словно молодой олень, рванул обратно. Растолкав очередь, ввалился и на ходу выпалил:

— Зачем вы сняли деньги с основного счета? Я этого не просил!

— А, это вы. Ваш счет, уважаемый, я не трогал. Как бы я мог это сделать без вашего распоряжения, посудите сами.

— Тогда откуда на карточке столько денег?

— Господи! Это деньги, которые попросил перевести на ваше имя ваш товарищ, неужели непонятно? Или вас что-то не устраивает? Хотите совершить обратную транзакцию?

Макс затряс головой. Пятьдесят тысяч! Ну, Боря дает.

— Н-нет, не стоит. Спасибо.

— На здоровье. Если у вас все, то я с вашего разрешения продолжу.

— Да-да, извините.

Выйдя, он увидел настороженный взгляд приятеля.

— Почему ты мне сразу не сказал? Пошли, закончим расчет. И чего ты на свою карточку не стал переводить? Думаешь, я бы тебе не поверил?

— Ну, ты же настаивал.

— Интересно, в банкомате наберется столько наличных? — весело спросил Макс, увлекая за собой приятеля.

Деньги в банкомате нашлись, и Макс торжественно вручил приятелю толстенькую пачку, отсчитав от нее необходимую сумму. Боря, сразу здорово повеселевший, бодро умчался прочь, скорее всего, по направлению к «Янгу». Что ж, теперь ему есть что проигрывать. Или наоборот. Это уж как кубик ляжет.

Деньги жгли карман, но он благоразумно решил сегодня больше не испытывать судьбу. При этом занять себя оказалось совершенно нечем. Просто катастрофически. Ни читать, ни с компьютерными монстрами сражаться желания не возникало. Бесцельно валяться в тесной каюте — тоже. Даже удивительно, как это он раньше находил способы убить личное время. Сейчас все прошлые занятия казались до предела пресными. А ведь раньше он считал себя человеком, которому не скучно наедине с самим собой. Куда что девается?

Послониавшись по коридорам, он обнаружил, что неумолимо приближается к ремдоку. Макс сделал волевое усилие и, развернувшись, решительно пошел прочь, на ходу лихорадочно придумывая себе занятие, причем такое, чтобы его не потянуло обратно. Пойти в бар и надраться? Так где гарантия, что, напившись, он не понесется к игровому столу с удвоенной скоростью. Нет, воля у него, конечно же, есть. Как не быть. Но после потери сорока тысяч на этот счет начали появляться сомнения. Ну, пусть не сомнения, но некоторые опасения как минимум. Взять что-нибудь почитать? В киосках он видел какие-то книги, кстати, неплохо бы кое-что купить с собой в рейс, но сейчас было не до чтения.

В портах вроде этого частенько встречаются проститутки, но тратить на них последние деньги было по меньшей мере жалко. Пойти потренироваться кости бросать? Тоже дело, только не факт, что после этого его снова не потянет на чертов «Янг». Кстати, кто он такой, что его именем назвали корабль? Надо бы поинтересоваться. И вообще, как это Кабан, известный своим диким нравом, разрешил на территории порта азартные игры, запрещенные везде, кроме специаль-

но отведенных мест? Наверняка в доле. Что ж, каждый крутится, как умеет.

Эмма! Ну конечно! Почему бы не пригласить ее выпить пива или еще чего? Сейчас они не на корабле, не на службе, так что могут считаться ровней. В крайнем случае, зло подумал он, можно уволиться и здесь же, на Малютке, устроиться на другой корабль. Хорошие механики на дороге не валяются, их еще поискать надо. Впрочем — вспомнил он один эпизод со своим участием — иногда все же валяются.

В каюту к ней он идти не решился. Сняв с пояса коммуникатор, нашел в его памяти штурмана и нажал кнопку вызова. После третьего сигнала на экране появилось лицо Эммы.

— Привет, Макс. Что-то случилось?

— Да нет, в общем. Просто хотел... Ну, пригласить тебя, что ли.

— Уже интересно. И куда?

— Да, собственно, даже не знаю. Пивка попить, к примеру.

— Вообще-то... — раздумчиво проговорила она, и Макс вдруг понял, что сейчас услышит: «Я пива не пью».

В критические моменты человек способен соображать быстрее, чем обычно, хотя Максу приходилось замечать, что случается это далеко не всегда. Но тут он вспомнил, что об Эмили говорили в команде. Капитан однажды обмолвился: дамочка смылит в деньгах. Все сделали очевидный вывод, что она по основной специальности финансист. Экономист там, бухгалтер или кто еще.

Поэтому он поспешно проговорил:

— По правде говоря, я хотел с тобой проконсультироваться.

— Вот даже как? И о чем?

— Это связано с деньгами, — выпалил он. И чего несет? — Ты можешь уделить мне некоторое время? А шампанское или что ты предпочитаешь — за мной.

— Сойдет и пиво. Ладно, иди занимай столик в баре, я буду минут через десять.

Ну и чего, спрашивается, он засуетился? Я пива не пью! Да кто такое сказал? И что он теперь ей будет впаривать? Ничего, как-нибудь выкрутятся.

В баре свободных мест не оказалось. Вообще. Были заняты даже места у стен, где хоть облокотиться можно. Ничего себе — пригласил, называется, девушку. Потолкавшись минут пять, Макс вышел из двери. Когда не везет, так не везет по-крупному.

Эмму, идущую по коридору в своем рабочем комбезе, он увидел издали. И двинулся ей навстречу.

— Пролет, — покаянно сообщил он на подходе. — Там зубочистке негде упасть. Извини.

Она передернула плечами.

— Тогда пошли в офицерский.

Вот она, сословная дискриминация в действии. Чего он и боялся.

— Пошли-пошли, — стала настаивать она, заметив его колебания.

— Все нормально. Там сейчас почти никого нет. Все старшие офицеры на общем собрании. Кабан созвал. А тут народ отрывается, как перед концом света. Идем.

— Получается, что ты меня приглашаешь, — криво улыбнулся Макс.

— Ну это ты уже хватил. Нет уж, уважаемый, я просто делаю любезность, сглаживая твою неловкость. Так что ты мне, считай, должен.

— Ладно, так и буду считать. Двинули.

Конечно, насчет того, что в офицерском баре никого нет, Эмма ошиблась. Народ был. Но далеко не высшие офицеры, что значительно примирило Макса с ситуацией. Им даже удалось найти отдельную свободную кабинку, во всех портах именуемую одинаково — шхера.

— Так по какому поводу тебе нужна консультация? — спросила она, когда осунувшийся от усталости стюард принял их заказ и удалился, всей своей форменной спиной выражая презрение к окружающим. Его можно было понять. — Только предупреждаю тебя, если речь пойдет о том, чтобы проложить пиратский маршрут, я пас.

— Ну, до такого я еще не дошел. Хотя, если ты считаешь это стоящим бизнесом, я не прочь подумать над твоим предложением.

— Но-но! Мне не так просто досталась моя должность!

У Макса, как говорится, кольнуло в сердце. Знаем мы, как не просто достаются женщинам должности, а также шубы, драгоценности и многое другое. По-хорошему, следовало бы промолчать, но он не удержался и спросил:

— И как же, интересно?

— А-а, дело прошлое, — отмахнулась она и посмотрела на плетущегося к ним стюарда с двумя стаканами коктейля на подносе. — Так о чем ты хотел спросить? Или это так, речевой оборот, способ заткнуть наивную девочку в кабак?

— Да нет, действительно... — пробормотал Макс, тушуясь. Мало кто любит, когда его обман, даже невинный, раскрывают, особенно с такой легкостью.

Чтобы придумать что-нибудь пооригинальнее, взял соломинку в зубы и втянул в себя коктейль. А ничего, вкусный и крепенький. Красиво офицеры отдыхают. Впрочем, в общем баре коктейли, кажется, тоже есть, только их почти не заказывают из-за дороговизны.

Нам бы напиток попроще и покрепче. Ничего путного в голову не приходило, да и, честно говоря, он несколько побаивался отправляться в свободное плавание фантазий на финансовую тему. Уж больно Эмма резка в реакции и оценке.

— Понимаешь, встретил я тут одного приятеля и дал ему взаймы.

— И много дал?

— Да не очень. Но дело не в этом. Ты ведь знаешь, сегодня дали связь, и он списал со своего счета деньги. Ну, чтобы мне отдать и вообще. И сразу на мою карточку. Всю сумму. То есть и долг свой и много сверху. Как-то это странно.

— Ну, в принципе, почему бы и нет. При определенных обстоятельствах такое возможно. А что дальше?

— Да ничего. Я снял в банкомате деньги, отдал ему разницу. Просто я хотел, ну, как-то удостовериться, что ли. Ты ведь понимаешь в этом, а?

— Понимаю, понимаю. Значит, приятель? Знаешь что? Пойдем-ка к банкомату и посмотрим. Это прямо здесь.

— Ой, ладно тебе. Хорошо сидим. Потом.

— Можно и потом, — нравоучительным тоном согласилась она. — Но если ты останешься без денег...

— Это как? — оторопел Макс. — Шутишь, что ли?

По давней холостяцкой привычке он почувствовал тревожный звончек. Если женщина протянула руку к твоим деньгам — все, жди беды. Даже если только заглянула в твой кошелек одним глазком. Сначала глазок, потом коготок, затем по локоть. Аппетит приходит известно когда.

— Послушай, — Эмма постучала по бокалу коротко остриженным ногтем. — Если ты действительно пригласил меня в качестве консультанта, то знаешь, чего не надо сейчас делать? Мандражировать. Я не собираюсь запускать руку в твой карман. Мы договорились на бар и этого довольно. Ну?

— Да ладно, чего ты? Давай посмотрим.

Пока он набирал цифры, Эмма демонстративно, даже с вызовом, смотрела в сторону. Мол, мне дела нет до твоих кодов. У самих, знаете ли, не хуже. Зато когда Макс закончил, впилась глазами в экран. С полминуты ее пальцы летали по кнопкам, выжимая информацию, после чего она сказала:

— В общем, радоваться нечему. У этой бандуры нет связи с Землей. Теперь Макс встревожился уже не на шутку.

— Поясни.

Она вздохнула.

— Понимаешь, какая штука. Очень похоже, что твой приятель те-

бя элементарно кинул. Погоди! Дело вот в чем. Счет, с которого тебе перевели деньги, кредитный. Это видно, — она показала пальцем в середину длинной строки цифр, — вот здесь. То есть, насколько я понимаю, он просто оформил кредит на твое имя.

— То-то клерк интересовался моим счетом, — пробормотал пораженный Макс.

— Какой клерк?

И он рассказал. И про Борю, и про игру и про собственный проигрыш, выпив за это время аж два коктейля вместо того, чтобы немедленно идти разбираться с подлым приятелем. И чем больше он пил, тем сильнее ему хотелось учинить расправу.

— Не дергайся. Ставлю один против пяти, что твой дружок успел спустить все твои денежки, так что взять с него уже нечего.

— Я ему все зубы выбью, — зло пообещал Макс. — И это самое меньшее, что я могу с ним сделать.

— Уверена, что этим ты своих денег не вернешь. Да, красиво они тебя.

— Сволочи! — Макс щедро отхлебнул. — Погоди, а почему они? Что ты имеешь в виду?

— Да так, соображения, мысли вслух.

Она помолчала, задумавшись. Ничего особенного в том, что человек думает, нет, но отчего-то Максу показалось, что сейчас, именно в этот момент, решается его судьба. От этого ощущения кожа между лопатками съжилась. Атавистическая реакция. Видно, раньше у человеческих предков шерсть на загривке вставала дыбом.

— Но это точно? Может, слушай, к этому клерку сходить, предупредить? Отменить, в конце концов. Ну, с банком связаться. В полицию заявить...

— Не суетись. Все, корабль отчалил, претензии от опоздавших не принимаются. Неужели ты думаешь, что игроман-неудачник мог провернуть такую махинацию с кредитом в одиночку? Кстати, кто тебе сообщил о возобновлении связи?

— Стюард с «Янга».

— Ну вот и все. Стюард, твой приятель и клерк. Все, проехали. Короче! Ты свои деньги хочешь вернуть?

— Ты еще спрашиваешь!

— Тогда делаем так. Я предлагаю тебе сделку.

На «Янг» они вошли порознь. Когда Макс появился в знакомом зале, Эмма, элегантная, слегка возбужденная, уже сидела за столом и метала кости, что-то с кокетливым смешком спрашивая у соседа. Бледный как смерть Боря сидел напротив нее и, похоже, проигрывал. Макс, сияющий, словно новенький отражатель ионного двигателя,

сделал ему ручкой и уверенным жестом завсегдаята подозвал стюарда, заулыбавшегося ему до коренных зубов.

— Коктейль штурманский с ананасом.

— О-о! — уважительно проговорил лакей.

Внутренний карман форменной тужурки Макса оттопыривала толстая пачка банкнот, которой он, будто невзначай, мелькнул, расплачиваясь за выпивку. После этого он еще успел заметить, как стюард, перегнувшись через стойку, что-то негромко говорил бармену.

Эмма выиграла немногим более тысячи — за этим столом ставки были средними. Какой-то тип с желтыми мичманскими нашивками на рукаве и невероятно аккуратной прической что-то нашептывал ей на ухо, чуть не задевая губами высокий воротник ее строгого серо-голубого кителя.

Если честно, то Макс ей до конца не поверил. Туманные рассказы про круглатуру куба, основанную на некоей теории — о такой он слыхом не слыхивал — единства массы и энергии в замкнутом пространстве, произвели на него впечатление только тогда, когда Эмма выудила из банкномата кипу новеньких купюр общим счетом в триста тысяч, из которых сто сразу же перекочевали в его карман. В принципе, это с лихвой покрывало все его потери, так что можно было бы и не играть вовсе. Эмма предложила очень хорошие, просто невероятные по щедрости условия. Можно было бы, если б Макс, увидев игровой стол с катящимися по нему кубиками, смог совладать с собой.

Место за соседним столом для него нашлось минут через десять. Со своего места он мог наблюдать за игрой напарницы.

По настоянию игроков крупье поднял ставки до двухсот. Эмма — ну дура душой — улыбалась мичману, почти не обращая внимания на ситуацию за столом. И быстро поплатилась, вылетев в первом же круге. Но — столов прибавилось, и ставки все возрастали, поэтому игра шла до упора, не навывлет. Дела у «Янга» просто перли в гору.

Макс, действуя с умеренной осторожностью, сначала выиграл около трех тысяч, а потом разом спустил десять. Натяжение ткани на его груди уменьшилось незначительно, практически незаметно, поэтому он не почувствовал тревоги. Эмма же проигрывала просто страшно. Если не сказать, глупо. Он, вставая и меняя столы, очевидно, осторожничая, пока держал предельную планку, а ее просто понесло. Макс даже засомневался, когда увидел, что ей принесли очередной, третий или четвертый, коктейль. Пива она не признавала категорически.

Он сел рядом с ней, когда предельную ставку подняли до пяти тысяч. Сердце при виде этой груды денег билось уже просто в желудке. Он почти не видел партнеров. «Пять и три сверху». «Поднял и еще пять». «Плюс пять в гору».

И он выиграл!

— Коньяк на стол! Бутылку!

Некто курносый предложил поднять предел до десяти. Игроки, соглашаясь, покивали. Скорость игры возросла. Деньги и кубики летали со скоростью стрижей на закате, только успевай следить. Крупье едва успевал забирать свои проценты.

— Двадцать!

— Пошло по двадцать. Господа?

— В игре.

— Пас.

— Может, предел опустим?

— Слабакам тут не место. Играем. Кто готов?

Эмма проигрывала жутко. От недавней беспечности и следа не осталось. Свеженаведенный макияж начал расплываться под напором едкого пота игрового азарта. В кают-компании «Астронавта Янга» и впрямь становилось горячо. Игра пошла крупная. Эмма достала из кармана и положила рядом с собой пудреницу, успев заглянуть в нее лишь мельком.

Макс, взвинчивавший ставки и проигравшийся до последнего, вынужден был покинуть стол, превратившись в одного из зрителей, которые толпились вокруг большой игры. За столом остались трое — Эмма, блондин в васьковской униформе без знаков различия и крупье. Здесь любой чих мог взорвать атмосферу, любое неосторожно брошенное слово. Даже дыхание, направленное в сторону стола. Трое молодцов с накаченными плечами и с эмблемами «Янга» аккуратно ввинтились в разгоряченную толпу, с хмурой настороженностью поглядывая по сторонам. Впрочем, на них мало кто обращал внимание; все были заняты игрой. Глянув напротив, Макс сквозь частокол голов увидел лицо Бориса. Тот дышал приоткрытым ртом, часто цедея воздух между зубами.

Но кону стояло примерно четыреста тысяч.

— Предлагаю снять границу, — проговорил блондин, в упор глядя на Эмму.

Та, как сомнамбула, кивнула. Потом, натужно сглотнув (смотреть на нее было страшно: по вискам стекает пот, рот набок, глаза безумные, ведьмины), сказала:

— У меня с собой столько наличных нет.

— В таком случае ставка считается проигранной, — объявил крупье.

— Нет! — истерично выкрикнула она. — Правила заведения позволяют взять деньги из банкомата в зале? Не так ли?

— Да, естественно.

— Или еще лучше. — Эмма сморщилась, словно собираясь заплакать. Положение ее и вправду было поганым. — Прибор на стол.

— Мы это обычно не практикуем, — с сомнением в голосе заметил крупье.

— И без ограничений! — заявила она.

Нет сомнений, что у крупье имелась прямая связь с кем-то, кто контролировал игру. Секунд пять-семь у него было каменное, непроницаемое лицо — слушал, черт, указания, — потом медленно, по-царски, наклонил голову.

— Это возможно. Но потребуется некоторое время.

— Сколько? — возбудилась Эмма.

Макс понял, что человек на пределе. Куда там Боре! Это похуже наркотика. Похуже... Словом, сумасшествие, вот что это такое.

Он протолкался к ней, обогнув стол, и наклонился к уху, не обращая внимания на тычки.

— Послушай. Все, заканчивай. Ты устала и вообще. Пойдем. Всех денег не выиграешь, а вот проиграть — легко. Я тебя прошу, ну.

— Отвали. Понял?

— Эмма.

— Я тебе не Эмма! — взвизгнула она.

Макс почувствовал, как его нежно и твердо взяли под руки и потащили прочь.

— Всё! Всё, парни, я понял.

— Точно понял? — спросил некто очень угрюмый и очень крупный.

— Никаких проблем.

— Смотри, парень. Ты сам сказал. — Хватка ослабла. — Но если что...

— Я понял, понял. Ну?

— Тебя предупредили. Последний раз.

Дело тут оказалось поставлено круче, чем можно было предположить.

Макс, ощутив свободу, протолкался к столу. Тут кое-что изменилось. Рядом с крупье обозначился маленький человек с капитанскими нашивками, а справа от него стоял универсальный картридер или так называемый пулемет — в рекламных роликах эту штуку из-за скорости проведения и отображения платежей именовали именно так. Впрочем, в последнее время, а это где-то года три или около того, рекламный слоган поменяли. Сейчас ни Макс, ни всем остальным не было дела до названий торговых приемов и прочих, не относящихся непосредственно к игре деталей.

Толпа вокруг стола разрослась настолько, что на анонимный возглас, требующий включить экран, она отозвалась одобрительными

криками. Экран, на котором кроме картинки собственно стола отображались еще и ставки, включили меньше чем через минуту.

— Пятьдесят тысяч, — негромко объявил блондин.

Невозможно представить, что кто-либо из находящихся в кают-компании этого не услышал.

— Принято.

Эмма, вбрасывая, выкинула пять очков. В теории это проигрыш. Впрочем...

— Три! — ахнули зрители.

Блондин втянул щеки. Максу показалось, что он с кем-то советуется, упрямо набычив голову.

— По сто пошло?

— По двести, — сказала Эмма, сузив глаза.

— Идет.

И тут блондину поперло. Девять против четырех — он взял кассу. Огромный, во всю стену экран показывал выигрыш. Даже стюард не работал — смотрел.

— Дай отыграться.

— Четыреста на кон? — с заметной издевкой спросил блондин.

— Поехали.

И этот кон он взял — семь против пяти.

Эмма, молодая, цветущая женщина, вдруг превратилась почти в старуху: щеки обвисли, губы расплзлись, руки ходили ходуном.

— Предлагаю, — прохрипела она, — в три раунда. По миллиону каждый. Без перерыва. Ставку можно поднимать на каждом следующем вдвое. Как захочешь. Поднимешь?

Возникшая пауза ни у кого не вызвала сомнений — блондин получает инструкции. И, скорее всего, он играет не на свои. Но при этом его пальцы начали подрагивать. Такая игра! Такие ставки! Прямо на глазах рождается история.

— Поехали! — азартно сказал он.

Макс, в диком напряжении наблюдавший за происходящим, тихо удивлялся про себя. Это какой же у Эммы должен быть счет, что она фактически ставит на кон пять миллионов? С такими деньжищами ишачить штурманом на грузовике по меньшей мере глупо.

Дальнейшее вошло в легенду. Эмма — ее ход был первым — выкинула десять. Блондин — пять. Соперница нервно барабанила пальцами по своей пудренице. На втором вбросе он удвоил ставку и показал девять очков. Эмма, всего один раз встряхнув стакан, снова выложила на сукно десять.

Хищно, совсем не по-человечьи, криво скаля зубы, она рассмеялась, запрокидывая назад голову и обнажая нежное горло, ходящее волнами.

Долго, явно напоказ, издевательски — в этом ни у кого не могло быть сомнений — взбалтывала кости.

Двенадцать!

Кают-компания взвыла от восторга.

Блондин, сдвигшийся как проколотый воздушный шарик, выбросил пять и оцепенел, тупо глядя на соперницу.

— Прошу произвести зачет средств, — сказала она.

Блондин молча смотрел на нее, стиснув зубы так, что одеревенело лицо.

— Я... — наконец промямлил он. — У меня нет таких денег.

— Неужели? — едко удивилась Эмма. — Интересно, как же вы начали такую игру? Так. Для начала прошу выплатить хотя бы часть долга наличными. Прямо сейчас.

Народ одобрительно загудел. Блондин неловко засуетился.

— Вот, — выложил он пачки денег. — Вот еще.

Руки его дрожали, и еще он явно боялся смотреть на капитана.

— Сколько здесь?

— Около восьмисот...

— Отлично, — бодро прокомментировала Эмма, сгребая деньги и рассовывая их по карманам.

— Минутку, — вмешался крупье. — Прошу выплатить комиссию заведению.

— Ага! Теперь давайте разберемся с вами. Почему за игровым столом оказался несостоятельный игрок?

— Он ввел нас в заблуждение.

— Каким образом? Или вы не проверили его состоятельность?

— Ну, можно сказать и так, только...

— Отлично, что признаете свою вину.

— Нашей вины здесь нет! Мы не обязаны проверять платежеспособность посетителей. И вообще, это вы предложили играть на безналичные, нарушив одно из основных наших правил.

— И вы со мной согласились? Уж не потому ли, что этот игрок член команды вашего корабля?

Толпа угрожающе загудела. Похоже, дело начало принимать горячий оборот. Макс увидел, как в кают-компанию вошли еще четверо членов экипажа «Янга», двое из которых оказались вооружены.

— Как вы смеете? — несколько картинно возмущился крупье. — Ваши обвинения ничем не обоснованы!

— Так да или нет? Я требую ответа.

— Мы все требуем! — крикнул кто-то.

— Жулье! У них тут все подстроено! Грабят нашего брата почем зря. Проверить его! Пусть покажут судовые списки!

— Нет нужды, — отмахнулась Эмма, вставая и убирая в карман пудреницу. — Полные данные на членов всех экипажей имеются в диспетчерской порта.

— Командование судна не отвечает за проступки отдельных членов его экипажа, — наконец подал голос капитан. Голос у него оказался не под стать внешности — громкий и грубый.

— Даже в том случае, если член экипажа действовал по прямому указанию командования? — громко спросил Макс.

— Глупости. У вас нет и не может быть таких данных, — отмахнулся кэп. Держался он, надо отдать ему должное, очень хорошо. Слегка небрежно и абсолютно невозмутимо.

— Тут вы ошибаетесь, капитан, — встрял кто-то с нашивками лейтенанта технической службы. — Все радиопереговоры в пределах порта фиксируются службой охраны.

— Здесь суверенная территория!

— Однако эти данные охотно примет к рассмотрению суд вашей страны, — отчеканила Эмма. — Как и факт сговора со здешним представителем банковского союза.

Может быть, последнюю реплику поняли не все присутствующие, но те, кто понял, не замедлили отреагировать. Макс не без любопытства наблюдал за поведением людей. Одни рвались к капитану, чтобы немедленно учинить расправу; блондин сразу получил по затылку. Другие связывались со своими приятелями, вызывая подмогу. Третьи начали громить кают-компанию. Четвертые... Эмма сгребла со стола кости и зажала в кулаке.

— И мы еще посмотрим, что за такие волшебные у вас кости!

Капитан оказался куда умнее, чем можно было бы ожидать. Он что-то шепнул в спрятанный микрофон, и расторопные стюарды врезались в толпу, чуть не насильно раздавая стаканы со спиртным, а он тем временем вещал, жестами призывая к молчанию и спокойствию. А что ему оставалось делать, если через несколько минут его корабль мог превратиться в поле боя.

— Заведение признает свою оплошность. Мы должны были проверить платежеспособность допущенного к столу игрока. Виновные будут строго наказаны, это я вам обещаю.

— Деньги давай! — проорал кто-то.

Судя по доносящимся звукам, в углу курочили банкомат.

— Поэтому! — выкрикнул он. — Поэтому я принял решение немедленно возместить недостающую сумму этой леди! Не могли бы вы проследовать со мной?

Эмме даже не пришлось напрягаться. Публика жаждала публичного реванша, громко и недвусмысленно выражая свое желание. И ка-

питан «Янга» вынужден был на глазах у всех провести транзакцию под восторженный гул зрителей.

— Парни! — победно вскинула руку Эмма. — Приглашаю всех отпраздновать это дело. За мной!

И толпа, которую даже не пытались сдерживать хмурые, настороженные охранники, повалила прочь, неся в себе, как в коконе, победительницу.

Она просто скупила бар. В сущности, за то, чтобы унести с «Янга» ноги и выигрыш, она заплатила не так уж и много — что-то около четверти миллиона или даже меньше. Такой отчаянной пьянки порт Малютка не видел, наверное, никогда. Пили в баре, в коридорах, передавая друг другу бутылки и стаканы. Пили все. Пили всё. Служба безопасности порта боялась вмешиваться, стараясь только локализовать гульбище, дабы, с одной стороны, не дать ему распространиться на остальную территорию, а с другой — не допустить туда новых участников, прослышавших про дармовое угощение. Поэтому Макс с Эммой стоило некоторого труда прорваться в спальную зону, что встало ему в несколько сотенных купюр, ловко предложенных злющему офицеру.

К счастью, сосед Макса по каюте оказался в эпицентре гулянки, поэтому их уединению никто не помешал.

— Пора бы нам с тобой рассчитаться, — напомнила Эмма.

Она принялась доставать из карманов банкноты, выкладывая их перед Максом.

— Порядок?

— Более чем. Спасибо тебе. Послушай, я все хотел спросить, как это ты... В смысле...

После выпитого — а выпитого было много — мысли путались и ускользали, поэтому он не мог быстро вспомнить того, что на самом деле хотел спросить.

— Столько денег! Какого черта ты пошла в штурманы?

— А куда еще?

— Ну-у-у... Не знаю. Мало ли.

— Вот именно что мало. Где еще честной девушке найти себе мужа? Нормального!

Такие откровения он слышал нечасто, поэтому несколько смутился. Но ненадолго.

— Это я понимаю. А если бы ты проиграла? Тогда как?

— Ни за что!

— Это почему?

— А потому что... Нет. Это я могу сказать только близкому человеку.

- Так скажи. Сейчас ближе меня у тебя никого нет.
- А потом?
- И потом тоже! — рубанул он.
- То есть это что? Ты делаешь мне предложение, что ли?
- Делаю. Официально.
- Ты пьян, Игнатов.
- Недостаточно. Предлагаю тебе руку и сердце. Берешь?
- Черт с тобой. Забираю.
- Тогда давай я тебя поцелую. Невеста.

Одним поцелуем дело не ограничилось. Двумя, впрочем, тоже. Часом позже кто-то барабанил в дверь, но им было не до посторонних.

Уставшие, прижавшись друг к другу на узкой служебной койке, они легко болтали, перескакивая с темы на тему.

- Так ты мне не сказала.
- Про что?
- Как ты выиграла.
- Забудь. Теперь я не подпущу тебя к зеленому столу.
- Я тебя тоже.
- И это правильно.
- Эмма!

— Да господи! Они же шулера, разве ты не понял? Обыкновенное жулье, видала я таких. Давай поспим, а? Чего-то я совсем...

— Я понял! — воскликнул Макс. — Пудреница, да?

— И это тоже. Главное — кубики, реагирующие на переменное поле.

— Ты их подменила?!

— Ну естественно. Иначе зачем бы мне потом их надо было забирать. Все, спим. Через три часа у нас общий сбор. Не хочу выглядеть перед нашими парнями чуврылой. Э-э, женишок, руку отсюда убери. Отбой.

У Макса еще оставались вопросы. Например, где это она «видала таких» и откуда появилась чудесная пудреница. Где Эмма взяла чудесные же, мягко говоря, кости. Откуда у нее вообще такой навык. И еще эти немалые деньги. Но он был старым холостяком и неудачливым контрабандистом и поэтому перестал быть романтиком, так что с ответами на эти вопросы решил не спешить. К тому же действительно здорово хотелось спать.

Утром стало известно, что некий Борис Коляда найден повешенным в третьей венткамере. Веревка при 0,25 g? А часом раньше по всему порту был объявлен абсолютно сухой закон. Большинство из тех, кому это адресовалось, спали беспробудным алкогольным сном. А еще через двое суток с Малютки стартовал первый борт.

Ч А Р Л З С Т Р О С С

ХОБОТ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

И НЕРАЗБЕРИХА

1. Лора меня покидает, а Фиона просит об одолжении

К твоему сведению, дорогой, я от тебя ухожу. Да-да, ухожу к новенькому секс-роботу. Как мужчина он стоит двоих таких, как ты, — объявила Лора и решительно направилась к двери, оставляя за собой смесь ароматов парфюма и нефти. Так начинались все наши ссоры, и нынешняя не была исключением. Я поплелся следом за Лорой в холл, гадая про себя, какой тонкий намек я пропустил мимо ушей на сей раз. — Но Лора...

Она остановилась так резко, что изящно сконструированное левое колено слегка скрипнуло.

— На этот раз я действительно ухожу, — сказала она, придав голосу новомодную механистическую монотонность. — И ты меня не останавливай. Я не собственность, я свободная женщина и не обязана подстраиваться под твоё «плотное расписание»!

Ну, ёлки-палки... Теперь понятно, в чем дело. В последнее время я действительно уделял ей мало внимания, всецело поглощенный подготовкой к очередной попытке автокремации.

— Ну, Лора, извини, — забормотал я, — может, давай обсудим это чуть позже? Тебе ведь не обязательно бросать меня сию же секунду...

— Мне нечего с тобой обсуждать. — Она взялась за ручку двери. — Ты не замечал меня месяцами! Я устала от попыток до тебя достучаться. В прошлый раз ты уже говорил, что постараешься вести себя не так отчужденно. И что?

Она вздохнула и на мгновение застыла в выразительной позе — ну просто-таки живое воплощение роскошной механической мелодрамы.

— Ничего не изменилось. Ральф, я устала ждать! Если бы ты любил меня, ты признал бы свои проблемы с психикой, привел бы свои мозги в порядок и стал бы уделять мне столько внимания, сколько я заслуживаю. Ну а раз нет — ноги моей здесь не будет!

Дверь распахнулась. Лора повернулась на хромированных каблуках и выпорхнула из моей жизни вместе с облаком старинного «Живанши», керосина и озона. Ну, дела! Неужели опять?! Я прислонился лбом к стене. Ну почему, почему именно сейчас?..

Привычка закатывать истерики и бросать меня накануне прыжка была в арсенале Лоры одной из самых несносных. Это уже пятая попытка. Обычно она возвращалась сразу после соревнований — смягченная и плененная моей скользящей по небу мужественностью, но в то же время каждый раз умудрялась заставить меня почувствовать себя последним негодяем. Нет, ну разве не удар ниже пояса — давать

парню отставку, когда он готовится проделать собой дыру в стратосфере? А впрочем, женщины — вообще существа непредсказуемые, будь они хоть сквиши, хоть клэнки. К тому же надо признать: ее обвинения не совсем уж безосновательны.

Я побрел в гостиную и, остановившись между покрытыми благоуханной ржавчиной фамильными скафандрами, задумался. Терзаемый смутными сомнениями, я никак не мог решить, чем заняться: то ли засесть за симулятор и еще разок попрактиковаться в термальных кривых, балансируя на куске аблационной пены в метр толщиной, колеблющемся в различных динамических силах — как при входе в атмосферу, когда за спиной, в считанных сантиметрах от шлема, пламенеют обжигающие факелы раскаленной плазмы... Или же напиться в дым? А я, признаться, ненавижу дилеммы: есть что-то ужасно плебейское в том, чтобы по-настоящему размышлять.

С одной стороны, перед соревнованиями такого уровня лишняя тренировка не помешает. Слишком много я видел сгоревших дотла шутников, чтобы испытывать какие-то иллюзии по поводу собственной неуязвимости. С другой — поступок Лоры настолько выбил меня из колеи, что я все равно не в силах как следует сосредоточиться. Возможно, горячая ванна и бутылочка сакэ смогли бы привести меня в чувство, чтобы чуть позже я сумел потренироваться... Но ведь сегодня в клубе предстартовый ужин! Там предпочитали, чтобы соперники не выпадали в осадок еще до начала соревнований (полагаю, это было как-то связано с минимизацией страховой премии), так что будут подавать горячие закуски в любом количестве, потом кусочек филе и чисто символический глоток старой доброй «огненной воды» за всю ночь. Так что я буквально разрывался — пить или не пить, когда телефон бесцеремонно кашлянул.

— Ральф? Ральфи? Как поживаешь?

Мне не нужно было смотреть на экран, чтобы узнать Фиону, мою единоутробную сестрицу. Это было совершенно в ее духе — звонить именно в такие моменты.

— Нормально, — буркнул я в ответ.

— А по твоему голосу этого не скажешь! — радостно заметила Фи. Она придерживалась убеждения, что негативные эмоции — признак преступных намерений.

— Меня только что бросила Лора, а завтра соревнования, — пожаловался я.

— Перестань, Ральфи, хватит хандрить! Через неделю она вернется, ты ведь знаешь. И потом, не стоит так беспокоиться о Лоре, она сама

способна о себе позаботиться. Да, кстати, я хотела спросить: что ты делаешь на этой неделе? Меня пригласили на одно мероприятие, которое Джеральдина Хо устраивает по поводу открытия горнолыжного сезона на горе Олимп, но у меня как назло внезапно забеременела домработница, а у герпетолога очередная смена пола. Вот я и подумала: может, ты присмотришь за Джереми, пока меня нет? Всего пару дней? В крайнем случае, недельку-другую...

Джереми — домашний питомец Фионы, карликовый мамонт, этакий злобный комок бурой шерсти по колено ростом. В последний раз, когда мне было поручено за ним присматривать, этот гад наблевал мне в кровать, причем под одеяло. Мы с Лорой тогда организовывали официальную оргию для царевича с Цереры, который был вынужден путешествовать по системе инкогнито из-за какого-то дурацкого эдикта, в котором патриарх православной церкви проклинал еретиков с Венеры. В другой раз, когда мы взяли Джереми в Нижний дворец на уик-энд с Фаффи Морган, он в припадке ярости сжевал любимую рубашку кузена Брэнвина, хотя мы заперли его в одной из лучших гостевых комнат с запасом всего, о чем только мечтают карликовые мамонты. С ним положительно невозможно выходить в свет, это омерзительная скотина, к тому же склонная к алкоголизму.

— А отказаться нельзя? — спросил я без особой надежды.

— Не хнычь, братишка! — бодро воскликнула Фи. — Если будешь таким нытиком, Ральфи, никто не воспримет тебя всерьез. К тому же ты у меня в долгу, забыл? Если бы я не выручила тебя в тот раз, когда вы с Борисом Обломовым нажрались как свиньи и решили покататься вокруг Луны на дядюшкиной яхте, не проверив запасы антивещества в гравитационном поляризаторе...

— Ладно-ладно, — устало согласился я, когда смог вставить словечко в этот бесконечный поток. — Сдаюсь. Тащи своего Джереми. Только я не обещаю, что смогу присмотреть за ним, если погибну во время прыжка. Сама понимаешь, игра будет со смертельным риском. К тому же я не могу гарантировать, что сумею защитить его от Лоры, если она снова явится с какими-нибудь зверскими прибабасами, которые ей вздумает вживить этот идиот Ларри, твой приятель, кстати... Ну, помнишь, как в тот раз, когда она с ума сходила от розового шума...

— Не напоминай мне о Ларри, — проронила Фи голосом, холодным, как жидкий гелий. — Ты ведь знаешь: у нас с ним все кончено. Две недели побудешь с Джереми — и считай, что мы квиты. Правда, он в последнее время несколько мрачноват... Но, думаю, тут вы как раз

сойдетесь. Я прослежу, чтобы с него сняли копию, а потом заброшу его по пути в космопорт Сан-Паоло, договорились?

— Отлично, — уныло ответил я и отключился.

Потом щелкнул пальцами, рухнул в появившееся кресло и долго сидел, обхватив голову руками. Моя сестричка делала копии своего карликового психопата, чтобы иметь возможность помучить его даже после смерти, но тем не менее она не простит мне, если скотина подохнет... О, женщины! Аристократки или простолюдинки — все они одинаковы.

Кресло жалобно постанывало, разминая мои напряженные члены, однако факт оставался фактом: я испытывал стресс. Завтра *такой* день, а я даже не удосужился запланировать традиционную постпрыжковую попойку с парнями...

2. Явление нового дворецкого

Когда мне позвонили, я лежал на дне бассейна в зимнем саду на задней террасе Шато-Пуки, вдыхал через трубочку насыщенный алкогольными парами воздух и жалел себя. По крайней мере, мне казалось, что я занимался именно этим. Я зашел уже довольно далеко, выбирая между необходимостью потренироваться в исполнении сверхзвукового продольного колебания и желанием напиться и забыться. Единственное, что я помню, — волнистая пелена голубого света на витой спирали потолка... Потом надо мной нависла огромная застывшая тень и послышался женский голос, исполненный вежливой властности:

— Добрый вечер, сэра. Согласно расписанию, приблизительно через двадцать минут, сэра, у вас назначена встреча в приемной с мамонтом вашей сестры. Не желаете ли освежиться перед этим событием, сэра? И какой костюм вы предпочитаете надеть, сэра?

Это было примерно на четыре сэра больше, чем я мог выдержать в лежачем положении.

— Грль-буль, — произнес я, нетвердо садясь. Однако дыхательная трубка не предназначена для ведения светской беседы. Захлебнувшись, я выплюнул ее изо рта. — Простите великодушно, но кто вы, черт возьми, такая?

— Элисон Фенг. — Она сдержанно поклонилась. — Меня прислали из агентства взамен вашего последнего... э-э... служащего.

Она была в строгой черно-белой ливрее, и в ее произношении действительно было что-то такое... Что достигается многолетней тренировки — ну и, разумеется, небольшой обработкой связок, которая придает голосу выражение вежливого высокомерия, той наставитель-

ной любезности, которая способна направить в приличное русло поведение даже самых богатых и несдержанных работодателей. Однако...

— Так значит, вы мой новый дворецкий? — сумел наконец выдать я.

— Полагаю, что да. — Последовал скептический изгиб чеканной брови.

— Что ж, прекрасно. — Хорошо, что хотя бы сквиши... Мысль, дрейфовавшая в спиртовом растворе моего подсознания, наконец-то выплыла на поверхность: — А вы... м-м... не в курсе, почему уволился мой прошлый дворецкий?

— Нет, сэр. — Выражение ее лица не изменилось. — Мой опыт показывает, что к потенциальному работодателю лучше подходить непредвзято.

— Это все из-за сестренкиного мамонта, — успел пробормотать я, пока меня не накрыл приступ кашля. — Послушайте, просто запретите эту проклятую тварь в третьей комнате для гостей — той, что приспособлена для клэнки. Он, конечно, попытается сломать все, что увидит, но это ничего, потом мы все починим. Ик! Да, и намертво заварите дверь, или забейте, или еще как-нибудь, а то один из дружков моей сестры научил этого гада отпирать замки хоботом... У вас, случайно, антипохмелина не найдется?

— Разумеется, сэр.

Она щелкнула пальцами, и не успел я опомниться, как одна из этих убийственных красных капсул появилась в ее обтянутой белой перчаточной руке.

— Уф! — Я взял пилюлю и, не запивая, проглотил ее, после чего вновь икнул. — Скорее всего, эту зверюгу привезет дрессировщик, но я все-таки оденусь — на случай, если сестричка явится сама.

Я снова икнул. Проклятая изжога...

— Ох... Что там у нас сегодня со списком посещений?

— Все полностью под контролем, — слегка покровительственно завила мой новый дворецкий. — А теперь, сэр, не соизволите ли пройти в комнату для переодевания, пока я приготовлю ваш костюм?

Я смирился. В конце концов, рассудил я, раз уж согласился присмотреть за карликовым мамонтом своей сестры, придется терпеть и успокаивать себя мыслью, что ничего хуже случиться уже не может.

Оказалось, может. Должно быть, Джереми был уже в пути, когда Фи болтала со мной по телефону, и откуда мы познакомились с мисс Фенг, шофер Фионы самым подлым образом выгрузила это грязное хоботное из шлюза лимузина прямо на декоративную веранду. Этот

акт домашнего вредительства она совершила тайно и не без определенного изящества, после чего удалилась, однако прежде отвязала ажурный намордник, который удерживал Джереми от того, чтобы излить свою ярость на все, что находилось в пределах досягаемости. Теперь он не замедлил это сделать. Жертвой стал бильярдный стол дядушки Арнольда, который тот оставил мне на хранение, пока сам уехал по делам. Я поднимался по лестнице в гардеробную, когда триумфальный трубный глас возвестил о том, что у нас проблемы, и притом серьезные: обычно Джереми ухитрялся вытворять свои потребности совершенно бесшумно.

— Нужна ваша помощь! — крикнул я, бросаясь туда, откуда доносился дуэт для дьявольской флейты и слона в посудной лавке.

Мисс Фенг извлекла откуда-то боло, что незамедлительно подняло ее авторитет в моих глазах.

— Это подойдет? — спросила она.

— Да. Правда, Джереми немного низковат для мамонта...

Но было поздно. Бросок мисс Фенг был безупречен, и он бы достиг цели, будь Джереми сложен в масштабах типичного толстокожего. Но, увы! Крутящиеся шары, перелетев через всю комнату, повисли на люстре, в то время как Джереми, трубя и сердито похрюкивая, воздел свои бивни и нацелился на мои коленные чашечки.

— О боже... — выдохнула мисс Фенг.

Я моргнул и попытался увернуться, однако моим движениям явно недоставало проворства — видно, антипохмелин еще не поборол все остаточные явления опьянения. Джереми сориентировался быстрее и сменил курс: теперь бивни угрожали моим чреслам. Я развернулся было и вытянул руки, чтобы отразить атаку чудовища (которое, похоже, вознамерилось подредктировать фамильное древо в пользу Фиониной линии), когда мисс Фенг чуть наклонилась в сторону, элегантным движением сорвала с карниза старинную кружевную штору и набросила ее на бивни противника.

То, что происходило дальше, для меня покрыто благословенным туманом беспамятства. Каким-то образом нам с мисс Фенг удалось загнать брыкающегося и вопящего Джереми на лестницу, а оттуда — в гостевые покои. Пока мисс Фенг подпирала дверь плечом, я, еле живой, слетал в гостиную и вернулся с тубиком мгновенной суперстали, с ее помощью мы укрепили и без того не хилую дубовую дверь. После этого мой желудок, видимо, возмущенный комбинацией антипохмелина и адреналина, окончательно взбунтовался. Обнаружив это, мисс Фенг вежливо предложила мне проследовать в ванную и освежиться,

пока она разберется с верандой, с животным и с моим костюмом — только, разумеется, в обратном порядке.

К тому времени, когда я привел себя в порядок, свежий костюм уже ждал меня на комод.

— Я взяла на себя смелость и велела подать лимузин для вашей поездки в клуб, сэр, — доложила она извиняющимся тоном. — Близится восемнадцать часов. Вы ведь не хотите опоздать, сэр?

— Восемнадцать... — Я удивленно заморгал. — Господи, неудобно то как...

— В самом деле. — Она осторожно посмотрела на меня. — Да, что касается агентства...

Я отмахнулся:

— Раз уж вы справились с Джереми, то поладите и с дядюшкой Арнольдом, когда тот вернется с Проксимы Тау-Гермес, или куда он там улетел. Не говоря уж о моих жутких тетушках, не к ночи будь помянуты... Так что считайте — вы уже приняты.

Мисс Фенг покорно склонила голову.

— Речь, разумеется, идет о том, чтобы занять эту должность на испытательный срок. — И добавила тоном ниже: — Впрочем, продление контракта предполагает, что хотя бы один из нас останется в живых...

Я хмыкнул.

— Что ж, с этим, слава богу, решили. Но мне пора бежать. Проследите, чтобы бильярдный стол отправили в ремонт, и разберитесь со шторами, о`кей?

— Разумеется, сэр. — Она кивнула, затем помедлила, словно бы собираясь что-то добавить, но, видимо, передумала и распахнула передо мной дверь. — Доброй ночи, сэр.

3. Клуб «Опасный прыжок»

Вечер я провел в клубе «Опасный прыжок», противостоя опасностям, весьма отличным от тех, с которыми мне предстояло столкнуться на следующий день. Я и сам прекрасно сознавал, как это глупо и безрассудно (до такой степени, что могло привлечь внимание моих жутких тетушек — чопорных и черствых интеллектуалок), однако был так подавлен уходом Лоры в сочетании с появлением нового дворецкого и жуткого зверя, что ни за что на свете не смог бы заняться чем-нибудь более продуктивным, чем дальнейшее разрушение клеток собственного мозга.

Борис Обломов, разумеется, тоже не преминул появиться в клубе и вполголоса хвастливо сообщал всем желающим, как именно он со-

бирается выиграть состязания. Для этого он щедро угощал выпивкой нужных людей — других участников. Впрочем, его право — ибо, как говорили древние, в игре все средства хороши: не он первый пытался толкнуть соперников на самоубийство через потакание собственным слабостям.

— Завтра мы летим, ребята, и кто знает, суждено ли вернуться? — пламенно вешал он. — Так давайте же вскроем подвалы и отведаем самые лучшие вина. А то так никогда и не попробуем...

Перед прыжком Борис всегда отличается болезненной сентиментальностью с оттенком злорадства. К тому же это отличный предлог, чтобы осушить винные погреба, а его кошелек это позволяет. Обломов — не настоящая его фамилия, это псевдоним, которым он пользуется, когда хочет выглядеть этаким толстосумом и плейбоем, но без хлопот и забот, связанных с титулом. В тот вечер он был в каком-то жутком одеянии — должно быть, что-то подобное надевал царь Путин в далекую варварскую эпоху, еще до Неопросвещения. Наверное, этот костюмчик он откопал в шкафу старшего брата.

— Знаем-знаем! Ты просто хочешь спойть нас, чтобы получить преимущество, — подтрунивал над ним Толли Форсайт, поднимая свой бокал «Шато Кунга». — Но у меня родился тост! Долой трусость! Выпьем до дна!

— Клог-клог, — сказал Тоудсворт, поднимая кубок своей раздвижной телескопической конечностью. По крайней мере, мне показалось, что он произнес именно это. Дело в том, что его английский оставляет желать лучшего, а одно из Правил гласит: никаких нейронных имплантов в стенах клуба. В связи с этим иногда приходится чертовски трудно, особенно когда имеешь дело с личностями, которые двух слов связать не могут — с такими вот высокопроводимыми наследниками-клэнки. Вот вам, как говорится, и результат недостатка приличного классического образования, знания немертвых языков и всё в таком духе...

Присутствующие церемонно осушили кубки — и один за другим понесли тосты и возлияния.

— А меня можно спаивать спокойно, — сказал Мармадюк Ботт, поблескивая моноклем, который мигал рубиновым огоньком, словно старинный биржевой телеграф. — Я все равно не выиграю, и знаете почему? В этот раз я сижу на трибуне!

— Бухло отменное, — поддержал его Эджстар Вулфблэк, втыкая в один из шести коленных суставов полный шприц какой-то омерзительной фторкарбонатной смазки.

Большинство членов Клуба составляют сквиши, но Тоудсворт и Эджстар — исключение, оба они клэнки. Однако если под шишковатым коническим корпусом Тоудсворта скрывается то, что осталось от его прежнего сквишского тела, то Эджстар пошел до конца и полностью преобразовал себя в керамический экзоскелет с восемью или девятью узкоспециализированными конечностями. Выглядел он теперь как незаконнорожденный отпрыск Шивы и пылесоса.

— Карбонат свежий, фторный... — заметил он, и его массивные бронированные брови неуверенно сдвинулись. — Или фтор карбонатный... чистый...

Он отличный парень, этот Эджстар, и учился в престижной школе, но в тот день, когда все проходили мозговой апгрейд, он явно прогулял занятия.

— Плесни мне еще каплю, — велел я, протягивая свой бокал пролетавшему мимо пчелоиду, и тот оторыгнул туда нектар. — А я сегодня обзавелся новой прислужгой, — сообщил я. — И чуть было сразу ее не лишился. Сестричка снова подбросила мне этого гребаного мамонта, и девице пришлось сражаться с ним раньше, чем я успел заставить ее принести клятву верности.

— Ах, какой кошмар! — воскликнул Абдул таким издевательским тоном, что я вынужден был сурово на него взглянуть. Он в ответ лишь ухмыльнулся. — Ну, и какие у Фионы планы на эту неделю? Она уже сто лет не заглядывала к нам в гости.

— Кажется, она говорила что-то насчет лыжного сезона в Олимпии. А потом у нее запуск нескольких судов. Так, ничего особенного, обычное салонное развлечение après ski*.

Я зевнул, изо всех сил стараясь придать себе скучающий вид. Абдул, пожалуй, единственный из членов Клуба, кто по-настоящему стоит выше Бориса. Борис вынужден скрываться под псевдонимом из-за своего положения наследника престола Всея Руси (по крайней мере, той Руси, что лежит между Марсом и Юпитером), в то время как Абдул даже не пытается скрывать свою личность. Он младший брат Его Величества Импозантнейшего и Наиважнейшего Эмира Марса. Когда обладаешь родословной, можно позволить себе заниматься чем угодно. Особенно если речь идет о совершенно невинном спорте, а не о попытках умертвить старших братьев — традиционном развлечении королевских особ. Абдул, конечно, самый настоящий псих: прежде чем заняться орбитальным фри-серфингом, он прошел путь от техниче-

* После лыж. (фр.)

кого дайвинга на Европе до натуралистского покорения ледников на Плутонии — а ведь у него, в отличие от меня, нет в качестве оправдания даже мало-мальского нейроэндокринного расстройства... Впрочем, в остальном он совершенно здравомыслящий малый.

— Ха! — усмехнулся он. — Но мы просто обязаны пригласить ее на праздник после прыжка, верно?

— Праз-зник? — пискнул Тоудсворт.

— Ну, разумеется. Это ведь мой сотый прыжок, и мы должны это отметить. — Абдул снова ухмыльнулся (он просто специалист по части ухмылок) и сделал глоток «бурдо» восьмидесятилетней выдержки. — Приглашаются все выжившие! Ну что, друзья, выпьем?

— Выпьем! — эхом отозвался я, поднимая свой бокал. — Гип-гип, ура!

4. Королевский спорт

День состязаний выдался холодным и ясным — по крайней мере, когда рано утром я вышел на балкон, чтобы взбодриться перед дорожкой, было холодно и ясно.

К некоторому моему удивлению, мисс Фенг уже была на ногах и ждала меня — с термосом горячего кофе, профилактической дозой антипохмелина и традиционной предстартовой сигарой «на удачу».

— Сэр, вы уверены, что эти соревнования абсолютно безопасны? — поинтересовалась она, пока я прихлебывал эспрессо.

— О, вовсе нет! — заверил я ее. — Но после них я буду чувствовать себя намного лучше. Ничто так не будоражит кровь, как мысль, что лишь считанные миллиметры отделяют тебя от того, чтобы разделить пылающую судьбу метеорита! Не правда ли?

— Как знать, — с сомнением сказала мисс Фенг, забирая пустой термос. — Меня учили, что в экстренных ситуациях, от которых, как вы выражаетесь, будоражит кровь, необходимо достать аптечку и позвонить в «неотложку». А также постараться удержать своего работодателя от добровольного шага в смертельную ловушку. Гм... Полагаю, сэр, вы рассчитываете вернуться живым?

— А это мысль! — Я улыбнулся идиотской ухмылкой, уже ощущая знакомую дрожь азарта. Избавиться от черного пса депрессии не так-то просто, но риск обычно хотя бы на время загоняет его в конуру. — Кстати, если позвонит Лора, не могли бы вы передать ей, что я отправился на героическую гибель, чтобы защитить ее добродетель... Ну, или что-нибудь в этом роде. Я перезвоню ей попозже. Да, чуть не забыл! Абдул аль-Мацумото пригласил нас, то есть всех, кто

выживет, на вечеринку у него на Марсе. Так что не могли бы вы проследить, чтобы моя тачка была готова, как только я после прыжка переоденусь к ужину? И может быть, вы еще проверите, есть ли запас корма у этого монстра-недоросля? Если запереть его на чердаке, то ничего страшного случиться не должно — ну разве что портьеры сожрет...

Мисс Фенг кашлянула и взглянула на меня с укоризной.

— Если мне не изменяет память, сэра обещал своей сестре позаботиться о ее питомце лично.

Я уставился на нее несколько ошарашенно.

— Вы что, хотите сказать...

Мисс Фенг протянула мне сигару и раздумчиво продолжила:

— Разве сэра не задумывался, что взять Джереми с собой может быть в его собственных интересах — принимая во внимание ценность семейных отношений? Кроме того, леди Фиона тоже находится на Марсе, пусть даже и занята другими делами. И если она вдруг решит посетить дворец эмира и обнаружит там вас, сэра, без Джереми, последствия могут быть не просто печальными, а очень печальными...

— Да... Вы правы. Выходит, мне придется тащить с собой это проклятое хоботное? Вот же геморрой! А в багажник он влезет?

Мисс Фенг еле слышно вздохнула.

— Полагаю, теоретически такая возможность существует. Я постараюсь прояснить этот вопрос, пока сэра будет наслаждаться тем, что не умер.

— Попробуйте пиво! — крикнул я ей, подхватывая доску для серфинга и взбираясь на борт орбитального такси. — Джереми его обожает!

Мисс Фенг кивнула, и дверь закрылась. Надеюсь, она не налетит ему слишком много, мелькнула запоздалая мысль. После чего гравитационный прыголайзер сердито зачирикал, пришел к выводу, что он находится не на той планете, и начал исправлять ситуацию своим особым способом. Я откинулся на спинку кресла и стал ждать прибытия на орбиту. Я не был до конца уверен в мудрости принятого решения: все-таки немного найдется перспектив столь же безрадостных, как завтрак в обществе похмельного мамонта. Но мисс Фенг казалась очень опытной в этих делах, и я счел за лучшее довериться ее мнению. Так что я сделал глубокий вдох, подождал еще шестьдесят секунд (пока не зазвенел таймер), а затем открыл дверь и шагнул во враждебный вакуум за бортом, на высоте трех сотен километров.

Как вы, должно быть, догадались, прыжок прошел успешно — иначе я вряд ли докучал бы вам этой историей, верно? Как описать прилив

адреналина, когда балансируешь на доске толщиной в десять сантиметров, а она отчаянно вибрирует в сверхзвуковом потоке, пытаешься сбросить тебя в горнило ураганных ветров, бушующих в верхних слоях атмосферы? А дуга горизонта, которая все растет и распрямляется, чтобы в конце концов сплющиться у твоих ног разъяренными сгустками плазмы? Ах, какой восторг! Какой экстаз! У меня самого поэтическая жилка, к несчастью, отсутствует, но если вы как-нибудь поймаете Тоддворта за пределами подавляющего клубного поля, он до краев напоит вас своим бредом. По-моему, для клэнки с маниакально-депрессивным синдромом, боязнью лестниц и шишками на корпусе он довольно неплохой поэт. Во всяком случае, ни от кого больше я не слышал более точного описания состязаний по орбитальному фридайвингу.

Сам прыжок длится недолго: опасная стадия занимает, быть может, минут двадцать от начала до конца, и только в последние пять минут становится по-настоящему жарко. Потом ты замедляешься до звуковой скорости, отпускаешь свою тлеющую доску и молишься предкам, чтобы парашют раскрылся как надо, потому что нет ничего более унижительного, чем необходимость прибегать к помощи спасательного катера. Особенно если он соскребет тебя с земной поверхности уже после вашей неформальной встречи.

Проносясь где-то над Ютой, я угодил в слой облаков и, должно быть, немного переборщил с зигом вместо зага, поскольку, когда туман наконец рассеялся, я обнаружил, что скольжу по небу километрах в пятидесяти в стороне от намеченного курса. Это уже само по себе было довольно неприятное открытие, а особенно когда по шлемофону мне услужливо сообщили, что трое других спортсменов (и среди них Абдул!) оказались гораздо ближе к цели. Должен признаться, в этот миг я пробормотал нечто грубое и совершенно неспортивное. Но игра есть игра, и сражаться нужно до конца.

В итоге я приземлился в каких-нибудь тридцати трех тысячах метров от цели, и пару минут спустя арбитры сообщили, что у меня третий результат. Перри О'Пэри, который до этого меня опережал, умудрился изжариться заживо, еще не достигнув тропосферы. Жаль бедолагу, конечно, но по крайней мере он погиб как мужчина.

Оставшийся путь до базы я проделал на одном из судейских катеров. Когда в своих дымящихся одеждах я переступил пыльный, засыпанный песком порог, впервые за несколько недель ощущая себя по-настоящему живым, праздник был уже в полном разгаре. Слуги Абдула, все как один в традиционных кимоно и бурнусах, привели

генетически модифицированного верблюда, который в огромных количествах писал шампанским.

— Выпивка за мой счет! — пропел Абдул на тирольский манер, когда Толли Форсайт и какой-то странный тип из великих визирей (должно быть, это был Тоширо ибн-Секирбашка) водрузили его себе на плечи и принялись отплясывать победную мазурку.

— Нехило ты зажигаешь! — воскликнул я, с облегчением сбрасывая шлем с перчатками и опрокидывая чашу шипучки на свою дымящуюся голову. — Твое здоровье!

— Наливай!

Абдул щедро разбрызгивал вокруг верблюжью благодать. Сегодня он радовался от души и, надо признать, был при том изрядно навеселе. Ко мне подобрался младший братец ибн-Секирбашки и доверительно сообщил:

— Если Ральфи-сан соблаговолит проследовать за мной на яхту Его Высочества, мы отправимся на Марс, как только прибудут остальные гости.

— Остальные? Клёво! — Я огляделся по сторонам в надежде увидеть мою подружку-клэнки, но Лоры нигде не было. Что весьма странно, поскольку обычно к этому моменту она уже ошивалась где-то поблизости. Видимо, то, что я мог отдать богу душу на глазах у почтенной публики, воодушевляет ее. — А кто конкретно еще едет?

— Многие, — заверил меня ибн-Секирбашка-Младший с хитрецей в голосе. — Будет большой праздник, очень большой — как и полагается по случаю дня рождения принца. Вы что, не знаете о дне рождения? Вечеринка будет, разумеется, тематическая — в честь приемных предков этой древней фамилии, дома Сауда.

Абдул аль-Мацумото — такой же чистокровный арабский принц, как я, — наследник клана Макдональда, но что поделаешь, это наша расплата за происхождение от нуворишей, столетия назад переживших Великое Сокращение. Наши предки купили вакантные титулы, и, следовательно, мы, их потомки, вынуждены чтить все эти дебилские традиции. Я, например, потратил годы, мучительно упражняясь в метании тряпья и танцах с граблями, не говоря уже об истязании слуха уроками игры на электроволынке. Впрочем, Абдулу пришлось еще хуже: правила обязывали его повсюду таскаться с полотенцем на голове и воздерживаться от употребления сброженного виноградного сока, пока тот не пройдет через почки генетически модифицированного верблюда. Да уж, эти аристократические забавы тоже, знаете ли, палка о двух концах.

— Тематический вечер... — задумался я, вынимая лицо из чаши. — Звучит заманчиво. Но я бы хотел поехать на своей тачке. Это как, нормально? Найдется для нее местечко на императорской пристани?

— Разумеется, — сказал визирь, слегка покосившись на скользнувшую мимо фигуристую полуобнаженную танцовщицу. Я с неприязнью обратил внимание на его безволосое лицо и кожаный шнурочек на шее с парой высушенных яиц. Некоторые полагают, что избыток тестостерона превращает мужчину в идиота, но это уж чересчур, верно? — Только не забудьте, это костюмированная вечеринка. Тема — «Тысяча и одна ночь», в честь выбора новой наложницы Его Высочества. Его Высочество разрешает вам, если пожелаете, привести с собой одного или двух гостей. Если вам необходим костюм...

— Уверен, в моем гардеробе найдется все, что нужно, — сказал я, бить может, чуточку излишне резко. — До скорой встречи.

Ибн-Секирбашка поклонился и, яростно шаркнув ногой, попятился прочь. Что-то здесь не так, подумал я, но прежде чем успел сообразить, что именно, раздался гул, и я увидел знакомые очертания своего экипажа. Вообще-то это судно дядюшки Фезерстоунхофа, но поскольку он должен вернуться не раньше чем через шесть лет, то, по-моему, это обстоятельство не имеет большого значения — особенно принимая во внимание отличные ходовые качества этой посуды. Погруженный в свои мысли, я медленно двинулся к кораблю и нос к носу столкнулся со сходящей по трапу мисс Фенг.

— Я и не знал, что вы умеете водить корабль, — удивился я.

— Мое образование включает квалификацию пилота, сэр. Неограниченные летные права военного образца, плюс межзвездные полеты и боевой аттестат. — Она скромно кашлянула. — В числе прочих навыков.

Она окинула меня взглядом — от обожженных полуразвалившихся ботинок до прически «а-ля шампань» — и добавила:

— Сэр, я взяла на себя смелость приготовить вам смокинг. Он в хозяйской каюте. Могу ли я предложить вам принять душ, который несколько освежит те части тела, сэр, которых уже коснулось веселье ваших друзей?

— Мисс Фенг, вы можете предлагать мне все, что угодно, я целиком и полностью доверяю вашему профессионализму. Да, забыл предупредить: за мной тут увязался один придурок, но с ним не будет никаких хлопот. Если, пока я переодеваюсь, вы проводите его в каюту, мы сможем отчалить, не задерживаясь. Кстати, от Лоры ничего не слышно?

Мисс Фенг аккуратно покачала головой:

— Ни звука, сэр. — Она отступила в сторону. — Итак, как только ваш гость поднимется на борт, можно прокладывать курс на Марс? Очень хорошо, сэр. Если я вам понадобится, буду на мостике.

Вот так выяснилось, что мисс Фенг была не только идеальным дво-рецким, но и пилотом-асом. Ну и кто после этого скажет, что чудес не бывает?

5. Мисс Фенг, Джереми и неправильное пиво

Корабль дядюшки Фезерстоунхофа изнутри отделан панелями из беленого дуба с коваными украшениями, шторами из охристого жато-го бархата и мягко шипящими газовыми лампами. Изгибы круглого дивана повторяют очертания кают-компания, а для длинных, утоми-тельных путешествий в другие системы имеются отдельные каюты, в которые можно попасть через раздвижные панели, скрытые в стенах. Это великолепный образец забытой ныне классической роскоши, в которой человек может хорошенько расслабиться, попутно любуясь релятивистскими фейерверками на хрустальном экране, занимающем весь потолок.

Однако полет в марсианский увеселительный купол Абдула был омрачен тремя серьезными недостатками. Во-первых, старина Эджи, которого в порыве неуместного дружелюбия я предложил подвезти, оказался далеко не лучшим компаньоном для постпрыжкового пред-обеденного путешествия, хотя бы в силу того, что его любимые на-питки — едкие или самовоспламеняющиеся, либо и то, и другое вме-сте. Во-вторых, я все еще болезненно переживал отсутствие Лоры. И в довершение всего, так сказать, словно глазурь на торте или бель-мо на глазу, — запертый в багажном отсеке Джереми. Он лягался с та-ким отчаянием, на какое способен лишь проснувшийся с бодуна кар-ликовый мамонт, так что за грохотом я едва различал собственный голос.

— Ё-моё, сколько же пива вы ему дали? — спросил я у мисс Фенг.

— Два литра, сэр, — отвечала она, — довольно старого «брагота», того, что стоял на дальней полке в лаборатории вашего дядюшки. Я рассудила, что его отсутствие будет наименее заметно.

— О бог ты мой! — вскричал я.

— «Бра-гот»? — эхом отозвался Эджи, в то время как с нижней па-лубы донеслись глухие удары и жалобный визг. Судя по всему, Джере-ми пытался вышибить себе мозги. (К сожалению, череп у карликовых мамонтов настолько прочный, что способен выдерживать прямое по-падание метеоров, а также небольших зарядов антивещества.)

— Это была ошибка? — спросила мисс Фенг с неожиданной неуверенностью в голосе.

Я вздохнул.

— Вы работаете недавно, поэтому могли этого не знать, но учтите на будущее: ко всему, что варит дядюшка Фезерстоунхоф, стоит относиться как к экспериментам по созданию химического оружия. Особенно он увлекается «браготом». Согласно средневековой рецептуре, пиву необходимо несколько лет вызревать до консистенции густой папки. А если его разбавить, оно превращается еще и в отличное слабительное. Так, во всяком случае, мне говорили, — торопливо добавил я, не желая сознаваться в грехах молодости.

— О боже. — Она наморщила лоб. — У меня было подозрение, что напиток не первой свежести. Кстати, в трюме остался еще бочонок — на случай, если возникнет необходимость снова успокоить Джереми.

— Не думаю, что это работает, — с сожалением сказал я. — Он, конечно, скотина тупая, но все же не настолько. Дядюшка, помнитесь, выдвигал тезис, что «черная смерть» 1349 года была вовсе не эпидемией чумы, а похмельем после «брагота».

— БУМ! — донеслось из-под пола, заставив мои зубы завибрировать.

— До Марса осталось два часа, — заметила мисс Фенг. — С вашего позволения, сэр, до прибытия мне необходимо приготовить ваш костюм.

И она удалилась в одну из кают, оставив меня наедине с Эджи и толстокожим ударником.

6. Марсианские увеселительные купола. Введение

На Марс я прибыл несколько разбитым, но внешне — не в самой худшей форме. Мисс Фенг где-то раздобыла для меня бурнус, тюрбан и антикварный костюм-двойку из полиэстра, так что я выглядел круче некуда — ну вылитый арабский Бэтмен. Я пытался и мисс Фенг обрядить в костюм, но она отказалась.

— Я ваш дворецкий, сэр, а не участник праздника. Так что это был бы моветон, — сказала она, на всякий случай засовывая в мой нагрудный карман пузырек с лосьоном после бритья.

С такой аргументацией не поспоришь, хотя у меня было подозрение, что ей просто не пришлось по вкусу прозрачные шаровары и расшитый серебряными монетками лифчик — все это я захватил с собой в надежде соблазнить таким нарядом Лору. Эджстара мы обмотали меховой попоной и научили плевать по команде: ему предстояло вы-

ступить в роли моего верблюда-телохранителя (до тех пор, конечно, пока кому-нибудь не взбредет в голову прогнать через теплоноситель второго контура его реактора шампанское). Джереми вышел из трюма дрожащий и такой бледный, что мы с мисс Фенг подумали и, соорудив нечто вроде импровизированной шлейки, решили представить его в качестве священного Белого Слона. Конечно, настоящий Белый Слон вряд ли взирал бы на мир такими злобными, налитыми кровью глазками и обладал бы столь неприятно-затхлым запахом, но выбирать не приходилось.

Два слова об Абдуловой хате. Абдул аль-Мацумото, младший брат эмира Марса, обитает в улетном готическом дворце, расположенном на верхних склонах Елисейского холма, что возвышается над пыльной равниной на тринадцать километров. Впрочем, Елисейский холм — такая громадина, и когда на нем находишься, сложно даже понять, что ты на вершине горы. А потому где-то в процессе пяти предыдущих веков один из предприимчивых предков Абдула осквернил знаменитый вулкан, выгесав из него ареофизический нонсенс — уменьшенную вдвое копию Эвереста, выступающую из края кальдеры. Таким образом, несмотря на всю эту современную терраформацию, которая сделала из дряхлого бога войны подобие уединенной фермы, увеселительный купол Абдула — это действительно купол, этакий старомодный колпак типа «стекло не разбивать, воздух не выпускать — опасно для жизни».

Следуя указаниям Службы контроля посадки, мисс Фенг причалила к пристани рядом со сверкающим стеклянными гранями куполом. И не успел старина Эджи выскочить на поверхность и опробовать свои вакуумные затворы, как к люку пристыковали гибкий туннель. Наконец с глухим хлопком дверь отворилась.

— Ну пошли, что ли? — предложил я Джереми. Тот плюхнулся на задние лапы, покосился на меня желчным взором и издал жалобное хрюканье. — Ну ладно, тогда попробуем вот так, — пробормотал я, нагибаясь к нему.

Оказывается, карликовые мамонты довольно тяжелые, даже при марсианской гравитации, однако я все же умудрился зажать его под мышкой и с этим нелегким бременем двинулся в путь по трубе на вечеринку.

Бесплатный совет: если вас когда-нибудь пригласит к себе в гости избалованный плейбой и по совместительству младший брат верховного правителя планеты, не забудьте первым делом загрузить себе в монокль путеводитель, чтобы не тратить время на утомительные

блуждания по огромным апартаментам с мамонтом под мышкой. Скромное обиталище Абдула насчитывает 2428 комнат, в том числе 796 спален, 915 ванных, 62 кабинета и 147 комнат для гостей. Также на выбор имеются четыре бункера для верховного правителя, и в каждом своя Главная Кнопка, причем разных цветов — видимо, на тот случай, если в гости нагрянут сразу несколько верховных правителей одновременно.

Если бы такая громадина обслуживалась по старинке, то есть при помощи прислуги-сквиши, она была бы совершенно неуправляема. Но дворец был построен сразу вслед за марсианской эпидемией гиперчесотки 2407 года, покончившей с теми остатками Солнечной системы, которые не были уничтожены Великим Сокращением. А потому в нем полным-полно всяких блестящих штукоев, которые шныряют повсюду за вашей спиной и крутятся под ногами, полируя мраморные плиты пола, ремонтируя изумительные мозаики из лазурита и заправляя лампы чистейшим оливковым маслом. Конечно, без довольно приличного штата живой прислуги все равно не обойтись, но это все-таки не та армия, какую можно было бы ожидать в здании, которое по величине в несколько раз превосходит «Хилтон» в Ватикане.

Наконец я угодил в распростертые объятия Абдула, окруженного двумя суровыми молчаливыми типами с мечами и целой группой поддержки из гурий, асасинов и прихлебателей.

— Ральфи-сан! — вскричал Абдул, расцеловал меня в обе щеки и повернул лицом к толпе. — Хочу представить вам моего дорогого гостя, Ральфа Макдональда Сузуки, пятого графа из клана горцев Макдональдов, чистокровного японского помещика из старой доброй Шотландии! Ральфи — крутой скай-дайвер и вообще классный парень. Ральф, а это узнаешь? Владимир Ильич Ульянов, Верховный комиссар Советского Со-Пуза.

Ульянов ухмыльнулся. Под маской я разглядел лицо нашего старинного собутыльника царевича Бориса.

— А это у нас кто? Оба-на, Эджи! Тебя просто не узнать! Это лама, да? Как похоже!

— Нет, это, должно быть, обезьяна, — объяснил Вулфблэк, извиваясь так, что фальшивая верблюжья шкура хлопала его по бокам. Я собрался было объяснить, что привязанный на спине бочонок, который должен изображать горб, просто соскользнул, но Эджи уже обернулся к Абдулу: — Нравится?

— Супер! Клевый прикид!

— Пип-бип, — сказал Тоудсворт, жужжавший поблизости с бокалом нейротоксинов, зажатым в телескопическом манипуляторе. Думаю, это был не тост, а, скорее, инфовспышка высокой пропускной способности, но из-за моей злосчастной аллергии на импланты я весьма слаб на эти дела. — Слушайте, а где тут бар?

— Вон там, — отозвался ибн-Секирбашка, внезапно возникший из потайной двери, спрятанной за вазой эпохи династии Минг, и указал на сводчатый коридор в боковой стене холла. — До встречи!

И глаза его сверкнули злодейским предзнаменованием. Чья-то закутанная в черное фигура буравила меня взглядом из-за спин двух вооруженных до зубов асасинов. От их вида мне стало как-то не по себе, но не успел я и слова сказать, как Тоудсворт схватил меня за руку своей железной хваткой и потащил к барной стойке.

— Идем! Охмелимся! — прожужжал он. — Все враги трезвости должны быть охмелены! Пип-бип!

Джереми протестующе затрубил прямо мне в ухо и начал вырывать-ся. Поскольку третьей руки, чтобы успокоить разбушевавшегося зверя, у меня не нашлось, я выпустил его, и, воспользовавшись низкой марсианской гравитацией, он помчался куда-то вперед, дико взмахивая куцыми ушами.

— О боже... — только и успела сказать мисс Фенг.

— Почему бы вам не пойти и не подготовить мои покои? — прорычал я, приходя в ярость от мысли, что этот долбаный слон может перевернуть чашу с пуншем раньше, чем я до нее доберусь (или, что еще хуже, погрузить в нее свой носище). — Предоставьте зверя мне, я сам разберусь с ним. Попозже.

— Опьяняться! Опьяняться! — возопил Тоудсворт, с грохотом устремляясь вперед и дико мигая огоньками на своем бронированном теле. — Зажигай!

7. Ральф разясняет природу своих отношений с Лорой

С одной стороны, приличным молодым людям не пристало особенно распространяться обо всяких таких делах сугубо личного характера. С другой стороны, во всей этой истории немного смысла без озвучивания определенных интимных подробностей (думаю, намек ясен даже глухому роботу). В любом случае, раз уж детали моей личной жизни стали достоянием общественности и породили массу слухов, было бы, пожалуй, чересчур сурово обвинять вашего покорного слугу в нескромности. А потому позвольте мне, отбросив излишнее ханжество и, быть может, даже рискуя оскорбить целомуд-

рие читателя, пояснить кое-что в хитросплетениях моих отношений с Лорой.

Порой я размышляю о том, насколько проще была жизнь в те далекие времена англо-американской цивилизации, когда существовало лишь два официально признанных пола и люди не заморачивались по поводу того, к какому типу принадлежат их интимные отношения: коммутативному, транзитивному или же рефлексивному. Никаких тебе оппозиций сквиши и клэнки, высших и низших — ничего, кроме старого доброго противопоставления самцов и самок, в значительной степени обусловленного врожденной формой гениталий. Извращенцы же прекрасно знали свое место, и все было легко и просто. Современная жизнь, на мой взгляд, может довести до белого каления кого угодно, но как самец-сквиши высшего типа с безупречной родословной я могу себе позволить и чуть ли не обязан содержать (и социально, и материально) любовницу — и вот тут-то на сцену выходит Лора.

Лора — самая настоящая клэнки, и при этом настоящая женщина, но сквиши по своей сути и родом из слоев, достаточно низких для случайных отношений, — в общем, ситуация едва-едва на грани приемлемости в приличном обществе. Мы познакомились во время охоты на лунном ранчо у одной пахлавской девушки, где вносили свой вклад в эволюцию, помогая сократить численность одичавших роботов во время их ежегодной миграции через Море Безмолвия. Не знаю, чем именно там занималась Лора, но, кажется, это было как-то связано с ее способом по дешевке путешествовать по Солнечной системе. Она работала экзотической массажисткой где-нибудь в Японии или подстригала деревья на Церере, а тем временем копила деньги на следующий межпланетный перелет. Думаю, от своей матери, или от инкубатора, или кто там у нее был, она получала небольшое содержание, но все равно вынуждена была работать, чтобы сводить концы с концами — что, конечно, ужасно не комильфо для такой маленькой прелестной принцессы. Наши взгляды встретились над посеребренным стволом ее электромагнитного ружья, и как только я увидел ее изящно скрепленные ресницы и преломляющийся блеск стекла на груди, одновременно обнаженной и восхитительно недоступной в вакууме, я решил: она должна быть моей. «Ах, мои конденсаторы вот-вот сгорят!» — затрепетала она, и я пал ниц, чтобы сложить к ее ногам свое сердце и ключи от спальни.

Конечно, есть нечто не вполне нормальное в том, что самец-сквиши увивается за юбкой клэнки. Некоторые даже назовут это извращением, но я способен выдержать косые взгляды недоброжелателей, и наш женско-мужской союз все же достаточно ортодоксален, чтобы вызывать

у тетушек всего лишь возмущение, не переходя границ, грозящих оскорблением. Пожалуй, будь Лора в большей степени клэнки, но при этом из высшего света, продолжать эти отношения открыто было бы чересчур рискованно... Впрочем, я отвлекся. Надеюсь, вы найдете в себе силы для толерантности. Но посудите сами: что же делать здоровому самцу, коль плоть влечет его в не вполне респектабельном направлении?

Когда я впервые положил глаз на эту дамочку, то, разумеется, был гораздо моложе и неопытнее. С тех пор у нас были и взлеты, и падения. Она, если честно, была не в курсе моих злополучных нейрогормональных проблем, я же, со своей стороны, недостаточно ясно представлял себе (и с технической, и с эмоциональной стороны), что это такое — содержать любовницу-клэнки на том уровне, который она считает подобающим. Не ожидал я и того, что она окажется столь яркой поклонницей экспериментов с собственной личностью, а также проявит такую любовь к театральным жестам и термоионному возмущению. Полагаю, в моем характере она тоже обнаружила немало сюрпризов. Но в целом все у нас, вроде, было как у людей — пока она в очередной раз не бросила меня перед прыжком и, вопреки обыкновению, не вернулась после.

8. Джереми впадает в неистовство. Ужасное открытие, совершенное перед обедом

Следует признать: среди самых разнообразных методик реабилитации после стресса, которым сопровождается прыжок, та, что избрал для нас старина Абдул, не имела себе равных на декадентский (то есть отменный) вкус. Судите сами: разве можно оставаться напряженным, когда возлежишь на покрытом шелками ложе в увеселительном дворце на Марсе и юные прелестные сквиши льют в твои уста предварительно сброженный виноградный сок? Когда специально приставленный слуга раскуривает для тебя кальян, а в дальнем углу залы музыканты-клэнки негромко наигрывают что-то на своих разнообразных органах?

На сцене кружились, изгибались и извивались танцовщицы, в то время как довольно соблазнительный юноша-сквиши в парчовой набедренной повязке и тюрбане с павлиньим пером стоял наготове за моим левым плечом, следя за тем, чтобы бокал для коктейлей оставался наполненным. Про изобилие цукатов и нежнейшей консистенции желе из криопланктона с Европы не стоит и упоминать.

— Вот это, я понимаю, жизнь! — заметил я, обращаясь преимущественно к Тоудсворту.

Мой приятель-клэнки припарковался рядом с моим будуаром, своим узловатым подвижным шлангом-охмелителем посасывая из изящ-

ной розетки чистейший ток, в то время как оставшиеся сквишскими частицы его природы через витую соломинку смаковали отлично сваренный корейский соевый эль из бутылки Клейна.

— Бип-бип, — согласился он, после чего высказался несколько более медленно и пространно: — Старина, у тебя удрученный вид. А точнее, если бы у тебя были такие же, как у меня, гиперспектральные зрительные анализаторы, ты бы заметил: вид у тебя несколько искаженный. Примерно такой: пип!

Это прозвучало настолько эмоционально, что даже моя фамильная драгоценность — глючный, но все равно бесценный личный секретарь распознал это как информационный пакет и куда-то сохранил.

— Не сочти за назойливость, — продолжал Тоудсворт, — но если тебе нужна помощь — охмелить твоих врагов или, например, завоевать планету, — не стесняйся, обращай ко мне, о'кей? Да, и давай без этих формальностей: можешь называть меня просто Тостер.

— Спасибо, дружище, я знал, что на тебя можно положиться, — сказал я. — Но, боюсь, ты мне ничем не поможешь. У меня и правда кошки на душе скребут. Ты ведь в курсе, что Лора меня бросила? Она, конечно, и раньше не раз такое выкидывала, однако всегда возвращалась после прыжка. А сейчас от нее уже третий день — ни винтика, ни шестеренки. Я что-то беспокоюсь...

— Постараюсь разузнать что-нибудь прямо сейчас. В клэнкнйской сети можно отыскать все, что угодно. Я бы осмелился предположить, что она, возможно, почувствовала необходимость немного побыть одной и проветрить клапаны. Скоро она вернется. — И Тоудсворт подмигнул мне окуляром, жизнерадостно сверкнув моноспектральными эмиттерами. — Охмелимся?

Мне ничего не оставалось, кроме как поднять в ответ бокал. Но что это?! Он был пуст!

— Эй, любезный! А где вино?

Я огляделся по сторонам. У края будуара, там, где еще минуту назад сидел мой мальчик для коктейлей, теперь рыскала мохнатая бурая соссиска с двумя раздувающимися ноздрями.

— Схватить его! — крикнул я, негодуя на нерадивого слугу, хотя обвинять во всем его одного было бы нечестно: Джереми уже причинил ему телесные повреждения, и теперь бедняга жалобно поскуливал, согнувшись пополам под соседним паланкином. Джереми же тем временем с омерзительным хлюпаньем высосал своим хоботьярой остатки моей «Маргариты» с кубиками сатурнианского льда, искоса на меня глянул и смачно чихнул, обдав мне лицо едкой слизью.

— Подлая тварь! — возмутился я. — Ты что же это вытворяешь!

Все знают, что обычно я очень мил с маленькими детьми и другими зверьками, но когда дело касается Джереми, я перестаю владеть собой. Он сощурил свои глазки, взмахнул ушами и испустил торжествующий (и к тому же пропитанный парами алкоголя) рев. «Вот тебе! — казалось, хотел он сказать. — С какой стати все веселье должно доставаться вам, двуногим?» Я попытался было схватить его за уши, но он оказался проворнее и, проскользнув прямо под сиденьем, очутился на другой стороне, пока я изрыгал проклятья и молотил руками в воздухе в поисках чего-нибудь тяжелого. Люди вокруг меня стали оборачиваться, не понимая, что происходит.

Когда мне наконец удалось подняться на ноги, Джереми уже улепетывал сквозь одну из узких арок в дальнем конце зала. А передо мной возникли глаза одного из подручных ибн-Секирбашки.

— Пожалуйста, не шумите так, Ральфи-сан, — попросил он. — Его Высочество собирается сделать объявление.

И точно: по всему залу осторожно шныряли лакеи, призывая собравшихся к вниманию и утихомиривая особо разгомонившихся гостей. Музыканты тоже затихли, а потом стали наигрывать что-то вроде серенады, тихонько пощипывая свои голосовые связки. Я в последний раз глянул в ту сторону, куда исчез Джереми.

— С тобой я еще разберусь, — прошипел я сквозь зубы. Даже по обычным его стандартам такое поведение было чересчур. Не будь я уверен в обратном, мог бы поклясться, что с этим вредителем что-то не так. Затем я наконец обернулся к сцене.

Занавес взметнулся ввысь эффектной бархатной волной, обнажив высокий престол, окруженный беседкой из взращенных на гидропонике финиковых пальм. Его Высочество Абдул аль-Мацумото, младший брат эмира Марса, поднялся с трона, и тут же по обе стороны от него обнаженные внухи-телохранители с блестящей умощенной кожей в знак приветствия воздели вверх свои сабли.

— Друзья мои, — забубнил старина Абдул с совершенно несвойственной ему монотонностью. — Не могу описать, как я счастлив приветствовать вас сегодня в моем скромном жилище.

На нем было длинное одеяние из ослепительно-белого хлопка и широкая золотая цепь — видимо, приз Клуба за последнюю победу в состязаниях. Позади него, подталкивая друг друга локтями, рядком выстроились фигуры в чадрах и бесформенных черных одеждах. «Его жены? — подумал я. — Или мужья?»

— Сегодня первая из сотни и одной ночи, — продолжал Абдул, гля-

дя в зал какими-то уж особенно остекленевшими глазами. — В честь моего, в некотором роде, предка, султана Шахрира, и ввиду того, что мне, так сказать, уже пора остепениться, мой старший брат, да пребудет мир в его доме, постановил устроить состязание за мою руку. Начиная с этой ночи и в течение последующих ста счастливицы и счастливики любой подходящей половой принадлежности будут состязаться за право стать моей первой и главной женой или мужем.

— Да-да, это не просто развлечение на одну ночь! — донесся откуда-то сбоку голос ибн-Секирбашки.

— Победитель (-ница) отдаст мне свою руку, а также прочие части тела. Что касается проигравших — не вдаваясь в утомительные подробности, скажу: скандальных мемуаров вы от них не дождетесь. Пожалуй, перед началом состязаний им стоило позаботиться о сохранении резервных копий, но это уже не мои проблемы. А пока попрошу вместе со мной поднять тост за семь первых соискательниц, очаровательных принцесс Марса, которые стоят позади меня. За их ум и решимость испытать себя в роли Шахерезады.

В течение всей это речи Абдул, казалось, подышал со скуки, словно мысли его были где-то далеко-далеко. Все подняли бокалы за претенденток, однако у меня аппетит пропал еще до того, как на сцену поднялся ибн-Секирбашка, чтобы объяснить условия состязания, которое должно было начаться после банкета. Я, конечно, и сам попал на японский трон из похитителей овец, но мы никогда не позволяли себе такой средневековой кровожадности. Перспектива провести ночь с молодым Абдулом придавала совершенно новый и не слишком приятный смысл выражению «терять голову от любви».

— По-моему, все это совсем не смешно, — буркнул я Тоудсворту. — Хоть бы уж Лора была здесь...

Тот в ответ толкнул меня в бок своим шлангом-охмелителем.

— Думаю, тебе не стоит беспокоиться на этот счет, приятель. Я тут воспользовался своим гиперспектральным телескопическим блоком формирования изображений...

Ибн-Секирбашка тем временем добрался до кульминации своей болтовни.

— Взгляните же на лица отважных красавиц! — прокаркал он. — Девушки, опустите вуали!

Я ахнул, как последний идиот, когда закутанные в черное женщины за спиной принца откинули свои паранджи и обнажили лица перед публикой. Ибо там, в самой середине ряда, обнаружился знакомый набор серебристых ресниц!

— Вот же она, твоя краля! — Тостер снова пихнул меня в бок своей конечностью. — Приколльно, что она здесь оказалась, да?

— Но этого не может быть! — запротестовал я. — Лора не способна на такую глупость. И потом, я вечно забываю напоминать ей про копии, а она сама никогда об этом не помнит, так что...

— Боюсь, это все же она — там, на сцене, — сочувственно отозвался Тостер. — Тут уж не промахнешься. Как ты думаешь, она попала сюда по объявлению или через агентство?

— Это она сгоряча, мне назло... — сокрушался я. — Это я во всем виноват!

— Думаю, ты не прав, дружище. Она, конечно, клэнки, но все же не настолько, чтобы перегреваться, как утюг. Во всяком случае, не до такой степени.

Окончательно упав духом, я снова повернулся к сцене. Самое ужасное заключалось в том, что все это действительно произошло по моей вине. Если бы я потрудился вырваться из лап предстартового страха и поговорить с Лорой, она не стояла бы сейчас на этой сцене, нервно поглядывая на нависших с обеих сторон придворных палачей. Вдруг я заметил, что она повернулась в мою сторону. Она меня увидела! Ее губы беззвучно зашевелились, и не нужно было быть гением сурдоперевода, чтобы разобрать слова: «Вытащи меня отсюда!»

— Любимая, я спасу тебя! — торжественно пообещал я, рухнув на грудь подушек. Мгновением позже слуга вставил в мой рот мундштук кальяна, и ситуация несколько разрядилась. Лора, как оказалось, была не первой в списке, а значит, ее спасением можно было заняться и после обеда.

9. Послеобеденное шоу. Беседы о цветоводстве

Обед продлился около четырех часов и состоял из утомительно символических блюд, приготовленных шеф-поварами со всех уголков империи аль-Мацумото, каковых насчитывалось ровно шестьдесят. Получившееся в результате смешение культур оказалось настолько оригинальным, что традиционное сашими из телячьего языка с кускусом из маринованной медузы «а-ля Олимпия» в качестве гарнира придало моим походам в рвотную комнату некоторый оттенок поспешности. Но я отвлекся. На самом деле, у меня совсем не было аппетита — так велика была моя тревога по поводу прискорбного положения моей кибервозлюбленной.

После того как со стола убрали последнюю тарелку с пикантным жареным бандерснэтчем в медовом соусе, а по трубам подали десерт-

ное вино, началось собственно шоу. И что это было за шоу! Я встречал каждый раунд с замиранием сердца, молясь о том, чтобы Лору вызвали не в этот раз. Ведущим церемонии был сам ибн-Секирбашка с двумя смуглокожими евнухами, которые следили за набором очков.

— Конкурсантка номер один, Бимси бин Джалеби, тебе следующий вопрос: каково главное хобби Его Высочества принца?

Бимси задумчиво коснулась нижней губки изящно окольцованным пальчиком и очаровательно сдвинула бровки.

— Серфинг?

— Ах-ха-ха! — заржал ибн-Секирбашка. — Не то чтобы неверно, но, думаю, вы согласитесь, тут важна точность. — Зрители загудели, и вовсе не очевидно, что от радости. — Так что попробуем еще раз. Бимси бин Джалеби, как ты думаешь, чем ты можешь понравиться Его Высочеству принцу?

Бимси кокетливо оперлась рукой об изящно изогнутое бедро и соблазнительно вильнула попкой.

— Непревзойденными способностями в танце живота и... — Взмах ресниц. — Быть может, отличной мускулатурой тазового дна?

— Здесь я задаю вопросы! — Визирь мерзко осклабился. Зал охнул. — Ты слышала вопрос?

Зал охнул громче.

— Пип-пип! — негромко пискнул Тостер. — Дружище, я заметил в колоннах речевые анализаторы. И кое-что еще.

— Позволь тебе напомнить, — продолжал сочиться ядом визирь, — что ты предстала на суд Его Высочества принца и, сказав неточность мне, Верховному судье, ты совершаешь клятвopеступление. И наконец... — он выдержал паузу, дожидаясь, когда стихнет пробежавший по залу шепоток, — мы переходим к третьему и последнему, решающему вопросу, который отделяет тебя от ночи блаженства с Его королевским Высочеством. Что тебе, Бимси бин Джалеби, нравится в моем господине? Только отвечай начистоту, у нас есть детекторы лжи, и мы знаем, как ими пользоваться!

— М-м... — Бимси бин Джалеби улыбнулась публике застенчиво и победоносно, после чего решила, что наилучшая политика — это честность в сочетании со скоростью, и затараторила: — Куча-золота-но-это-не-единственное...

— Довольно! — Ибн-Секирбашка-Старший хлопнул в ладоши, и пламенная речь девушки оборвалась взмахом сабель и ярким фонтаном артериальной крови. — Его Высочество терпеть не может пустомель. И охотников за его богатствами, кстати, тоже. — Он выразитель-

но глянул на кого-то из публики — те с побелевшими лицами уже стояли в окружении стражей — и оскалился в улыбке. — А теперь, в этот, так сказать, острый момент, кто желает быть следующим?

— Я этого не вынесу... — еле слышно простонал я.

— Не переживай, дружище, глядишь, сегодня пронесет, — подбодрил меня Тостер.

И тут же, словно опровергая его слова, ибн-Секирбашка окинул взглядом стайку кандидаток и, повинувшись той же кошмарной логике, что заставляет бутерброд всегда падать маслом вниз, кроме тех случаев, когда ты стоишь над ним с блокнотом и калькулятором, остановил свой взгляд не на ком-нибудь, а именно на Лоре.

— Ты! Да-да, ты! Почему бы и нет? — воскликнул этот мерзкий коротышка. — Иди же сюда, любезная, ближе! Как твое имя? Лора Бин... ах, Бинари? Что за ароматный цветок, благоухающий машинным маслом и керамикой! Так бы и покрутил ее шестеренки своим поршнем... — доверительно сообщил он толпе, в то время как свет моих очей судорожно стиснула кулачками вуаль и вздрогнула. — Итак, простейший вопрос! Скажи, сначала первая курица снесла первое яйцо?

Лора отрицательно качнула головой. Толпа погрузилась в молчание. Я замер, сжав пальцы в кулаки. Если бы я хоть что-нибудь мог сделать!

— Значит, сначала из первого яйца вылупилась первая курица?

Лора снова покачала головой, не говоря ни слова. Я попытался перехватить ее взгляд, но она не смотрела в мою сторону. Я похолодел от ужаса: в молчании Лора становилась опаснее всего.

— Что ж! Выходит, раньше всего на свет появилась яичница?

Несколько человек в зале из вежливости хихикнули. Лора смерила визиря уничтожающим взглядом, после чего процедила со своим неподражаемым венецианским акцентом:

— Знаешь, что я скажу тебе, мягкотелый? Столько говорить о яйцах может лишь тот, у кого с этим делом большие проблемы.

Я вскочил было на ноги и неуверенно шагнул по направлению к сцене, но ибн-Секирбашка вдруг воздел руки над головой.

— Вот и определился первый победитель! — провозгласил он, и толпа взвыла. — Ты, моя благоухающая роза, прошла испытание и переходишь во второй тур! Джентльмены, да будет вам известно, что Лора Бинари завоевала право провести незабываемую ночь экстаза в компании Его Высочества принца! — И воплолоса добавил, обращаясь к аудитории: — Тем более, она проживет так мало, что просто не успеть ее забыть.

Я, конечно, взбесился. Ёлки-палки, а как еще должен реагировать нормальный сквоши, когда задета честь его дамы? Но не успел я сделать и пары шагов, как мне на плечи опустились чьи-то мясистые ладони.

— Пора на боковую, — пророкотал стражник, стискивая мою левую руку. Я глянул на его напарника: оглаживая лезвие клинка, тот одарил меня многозначительной усмешкой.

— На боковую клумбу, — уточнил он.

— Гм. — Я обернулся к сцене, где Лора отбивалась от целой армии огромных стражей, таких же нелепых и непропорциональных, как старина Эджи, которые застегивали на ней изящные серебряные наручники. — Слушай, приятель, будь любезен, передай своему хозяину, что он может засунуть свои розы...

— Он прав, пора на боковую, — раздался в моем правом ухе настойчивый шепот мисс Фенг. — Нам надо поговорить.

— О'кей, уговорили, — согласился я и кивнул, как последний крестин.

Пряча саблю в ножны, стражник номер два разочарованно вздохнул:

— Ромашки.

— Что?

— Не розы, а ромашки.

— На боковую! — жизнерадостно сказал номер первый. Похоже, в его мозгу была всего одна извилина.

— Нам было велено в случае оказания сопротивления закопать тебя на боковой клумбе под ромашками, — объяснил номер второй. — Бедняжкам здесь так тяжело! Слишком мало света, да и почва чересчур кислая...

— Нет-нет, он прав! Если закопать его туда, то вместо простых ромашек вырастут настоящие розы! — Это страж номер два наконец включился в беседу. — Ну так как? Сам пойдешь или тебе помочь?

— Иду-иду, — торопливо заверил его я. Кошмарные цветоводы отпустили меня с видимой неохотой. — Читайте, что я уже ушел.

— Минуточку, сэр! — Мисс Фенг вежливо, но решительно оттеснила меня от окружавшего сцену кольца охраны. — Нам нужно побеседовать наедине.

10. Мисс Фенг делает ряд наблюдений

Из обеденного павильона стражи повели меня вверх по лестнице, а затем через галерею, к роскошным покоям, предназначенным для членов Клуба. Мисс Фенг следовала за нами, внешне невозмутимая,

однако я слышал, как она тихонько выругалась, когда охранники заперли дверь и закрыли ее на засов.

— Проклятье! — Колени мои подкосились, и я без сил рухнул на кипу подушек. — Я должен спасти ее, пока не поздно!

Мисс Фенг как-то странно на меня посмотрела.

— Вне всяких сомнений, сэр. Хотя мы, по всей видимости, заперты на втором этаже тщательно укрепленного дворца, построенного параноидальным лунатиком, и у дверей для предотвращения любых несанкционированных экскурсий выставлена стража. Быть может, господин предпочитает выпить рюмочку дижестива и вздремнуть после обеда?

Но я был слишком потрясен, чтобы обращать внимание на ее слова.

— Это моя вина! Если бы я тогда поговорил с ней, она не оказалась бы здесь! Но как это непохоже на Абдула... Я ведь сто лет его знаю, он нормальный мужик! Должно быть, это какое-то недоразумение!

— Если бы сэр согласился меня выслушать... — Мисс Фенг сокрушенно вздохнула, при этом грудь под форменной черной ливреей приподнялась самым соблазнительным образом. — На мой скромный взгляд, главная проблема заключается не в том, чтобы спасти мисс Лору, а в том, чтобы совершить успешный побег после этого. Вы, должно быть, заметили, сэр, гамма-лазеры планетарной обороны и орбитальные арбалеты, установленные на стенах кальдеры? Я, конечно, неплохой пилот, но предпочла бы, чтобы наше отбытие из стен этого гостеприимного дома сопровождалось службой не огневого, а путевого контроля. К тому же, — она на сотую долю миллиметра приподняла одну бровь, — сэр ведь обещал своей сестре позаботиться о ее мамонте.

— Хрена с два! — Я нетвердо вскочил на ноги. — На Джереми я плевать хотел!

Мисс Фенг пригвоздила меня к полу стальным взглядом.

— Думаю, сэр, вам стоит взглянуть на ситуацию иначе. Если ваша сестра решит, что вы бросили его здесь специально...

— О-о! — простонал я, поверженный, и без сил повис на ширме из украшенного затейливой резьбой аргиллита, которая отделяла центральную гостиную от внутреннего коридора для слуг. Маленькие роботы-невидимки с жужжанием и клацаньем бросились врассыпную: каждый побежал по своим лакейским делам. — Вы, как всегда, правы. Ну что ж... Значит, нам нужно спасти Лору, вытащить Джереми из очередной пьяной передряги, в которую он, разумеется, уже угодил, и унести ноги самим. Ну, ёлки-палки! И почему жизнь — такая непростая штука?!

— На этот вопрос мне сложно ответить, сэра. Однако в сравнении с теми неприятностями, из которых мне доводилось вызволять князя В. Тринадцатого, это просто детские шалости. Между прочим, вы сегодня не заметили в шейхе Абдуле чего-нибудь необычного?

— А что? Ну, разве что странное желание расправиться с моей возлюбленной...

— Я, скорее, имела в виду того жучка, которого после состязаний некто предприимчивый внедрил в его спинной мозг.

— Жучка?! О господи, вы что, хотите сказать, он подхватил какую-то заразу? Мне следует принять меры предосторожности?

— Лишь в том случае, сэра, если вы не желаете, чтобы ваш мозг был атакован нейронным паразитом, который высверливает и поедает предлобные доли мозга, превращая тело в беспомощную марионетку. Тюрбан мистера аль-Мацумото неплотно закрывает голову, и когда он повернулся, я увидела жучка. Вы, должно быть, и сами заметили, что сегодня шейх немного не в своей тарелке. Полагаю, это дело рук визирия Тоширо ибн-Секирбашки.

— Упс! — Я замолчал на мгновение, охваченный состраданием. — Ничего себе, весело...

— На своем веку я повидала немало государственных переворотов, сэра, и, на мой взгляд, это не самый здоровый способ проведения времени. Банкет продлится еще три дня, но, быть может, сэра подвергнет сомнению разумность своего дальнейшего присутствия здесь? К тому же тот, кто управляет сейчас поступками Его Высочества, наверняка устроил этот праздник и пригласил ближайших друзей принца неспроста, вы не находите?

— Я уже усвоил, что нам остается только спасать Лору и делать ноги, — остановил я ее. — Гм... Но как?

— У меня имеется план, сэра. Если вы сначала выпьете стаканчик антипохмелина, я вас с ним ознакомлю...

11. Встреча в туннеле

О таком плане, как тот, что разработала мисс Фенг, можно было только мечтать. Кое-кто мог бы даже заподозрить ее в темном прошлом, однако я знал по опыту, что никогда не стоит недооценивать решительно настроенного дворецкого. Признаться, я питал некоторые сомнения насчет характера предложенной ею операции, но ставки были так высоки, что я готов был следовать любому плану.

Однако к его исполнению мы смогли приступить лишь далеко за полночь, когда стража открыла дверь, чтобы добавить к нашей компа-

нии упившегося в хлам Эджстара и основательно охмелившегося Тоудсворта.

— Пип-ик, — икнул Гостер, рывком останавливаясь посреди комнаты: его головная башня дважды обернулась вокруг оси в такт отрыжке, лампочки полыхнули всеми цветами спектра и погасли.

— Гейм овер, — проговорил Эджстар, после того как врезался в колонну и рухнул на пол. — Хр-рк!

— Дай-ка я тебе помогу, — сказал я, подходя ближе, чтобы освободить его от верблюжьей накидки, — и чуть не выронил полный бочонок «брагота», который мисс Фенг под ней спрятала: девять галлонов эля — это вам не шуточки, особенно если они упакованы в нержавеющую сталь и снабжены биозащитными стикерами.

— А-а... Вот так-то лучше, — пробормотал Эджстар, высвобождая еще одну ногу с шипением гидравлики и легким запахом хлора. — Как же я устал... Спокойной ночи.

— Тише, — напонила мисс Фенг, когда я стал опускать проклятый цилиндр на пол. — Отлично. А теперь предоставьте это мне. — Она перевернула бочонок на бок и подкатила к двери. — Уверена: на пирушке для слуг это будет настоящий хит, — добавила она, и мне показалось, ее голос задрожал от предвкушения.

Я на цыпочках отошел от двери, когда мисс Фенг в нее постучала, и нырнул в свою комнату, едва загремели отодвигаемые засовы. У мисс Фенг, которая тоже являлась прислугой, было больше шансов избежать подозрений. Впрочем, у нас с Эджстаром и Тоудсвортом были свои задачи, для которых мы подходили как нельзя лучше. Так что я постарался забыть про свои опасения и, вооружившись баллончиком с антипохмелином, приблизился к Гостеру.

Сперва я попробовал пойти мирным путем переговоров.

— Извини, старина, — сказал я, — но как ты посмотришь на одну прикольную штуку?

— Бз-з-зт... — Головная башня повернулась, и на меня уставился покрасневший глазной стебелек. — Охмелимся? До дна?

— Отличная мысль, Гостер. Но, может, для начала попробуем вот это? — Я пшикнул в него антипохмелином. — Не желаешь немного прийти в себя, а?

Раздался приглушенный взрыв, башня три раза прокрутилась вокруг своей оси, и из-под уплотнителя с шипением полился дым.

— Ты, грязный подонок! — загудел он на меня. — Так нечестно! — Его лампочки зловеще засверкали. — Ох, кого-то я сейчас...

— Тпр-пу! — Я предостерегающе поднял руку. — Я ужасно сожалею

и с удовольствием продемонстрирую тебе всю глубину своего раскаяния, сделав все, что ты захочешь. Но только попозже, а сейчас необходимо вызволить Лору из гарема, и потом самим спастись от коварного визиря и его сообщников.

— Правда?! — Тостер даже замер на мгновение. — Как ты сказал, повтори? От злого визиря? С сообщниками? Да это же мое любимое занятие!

— Спокойнее, дружище, спокойнее! — Я замахал на него руками. — Все, что нам нужно, это разбудить старину Эджи...

— Кто-то упомянул мое имя собственное? — Под жалобный вой перенапряженной гидравлики Эджстар Вулфблэк принялся восстанавливать себя из сваленной на полу груды металла. Одна из ног вывернулась из-под него и принялась с диким лаем скакать вокруг корпуса, так что Тостеру пришлось пристрелить ее из своего охмелителя. — Хр-рк... Запрашиваю вертикальную ось ориентации.

— Вот, — сказал я, ткнув пальцем в потолок. Эджи застонал и принялся с дрожью складываться, втягивая в себя многочисленные руки и ноги и заменяя их какими-то хитроумными панелями с аккуратным набором хромированных колес.

— Вр-рум, — неуверенно проурчал он наконец. — Куда?

— В гарем! Спасать Лору и других конкурсанток, пока мисс Фенг травит охрану «браготом» дядюшки Фезерстоунхофа, — объяснил я. — Ну что, парни, не будете ли вы столь любезны проследовать за мной?

Я накинул на голову черную паранджу, которой снабдила меня мисс Фенг, после чего наклонился и постучал в дверь служебного люка, сжимая в руках идентификационный жетон, который мисс Фенг получила во время обеда от одной из официанток. Люк соизволил признать жетон и открылся, за что я был ему премного благодарен.

Потолок в служебном туннеле оказался даже выше человеческого роста: видно, среди роботов попадались не только маленькие и писклявые. Я тщательно вкрутил моноколь на место и устремился вперед по сырому, грубо обработанному коридору, благословляя судьбу за то, что предусмотрительно скачал карту. Не стану отрицать, от страха я весь покрылся испариной, но, по крайней мере, оказался в хорошей компании: за моей спиной Эджстар, словно обезумевший скейтборд, со свистом рассекал воздух, а Тостер скользил по полутемному туннелю, грозно воздев свой верный охмелитель, готовый поразить противника тугой струей.

План, предложенный мисс Фенг, был прост. Несчастные женщины наверняка томятся под замком в гареме. И конечно, главный вход туда хорошо охраняется — дворцовыми евнухами или, возможно, роботами-дуэньями. Однако она высказала предположение, что проход для слуг останется свободен — если только нам удастся пробраться мимо неизбежного стража на черном ходе. Отыскав робота-дуэнью, я притворюсь лишившейся чувств наложницей-беглянкой, а Эджи и Тостер сыграют роль дворцовых стражников, которые меня нашли и решили водворить на место. Выбраться обратно будет несколько труднее, но к тому времени должно подействовать зелье дядюшки Фезерстоунхофа...

Впереди, в глубине туннеля, что-то шевельнулось, и я обмер от страха. Вообще-то присутствия духа мне не занимать, но иногда оно подтекает... Я беззвучно выругался и встал как вкопанный. Тоудсворт по инерции промчался мимо меня.

— В чем дело? — негромко прожужжал он.

— Пока не знаю. Тс-с!

Затаив дыхание, я прислушался. Сначала откуда-то из темных извилин бокового коридора послышалось отдаленное шарканье и хриплый свист, а затем цоканье. На полу мелькнула и замерла чья-то тень. Я потянул носом, учуяв нечестивое зловоние застарелого пота и что-то еще, до боли знакомое... И вот уже пара злобных, налитых кровью зрачков, исполненных чистой бездумной ярости, надвигается на меня из темноты!

— Джереми!

Преступный карлик попятился, осоловело размахивая клыками у меня перед носом. Его хобот раздувался на глазах, готовый взорваться предательским ревом. Мне оставалось одно: протянув руку, я схватил его.

— Тише, ты, глупая тварь! Если нас услышат, тебе тоже хана!

Хватать мамонта за хобот (пусть даже пьяного в зюзю мини-мамонта) — поступок, который я не стал бы рекомендовать убежденным приверженцам спокойной жизни. Однако вместо того, чтобы ответить на это с обычной убийственной ненавистью ко всей Вселенной, что создала его в шестнадцать раз меньше, чем нужно, Джереми моргнул и уселся на пол. В какой-то момент у меня даже зародилась надежда, что инцидент останется без последствий — но затем случилось наихудшее: маленькая вонючая тварь с истинно слоновьей мощью чихнула на меня. Я инстинктивно уклонился от воняющего пивом душа, а Джереми с трудом взгромоздился на ноги и, шатаясь, попятился обратно

в туннель, недоверчиво косясь куда-то за мое левое плечо. Я рванулся было за ним, но мой порыв остановил Тостер, который все еще был припаркован на полах моего бурнуса.

— Мужики, вашу мать! Вперед, за мамонтом!

Бронированный, дьявольски-черный сторожевой робот с зубодробильным скрежетом перескочил через мое неожиданно неподвижное тело, поскользнулся на склизком полу, вверх тормашками врезался в дальнюю стену и обрушился на пол дождем из шипованной брони и угрожающе острых обломков. Я чуть не выскочил из собственной шкуры!

Не успел я привести себя в чувство (а свой туалет — в порядок) и броситься бежать, как Эджстар поддал газу и со свистом промчался мимо. Взревев, как тысяча мамонтов, он набросился на шаровидного робота с явно недружелюбными намерениями. Такое зрелище, доложу я вам, надо было видеть! Сторожевые роботы во дворце аль-Мацумото весьма похожи на Эджстара в его гуманоидной форме, разве что менее коммуникабельны и вместо обеденных возлияний предпочитают шнырять туда-сюда, деловито расчлняя тех, кто имел несчастье оказаться у них на пути. Но, будучи машинами, они лишены истинных *elan et esprit**, присущих клэнки, и страдающий похмельем постгуманоид, пусть это всего лишь сервировочный столик, в гневе бывает страшен.

Джереми с немелодичным хрюканьем резво ускакал в недра дворца, а старина Эджи, яростно визжа и вращая колесами, отплясывал джигу на брюхе боевого робота (я и не подозревал, что у них там расположены такие симпатичные маленькие диски с острыми краями). Охранный робот лежал вверх дном и, извиваясь всем телом, втягивал и выпускал острые лезвия ног, пытаясь поразить живот противника, но Эджи был проворнее. В какой-то момент робот нанес чересчур энергичный удар, и Эджстар, крепко уцепившись, выдернул жало робота из-под зияющей ремонтной панели. С торжествующим визгом тормозов он соскочил с противника, на лету возвращая телу гуманоидную форму, и как раз вовремя: в воздух полетели искры, и изо всех щелей робота повалил едкий дым.

— Круто ты его отделал, трансформер! — воскликнул я.

— Пип-пип! — отозвался Тостер, к которому, видимо, частично вернулась его *joie de vivre***.

Я еще раз сверился с картой.

* *Творческий порыв и сила духа. (фр.)*

** *Радость жизни. (фр.)*

— Дверь в гарем — прямо за углом. Похоже, дружище, ты расчистил нам путь. Ну что, ребята, погнали? Если мы хотим успеть домой к чаю, нам следует пошевелиться.

12. Я обнаруживаю Лору в весьма сомнительной компании

Короче говоря, уважаемый читатель, я оказался в гареме младшего брата эмира Марса, в окружении очаровательных дам, в то время как два моих товарища по Клубу тактично ретировались.

— Милый, — проворковала Лора, падая в мои объятия, — ты не поверишь: я та-ак тронута! Ик!

— Знаю, дорогая, но нам нельзя здесь оставаться. — Я вкратце изложил то, что слышал. — Мисс Фенг считает, что коварный визирь плетет интриги, чтобы спровоцировать недовольство жестокой тиранией власти клана аль-Мацумото, и собирается использовать его для разжигания бунта.

— Но аль-Мацумото вовсе не жестокие тираны! — возразила одна из девушек, симпатичная блондинистая роботесса в прозрачных шароварах и с реактором вместо туловища. — Они такие клевые!

Комната наполнилась девичьим хохотом, но я нахмурился, ибо тут было не до смеха.

— Они будут жестокими тиранами к тому времени, когда спинно-мозговой жучок ибн-Секирбашки окончательно разделается с мозгом Абдула! Вы что, хотите, чтобы вас всех обезглавили? А ведь именно это и случится! На кой ляд вы сдались визирю? Он ведь главный евнух! Он экс-мужчина и силен лишь в обрезании голов, у него ведь у самого все отрезано.

— Уж с этим-то я справлюсь, — заверила меня шестирукая смуглянка, шмыгнув аристократическим носом. — Не зря же я изучала регенеративную медицину. — Тут ее игривый взгляд упал на Лору. — Послушай, красавчик, почему бы тебе вместе с этой консервной банкой не убраться отсюда? А мы уж тут сами разберемся, что к чему. Все равно в следующем туре, на шоу талантов, она вылетит.

— Пип-пип! — пропищал Тостер, мчась из одной сводчатой комнаты в другую в попытке угнаться за какой-то смешливой конической дебютанткой. К его монокуляру была привязана шелковая ленточка — видимо, как символ чистой любви.

— Моя клэнкипуточка, приди ко мне! Побудем минуточку наедине! Осеменить! Осеменить! Бз-з-з!

Я поспешил отвернуться, пока созерцание его очередного совокупления не нанесло непоправимый вред моей сетчатке. Нет, положи-

тельно, этих жеребцов-клэнки невозможно приводить в приличную компанию: стоит им увидеть смазливую розетку, как они так и норовят подключить к ней свой штепсель...

— Она права, милый, нам надо уходить. — Лора прижалась своей элегантной головкой к моему плечу и вздохнула. — Ах, я просто с ног ваюсь от усталости!

Я сгреб ее в охапку, стараясь не обращать внимания на все ее жеманные выходки.

— Я так по тебе соскучился, — признался я ей. — Но как же ты здесь оказалась?

— Тш-ш... — Она прижалась своими губами к моим, и на мгновение действительность куда-то исчезла. — Мой храбрый, сильный, мужественный Ральфи! — Она снова вздохнула. — Я собиралась продержаться только до окончания ваших дурацких соревнований. Но едва я заселилась в «Хилтон», как мне позвонили по телефону и сказали, что в вестибюле меня дожидается какой-то джентльмен.

Я почувствовал укол ревности.

— И кто же это был? — спросил я, поеживаясь и отводя взгляд в сторону — туда, где мимо катился Эджстар. Он трансформировался в снабженный щупальцами шезлонг, чтобы развлечь блондинку-роботессу — она верхом на нем разъезжала по комнате, используя его разные места в качестве пульта управления.

— Ах, я не помню... — сонно пробормотала Лора. — Я проснулась здесь, в ожидании своего принца — тебя! Клянусь... Тоширо что-то говорил про то, что готовит тебе сюрприз, и затем была вечеринка, а потом все стало как-то странно...

Признаться, я внутренне содрогнулся, осознав, насколько слабо она ориентируется в том, что происходит.

— Лора, они что-то тебе вводили?

— Ничего в меня не вводили! — вдруг рассердилась она, но тут же вновь впала в сонное бормотание: — Особенно ты. Во всяком случае, в последнее время. Но ты пришел, чтобы спасти меня! Ральфи, о-о! Я таю в твоих руках! О, будь опять моей любовной ракетой!

На столике неподалеку я заметил маленький серебристый разъем, и у меня упало сердце: Лора явно была под действием веселящего тока. Я украдкой заглянул в гнезда у нее на затылке, под линией роста волос, и чуть не ахнул. Кто-то вставил туда гедонический чип и установил предельную мощность! Неудивительно, что она была сама не своя...

Я извлек из нее эту мерзкую штуковину и швырнул на пол.

— Лора, крошка, вставай! — позвал я как можно ласковее. Прихо-

дилось идти на хитрость. — Нам пора идти. Сейчас начнется вечеринка, ты что, забыла? Идем.

— Но мой... — Она качнулась и вновь повалилась на меня. — У-упс! — Она хихикнула. — Ик!

Такого поворота событий я не ожидал, однако по настоянию мисс Фенг я захватил с собой ресет-пилюлю — так, на всякий случай. Я терпеть не мог применять к Лоре эту штуковину — вернее, она этого терпеть не могла. Но в данном случае трезвость была меньшим из зол — по сравнению с тем, чтобы остаться в плену у чокнутого визиря под воздействием психотропных имплантов. Так что я прижал серебристый наколечник к Лориной шее, нажал кнопку и приготовился к скандалу.

Челюсти Лоры, явственно клацнув, сомкнулись, и она вытянулась в моих руках.

— Ух... — тихо вымолвила она через пару секунд. — Ты ублюдок! Ты же знаешь, как я это ненавижу! Что случилось?

— Мы с тобой на Марсе и встряли по самое не хочу, вот что случилось! Этот визирь ибн-Секирбашка оказался совсем гнилым типом. Старине Абдулу он прицепил спинномозговой жучок, да и ты, думаю, ему понадобилась лишь для того, чтобы получить власть надо мной. Вне всякого сомнения, остальные члены Клуба здесь по этой же причине: мы бы первые заметили перемены в поведении нашего приятеля, сечёшь? Подонок знал, что мы слетимся сюда, словно мухи на патоку, и решил расправиться со всеми одним ударом.

— О боже... — Лора резко выпрямилась и отстранилась от меня. — Что ж, дорогой, тогда нам действительно пора сваливать. — Она поправила одежду и, оглядевшись по сторонам, удивленно приподняла бровь, заметив мой взъерошенный вид. — Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Разумеется. — Я взял ее за руку и повел в центральную комнату. — Наверняка где-то здесь должен быть выход...

— Сюда, — окликнула нас специалистка по восстановлению утраченных органов. — Думаю, вы не заблудитесь: если что, ориентируйтесь по двум амбалам-евнухам и коварному визирю, тогда уж точно не промахнетесь. — Она бесцеремонно ткнула меня кулаком под дых. — Извини, красавчик, но бизнес есть бизнес: когда хочешь выйти замуж за второго богача на планете, особенно шепетильной быть не приходится, верно?

13. Джереми разрешает ситуацию

К несчастью, выход из гарема действительно оказался перекрыт ибн-Секирбашкой и его симпатиями-палачами с Абдулом на буксире.

С совершенно остекленевшим взглядом, вытянув руки перед собой, бедняга бормотал какую-то чепуху о рассудке. И визирь нас заметил!

Однако за что я уважаю этого негодяя, так это за его пристрастие к классической драме.

— А-а, мистер Макдональд! — воскликнул он, зловеще подкручивая противоядные вибриссы, вживленные над верхней губой. — Как же вы меня разочаровали! Признаться, я надеялся, что у вас хватит здравого смысла остаться в своей комнате и не искать неприятностей на свою, так сказать, голову. Полагаю, вы ждете, что я сейчас начну посвящать вас в свои планы, а затем запру в плохо охраняемой камере, чтобы вы могли сбежать? Боюсь, что нет: я просто-напросто отрублю вам некую возвышенность — вот так: чик-чик! Моя игра началась, и теперь ее уже не остановить, ибо на моей стороне диалектика истории!

— Мне плевать на твои грязные планы, мерзавец! У меня с тобой личные счеты! — выкрикнул я. Амбалы сделали шаг вперед, и Лора в ужасе (то ли поддельном, то ли всамделишном) прижалась ко мне. — Как ты посмел похитить мою возлюбленную накануне прыжка! Как это подло и неспортивно! Да скорее в аду пойдет снег, чем тебя допустят отныне в любой из наших клубов, даже с черного хода!

Лора тем временем сунула свою изящную ручку за полу моего бурнуса и принялась нашаривать что-то в кармане пиджака, однако я не обратил на это внимания — все оно сконцентрировалось на стоящем передо мной злодее.

— Клубы! — Это слово сорвалось с его губ с каменным презрением. — Можно подумать, упадочные развлечения классового врага могут представлять для меня хоть какой-нибудь интерес!

Я содрогнулся: когда наемный персонал начинает употреблять слишком длинные слова — это плохой знак. Одна ноздря у визиря сердито раздулась.

— Клубы, спорт и развлечения — вот и все, о чем вы, паразиты, способны думать, пожирая остатки наших сил, словно чудовищные пиявки, каковыми вы по сути и являетесь! — Судя по пульсации вены у него на виске и скрежету челюстей, я задел его за живое. — Надутые клещи, томящиеся в роскоши и кичащиеся своими гламурными вечеринками и модными нарядами, в то время как миллионы тружеников гнут спину ради ваших банкетов!

Лора выпутала свою руку из складок моего одеяния и прикрыла лицо — очевидно, в попытке защититься от упреков этого негодяя.

— Если мы стремимся к самосовершенствованию, вы с насмешкой

отворачиваетесь, а если сдаемся, используете нас как вьючных животных. Ну нет, с меня довольно! Настало время вернуть награбленное трудящимся пролетарским массам.

У меня отпала челюсть.

— Ё-моё, приятель, ты это серьезно?! Ты что, хочешь сказать...

— Да! — проскрежетал он. Глаза его горели мстительным огнем. — Кризис капитализма уже близок! Пусть он запоздал веков примерно на семь, однако наконец настало время восстановления диктатуры рабочего класса и возрождения пролетариата! А твой дружок, Абдул аль-Мацумото, сыграет ключевую роль в окончательном подъеме классового самосознания, удоблив почву Олимпа кровью тысяч девственниц, а затем коронует себя в качестве Большого Брата и установит террор, который...

К несчастью, мне так и не удалось узнать, что возглавляемый ибн-Секирбашкой революционный комитет намеревался предпринять дальше, поскольку нас прервали сразу двое: во-первых, Лора, которая вытянула вперед свою изящную ручку и с ног до головы обрызгала визиря лосьоном после бритья; а во-вторых, Джереми.

Здесь следует заметить, что гарем — отнюдь не то место, где атмосфера пропитана тестостероном. Я, старый холостяк сквиши, разумеется не в счет. Старина Эджи был явно *hors de combat** или, скорее, занимался *combat des whores*** (уж простите за каламбур), да и Тостер был, в некотором роде, уже занят — изучением конических деталей вместе с роботессой, за которой гонялся чуть раньше. Но кроме меня и ибн-Секирбашки (а еще, возможно, Абдула, хотя у него явно были не все дома из-за этой штуковины, прилепленной к голове), они были единственными существами здесь, которых можно назвать самцами, хотя бы с натяжкой.

Джереми же последние несколько дней провел в зловонном и мрачном уединении. К тому же (не хотелось бы заострять на этом внимание, но все же) он пребывал в том состоянии гона, в котором мамонт люто ненавидит всех существ мужского пола просто потому, что устройство Вселенной становится вдруг кристально ясным и его цель в жизни... Что ж, Эджстар и Тоудсворт достигли ее первыми, хотя и без трубных воплей и других проявлений агрессии. В общем, думаю, вы поняли, что я имел в виду. Других мелких млекопитающих мужского пола поблизости не оказалось, однако Джереми прекрасно

* *Вышедший из строя. (фр.)*

** *Состязание в распутстве. (фр.)*

знал, кто его главный враг, и испытывал непреодолимое желание утвердить свое мужское превосходство, прежде чем отправляться на поиски подходящей самки. И, что еще важнее, существовал совершенно конкретный запах, который в результате длительного взаимного общения вызывал у него самые враждебные ассоциации. А именно: враг должен был пахнуть мной. Но я был с ног до головы закутан в черный саван, в то время как ибн-Секирбашку только что обрызгали моим любимым одеколоном. А Джереми, что бы там про него ни говорили, соображал быстро.

Не знаю, что именно произошло в тех 80 процентах головного мозга Джереми, что отвечали за обнаружение цели и готовность к атаке, но он принял решение практически мгновенно и устремился прямо к тому месту, где когда-то находилось мужское достоинство ибн-Секирбашки. Вообще-то хоботные особой грацией не отличаются, однако при марсианской гравитации Джереми проявил чудеса акробатики, когда со всем своим изяществом, элегантностью и бивнями прыгнул прямо на тушу Тоширо.

— Ату его, малыш! — вскричал я, чтобы подбодрить слоника, в то время как Лора сделала два проворных шага вперед и, задрав юбку, изощренным кикбоксерским ударом расправилась с амбалом номер один. Нет, что ни говори, удобно, когда десятисантиметровые шпильки — это не просто красивые каблукы, а физическое продолжение хромированных лодыжек.

Признаюсь честно, ситуация показалась мне более острой, когда амбал номер два обернулся ко мне со своей секирой и оскалился. Но не зря меня зовут Сузуки Макдональд! Уж в драках я кое-что понимаю! Я швырнул бурнус через голову, чтобы высвободить руки, и ткнул в невежу охмельителем, который Гостер чуть раньше отдал мне на хранение, чтобы освободить место для насадок-осеменителя.

— Бросай оружие! — прорычал я. — Или расстанешься с жизнью!

Однако угроза не подействовала. Убийца продолжал наступать, а когда он замахнулся кинжалом, я к своему ужасу обнаружил, что у Тоудсворта, должно быть, как-то по-другому устроены пальцы, ибо курок его охмельителя я спустить не мог в принципе. Но когда этот багдадский цирюльник уже готов был укоротить меня на голову, за ним вырос чей-то стройный силуэт и вылил ему на голову бочонок с каким-то мерзким коричневым гноем. Выкрикивая проклятья, он рухнул на пол и схватился за глаза — тут-то Лора его и добила, притопнув каблукочком в стиле фламенко.

Поставив опустевший бочонок на пол (как только влажное донце

коснулось пола, ярко раскрашенные изразцы начали блекнуть и расплываться), мисс Фенг вежливо кашлянула.

— Осмелюсь доложить, сэр, что ваша яхта ждет у служебного входа и отряд континентальной обороны на время нашего отбытия выведен из строя. Сэр планирует задержаться, чтобы полюбоваться бомбой-сюрпризом или предпочитает покинуть праздник несколько раньше?

Я взглянул на ибн-Секирбашку (тот все еще корчился в агонии после безжалостной атаки Джереми), а затем — на поверженных амбалов.

— Полагаю, было бы чертовски неприлично злоупотреблять гостеприимством наших хозяев. Ты согласна, дорогая?

Лора энергично кивнула и наклонилась, чтобы почесать Джереми хобот.

— Конечно, мы уезжаем. Если вы будете столь любезны вылить ушат холодной воды на Эджи и Гостера, я захвачу с собой Абдула, и мы сможем по пути закинуть его в какую-нибудь клинику, где лечат от этих спинномозговых жучков.

— Прекрасная мысль, сэр. Я тотчас же займусь этим.

И мисс Фенг удалилась, чтобы отделить старых развратников от их любовных привязанностей.

Я обернулся к Лоре (она все еще ласкала Джереми, который валялся на спине, нагло вывалив язык) и удивленно поднял брови.

— Ну разве он не душка? — промурлыкала она.

— Как скажешь, дорогая. Вот ты его и поведешь, — злорадно сказал я. — Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит! С меня, пожалуй, хватит на сегодня дурных компаний, обойдусь стаканчиком на ночь в цивилизованной обстановке.

— О, милый! — Она с энтузиазмом схватила меня за штаны. — И мы сможем вместе посмотреть запись твоего прыжка!

И в самом деле: если не вдаваться в подробности, то именно так мы и провели вечер этого дня. Однако сначала я предпринял меры предосторожности, заперев Джереми в лучшей гостевой комнате с бутылочкой портвейна и предоставив мисс Фенг выходной.

В конце концов, когда двое вместе, третий и четвертый уже лишние, верно?

**Перевела с английского
Зоя ВОТЯКОВА**

КАРЛ ФРЕДЕРИК

ПОТОМОК

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Все зависит только от двигателей. Я постоянно прислушиваюсь, как они работают. Когда они пульсируют, меня тоже трясет. Когда они жалуются, меня охватывает тревога, а когда они счастливы и гудят, как цикады летним днем, я тоже испытываю умиротворение».

Конрад нажал кнопку «Конец записи», и синтезированный голос произнес:

— Отметка времени. Часы «Исследователя»: 12 февраля 2048 года — 09:04. Часы «Капсулы»: 12 февраля 2048 года — 08:59.

Монитор компьютера продублировал эти слова текстом.

Да, у него имелась причина, из-за которой состояние двигателей превратилось в навязчивую идею. Потому что это не был обычный космический полет, когда при отказе двигателей ты просто дрейфуешь, пока не починешь. Они удерживали кораблик в поле тяготения черной дыры массой в 0,4 процента от солнечной. А их отказ означал смерть.

Перекрывая гудение двигателей, звякнул сигнал — пришла почта. Конрад взглянул на монитор и запустил поступившее сообщение. Он улыбнулся, увидев знакомые лица членов экспедиции к Титану — *его* экспедиции, пока несколько месяцев назад он не согласился присоединиться к брату в эксперименте по проверке теории относительности. Но слушая оживленные комментарии бывших товарищей по экспедиции и разглядывая промерзшие равнины Титана на фоне опоясанного кольцами величественного Сатурна, он усомнился в правильности своего выбора.

* * *

Ученый-библиотекарь медленно шел по галерее, затем остановился полюбоваться скульптурой «Сталкивающиеся галактики». Она была восхитительна: линии, плоскости, яркое взаимодействие электрических и магнитных полей. Обходя скульптуру, он видел, как едва заметно, но гармонично меняются силовые линии. Но так было не всегда — когда он стоял рядом в прошлый раз, столкновение вибрирующих полей и углы между ними смотрелись потрясающе. Ослепительно.

И еще было очень приятно ощущать себя вернувшимся в мир — общаться с коллегами, ходить по музеям, просто наслаждаться жизнью. Наверное, он слишком долго уединенно просидел в университете, работая над переводом.

Библиотекарь перешел к следующему экспонату — инопланетной скульптуре, даже более чем скульптуре. Электромагнитные взаимо-

действия были примитивны, но энергичны. Компактная форма говорила об удивительной, непостижимой культуре. Библиотекарь затрепетал от сожаления. И не заметил, как приблизился Хранитель.

— Это действительно ты? — просигналил Третий Хранитель Искусства. — Не видел тебя уже много малых лет. Означает ли это, что ты наконец-то завершил перевод?

— Да, — просигналил в ответ Библиотекарь, излучая ауру скромности.

— Замечательно. Я бы его с удовольствием просканировал. Не мог бы ты показать его прямо сейчас?

Библиотекарь понял, что эта просьба сродни приказу. А Третьему Хранителю не перечат.

— Да, конечно. Пойдемте.

Они покинули музей и заскользили через университет к лаборатории Библиотекаря.

Там он взял древний артефакт и бережно погладил. Очень давно ему было поручено перевести эту персональную реликвию из покинутого корабля. Ученый осторожно перевернул обложку старинного документа, погружаясь в его мощь, ощущая внутреннюю связь с написавшим его существом.

Хранитель испустил вибрирующее силовое поле.

— О, извините, — просигналил Библиотекарь. — Кажется, я стал одержим этим инопланетным шедевром, ведь я провел с ним так много времени.

— А в документе сказано, как он попал в наш мир?

— Лишь намеки. — Библиотекарь взял цилиндр с переводом и вручил его Хранителю. — Возможно, интерпретация не очень хороша, но надеюсь, она, как минимум, понятна.

Хранитель принял статичную позу отдыха, вскрыл цилиндр и начал сканировать.

* * *

Запись 34.

Часы «Исследователя»: 14 апреля 2048 года — 09:00.

Часы «Капсулы»: 13 апреля 2048 года — 08:10.

Этот дневник я веду для тебя, Дженнифер. Надеюсь, ты захочешь его прочесть, когда повзрослеешь достаточно, чтобы оценить то, чем занимался твой отец.

Со дня старта прошло уже три месяца. Из них два последних я провел в одиночестве на этом кораблике, который назвали «Капсула

времени», а первый — на борту материнского корабля вместе с остальными, включая моего брата-близнеца Марка.

Эту экспедицию NASA замыслило всего два года назад — сразу после того, как на расстоянии около светового месяца от Солнца была обнаружена компактная черная дыра. Трудно понять, почему ее не открыли раньше. Но ее орбита перпендикулярна плоскости Солнечной системы, поэтому и влияние на движение планет она оказывает небольшое.

NASA захотелось взглянуть на нее вблизи, а корабль, оснащенный новыми двигателями, использующими полевой эффект Ричардсона, способен долететь туда за пять или шесть недель. Кроме того, поле Ричардсона защищает экипаж от приливных эффектов черной дыры. Эксперимент по проверке теории относительности стал для экспедиции бесплатным подарком.

Мы хотим подтвердить предсказание Эйнштейна о том, что вблизи черной дыры время замедляется. Я сейчас в «Капсуле времени» возле дыры, а Марк — вдали от нее, в материнском корабле «Исследователь гравитации». При моем нынешнем удалении от дыры эффект замедления времени составляет один процент. Но по плану моя «Капсула» должна опуститься на пятипроцентную глубину. Поэтому через три месяца я буду моложе Марка на пять дней. Ученые сказали, что смогут эту разницу измерить.

В «Капсуле» есть часы, позволяющие мне определить, насколько мы с братом расходимся в возрасте. У них две шкалы: одна показывает мое местное время, а вторая — время на «Исследователе». Часы работают, измеряя гравитационное смещение альфа-линии межзвездного водорода. (Ты уж прости, Дженнифер, но мы, астрофизики, между собой говорим на таком языке.)

Ясно, что «Капсулу времени» склепали наспех из блоков, взятых от разных кораблей. Я всегда улыбаюсь, вспоминая о спасательных шлюпках. Да, шлюпках. У меня их две, что довольно глупо на одноместном кораблике.

Впрочем, должен признать, что и сам эксперимент тоже можно назвать дурацким. Вместо меня здесь могли бы разместить атомные часы или парочку собак. Но финансирование NASA в наши дни столь же сильно зависит от пиарщиков, как и от отдела научного планирования.

Карен и Дженнифер, я люблю вас и ужасно скучаю. Исследования — это болезнь, но эта экспедиция — мое лекарство от нее. Я уверен.

* * *

— Замечательно, — просигналил Хранитель. — Но ты уверен в своих примечаниях?

Библиотекарь излучил вежливый юмор:

— Вы имеете в виду единицы измерения времени?

— Да, именно их.

— В космическом аппарате имелся справочник, по нему я изучил язык. Там была приведена информация о спектрах атомов и основных свойствах электромагнитного излучения — весьма фундаментальные данные. С их помощью я сумел перевести их единицы измерения в наши.

— Странно, что эти сведения оказались записаны, — просигналил Хранитель негромко, скорее для себя, чем для Библиотекаря. — Ведь разумному существу они известны почти с рождения. — И он продолжил сканирование.

* * *

Запись 39.

Часы «Исследователя»: 21 апреля 2048 года — 09:01.

Часы «Капсулы»: 20 апреля 2048 года — 16:31.

Только что получил видеопослание от Карен и Дженнифер. Мне их ужасно не хватает. Дженнифер вот-вот пойдет в школу и уже преисполнена энтузиазма. А Карен страдает от синдрома опустевшего гнезда.

Меня просто с ума сводит то, что послания я получаю каждый день, но при этом знаю: переданы они месяц назад. Трудно поддерживать разговор, когда на простой обмен репликами уходит два месяца. Скорость света — такое неудобство.

Мне еще повезло, что Марк совсем рядом, на «Исследователе». Хорошо, когда есть собеседник.

* * *

Запись 46.

Часы «Исследователя»: 28 апреля 2048 года — 09:00.

Часы «Капсулы»: 27 апреля 2048 года — 14:50.

NASA придумало для меня способ убивать время. Они транслируют телепрограммы через «Исследователь». Когда я их смотрю, положив ноги на панель, то почти забываю, где нахожусь. Но забывать мне вовсе не хочется, потому что космос прекрасен.

Я сейчас смотрю в верхний иллюминатор — потрясающее зрелище. В космической темноте сверкает белизной «Исследователь». Ко-

рабль величествен в своей сложности. Блок антенн, каждый трубопровод, каждый иллюминатор, стыковочный узел, двигатели — все они прекрасны. Он похож на картину. На фоне неестественно ярких и четких звезд корабль кажется нереальным. Мальчишкой я почти каждую ночь смотрел на звезды. Они должны мерцать. Но в космосе они не мерцают.

И лишь медленное перемещение корабля на фоне звезд свидетельствует о том, что я не застыл в потоке времени.

* * *

— А он обладал эстетическим чувством, — просигналил Хранитель. — Значит, был похож на нас.

— Я в этом уверился, когда впервые увидел скульптуру в музее, — подтвердил Библиотекарь.

— Да. Совершенно верно.

— Но потом я обнаружил, что это вовсе не скульптура.

— Да?

— Все это здесь, в переводе.

— Тогда я продолжу сканирование.

Библиотекарь излучил неяркую ауру восхищения искусством:

— Но даже несмотря на недоразумение со скульптурой, я согласен — инопланетяне ценили искусство.

* * *

Запись 51.

Часы «Исследователя»: 3 мая 2048 года — 09:02.

Часы «Капсулы»: 2 мая 2048 года — 13:42.

Я стал лучше играть в шахматы. Мы с Марком играем практически на равных, а каждый день проводим за игрой по несколько часов. Это помогает бороться с изолированностью и скукой. Несмотря на великолепный вид за иллюминатором, скуки трудно избежать. Я даже стал смотреть по телевизору ситкомы*.

Я просто счастлив, что у меня на борту есть хороший астрономический телескоп. Когда я не занимаюсь научными измерениями, то направляю телескоп на «Исследователь». Уже один вид нацеленных на Землю огромных антенн вызывает у меня чувство близости к дому.

* Ситком (от английского *situation comedy*) — комедия ситуаций.
(Прим. перев.)

* * *

- Интересно, что такое ситком? — просигналил Хранитель.
- Даже не представляю. Наверное, нечто, относящееся к эстетике. Он также использовал для них обозначение «ТВ».
- Многие записи отсутствуют.
- Он объясняет в дневнике и это, — просигналил Библиотекарь.
- Несовершенство технологии.
- Жаль. Полнота записей повысила бы ценность документа, столь важного для нашего культурного единства.
- Культурного единства? — удивленно блеснул Библиотекарь.
- Хранитель излучил ауру фамильярности:
- А ты не знал, что Совет теонов хотел уничтожить этот корабль?
- Но почему?!
- Да кто этих теонов поймет? Они назвали его мерзостью. — Хранитель блеснул толерантным юмором. — Я обратился через их головы к Союзу людей, убеждая — успешно! — что уничтожение корабля станет осквернением искусства.
- Хранитель излучил блокирующее поле — разочарованность в общении, затем просигналил:
- Но лучше я продолжу сканирование твоего поразительного перевода.

* * *

Запись 54.

Часы «Исследователя»: 6 мая 2048 года — 10:40.

Часы «Капсулы»: 5 мая 2048 года — 14:36.

Команда «Исследователя» разрешила мне опустить «Капсулу» на глубину пятипроцентного замедления времени. Меня немного тревожат двигатели. Марк говорит, что я становлюсь параноиком. Я ему ответил, что хочу увидеть, как моя дочь станет взрослой, но он лишь рассмеялся.

Я опускаю «Капсулу» ниже. Звук двигателей нормальный.

* * *

Запись 55.

Часы «Исследователя»: 7 мая 2048 года — 09:04.

Часы «Капсулы»: 6 мая 2048 года — 11:21.

Земные часы идут быстрее, чем им следовало бы. Я сообщил об этом Марку, и они это подтвердили. Произошла ошибка — не очень серьезная. Я опустил на глубину двенадцатипроцентного замедления.

Я спросил, не следует ли мне немного поднять свой корабль. Они подсчитали и ответили: не нужно. Вариантов два — или я запускаю двигатели и возвращаюсь совсем, или остаюсь там, где уже нахожусь. А небольшой подъем и остановка потребуют слишком много энергии. Словом, они мне посоветовали ничего не трогать, пока не выяснится, что же произошло.

Так что сижу без дела и прислушиваюсь к двигателям. Похоже, они довольны — мурлыкают как котята. Топливо они получают из материи, падающей в черную дыру, а поскольку «Капсула» сейчас немного глубже, то и плотность материи выше. Поэтому двигателям легче всасывать топливо.

Я уже почти на три дня младше Марка, и он стал называть меня «братишка». Забавный парень...

Для меня время бежит заметно медленнее, чем для Марка. Я заметил, что его речь звучит быстрее, а голос стал выше. Ну а я, наверное, кажусь ему сонным. Поймал себя на том, что пытаюсь это компенсировать, говоря быстрее и более высоким голосом. Разумеется, на передачах с Земли этот эффект тоже сказался, но на «Исследователе» есть аппаратура обработки сигнала, и для меня они замедляют передачи. Я все еще могу смотреть передаваемые телепрограммы нормально, пока они не выглядят старыми немymi фильмами.

* * *

Запись 62.

Часы «Исследователя»: 14 мая 2048 года — 11:20.

Часы «Капсулы»: 13 мая 2048 года — 01:00.

Я начинаю думать о Марке как о своем начальнике. Глупость... Наверное, причина в том, что я стал очень от него зависим — он моя связь с домом. И еще он теперь «умнее» меня. Когда мы играем в шахматы, он делает ходы быстрее, думает быстрее, реагирует быстрее. Я прекрасно понимаю, что причина в эффекте замедления времени, и на самом деле он ничуть не проворнее меня. Но поделаться с собой ничего не могу. Все равно мне кажется, будто он умнее и быстрее.

* * *

Запись 63.

Часы «Исследователя»: 14 мая 2048 года — 14:19.

Часы «Капсулы»: 13 мая 2048 года — 03:18.

То, что меня так тревожило, произошло. Двигатели всосали слишком много материи и выбросили излишек. К счастью, я вовремя это заметил и успел их отключить. На это ушло всего несколько секунд, но «Капсула» все же успела погрузиться на уровень почти стопроцентного замедления времени.

Сейчас самый подходящий момент выбираться. Только что включил двигатели на полную мощность. Надеюсь, у меня все получится, но я не узнаю о результате, пока не получу ответ с «Исследователя».

Связь превратилась в проблему. Я не могу говорить с кораблем напрямую — разница в скорости времени между нами стала слишком велика. Теперь мы записываем слова и посылаем их друг другу в виде файлов данных. Но такой способ связи делает обычный разговор практически невозможным.

Мне сообщили, что у них уйдет пара часов, чтобы рассчитать, как станут работать двигатели при моем нынешнем расстоянии от черной дыры. Пока получу от них результат, превращусь в комок нервов. Но мне все же нужно ждать вдвое меньше, чем им. Хоть небольшое, но утешение.

Ожидая ответа, я немного успокоился, нацелив телескоп на «Исследователь». Разумеется, его изображение приобрело синеватый оттенок.

Не могу не прислушиваться к звуку двигателей. Даже малейшее его изменение, реальное или воображаемое, заставляет пульс учащаться.

* * *

Запись 71.

Часы «Исследователя»: 14 мая 2048 года — 14:29.

Часы «Капсулы»: 13 мая 2048 года — 05:53.

Только что получил новости с корабля. Прежде чем двигатели остановят «Капсулу», она опустится еще ниже — как полагают, до 300-процентного уровня. Но что еще хуже: у них ни при каких условиях не хватит мощности, чтобы вытащить меня из гравитационного колодца. Корабль для меня тоже ничего сделать не сможет. Теперь они ждут инструкции из NASA, и на ожидание ответа уйдет два месяца. Для меня — несколько недель. Тоже мне, утешение!

Но я доверяю NASA. Ничего больше мне не остается. Они меня вытащат.

Вот ведь гадство!

* * *

*Запись 73.**Часы «Исследователя»: 26 июня 2048 года — 05:37.**Часы «Капсулы»: 29 мая 2048 года — 06:05.*

Не могу просто сидеть в своей тесной жестянке и ничего не делать — иначе свихнусь. Начал изучать эффект Ричардсона. Может, сумею что-нибудь придумать. Конечно, когда в NASA получают новости с «Исследователя», они бросят на решение проблемы все свои силы, но для них-то это не вопрос жизни и смерти.

* * *

*Запись 75.**Часы «Исследователя»: 30 июня 2048 года — 20:14.**Часы «Капсулы»: 30 мая 2048 года — 17:46.*

Едва справляюсь с потоком информации, хлынувшим теперь с Земли. Когда не учусь и не сплю, смотрю передачи от жены и дочери. Дженнифер выглядит чуть старше каждый раз, когда я на нее смотрю. Да, я хотел увидеть, как она вырастет, но только не таким образом.

* * *

— Трудно не испытать сочувствие к этому существу, — просигналил Хранитель, чье внимание было приковано к цилиндру с переводом.

— Очень трудно.

* * *

*Запись 76.**Часы «Исследователя»: 2 июля 2048 года — 05:40.**Часы «Капсулы»: 31 мая 2048 года — 03:36.*

Мне пришла в голову идея, как отсюда выбраться. Теоретически можно отвести в двигатели энергию из поля Ричардсона. Но только очень осторожно — если я отведу слишком много, то поле не сумеет защитить меня от приливных сил черной дыры. А если поле откажет, то я умру, как на дыбе, растянутый на сотни миль. Жуткая смерть.

Я совершенно уверен, что могу спаять схему управления для отвода части поля Ричардсона. Но сделать это будет нелегко, и сперва нужно обзавестись инструментами. А еще раньше мне нужно извлечь микросхемы с программируемой логической матрицей из запасных

плат компьютера — это маленькие чипы, установленные на ее поверхности.

Так, нужную компьютерную плату я нашел. Форма у нее дурацкая — треугольная, но сойдет и такая.

Вряд ли я расскажу Марку о своей идее. Он наверняка захочет, чтобы я положился на NASA, тем более, что мне придется испортить запасные платы. Но в глубине души я, наверное, решил молчать из-за опасения, что он найдет ошибку в моем плане.

* * *

— Треугольная? — просигналил Хранитель. — Это и есть скульптура?
— Да, — подтвердил Библиотекарь.

* * *

Запись 77.

Часы «Исследователя»: 2 августа 2048 года — 04:49.

Часы «Капсулы»: 8 июня 2048 года — 12:27.

Только что переслали сообщение от NASA. Они сказали все необходимые слова, но всё свелось к тому, что будет готовиться спасательная экспедиция; правда, они не могут сказать, когда именно. Меня это не удивило. Я знаю, как NASA работает.

Но есть новости и похуже. Они рассчитали, что «Капсула» погрузится в гравитационный колодец еще глубже, прежде чем остановится. Насколько глубоко, невозможно предсказать.

Получается так: или я склепаю схему управления полем, или застряну здесь. Возможно, на годы.

* * *

Запись 79.

Часы «Исследователя»: 3 сентября 2048 года — 05:25.

Часы «Капсулы»: 16 июня 2048 года — 12:36.

Только что получил от «Исследователя» сокрушительное известие — хотя и не могу сказать, что неожиданное. NASA велит им возвращаться на Землю. Мне пока волноваться не о чем — запасов воздуха и еды мне хватит надолго, во всяком случае, по их времени. Впрочем, время для меня становится непростым понятием, не сразу соображаешь, что к чему.

Не могу смириться с мыслью о том, что «Исследователь» улетит, оставив меня в одиночестве. И я окажусь изолированным не только в пространстве, но и во времени.

Есть, правда, хорошая новость. Они демонтируют с корабля блок антенн и оставят их здесь. Так у меня сохранится связь с домом.

Марку очень не хочется улетать. Но у него тоже семья, и нет выбора. Он сказал, что если у меня станут заканчиваться припасы, то надо лишь погрузить «Капсулу» немного глубже. Это даст NASA больше времени на подготовку спасательной экспедиции.

Работа над платой отвода поля движется, но черепащим темпом. Она скорее напоминает искусство, чем инженерный труд. Сперва надо выплавить лазером припой из запасных компьютерных плат, чтобы снова использовать его для пайки схемы. Для изоляции я использую пластырь из аптечки. Работа невыносимо скучная. Но я начал гонку со временем. Пока я работаю час, на Земле проходит больше четырех. Потом станет еще хуже. А над своей схемой я могу работать четыре-пять часов подряд, пока в глазах не начинает рябить. Тогда приходится делать перерывы, мучительно длинные перерывы.

* * *

Хранитель ненадолго прервал сканирование цилиндра:

— Он боролся за свою технологию так, как мы боремся за наше искусство.

Библиотекарь согласно запульсировал.

* * *

Запись 80.

Часы «Исследователя»: 3 сентября 2048 года — 15:48.

Часы «Капсулы»: 16 июня 2048 года — 15:01.

«Исследователь гравитации» улетел.

* * *

Запись 85.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 25 июня 2048 года — 17:18.

Смотрел передачи с Земли, но это очень тяжело. Ведь каждые полчаса, проведенные за просмотром какого-нибудь ситкома, для меня потеря времени — дней и недель. А программы новостей сейчас менее интересны, потому что я перестал понимать многое из того, что слышу. Я отстаю от жизни. Ощущение такое, словно я тону, потому что события мелькают перед глазами с такой скоростью, что некогда перевести дух.

Сегодня видел в новостях себя — движения медленные, как будто пробираюсь сквозь патоку. Начинаю ощущать себя частицей истории.

Слава Богу, двигатели вроде бы работают нормально. Как бы мне хотелось вывести свой корабль на орбиту вокруг черной дыры и больше не тревожиться о двигателях. Но тогда я утрачу зрительный контакт с антенной и не смогу общаться с домом. Такого я не вынесу.

И в любом случае орбита вокруг черной дыры с горизонтом событий диаметром в триста метров будет слишком быстрой и нестабильной.

Но важнее всего прочего для меня остается схема управления полем — этот треугольный кусок печатной платы должен стать моей связью с домом. Когда я над ней работаю, мне даже удается сдерживать отчаяние.

* * *

— Кто этот бог, которого он благодарит? — просигналил Хранитель.

— Не знаю, Хранитель. Наверное, вам следует спросить теона.

— Этого я и боялся.

* * *

Запись 86.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 26 июня 2048 года — 09:00.

Взглянул на себя в зеркало. Истощенный субъект... Мне трудно заснуть. Спать не хочется, а когда я все же проваливаюсь в сон, проходят месяцы.

* * *

Запись 88.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 28 июня 2048 года — 09:00.

Дженнифер выходит замуж.

По мере того как мой корабль погружается в бездну, время на Земле мчится еще быстрее. Я видел, как моя малышка выросла: стала девочкой, затем подростком, заинтересовалась мальчиками, поступила в колледж и вот теперь выходит замуж. (Я действительно счастлив за тебя, Дженнифер. На вид он парень симпатичный и вообще ненамного моложе меня. Во всяком случае, я не завидую его молодости.)

* * *

*Запись 89.**Часы «Исследователя»: ОШИБКА.**Часы «Капсулы»: 30 июня 2048 года — 07:49.*

Моя жена сильно постарела. Хотя я себя за это и ненавижу, но меня все больше отталкивает ее морщинистое лицо, окруженное седыми волосами. Ощущение такое, что я женат на бабушке. «Состарься рядом со мной». Господи, если бы я мог...

Мой брат-близнец и родная душа Марк тоже превращается в старика.

Стоит ли говорить, что NASA не послало спасательный корабль, а я уже устал спрашивать их почему. Или у них нет нужных технологий, или денег. Но даже если они в конце концов отправят его, радости от возвращения будет немного. Мои коллеги уходят из жизни.

Проклятье! Когда же я закончу паять эту плату?

* * *

*Запись 90.**Часы «Исследователя»: ОШИБКА.**Часы «Капсулы»: 1 июля 2048 года — 09:00.*

У меня больше нет видеосвязи, обхожусь старомодными звуковыми и текстовыми передачами. А какая разница, если новости из дома все равно паршивые? Жена умерла, брат при смерти. Дженнифер уже 64 года, она почти вдвое старше меня. Теперь она называет меня по имени, потому что обращение «папа» звучит все более неуклюже. При моей скорости потока времени она умрет через несколько часов. Не знаю, смогу ли я это перенести. Я нежно ее люблю, и она моя последняя связь с Землей.

Плату я сделал. Теперь нужно подключить ее к блоку управления полем Ричардсона. Работа несложная, но требует точности. Одна ошибка — и конец всему.

* * *

*Запись 92.**Часы «Исследователя»: ОШИБКА.**Часы «Капсулы»: 3 июля 2048 года — 10:26.*

Я остался совершенно один. Связь с Землей оборвалась. Почему, не знаю. Наверное, сервомоторы антенны отказали после века работы.

Зачем я продолжаю вести дневник? Дженнифер умерла. А дневник я вел для нее. Наверное, вошло в привычку. Все же какое-то занятие... Попытка удержать жену и дочь живыми хотя бы мысленно. Не знаю.

Плата подключена. Осталось лишь ее задействовать. Но я боюсь. А если не получится? Я или умру, или лишусь последней надежды. Не знаю, что хуже.

Сижу и смотрю на маленькую треугольную плату — мое спасение. Надеюсь и молюсь.

Хватит оттягивать. Сейчас выпью чашку кофе и нажму выключатель.

* * *

Запись 93.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 3 июля 2048 года — 11:31.

Не получилось.

* * *

— Я становлюсь темным из-за него, — просигналил Хранитель. — Даже несмотря на то, что если бы у него получилось, тогда дневник, полагаю, никогда бы к нам не попал. Но я все равно скорблю.

Библиотекарь излучил поле сочувствия, разделяя эмоции коллеги.

* * *

Запись 95.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 5 июля 2048 года — 01:16.

Я смирился с неудачей. Я одинок, но вокруг меня творения человечества: призраки человечества. Я и себя ощущаю призраком.

С тех пор как я утратил контакт с Землей, мне уже не кажется, что события стремительно проносятся мимо. Теперь у меня есть время — все время мира.

Я разговариваю сам с собой и азартно играю в шахматы — не против компьютера, а против себя. Это шизофрения? Уж не теряю ли я рассудок? Очень не хотелось бы, потому что, кроме собственного рассудка, у меня ничего не осталось. Как-то поймал себя на том, что напеваю фуги Баха, используя гудение двигателей в качестве контрапункта. Двигатели меня утешают. Они кажутся живыми.

Но почему за все прошедшие тысячи лет никто не прилетел исследовать эту черную дыру? Даже если обо мне давно забыли, что случилось со стремлением человечества узнавать новое? Если уж на то пошло, что случилось с человечеством? Меня терзает мысль, что могло наступить еще одно Средневековье, после которого Земля так и не оправилась. По какой еще причине люди отказались от освоения Вселенной?

После всего произошедшего даже не знаю, почему это меня так волнует, но созвездия изменились. Звезды перемещаются, и созвездия, вид которых я помню еще с детства, становятся чужими. Орион, Большая Медведица, Кассиопея... Мне постоянно хочется протянуть руку и вернуть звезды на прежние места.

Хоть Солнце почти не изменилось. В паре с черной дырой оно фактически образует слабую двойную систему. И черная дыра бесконечно долго останется вблизи Солнца.

* * *

Запись 96.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 5 июля 2048 года — 13:00.

Еще одна изоляция — на этот раз от себя. Очевидно, магнитный импульс от платы преобразователя испортил данные на жестком диске компьютера. Программы не пострадали — они в оперативной памяти. Но дневник погиб. И я долго работал, чтобы восстановить дневник как можно точнее, но теперь уже на бумаге. Даже не знаю, почему он стал мне настолько дорог, ведь, кроме меня, его никто и никогда не прочтет.

Теперь я пишу и сразу распечатываю записи. Все же приятно видеть текст на бумаге.

* * *

Запись 97.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 6 июля 2048 года — 15:12.

Солнце только что стало красным гигантом. Его диаметр достиг орбиты Земли. А сама планета превратилась в подернутый пеплом уголек.

Поскольку делать мне практически нечего, я занялся астрономическими наблюдениями — измеряю скорость изменения постоянной Хаббла. (Моей девочки уже нет, поэтому я снова могу писать как

астрофизик.) Марк был прав. Вселенная умрет энтропийной смертью, расширившись в бесконечное ничто. Господи, как бы мне хотелось рассказать им об этом, но они мертвы уже миллиарды лет. Я знаю ответ на главный вопрос космологии, но сообщить его уже некому.

* * *

Хранитель удивленно затрепетал, излучая всем телом электромагнитную ауру возбуждения:

— Миллиарды лет? Ты уверен в правильности единицы времени?

— Полностью.

— Это замечательно, фантастично, отлично! Знаешь ли ты, что это означает?

Библиотекарь излучил сопереживаемую радость:

— Да, Хранитель. Но я не хотел испортить вам восторг открытия.

Выброшенные восхищенным Хранителем электромагнитные всплески разлетелись по всей лаборатории.

— Теоны ошибаются, — просигнализировал он, затем потемнел и сфокусировался на Библиотекаре. — Ты должен немедленно опубликовать этот дневник. Если мы докажем, насколько они ошибаются, утверждая, будто Вселенная была создана всего миллион лет назад, то это их полностью дискредитирует. Мы сможем отбросить их идиотскую идею Художественного Творения.

— Согласен, но... — Библиотекарь излучил неяркую ауру нерешительности.

— Только не ты, Библиотекарь!

— Нет-нет. Конечно, нет, — просигналил Библиотекарь. — Но мне очень хочется, чтобы имелось эстетически приемлемое объяснение происхождения жизни в нашем мире.

Аура Хранителя потемнела.

— Да. Это серьезный вопрос... — Аура просветлела. — Теперь поговорим о дневнике...

— Да, конечно. Я перешлю его сразу в рассеиватель. Но не хотите ли вы перед этим просканировать оставшуюся часть документа?

Хранитель ненадолго задумался.

— Нет. Сейчас я слишком возбужден, чтобы сканировать дальше. Я поглощу оставшееся, когда документ попадет в эфир. — Он излучил ауру задумчивости, потом положил цилиндр на лабораторный стол. — Но все же я хотел бы завтра встретиться с тобой снова... при первом свете плюс два, если это возможно.

— Да. Конечно.

Вскоре после главного рассвета Хранитель ворвался в лабораторию. Там его уже ждал Библиотекарь.

— Проклятые дохлопольные теоны, — прерывисто просигналил Хранитель. — Они заявили, что дневник — ловко сфабрикованная подделка. А в доказательство приводят тот факт, что тела инопланетянина у нас нет.

— Знаю, — просигналил Библиотекарь, чья аура демонстрировала уныние. — Теоны всегда были лучшими рассеивателями в эфире, чем мы.

Хранитель продемонстрировал согласие:

— Боюсь, что так. После заявления о мошенничестве они станут сильнее, чем когда-либо. — Он перетек к лабораторному столу и взял цилиндр. — Я был настолько разъярен, что не смог завершить сканирование.

— Скоро конец, — просигналил Библиотекарь. — Если хотите, можете просканировать его сейчас.

— Спасибо.

* * *

Запись 98.

Часы «Исследователя»: ОШИБКА.

Часы «Капсулы»: 7 июля 2048 года — 11:22.

Почти смешно. Стал разглядывать плату и обнаружил контакт с холодной пайкой — дурацкой холодной пайкой. Элементарщина. Я все исправил за пятнадцать минут.

Схема и после этого не заработала. Когда я включил плату, та испустила дикий набор электромагнитных полей. Все компьютерные и видеомониторы сразу свихнулись.

Но трагикомедия в том, что отклонитель поля отклонил и меня от решения. Я кое-что пересчитал (понять не могу, почему в NASA не отыскивали выход) и обнаружил, что если переберусь в спасательную шлюпку, то смогу в ней маневрировать, находясь перед «Капсулой времени». Окружающее корабль поле Ричардсона должно экранировать и шлюпку. Я просто мог дать полную тягу и вырваться из объятий черной дыры. Теперь я заставляю себя не думать об этом — ведь я угробил миллиарды лет упущенных возможностей.

Теперь-то я могу спастись, но лететь мне некуда. И что толку от такого спасения?

* * *

*Запись 99.**Часы «Исследователя»: ОШИБКА.**Часы «Капсулы»: 8 июля 2048 года — 09:33.*

Скоро станет совсем тихо — как в горной долине после снегопада. Я выключу двигатели, теперь уже очень скоро. И тогда «Капсула времени» наберет скорость, соскользнет за горизонт событий, где время практически останавливается, а затем упадет в черную дыру. Интересно, как долго поле Ричардсона будет меня защищать, прежде чем кораблик раздавят или разорвут приливные силы? Быть может, вечно — что бы это ни означало.

Теперь, приняв позитивное решение, я чувствую себя немного лучше. Странно, но до сих пор я не считал самоубийство позитивным решением.

У меня еще сохранилось достаточно научного любопытства, и я пытаюсь представить, как будет выглядеть прохождение через горизонт событий. Впрочем, это слабое и рудиментарное любопытство, поскольку поделиться наблюдениями будет не с кем. «Нет человека, что был бы сам по себе, как остров», — сказал кто-то. Кажется, Джон Донн. Я едва не рассмеялся. Откуда он это знал? Как он вообще мог это знать?

Забавно — когда умру я, умрет и Вселенная. Она меня не переживет. Как ни странно, меня это утешает.

Мне хочется умереть с каким-нибудь символом человечества. Наверное, с музыкой. Какая музыка больше всего подходит для смерти Вселенной? «Девятая симфония» Бетховена? «Незаконченная симфония» Шуберта? Что ж, если она не закончена сейчас, то не будет закончена никогда. Пожалуй, выберу «Девятую».

* * *

*Запись 100.**Часы «Исследователя»: ОШИБКА.**Часы «Капсулы»: 8 июля 2048 года — 10:00.*

Только что поел. Последний завтрак.

Пишу это под музыку Бетховена. Наверное, это моя последняя запись. Возможно, вообще последняя запись (100 — хорошая круглая цифра для конца времени).

Мне осталось лишь нажать выключатель. Потом могу сидеть и наблюдать в телескоп, как умирает Млечный Путь. Другие галактики к тому времени станут настолько далекими, что окажутся за преде-

лом разрешения телескопа. Я уже мысленно вижу, как в поле тяготения черной дыры звезды синеют, приобретая сочный и приятный оттенок, затем постепенно бледнеют, переходя в невидимый ультрафиолет.

Но возможно, что мостики Эйнштейна—Розена существуют, и я, проходя сквозь черную дыру, попаду в червоточину и вернусь обратно во времени. И смогу выйти в физическом пространстве, полном звезд, галактик и теплых живых душ. А поскольку все корабли NASA, включая мой, оснащены наборами SETI для первого контакта, я даже смогу с этими душами общаться.

Чушь все это. Я обманываю себя. Исходом наверняка станет смерть. И пусть она будет быстрой.

Моя семья, друзья — все они прожили отпущенный природой срок. И у меня нет причины оплакивать их. Я могу оплакивать только себя — и отказываюсь больше этим заниматься.

Моя рука уже на выключателе. Мне будет не хватать голоса двигателей.

* * *

— Итак, это все, — просигналил Хранитель.

— Все.

— Жаль. Если бы у нас имелось тело, дневник приобрел бы бóльший вес.

Библиотекарь просигналил согласие.

— Но до сих пор не могу понять, как у нас оказался лишь пустой корабль.

— У меня есть теория, — вспыхнул на миг Библиотекарь, демонстрируя чрезвычайную скромность.

— В самом деле? — Хранитель подал Библиотекарю знак приблизиться. — Пойдем. Мы вместе поедим в моей студии.

— Это честь для меня. Спасибо.

— А потом ты расскажешь о своей теории. — Хранитель излучал ауру глубокой задумчивости. — А поскольку ты главный специалист по инопланетянину, то вместе мы, возможно, сумеем отыскать в документе нечто такое, что докажет существование этого существа.

* * *

— Нет! — Конрад отдернул руку от выключателя. — Таким путем человечество умереть не должно. — Он ударил кулаком по панели. —

Последний, покидающий Вселенную, гасит за собой свет. — Он покачал головой. — Нет.

Он не понял, что заставило его изменить решение. Возможно, инстинкт самосохранения. Возможно, тоска по дому. Разумеется, Земли уже нет, но все же он мог закончить свои дни в родной Солнечной системе — если сумеет вырваться.

Он открыл соединительный люк, ведущий к левой спасательной шлюпке. Испытывая удовольствие уже от одной мысли о том, что покидает «Капсулу», он схватил дневник и пролез в люк. Затем, подавшись внезапному порыву, вернулся, выдернул плату из панели и взял ее с собой. На сборку этой платы у него ушли тысячи лет.

Пристегнувшись к креслу пилота, он включил электронику и сосредоточился на панели управления. Тут он помедлил. Курс на Землю Конрад проложить не мог, потому что планеты уже не было. Зато мог дать команду автоматического обнаружения Сатурна. Конрад хрипловато рассмеялся. Последним небесным телом Солнечной системы, на которое он некогда ступил, был как раз Титан. И для него он станет домом не хуже любой другой планеты. Конрад ввел в искусственный интеллект навигационные параметры Титана.

Перед запуском двигателя он провел мысленную контрольную проверку. Предполетные тренировки в NASA вспомнились сами собой — у него снова имелась цель. Логика подсказывала, что, раз имеются две спасательные шлюпки, то одну из них можно перевести на дистанционное управление и проверить, находясь в корабле, получится ли задуманное.

Он быстро расстегнул ремни и метнулся назад в «Капсулу». Конрад даже насвистывал — физические усилия снова заставили его ощутить себя человеком.

Оказавшись в корабле, он переключил шлюпку на дистанционное управление. Лязгнули захваты — шлюпка отделилась, и он вывел ее на позицию точно над верхним иллюминатором. Включать двигатели надолго не пришлось, потому что шлюпка находилась в пределах охватывающего «Капсулу» поля Ричардсона. Стиснув зубы и гадая, выдержит ли иллюминатор удар выхлопных газов шлюпки, Конрад включил автонавигацию. Потом затаил дыхание и нажал кнопку запуска.

Сперва шлюпка двигалась медленно, затем стала быстро набирать скорость. Увидев, насколько резко она набирает ускорение, Конрад даже присвистнул. Потом сообразил, что тут срабатывает гравитаци-

онный эффект — по мере удаления от черной дыры время ускорялось. Шлюпка достигнет Титана гораздо раньше, чем он доберется туда на второй шлюпке. Но главное — идея сработала. Теперь у него в кармане лежал билет домой. Конрад улыбнулся — как странно называть Титан домом.

Потянувшись, чтобы сбросить напряжение, он забрался в оставшуюся шлюпку. Повторив все действия, проделанные при запуске первой, он нажал кнопку отделения шлюпки от корабля. Его суденышко, потряхиваемое турбулентностью работающих двигателей корабля, сейчас напоминало велосипед, едущий по шпалам. Конрад вывел шлюпку в предстартовое положение над «Капсулой», и вибрация прекратилась. Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и переместил рукоятку тяги до упора вперед. Двигатель взревел, шлюпка затряслась, ускорение вдавило Конрада в кресло. Он терпел долгий час, но все же шлюпка вырвалась из объятий черной дыры. Конрад протянул было руку к рукоятке тяги, но передумал. Не имея причин чего-либо опасаться, он помчался к Сатурну на полной скорости. На сей раз теория относительности станет работать на него. С двигателями Ричардсона он может лететь почти со скоростью света и добраться до Титана очень быстро.

И тут он ударил ладонью по панели управления. «Черт побери! Я оставил дневник в другой шлюпке». Он покачал головой. Теперь уже ничего не изменить.

Через три часа по внутреннему времени шлюпки он достиг облака Оорта, номинальной границы Солнечной системы. Он сбросил скорость, а в окрестностях Сатурна сбросил ее еще раз. В носовом иллюминаторе виднелось большое Солнце, а в его красно-оранжевых лучах величественно сверкал Сатурн. Хотя Солнце теперь стало звездой с низкой светимостью, оно было огромным и относительно близким. Пока он любовался светилом, система автонавигации направила шлюпку к Титану.

Переместив внимание на экран компьютера, он вывел на него окно ручной навигации и переместил шлюпку на низкую орбиту вокруг большого спутника огромной планеты. Ненадолго расслабившись и насладившись ощущением невесомости, он переключил на монитор изображение с курсовой камеры шлюпки.

И резко подался вперед, уставившись с открытым ртом на монитор. Расстегнув ремни, он подплыл к иллюминатору и выглянул. Конрад не поверил свои глазам — Титан выглядел почти как Земля, с океанами, зелеными континентами, пушистым облачным

покровом. Но весь цветовой спектр был сдвинут в красную область — он словно смотрел на Землю через розовые очки. *Это невозможно!*

И тут он вспомнил давнишнюю статью, где излагалась теория о том, что примерно через восемь миллиардов лет Солнце, достигнув фазы красного гиганта, согреет Титан настолько, что там появятся зоны, пригодные для обитания. Конрад улыбнулся. Как здорово увидеть подтверждение этой идеи.

Охваченный научным любопытством, сдобренным надеждой, он уселся за панель управления и провел кое-какие измерения.

Увидев данные спектрографического анализа атмосферы и поверхности, он повторил их и лишь затем позволил себе поверить результатам: воздух пригоден для дыхания, атмосферное давление примерно такое же, как на Земле на уровне моря, а океаны состоят из воды. Огромная разница по сравнению с тем, что здесь было прежде: атмосфера на 95% из азота, ее давление в шестьдесят раз выше земного, а температура поверхности -175 градусов по Цельсию.

Он вернулся к иллюминатору, но на этот раз, просто чтобы полюбоваться увиденным. Диск Сатурна имел угловой размер около пяти градусов — примерно в десять раз больше, чем размеры Луны, наблюдаемой с Земли. А Солнце с диаметром около пятнадцати угловых градусов и вовсе смотрелось в тридцать раз больше. Но при его нынешней яркости Конрад мог смотреть прямо на него, не опасаясь повредить глаза. Какая красота!

Налюбовавшись, Конрад вернулся в кресло и пристегнулся. Его судьба и жизнь, пусть даже и недолгая, были на Титане. Готовясь к посадке, он переключил на монитор картинку с нацеленной вниз камеры и прибавил увеличение. Для безопасной посадки ему требовалась плоская равнина.

— Что?!

Он словно получил удар по голове. Подавшись вперед, он уставился в монитор, пытаясь разглядеть мельчайшие детали картинки, ограниченной по разрешению размерами пикселей. Сомнений не осталось: по экрану медленно проползали изображения искусственных сооружений. Регулярность и сложность зрелища напоминала земной город среднего размера. Конрад выдохнул, даже не заметив, в какой момент у него перехватило дыхание. На Титане была жизнь, разумная жизнь! Он изумленно покачал головой.

Когда потрясение немного улеглось, а «город» скрылся за краем экрана, Конрад принялся размышлять. Очевидный ответ — люди

с Земли перебрались на Титан еще до того, как Солнце стало красным гигантом. Но при дальнейшем размышлении он понял, что такое астрономически невозможно — когда это произошло, Титан все еще был темным, замерзшим и непригодным для обитания миром. К тому же он наблюдал за Землей и видел ее гибель.

Колонисты из другой звездной системы? Весьма маловероятно — он наверняка заметил бы их корабли, а они обязательно прилетели бы исследовать его черную дыру.

Конрад пожал плечами. Наверное, жизнь зародилась на Титане естественным путем. Однако он тут же сообразил, что подобная эволюция еще менее вероятна, чем прочие его идеи. Красным гигантом Солнце могло пробыть никак не дольше восьмисот миллионов лет. Для появления эволюционным путем высокоорганизованной жизни этого времени никак не хватит — во всяком случае, для ее развития с нуля. А их экспедиция не нашла на Титане никаких признаков жизни, даже сложных органических молекул.

Когда он вспомнил об экспедиции на Титан, его поразила неожиданная догадка. Ведь большую часть времени эволюция проводит в микрофазе — развитие микробов и одноклеточных организмов. И если Титан был засеян такими микроорганизмами, то времени для эволюции вполне хватило бы.

Конрад рассмеялся. Причиной всему наверняка стали мусорные канистры их экспедиции. Когда через миллиарды лет Титан прогрелся, канистры разрушились, рассыпав по поверхности богатый микробами мусор.

Негромко напевая, Конрад взялся за рукоятки управления и начал посадку. Он улыбался. Он сможет пить местную воду, если ее сперва прокипятить. А поскольку жизнь на Титане зародилась от земной, и если ему еще немного повезет, то он даже сумеет найти пищу. И тогда дни его окажутся не столь краткими, как он ожидал. А уж скучными — точно не будут.

Охваченный нетерпеливым стремлением увидеться со своими потомками, Конрад с трудом заставил себя не мчаться вниз на полной скорости. Ему не хотелось потерять даже минуту.

**Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ**

Первая межзвёздная

В трех номерах «Если» за 2006 год были опубликованы очерки писателя-фантаста и популяризатора космонавтики Антона Первушина из цикла «Кинопробы космической экспансии», посвященные истории виртуального освоения планет Солнечной системы деятелями фантастического кинематографа. Однако за рамками разговора осталась еще одна масштабная тема — подготовка и осуществление Первой межзвездной экспедиции.

Бегство с Земли

Принято считать, будто бы первый полет землянина на космическом корабле к другим звездам был описан в небольшом романе американского писателя, дипломированного химика Эдварда Элмера «Дока» Смита. Роман назывался «Космический жаворонок» («The Skylark of Space») и был опубликован в 1928 году на страницах журнала «Amazing Stories».

«Воображение писателей-фантастов буквально загнивало, ограниченное рамками Солнечной системы, — писал один из знатоков ранней американской фантастики Сэм Москович, — пока наконец в 1928 году «Космический жаворонок» Эдварда Смита не раздвинул духовные горизонты до возбуждающего чуда Галактики».

Этот приоритет, однако, можно оспорить. Так, советский писатель Виктор Гончаров в дилогии, состоящей из романов «Психо-машина»

и «Межпланетный путешественник» (1924), не только описал полет комсомольца через Галактику на удивительной психомашине, но и придумал целое интергалактическое человечество, завоевавшее всю нашу Вселенную и готовящееся к завоеванию соседних.

Но писателям проще — им достаточно листа бумаги и воображения, чтобы проникнуть в самые невероятные миры. Кинематографисты куда дальше не решались переступить пределы Солнечной системы, понимая всю сложность воспроизведения межзвездных просторов на большом экране. А ведь, казалось бы, уже Флэш Гордон, герой популярного фантастического киносериала второй половины 1930-х годов, мог отправиться в межзвездный перелет, благо ракетный корабль, построенный доктором Зарковым, настолько не соответствовал реальным представлениям о космических ракетных

аппаратах того времени, что мог лететь куда угодно — хоть на вымышленную планету Монго, которая внезапно появилась в Солнечной системе, хоть на Альфу Центавра, хоть в другую галактику. Но почему-то не решились.

Первой ласточкой («космическим жаворонком») кинематографа, лентой, сюжет которой в значительной степени посвящен строительству межзвездного корабля, стала довольно известная американская картина «Когда сталкиваются миры», вышедшая на экраны в 1951 году. Режиссер Рудольф Мейт, сняв фильм по мотивам одноименного романа Филипа Вили и Эдвина Белмера (1932), использовал фантастическую идею, ставшую к тому времени классической: в Солнечную систему вторгается чужеродное небесное тело, которое должно или обрушиться на Землю, или взорвать Солнце, или вызвать глобальный катаклизм. Если в исходном романе таким телом была парочка странствующих планет, то в фильме в этой роли выступала чужая звезда Бэллос, которую в ее стремительном полете сквозь Вселенную сопровождала планета Зира. Согласно расчетам группы американских ученых во главе с доктором Эндроном, звезда нарушит равновесие в Солнечной системе, и Земля погибнет. Под руководством магната Сиднея Стентона начинается строительство космического ковчега — огромного ракетоплана, что доставит

пятьдесят избранных мужчин, женщин и детей на Зиру. Приближение чужой звезды вызывает на Земле чудовищные землетрясения и наводнения. Американское правительство вынуждено признать, что Судный день неизбежен, и подключается к строительству ковчега. На ракетоплан грузят самое необходимое для будущего восстановления цивилизации: микрофиши книг, образцы орудий труда, семена растений и детенышей животных. Пассажиров ковчега отбирают из здоровых представителей нации по результатам лотереи. В последний день перед стартом, когда Земля уже в буквальном смысле горела под ногами, Стентон попытался захватить ракетный ковчег силой оружия, однако мужественный доктор Эндрон предотвратил бандитский налет на последнюю надежду человечества.

«Когда сталкиваются миры» — фильм уникальный в своем роде. Фактически он посвящен межпланетному полету, но наличие в сюжете звезды Бэллос делает этот полет межзвездным.

Картина стоит особняком еще и потому, что голливудский кинематограф от чисто межпланетных полетов в фильмах типа «Флэш Гордон» плавно и почти незаметно перешел к головокруглительным интергалактическим путешествиям новых героев вроде Супермена или красотки Барбареллы, миновав важную фазу — рассказ о Первом межзвездном перелете.

А там уже рукой было подать до «Звездных войн»...

Под планетой обезьян

Все же впечатляющие успехи США в космосе, и прежде всего высадка астронавтов на Луну, действовали на кинематографистов. Они перестали бояться тематики межзвездных странствий. И в конце концов на свет появилось несколько весьма достойных образчиков жанра. К ним, без всякого сомнения, относится сериал из пяти фильмов, снятый по очень отдаленным мотивам научно-фантастического романа французского прозаика Пьера Буля «Планета обезьян» (1963).

Первый фильм «Планета обезьян» появился в 1968 году. Франклин Джей Шеффнер, более известный как режиссер интеллектуального «авторского» кино, выпустил сатирическую картину, в которой довольно едко высмеивал реалии современного ему мира, построенного на неравенстве и беспощадной эксплуатации. Если бы не этот сатирический запал, мастерски поданный опытным режиссером, то фильм выглядел бы очередной голливудской нелепицей, ведь с позиций науки он не выдерживал ни малейшей критики. Так, экипаж первого межзвездного корабля с трудом понимает, куда и зачем он летит. Созвездие Ориона в качестве цели выглядит притянутым за уши, а обусловленное эффектами специальной теории относительности

замедление корабельного времени перечеркивает всякую практическую отдачу от этого космического полета: звездолет стартует в июле 1972-го, чтобы достигнуть цели в марте 2673 года. Кому на Земле через такой период времени могут понадобиться знания, полученные в ходе экспедиции, не понимая даже ее участники. Судя по репликам, они воспринимают себя эдакими беглецами от безумия цивилизации и очень гордятся бессмысленностью своей как бы исторической миссии.

И все же фильм получился на удивление качественным. Создателям «Планеты обезьян» удалось не только довольно убедительно показать быт цивилизации обезьян, но и вывести одного из самых колоритных и обаятельных персонажей в истории кинофантастики — шимпанзе Зиру (ее роль исполняла Ким Хантер), обезьяньего ученого, столкнувшуюся с удивительным и аномальным, с ее точки зрения, феноменом говорящего человека. А выразительный грим, разработанный Джоном Чамберсом специально для фильма и превращающий лица актеров в звериные морды, не скрадывая при этом богатство мимики, на долгое время стал эталоном для мастеров спецэффектов.

Больше того, создатели фильма придали совершенно необычное развитие теме Первой межзвездной экспедиции — в конце фильма выясняется, что звездолет совер-

шил путешествие не в пространстве, а во времени, вернувшись на Землю после гибели человеческой цивилизации.

Во втором фильме, «Под планетой обезьян», выпущенном режиссером Тедом Постом в 1970 году, вслед за первым звездолетом отправляется второй — с миссией спасения (то есть предусмотрительные земляне, не дожидаясь положенные семьсот лет, сразу же отправили в созвездие Ориона спасателей). Спасатели не стали оригинальничать, а подобно первому экипажу разбили свой корабль на пустынном плато, после чего оказались вынуждены доказывать собственную разумность ошалевшей от такого наплыва пришельцев Зире. Продолжая увлеченно раскрывать тайны планеты обезьян, астронавты попадают в плен к секте людей-мутантов, поклоняющихся атомной бомбе. У фильма неожиданно безысходный конец: в схватке астронавты подрывают последнюю оставшуюся бомбу, уничтожив и сектантов, и город обезьян.

Поскольку цивилизация обезьян погибла, то создателям фильма для дальнейшего развития сюжета пришлось вернуться в прошлое. В фильме «Бегство с планеты обезьян» (1971, режиссер Дон Тейлор) высокоученая обезьяна Зира и ее муж Корнелиус отправляются на звездолете назад во времени и попадают в XX век, в Лос-Анджелес. Догадливые эксперты, призванные изу-

чить феномен, быстро понимают, что присутствуют при возникновении классической «петли времени», и разумные обезьяны, прибывшие из будущего, могут стать родоначальниками всей расы новых существ, которые унаследуют Землю после исчезновения человека. И самое ужасное — оказываются правы. В фильмах Джея Ли Томпсона «Покорение планеты обезьян» (1972) и «Битва за планету обезьян» (1973) на суд зрителя представлена подробная история превращения планеты людей в планету обезьян. Впрочем, эта тематика выходит за рамки нашего разговора.

В 2001 году уже прославленный в кинофантастике режиссер Тим Бартон взялся за новую экранизацию «Планеты обезьян». Многие полагали, что он собирается снять римейк культового фильма Франклина Шеффнера. Другие, наоборот, утверждали, что режиссер хочет вернуться к литературному первоисточнику. От выбора Бартона зависела и концовка, ведь в романе планета обезьян — это именно чужая планета, вращающаяся вокруг звезды Бетельгейзе, а парадоксальный финал, когда космический путешественник возвращается на Землю и видит, что обезьяны и там водворжествовали, должен был подчеркнуть важную идею о несовершенстве человека и хрупкости человеческой цивилизации.

Однако споры поклонников мира обезьян оказались напрасны —

Бартон сделал новый продукт, в котором причудливо переплетаются и сюжет романа, и сюжет культового киносериала. В новой «Планете обезьян» действие происходит в 2029 году. Люди еще не научились летать между звезд, однако активно готовятся к этому: на большой космической станции астронавт Лео Дэвидсон (Марк Уолберг) дрессирует шимпанзе, которым предстоит стать пилотами экспериментальных космических аппаратов. Во время полета один из его подопечных попадает в пространственно-временной туннель, и Лео, забыв строгие инструкции, ныряет за ним. Тут уже приходится подключиться и другим «станционным зрителям» — в итоге вся станция следует за канувшим в туннель астронавтом и разбивается на незнакомой планете. А обитавшие на станции обезьяны порождают новую цивилизацию, с которой и приходится иметь дело Лео Дэвидсону, запутавшемуся в пространственно-временных тенетах.

Отроки Кассиопей

Снять масштабную киносагу о первом полете к звездам попытались и в Советском Союзе.

Поскольку тема межзвездных перелетов никогда не воспринималась советскими учеными всерьез, киносага получилась подростковая — с элементами городской сказки. История Первого межзвездного перелета уложилась в два полнометражных фильма «Моск-

ва—Кассиопея» и «Отроки во Вселенной», которые в 1973 и 1974 годах выпустил Ричард Николаевич Викторов — выдающийся советский кинорежиссер, фронтовик, лауреат Государственной премии РСФСР и Премии имени братьев Васильевых.

Несмотря на бедность декораций и общий низкий уровень спецэффектов, Викторovu удалось создать запоминающееся зрелище.

Действие первого фильма происходит в наши дни. Из глубин вселенной, из системы звезды Шедар (Альфа Кассиопеи), поступает сигнал с просьбой о помощи. Земляне не могут оставить безучастными к страданиям братьев по разуму и начинают строительство звездолета «ЗАРЯ» («Звездолет Аннигиляционный Релятивистский Ядерный») по проекту юного изобретателя Вити Середы. Поскольку полет к Шедару займет не один десяток лет, в рейс решено отправить команду подростков. Благодаря вмешательству пришельца из будущего, которого играет Иннокентий Смоктуновский, членами команды становятся сам Середа и пятеро его друзей. Полет тщательно продуман, однако на звездолет пробивается «заяц» — хулиганствующий изобретатель Федя Лобанов. Помимо своей воли он устраивает так, что корабль выходит к своей цели значительно раньше назначенного срока.

Следующий фильм посвящен уже собственно приключениям ре-

бят на второй планете системы Альфы Кассиопеи, где власть захватили вышедшие из-под контроля роботы.

Несмотря на наивный сюжет и отсутствие каких-либо принципиальных находок, кинодиалогия Викторова не только пользовалась успехом у юных зрителей, но и получила ряд престижных премий на советских и международных кинофестивалях.

Порталы и червоточины

После ошеломляющего успеха «Звездных войн» в кинофантастике воцарилась «звездная опера», для которой правдоподобие в деталях или технологиях по определению не нужно. Отныне и навсегда киношная Вселенная оказалась обжита лихими парнями, которые, используя загадочный гиперпривод, за доли секунды преодолевают на своих кораблях расстояния в тысячи световых лет.

Что касается более традиционной научной фантастики, то она по-прежнему не решалась изобразить технически реализуемый проект звездолета, хотя таковые уже существовали — достаточно вспомнить ядерно-импульсные и фотонные корабли, описания которых можно было встретить как на страницах НФ-романов, так и в научно-популярных книгах и статьях того времени.

Хотя уже в 1957 году американский физик-теоретик Джон Уилер описал так называемые «червоточины» (wormhole) — надпростран-

ственные туннели, соединяющие удаленные точки Вселенной и позволяющие почти мгновенно перемещаться из одной в другую, — фантасты долгое время не обращали на эту теорию никакого внимания. Потом физики показали, что законы нашей Вселенной не запрещают образования природных «естественных» туннелей, а значит, в будущем червоточины действительно могут быть обнаружены и использованы для транспортировки людей и грузов на огромные расстояния. А фантасты открыли для себя, что туннели как элемент фантастического мира куда удобнее гиперпривода, если хочется отправить к звездам не отдаленных потомков с джедайским мечом наперевес, а своих таких знакомых и таких милых сердцу современников.

В кинофантастике все преимущества червоточины перед другими видами космического транспорта одним из первых отразил Роланд Эммерих в масштабном фантастическом триллере «Звездные врата», вышедшем на экраны в 1994 году. Во время археологических раскопок в долине Гиза под каменным щитом было обнаружено непонятное устройство — огромное кольцо, покрытое иероглифами. Позднее кольцо было вывезено американцами и помещено внутрь засекреченного подземного комплекса в горах Колорадо. Весь комплекс с защитными сооружениями становится первым меж-

звездным транспортным средством, когда египтолог Даниель Джексон расшифровывает иероглифы и выясняет, что древнее кольцо — это «звездные врата», через которые можно шагнуть в созвездие Резца (по другой версии, в галактику Калиум). Спецподразделение, возглавляемое полковником Джонатаном О'Нейлом (в исполнении Курта Расселла), проникает в новый мир и вступает в схватку с древнеегипетскими богами, которые, понятное дело, вовсе и не боги, а люди, служащие Ра — пришельцу, последнему представителю древней инопланетной расы, обладающему паранормальными способностями. И, разумеется, американские солдаты побеждают зловещего монстра, заручившись поддержкой местного населения, которое впервые за многие тысячелетия почувствовало запах свободы.

Фильм благодаря сравнительно оригинальному сюжету, динамике и неплохим спецэффектам почти сразу стал классикой. По нему появились новеллизации, но главное — совершенно бесконечный сериал «Звездные врата: SG-1», стартовавший в мае 2001 года, развившийся в десять сезонов и уже породивший дочерний сериал «Звездные врата: Атлантида». Сюжетообразующей темой первых сезонов сериала является противостояние спецгруппы SG-1, работающей с вратами, и инопланетной расы змеевидных гоаулдов, способных

внедряться в человеческий организм и подчинять жертву своей воле, превращая ее в яффа. Путешествуя по разнообразным мирам и знакомясь с их обитателями, члены команды постепенно вникают в нюансы межзвездной политики, обретая новых друзей и новых врагов.

Фильм «Звездные врата» оказал очевидное влияние на фантастический кинематограф. Всевозможные межзвездные порталы, надпространственные коридоры и мерцающие туннели стали почти обязательным атрибутом современной кинофантастики.

Так, именно мерцающий туннель мы видим в картине Роберта Земекиса «Контакт» (1997), снятой по одноименному фантастическому роману известного астрофизика Карла Сагана.

Главная героиня фильма, астрофизик Элли Эрроуэй (ее играет несравненная Джоди Фостер), верит в существование инопланетных цивилизаций и пытается поймать искусственные сигналы, идущие из космоса. И в конце концов ей это удастся. После расшифровки земные ученые выясняют, что в сигналах содержится описание некоей загадочной машины — которая, судя по всему, является транспортным средством, позволяющим путешествовать между звезд. Международному консорциуму финансирует строительство машины (в фильме ее так и называют — Машина). Первый экземпляр Машины уничтожает религиозный фанатик, на втором

Эрроуэй отправляется к звездам, войдя в систему надпространственных червоточин. Побывав у Веги и у странной планеты в системе из четырех звезд, отважная космическая путешественница попадает в гости к высокоразвитой цивилизации, представитель которой утверждает, что червоточины, по которым осуществляются подобные перелеты, построены кем-то очень древним — возможно, тем, кого мы привыкли называть Богом...

Другой вариант машины для перемещения в пространстве на дальние расстояния предложил культовый режиссер Брайан де Пальма в перенасыщенном цитатами из киноклассики фильме «Миссия на Марс» (2000). Эта кинолента де Пальмы очень слаба и с точки зрения научно-технической достоверности, и с позиций художественного наполнения. Однако все-таки она производит впечатление, прежде всего масштабам замысла.

Очевидно, в основе этого замысла лежало желание собрать и творчески осмыслить ту часть современной мифологии, которая касается красной планеты и ее гипотетических обитателей. Этим определялись и сюжетные ходы.

2020 год. На Марсе, на равнине Цидония, работает первая экспедиция. Изучая окружающую местность, ученые обнаруживают аномальную структуру. Попытка прощупать ее радаром оборачивается катастрофой: внезапно возникший

вихрь убивает землян и только одному из астронавтов удается выжить и укрыться на базе. Чтобы его спасти, к Марсу направляется новый корабль, который также терпит катастрофу. Тем не менее астронавтам миссии спасения удается высадиться на поверхность красной планеты и даже обследовать смертоносную аномальную структуру, которая оказывается своего рода памятником древней марсианской цивилизации, потерявшей свою планету в результате ее столкновения с гигантским астероидом. Те, кто выжил в катаклизме, спешно построили флот космических кораблей и отправились на освоение Галактики, а один из звездолетов остался, чтобы посеять жизнь на Земле и обеспечить будущий контакт с землянами: там же, внутри марсианского памятника, находится телепорт — устройство для мгновенного перемещения в пространстве.

В то время как астронавты собираются вернуться на Землю, один из них, Джим Макконнелл (его играл известный актер Гэри Синайз), решает воспользоваться телепортом, отправившись вслед за марсианскими предками. Таким образом, очередной межпланетный перелет превращается в первый межзвездный...

Прогулки с инопланетными чудовищами

Обращает внимание одна деталь. За исключением самого пер-

вого фильма о сталкивающихся мирах, кинематографисты не сомневаются в следующем: главное, ради чего стоит организовывать Первую межзвездную экспедицию, это поиск инопланетной жизни, а в идеале — братьев по разуму. Сразу встает вопрос: будут ли эти существа дружелюбны с нами или итогом долгожданного контакта станет война?

Этому непростому вопросу посвящен уникальный по замыслу 25-минутный аниме-фильм «Голоса Далекой Звезды», созданный выдающимся японским художником Макото Синкаем.

Синкай поставил перед собой цель — сделать добротный анимационный продукт, который целиком и полностью принадлежал бы одному автору. Весь фильм был нарисован, срежиссирован и озвучен на компьютере «Макинтош» лично Синкаем. Единственным посторонним человеком, привлеченным к съемкам, стала невеста автора Мике Синохара, озвучившая главного персонажа — девушку, отправившуюся к звездам, чтобы победить коварных пришельцев. Работа над фильмом началась в 1999 году, а закончилась в 2002-м. Интерес к новому творению Синкай был так велик, что за месяц фильм, который демонстрировали в маленьком кинотеатре на 46 посадочных мест, просмотрели свыше трех тысяч человек, а тираж DVD составил 50 тысяч экземпляров, что считается отличным результатом даже для ком-

мерческих аниме-фильмов. За эту работу Макото Синкай также получил ряд престижных премий.

Сюжет фильма выглядит традиционным для фантастики. В 2039 году экспедиция НАСА обнаружила на марсианском плато Тарсис странные руины, принадлежавшие предшественникам древней инопланетной цивилизации, которых назвали «тарсианами» по месту этой находки. Пробудившиеся тарсиане уничтожили экспедицию и отступили к границам Солнечной системы. Благодаря технологиям, полученным при исследовании тарсианских поселений, человечество вышло на новый уровень своего развития и создало мощный космический флот, способный на равных воевать с пришельцами. В 2047 году флот отправляется на поиски тарсиан, чтобы нанести обезоруживающий удар. На одном из кораблей в Дальний космос улетает пятнадцатилетняя школьница Микако Нагаминэ, продемонстрировавшая выдающиеся способности в управлении гигантскими человекоподобными роботами — мобильными боевыми единицами в составе флота. Однако охота на тарсиан все дальше и дальше уносит Микако от одноклассника Нобору Тэрао, самого дорогого для нее человека. Единственным способом общения между ними остается отправка SMS-сообщений, скорость доставки которых ограничена скоростью света. Чем дальше уходит флот от Земли, тем дольше приходится

ждать Нобору писем от Микако. Автор фильма умело показывает трагизм ситуации, при которой два любящих человека разделены бездной межзвездного пространства и никогда не смогут воссоединиться...

Однако наиболее продуманным фильмом о Первой межзвездной экспедиции на настоящий момент является научно-фантастический телевизионный проект канала «Дискавери» под названием «Чужая планета», который, будь я российским кинопрокатчиком, озаглавил бы как «Прогулки с инопланетными чудовищами».

Предыстория проекта такова. В 1990 году американский художник Уэйн Дуглас Барлоу, долгое время занимавшийся рисованием обложек для научно-фантастических романов, выпустил красочный альбом «Экспедиция: иллюстрированный отчет о рейсе к Дарвину IV, предпринятом в 2358 году нашей эры». Альбом выпущен как артефакт из мира будущего. В этом мире человечество почти уничтожило земную биосферу и само находится на грани вымирания. Однако появление искусственных существ, юмов, позволило остановить развитие кризиса и вступить в эпоху возрождения. Юмы не только помогают человечеству восстанавливать экосистему Земли, но и активно изучают окружающее пространство. В процессе этого изучения они обнаруживают обитаемую планету в системе Дарвин. Альбом

Барлоу — это сборник документов об экспедиции к Дарвину, включающий зарисовки, всевозможные схемы, полевые заметки и чисто дневниковые записи. Художнику не только удалось создать внутренне непротиворечивую модель будущего, но и совершить своего рода героический прорыв — описать совершенно чужую биосферу, не имеющую аналогов на Земле.

В 2005 году канал «Дискавери» выпустил большой двухсерийный телефильм на основе альбома Барлоу. «Чужая планета» — это продукт самых современных анимационных технологий в сплаве с научным прогнозированием. Легенда фильма значительно отличается от легенды «Экспедиции». Действие происходит в ближайшем будущем. После того как орбитальные телескопы открыли планетную систему у звезды Дарвин, к ней было решено отправить управляемый искусственным интеллектом корабль «Фон Браун» с двигателями на антиматерии. Стартовал в январе 2035 года и развив скорость в 20% от световой, корабль к маю 2077 года выйдет на орбиту планеты Дарвин IV, находящуюся в 6,5 световых годах от Земли. После этого на планету высадятся два автономных робота: Лео (Леонардо да Винчи) и Айк (Исаак Ньютон), чтобы изучить местную флору и фауну. Основное содержание фильма как раз и составляют приключения этих роботов на поверхности чужой планеты — они

встречают самые невероятные формы жизни, обоснование которым дают известные ученые, приглашенные для участия в фильме. В конце концов роботы сталкиваются с примитивным разумом и, не успев установить контакт, погибают.

* * *

Примечательный факт. Фильмов о Первой межзвездной экспедиции сравнительно немного, но все это — выдающиеся картины, снятые маститыми режиссерами. Имена Рудольфа Мейта, Франклина Шеффнера, Роланда Эммериха, Роберта Земекиса, Брайана де Пальмы многое говорят настоящим ценителям кино. Похоже, тема Пер-

вой межзвездной столь фундаментальна, что за нее берутся только очень серьезные кинематографисты, настроенные сказать нечто принципиально новое. Поэтому я совсем не удивился, когда услышал, например, что Стивен Спилберг готовится выпустить к 2009 году фильм под названием «Межзвездный» («Interstellar»). Очевидно, он тоже хочет вписать свое имя в историю. Ведь если Первая межзвездная экспедиция все-таки состоится, то любой, кто хотя бы малой строкой или кинокадром способствовал ее приближению, получит шанс на бессмертие в виде имени на картах чужих планет.

Антон ПЕРВУШИН

Избранная фильмография Первой межзвездной экспедиции:

- 1951 год — «Когда сталкиваются миры» («When Worlds Collide», США)
- 1968 год — «Планета обезьян» («Planet of the Apes», США)
- 1970 год — «Под планетой обезьян» («Beneath the Planet of the Apes», США)
- 1971 год — «Бегство с планеты обезьян» («Escape from the Planet of the Apes», США)
- 1973 год — «Москва — Кассиопея» (СССР)
- 1974 год — «Отроки во Вселенной» (СССР)
- 1994 год — «Звездные врата» («Stargate», США)
- 1997 год — «Контакт» («Contact», США)
- 2000 год — «Миссия на Марс» («Mission to Mars», США)
- 2001 год — «Планета обезьян» («Planet of the Apes», США)
- 2002 год — «Голоса Далекой Звезды» («Hoshi no Koe», м/ф, Япония)
- 2005 год — «Чужая планета» («Alien Planet», США)

ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ

Производство кинокомпании Реал Дакота (Россия), 2007.

Режиссер Александр Стриженов.

В ролях: Гоша Куценко, Кристина Орбакайте, Евгений Стычкин, Андрей Краско, Михаил Козаков, Александр Стриженов, Ольга Орлова и др. 1 ч. 40 мин.

Их поменяли телами. Снова. За историю синаматографа кого только не меняли телами: жену с мужем, отца с сыном, мать с дочерью. Но, не смотря на избитость сюжета, отечественные киноделы решили создать собственный продукт на известную тему. Понимали, что подобные комедии положений, да еще с таким звездным составом, обречены на зрительские симпатии, а значит, и на кассовые сборы.

Преуспевающий адвокат Андрей (Куценко) и известный искусствовед Марина (Орбакайте) когда-то жили душа в душу. Теперь, спустя семь лет брака, от развода их может спасти только чудо. Этим чудом становится таинственный семейный психолог Коган (Козаков), меняющий супругов телами. После чего...

После чего начинается великолепная и искрометная актерская игра. Именно благодаря ей картина получилась на удивление милой и смешной. Дуэт Куценко—Орбакайте вытянул фильм из болота предсказуемости, заставив забыть о куцем сценарии. Смотреть на новую чету Голубевых без смеха невозможно. Как они кричат, как тарашатся друг на друга, с каким отвращением изучают новые тела — загляденье! Да и появление в кадре мелких бандитов-неудачников добавляет изрядную долю юмора.

Не обошлось, правда, без изъянов. Присущие таким фильмам шутки про исчезнувшие груди и прочие органы никуда не делись. Главный виновник дополнительной интриги (кражи картины из галереи) определяется внимательным зрителем легко и быстро. Мент, слишком явно косящий под лейтенанта Коломбо, выглядит нелепо и жалко. Единственный спецэффект, похоже, делали на коленках за пару минут, поэтому смотрится он так же, как и мент, косящий под лейтенанта Коломбо. Ну и, конечно, не стоит забывать про вторичность, чем, к сожалению, все чаще грешит отечественный кинематограф.

Как ни крути, но пока, по моему мнению, это лучший российский фантастический фильм. Пусть все сюжетные повороты известны заранее, но, во всяком случае, здесь хотя бы понятно, что происходит на экране.

Степан КАЙМАНОВ

ТОПЬ

(THE MARSH)

Производство компаний **Norstar Filmed Entertainment Inc.**
и **Sonja Productions (Канада), 2006.**

Режиссер Джордан Баркер.

В ролях: Габриель Анвар, Джастин Льюис, Форест Уинтакер. 1 ч. 33 мин.

Популярная писательница, автор детских книжек Клер Хеллоуэй (Габриель Анвар) страдает от мучительных сновидений: по лесу бегает маленькая девочка, за которой гоняется юноша, покрытый трупными пятнами... По совету врача Клер меняет обстановку и переезжает в окруженную болотами сельскую местность, где и поселяется в старом особняке, заполненном призраками и полтергейстом. Особняк оказывается воплощенной реальностью снов.

Вскоре Клер сводит знакомство с местным спецом по паранормальным явлениям Джефффри Хантом («оскаровский» лауреат Форест Уинтакер), а затем начинает борьбу с собственным прошлым.

Как и любая среднестатистическая страшилка, хоть качественная визуально, но не претендующая на шедевр, картина не блещет ни оригинальностью идеи, ни интересной историей. Рядовая вариация «Дома с привидениями», «Звонка» и «Сайлент Хилла». Каждый шокирующий момент предсказуем, а любая призрачная бяка была ранее обмусолена сотни раз.

Роль парапсихолога — далеко не самая лучшая в карьере Уинтакера, но он, пожалуй, единственный, кто наполнил роль интересным характером. Что, к сожалению, никоим образом не спасает фильм.

Сказочно-романтический старый дом, ожидаемый налет тайны, слегка шокирующая атмосфера, полузабытые детские страхи, чувственная исполнительница главной роли (Габриель Анвар сыграла партнершу Аль Пачино по танго в «Запахе женщины») — все это, казалось, могло бы стать удачным сочетанием... Увы. Лишь нудное повествование, со всеми мыслимыми (и немыслимыми) шаблонами и давно надоевшими сюжетными клише, на фоне минимальных прорисовок характеров и чудовищных диалогов. И почти без саспенса. Лишь последние минут двадцать фильма вызывают хоть какое-то подобие интереса к мельканию кадров на экране.

Название ленты поэтому и не кажется случайным: болото, оно болото и есть.

Вячеслав ЯШИН

ГОРЕЦ: ИСТОЧНИК

(HIGHLANDER: THE SOURCE)

Производство компаний Sequence Film, HandMade Films (США) и Lietuvos Kinostudija (Литва), 2006.

Режиссер Бретт Леонард.

В ролях: Эдриан Пол, Джим Бирнс, Текла Ройтен и др. 1 ч. 34 мин.

Вопрос для поклонников торговой марки «Горец»: откуда на Земле взялись Бессмертные? Второй фильм киносериала дает ответ: из космоса. Как бы не так! Посмотрите пятый.

Сюжет его прост и прямолинеен, как катана Маклауда. Мир полностью погрузился в хаос. Тоскующий по своей последней жене Дункан Маклауд ищет (и, разумеется, находит) ее в разрушенной Восточной Европе, где встречает нескольких оставшихся в живых знакомых. Среди них один из самых «взрослых» Бессмертных Митос и смертный Наблюдатель Джо Доусон. Они вместе занимаются поисками первого Бессмертного и Источника бессмертия.

Лучше бы в «Конце игры» — четвертой части «Горца» — Коннор Маклауд убил своего родственника Дункана, а не наоборот. Шести сезонов сериала оказалось маловато — режиссер «Газонокосильщика» и «Лешего» выдал и полнометражный фильм о дальнейших приключениях инкарнации Эдриана Пола.

Снятый совместно с литовской киностудией, фильм выглядит заметно глупее предыдущих киносериалов, к тому же чудовищно затянут. «Должен остаться только один» — давно уже стало просто бессмысленным лозунгом. Желание подзаработать на бренде «Горец» переходит всякие границы разумного. Пусть действие разворачивается в каждой серии само по себе, пусть откуда-то появляются сонмы Бессмертных, ищущих приключений на свои шеи, пусть трюки с холодным оружием однообразны во всех сериях... Но все-таки — фильм для настоящих, истинных фанатов (а кому еще нужны бесконечные продолжения?) либо должен быть снят гениально, чтобы окупиться хотя бы на DVD, либо снимать его нужно как рядовой фанфик.

Для желающих узнать финал фильма и не желающих тратить время на его просмотр можно открыть страшную тайну — найдя Источник, Дункан Маклауд становится потенциальным папой. Что напроочь перечеркивает идею об избранности Бессмертных. А, не дай бог, грядет шестая серия...

Вячеслав ЯШИН

ПАУТИНА ШАРЛОТТЫ

(CHARLOTTE'S WEB)

Производство компаний Paramount Pictures, Walden Media, Nickelodeon Movies, 2006.

Режиссер Гэри Виник.

Роли озвучивали: Дакота Фаннинг, Джулия Робертс, Опра Уинфри, Стив Бушеми и др. 1 ч. 37 мин.

Этот фильм хоть и является экранизацией одноименного романа Э.Б.Уайта, но, по сути, есть прямой потомок «Бэйба», представленного публике лет восемь назад. Та история про бодрого симпатичного поросенка, противостоящего не самому ласковому миру, поражала компьютерным умением живых зверей имитировать человеческую мимику в диалогах. Ну и кое-какими кульбитами, которых ни за что не освоить даже питомцам «Уголка Дурова».

За годы, прошедшие с появления картины, мы успели привыкнуть к гусям, коровам, свиньям и прочей домашней живности, осмыслено раскрывающей рот. И совершающей двойное сальто. И пробивающей лбом стену. Это уже «общее место» современного кино. Нам бы отваги побольше, да сюжет позакovskyристей, да дидактику (учитывая, что смотрим мы подобные фильмы вместе с детьми) потоньше, поделикатнее...

Вот этого не ждите. Будет традиционная фермерская пастораль, хотя и с прозрачным намеком на копильню. Поросенка Уилбура, вполне довольного патриархальным бытом, придется спасать от грядущего пиршества сельских гурманов, поскольку сам он, несмотря на богатый внутренний мир, ничего сделать не способен.

Кажется, все окружающие озабочены судьбой Уилбура гораздо больше, чем он сам. А поросенок — такой розовый, разве что не пушистый — занимается самосовершенствованием. Ну и попутно помогает своей будущей спасительнице — надо сказать, помогает сугубо технически. И за весь фильм это самый решительный поступок героя.

Правда, есть одна свежая деталь. Подросшее рождественское блюдо спасет не трепетная Ферн, вскормившая молодое дарование, а паучиха Шарлотта, которая подбрасывает людям почти инопланетные послания.

«Не просто свинья».

«Лучезарный».

«Скромный».

Ну и так далее...

Вероника РЕМИЗОВА

В смерти кино прошу винить «Звездные войны»

В мае 2007 года исполняется 30 лет со дня премьеры первого фильма о приключениях Люка Скайуокера сотоварищи. Известный российский киновед Сергей Кудрявцев своеобразно решил отметить этот юбилей, высказав свою «крайнюю точку зрения».

Хотел бы сразу развеять возможное недоумение: фильм «Звездные войны» 1977 года мне нравится, так как это не только увлекательная, а подчас и забавная фантастическая сказка, но и настоящее постмодернистское произведение — многослойное и наполненное всевозможными смыслами, которые могут считать и беспечные подростки, и интеллектуалы. Я, в принципе, принимаю и поддерживаю, помимо лент «Империя наносит ответный удар» и «Возвращение джедая», даже картину «Звездные войны. Эпизод I — Скрытая угроза», которая появилась в 1999 году и открыла новый цикл, рассказывающий предысторию всех событий (хотя в дальнейшем Джордж Лукас разочаровал предсказуемостью сюжетных ходов и шаблонностью художественных решений).

Однако дело, собственно говоря, не в самих «Звездных войнах»,

пусть Лукас и все, кто работал под его началом, тоже приложили руку к выхолащиванию сути кинематографа, сведенного к демонстрации компьютерных эффектов и превращению живых и полнокровных персонажей в своего рода экранных роботов, клонов, марионеток. Речь идет о том, что выход 30 лет назад сравнительно дешевого фантастического фильма, который добился огулшительного кассового успеха, оказался поворотным пунктом в истории кино, после чего оно пошло по ложному пути развития.

Для того чтобы стала яснее моя позиция, придется обратиться к истокам кинематографа. Можно сказать, что с самого начала в кино соперничали две линии: люмьеровская и мельесовская. Но было бы в корне неверным считать, что фильмы братьев Люмьер ратовали исключительно за документированную реальность на экране —

ведь и поезд, надвигающийся из глубины кадра на испуганных зрителей, является типичным шоковым эффектом, и первая кинокомедия «Политый поливальщик», и жанровая сценка «Завтрак ребенка», и целый ряд иных опусов относятся к явно инсценированным, придуманным историям. Точно так же несправедливо записывать Жоржа Мельеса в творцы иллюзорной действительности, не имеющей никакого отношения к подлинному миру, а все его кинематографические трюки и выкрутасы объявлять формальными экспериментами со временем и пространством, приводящими к потере веры в физическую реальность (если пользоваться терминологией Зигфрида Кракауэра).

Все гораздо глубже и неоднозначнее — и нередко люмьеровская и мельесовская ветви кинематографа тесно переплетаются друг с другом. Допустим, один из ярких представителей авторского индустриального кино Андрей Тарковский был, как известно, горячим сторонником идеи «запечатленного времени». Эта идея воплощалась в его произведениях порой в весьма необычном преломлении, но он действительно остался до конца преданным принципу сохранения энергии жизни на киноплёнке, являясь сторонником своего рода «феноменологии реальности». Кинематограф понимался режис-

сером как способ образного постижения мира, уникальность которого можно пытаться осмыслить, но нельзя разгадать окончательно. И человек, вырванный искусством из привычной среды обитания и возведенный до высот таинства всего сущего, тоже оказывается так и не объясненным феноменом (вспомним строчку из Пастернака: «И прелести твоей секрет/Разгадке жизни равносильны»).

Казалось бы, какое это имеет отношение к «Звездным войнам» в частности и к смерти кино вообще?! Проще всего обвинить Джорджа Лукаса, его последователей и учеников, а также эпигонов и жалких ремесленников в бездумной развлекательности зрелищ, в беззастенчивом тиражировании однотипных жанровых и стилевых приемов, в конвейерном производстве штампованных фильмов, которые мало чем отличаются друг от друга, а главное — выхолощены и лишены жизни, напоминая армию безликих машин из ленты «Я — робот». Можно еще по тактому случаю приплести дежурный упрек Голливуду в переносе центра тяжести с разновозрастной аудитории на исключительно подростковую, когда уровень притязаний авторов подгоняется под мыслительные способности среднестатистического тинэйджера. Ну, и как пройти мимо всепокоряющей экспансии американского кино? Как мириться с навязыванием зри-

телям различных национальностей и культур весьма усредненного представления о жизненных и художественных ценностях?

Однако и не в этом суть! Размывание кинематографа как искусства происходит примерно по тому же принципу нивелирования и обезличивания, превращения в средство манипулирования широкими массами во всем мире, как и в свое время зафиксированный Маршаллом Маклюэном переход от «Гуттенберговой галактики» к телевидению как к наиболее оперативному и всеохватному способу воздействия на человеческую цивилизацию. Звездные войны случились не в космосе и не в далеком будущем, а на Земле и в наше время. Кино стало всего лишь технической системой оболванивания миллионов людей. Оно оказалось подручным инструментом, с помощью которого реальность лишается своего феноменологического статуса и низводится до виртуальной сущности, где уже не разобирать: какая из представленных моделей окружающей действительности является подлинной, а какая — ложной, искусственно внушенной.

Главное же — происходит подмена основ бытия, когда прошлое мифологизируется, настоящее как бы аннигилируется, а выдуманное будущее выдается за истинно верное время. Если про Россию принято

шутить, что это страна с непредсказуемым прошлым, то об Америке стоило бы сказать, что это мир с заранее и всем известным грядущим. Держава с незначительной Историей за спиной творит легенду из своего Завтра и Послезавтра, заставляя и остальное человечество переживать то, что якобы произойдет через много столетий. Несостоявшееся минувшее заслано куда-то вперед и объявлено единственным существующим на свете; постижение его изначально бессмысленно, поскольку нельзя провести четкую границу между реальным и воображаемым.

Это не кинематограф «запечатленного времени», а проекция на экран мнимых теней невидимых сущностей, как в известной притче Платона о доисторических людях из пещеры, которые гадали о том, что происходит за пределами их обиталища, лишь по отражениям на стенах. Это случайный слепок привидевшегося, как во сне, недоступного мира, прихотливый обман зрения, принятый за истинную действительность. Это не «кино реальности», а бледная копия того, что выдается за реальность. Кинематограф вообще кончился, когда был запущен механизм компьютерного генерирования изображений. Это уже не обычная «фабрика грез», а бесконечный конвейер клонов.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

А Л И С Т Е Р Р Е Й Н О Л Д С

ЗИМА.

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

ГОЛУБОЙ ПЕРИОД

Уже через неделю люди стали постепенно покидать остров. Зрительские трибуны пустели день ото дня. Большие туристские лайнеры один за другим рвались к звездам. Поклонники искусства, комментаторы и критики собирали свои вещи в отелях Венеции. Их разочарование висело над лагуной подобно туманной дымке.

Я оказалась одной из немногих, кто продолжал оставаться в Мюреке и каждый день возвращался на трибуны. Я готова была сидеть там часами, шурясь от дрожащего голубого света, отраженного от поверхности воды. Бледный силуэт Зимы вальяжно переплывал от одного конца бассейна до другого и при этом до ужаса походил на утопленника. Все это время я гадала, каким образом рассказать его историю и кому придет в голову ее купить. Все пыталась вспомнить название моей первой газеты, еще там, на Марсе. Конечно, они заплатят куда меньше крупных издательств, но мне каким-то образом казалась заманчивой идея вернуться в прежние места. Давно это было...

Я запросила АМ*, желая вспомнить название газеты. С той поры их переменялось немало... По моим прикидкам, сотни.

Тем временем пловец добрался до конца бассейна, повернул и не спеша отправился обратно.

Две недели назад солнечным полднем я сидела на площади Святого Марка, любуясь белыми фигурками, скользившими по белому мрамору башенных часов. Небо над Венецией было забито кораблями, припаркованными борт к борту. Их широкие днища были закрыты большими светящимися панелями под цвет неба. Вид напоминал мне работу художника периода Экспансии, специализировавшегося на режущих глаз трюках с перспективой и композицией: бесконечные водопады, прихотливо свившиеся ящерицы.

Прикончив кофе, я с дрожью душевной стала ждать счета.

Я приехала в этот беломраморный двойник Венеции, чтобы увидеть открытие последнего шедевра Зимы. Много лет меня интересовало творчество этого художника, и я надеялась договориться об интервью. К сожалению, та же самая идея возникла еще у нескольких тысяч поклонников его таланта. Впрочем, число конкурентов значення не имело: Зима отказывался общаться с журналистами и молчал как рыба.

* От английского *artificial memory* — искусственная память. (Здесь и далее прим. перев.)

Официант положил на стол сложенную карточку.

Все, что нам удалось услышать до сих пор, это просьба отправиться в Мюрек, пропитанный водой мир, о котором никто из нас раньше не слышал. Единственная претензия Мюрека на славу заключалась в том, что здесь находились сто семьдесят первый дубликат Венеции и одна из трех копий, целиком исполненная в белом мраморе. Зима выбрал Мюрек для показа своей последней работы: так сказать, прощальная гастроль.

Я с тяжелым сердцем взяла счет, чтобы оценить нанесенный ущерб. Но вместо ожидаемых цифр нашла маленькую голубую карточку с тонкой золотой надписью курсивом. Оттенок карточки был тем нежно-аквамариновым, что ввел в обиход Зима. Карточка адресовалась мне, Кэрри Клей, и, судя по всему, Зима хотел поговорить со мной о демонстрации очередного шедевра. Если мне это интересно, я должна ровно в два часа стоять на мосту Риальто.

Если мне это интересно.

В записке подчеркивалось, что я не должна иметь с собой никаких записывающих устройств, даже бумаги и ручки. В постскрипуме упоминалось, что счет уже оплачен. Я почти осмелилась заказать еще чашку кофе и записать ее на того же благодетеля. Почти, но не совсем.

Я пришла на мост раньше назначенного времени, но поверенный Зимы уже был там. Неоновые трубки изысканных форм пульсировали за эластичным стеклом тела робота. Помощник поклонился в пояс и очень тихо произнес:

— Мисс Клей? Поскольку вы уже здесь, можно отправляться в путь.

Он проводил меня к лестнице, спускавшейся к самой воде. Моя АМ следовала за нами, трепеща у самого моего плеча. Воздушное такси уже ожидало клиентов, плавая в метре над водой. Робот помог мне перебраться в заднее отделение. АМ уже хотела было последовать за мной, но робот предостерегающе поднял руку.

— Это следует оставить здесь. Никаких записывающих устройств, помните?

Я поглядела на металлическую зеленую колибри, пытаясь припомнить, когда в последний раз обходилась без ее неусыпного присутствия.

— Оставить здесь?

— Это место вполне безопасно, и вы можете забрать ее отсюда, когда вернетесь ночью.

— А если я не соглашусь?

— Боюсь, в этом случае встреча не состоится.

Я почувствовала, что робот не собирается торчать тут весь день в ожидании моего ответа. При мысли о разлуке с АМ кровь холодела в жилах, но я так нуждалась в этом интервью, что была готова на все.

Я велела АМ оставаться здесь до моего возвращения.

Послушный механизм улетел прочь, поблескивая зеленым металлик. Мне казалось, что часть меня самой уплывает прочь...

Стекланный корпус туго обхватил меня, и я ощутила резкий рывок.

Венеция под нами сначала наклонилась, а потом исчезла за горизонтом.

Я провела мысленное испытание, попросив АМ назвать планету, где отпраздновала свой семисотый день рождения. Ответа я не получила, очевидно, такси уже успело унести меня за границы диапазона действия АМ. Оставалось надеяться только на свою память.

Подавшись вперед, я спросила:

— Вы уполномочены объяснить мне, что все это значит?

— Таких инструкций я не получал, — отчеканил робот. — Но если вам в какой-то момент станет не по себе, мы немедленно вернемся в Венецию.

— Пока что все в порядке. Кстати, кто еще получил почетную голубую карточку?

— Насколько мне известно, только вы.

— А если бы я отказалась? Вы бы обратились к кому-нибудь другому?

— Нет, — отвечивал робот. — Но будем честны, мисс Клей, вряд ли бы вы отказались от такого предложения.

Мы мчались вперед, и ударная волна летательного аппарата прорезала за нами пенистый канал в море: казалось, кисть художника оставила след на мокрой краске, обнажив белоснежную поверхность мрамора, ранее скрытую этой краской. Я вынула приглашение Зимы и вытянула руку, стараясь определить, чему больше соответствует тон голубого — цвету неба или моря, но понять так и не смогла.

Зима голубой. Вот оно, самое верное определение на языке англстемов и оптических плотностей. Будь вы художником, наверняка могли бы смешивать на палитре любые цвета и оттенки, согласно этому определению. Но никто никогда не использовал зима голубой, если только не собирался сделать вполне направленное заявление, касающееся самого Зимы.

Зима считался уникальным явлением еще до того, как представил свое творчество на суд публики. Он подвергся радикальным процедурам, давшим ему возможность выносить самые жесткие условия окружающей среды без защитного костюма. Зима выглядел настоящим ат-

летом, затынутым в тугое трико, но, подойдя ближе, вы понимали, что это кожа. Все его тело было затынуто в синтетическую ткань, которая могла принимать различные цвета и текстуру, в зависимости от его настроения и окружающего пейзажа. Если приличия требовали того, она могла даже напоминать одежду. Кожа могла держать давление, когда ее хозяину приходило в голову оказаться в вакууме, и отвердевать, когда требовалось защитить владельца от газовой среды гигантской планеты. Но, несмотря на все эти усовершенствования, кожа могла передавать в мозг целый диапазон сенсорных ощущений. У него не возникало необходимости дышать, поскольку сердечно-сосудистая система была заменена жизнеобеспечивающим механизмом замкнутого цикла. Ему не нужно было пить, или есть, или избавляться от отходов организма. Крохотные восстановительные аппараты сновали по его телу, что позволяло выносить дозы радиации, которые уничтожили бы обычного человека в течение нескольких минут.

Вооруженный таким образом против всех экстремальных условий окружающей среды, Зима был волен искать вдохновения, где пожелает, мог свободно дрейфовать в космосе, глядя в лицо звездам, или бродить по раскаленным каньонам планеты, где жидкие металлы лились вулканической лавой. Его глаза были заменены камерами, чувствительными к гигантской обмотке электромагнитного спектра, вживленной в ее мозг посредством сложных процессорных модулей. Синестезический* мостик позволял ему слышать визуальные данные в виде музыки, видеть звуки как симфонию ошеломительных цветов. Его кожа функционировала, словно своеобразная антенна, обеспечивающая чувствительность к изменению электрических полей. Когда и этого оказывалось недостаточно, он мог подключиться к источнику данных посредством любого количества сопутствующих механизмов.

Если учесть все это, искусство Зимы просто не могло не быть оригинальным и не притягивать внимание окружающих. Его пейзажи и звездные поля излучали экстатическую ауру вдохновения и светились дивными красками, положенными в самых необычных ракурсах вопреки законам перспективы. Исполненные традиционными материалами, но на огромных холстах, они неизменно привлекали толпы серьезных покупателей. Некоторые работы осели в личных коллекциях, но на монументальной живописи принадлежала всей Галактике. Площадью в десятки квадратных метров, его фрески тем не менее были выписаны до мельчайших деталей. Большинство было выполнено за

* Синестезия — возникновение нескольких ощущений при раздражении одного органа чувств (психол.).

один сеанс. Зима не спал и поэтому работал без перерывов до тех пор, пока не заканчивал очередной шедевр.

Фрески, вне всякого сомнения, впечатляли. С точки зрения композиции и техники, они, бесспорно, считались блестящими. Но сквозило в них что-то унылое, хмурое и леденящее. И никакого присутствия человека, если не считать предполагаемой точки зрения самого художника.

Сама я с удовольствием их изучала, но в своем доме ни за что бы не повесила.

Очевидно, не все соглашались с моим мнением, иначе Зиме не удалось бы продать столько работ. Но здесь, я думаю, работала больше слава художника, нежели подлинное достоинства его картин.

Вот так обстояли дела, когда я впервые обратила внимание на Зиму. И посчитала его интересным, но китчевым, рассчитанным на невзыскательный вкус. Для статьи о нем требовался серьезный оперативный повод.

И такой повод скоро представился. Только публика, включая меня, заметила это не сразу.

Однажды, после более долгого, чем обычно, периода творческого созревания проекта Зима обнародовал фреску, чем-то отличавшуюся от прежней. Фреска изображала вихрящуюся, усеянную звездами туманность, которую художник написал, стоя на скале, в безвоздушном пространстве. Где-то посреди, на краю кратера, загораживая часть туманности, примостился крошечный голубой квадратик. С первого взгляда казалось, будто холст пересинили, и Зима просто оставил незакрашенным маленький кусочек. Квадратик не вписывался в композицию. Никаких деталей, никакого намека на связь с пейзажем или фоном. Он не отбрасывал тени и не гармонировал с окружающими цветами. Но квадратик был изображен не случайно: при ближайшем изучении оказалось, что его действительно нанесли поверх каменистого края кратера. И это что-то означало.

Квадратик оказался только началом. После этой фрески все последующие тоже включали подобные геометрические фигуры: квадрат, треугольник или овал. Прошло немало времени, прежде чем кто-то заметил, что все эти фигуры были совершенно одинакового голубого оттенка.

Это и был зима голубой: тот же тон, что и на карточке с золотыми буквами.

В следующие несколько лет абстрактные формы становились все более доминирующими и вытесняли другие элементы каждой композиции. Космические ландшафты кончались узкими бордюрами, обрамлявшими пустые круги, треугольники, прямоугольники. Если ран-

ние работы характеризовались широкими мазками и толстыми слоями краски, то голубые фигуры отличались зеркальной гладкостью.

Обескураженные вторжением стандартных голубых форм, обычные покупатели отвернулись от Зимы. Но вскоре тот обнаружил первую из полностью голубых фресок. Достаточно большая, чтобы закрыть стену дома в тысячу этажей, она многими считалась воплощением художественного восприятия Зимы.

Ценители жестоко ошибались.

Я почувствовала, как воздушное такси замедлило скорость, приближаясь к маленькому острову — единственному клочку земли на много миль вокруг.

— Вы первая увидите это, — заверил робот. — Дисторсионный экран блокирует вид из космоса.

В длину остров простирался примерно на километр; совсем плоский, похожий очертаниями на черепаху и обрамленный узкой каймой светлого песка. В середине находилось невысокое плато, где на участке прямоугольной формы была уничтожена вся растительность. Я различила небольшую блестящую голубую панель, лежавшую на земле и окруженную тем, что издали казалось многоярусными зрительскими трибунами.

Такси теряло высоту и скорость, болтаясь в воздухе, пока не замерло над участком, окруженным трибунами, где стояло оштукатуренное белое шале. Странно, что я только сейчас заметила его.

Робот вышел и помог спуститься мне.

— Зима скоро подойдет, — объявил он, прежде чем вернуться в такси и подняться в небо.

Я вдруг ощутила себя очень одинокой и ужасно незащищенной. С моря дул ветерок, бросая в глаза пригоршни песка. Солнце кралось к горизонту: должно быть, скоро похолодает. И как раз когда я почувствовала первые признаки надвигающейся паники, из шале вышел мужчина и, энергично потирая руки, направился ко мне.

— Рад, что вы сумели приехать, Кэрри.

Разумеется, это оказался Зима, и я на мгновение почувствовала себя полной дурой. Как я могла усомниться в том, что он придет?

— Привет, — смущенно пробормотала я.

Зима протянул руку. Я пожалала ее, остро ощущая пластиковую текстуру искусственной кожи. Сегодня она была унылого серо-оловянного цвета.

— Пойдемте посидим на балконе. Приятно посмотреть на закат, верно?

— Приятно, — согласилась я.

Он развернулся и направился к шале. Под серой кожей бугрились и перекатывались мышцы. Спина поблескивала на манер змеиной чешуи, словно была усажена мозаикой отражающих пластин. Он был прекрасен, как статуя, мускулист, как пантера, и очень красив даже после всех своих трансформаций, но я никогда не слышала о его женщинах и вообще о каких-то событиях личной жизни. Искусство было для Зимы всем.

Я последовала за ним, не зная, о чем говорить, и сгорая от неловкости. Зима привел меня в комнату, минуя старомодно обставленные кухню и вестибюль.

— Как вы добрались?

— Прекрасно.

Он неожиданно остановился и повернулся ко мне.

— Я забыл проверить... робот настоял, чтобы вы оставили своего крылатого помощника?

— Да.

— Прекрасно. Я хотел поговорить именно с вами, Кэрри, не с каким-то суррогатным записывающим устройством.

— Со мной?

Оловянная маска его лица приняла насмешливое выражение.

— Вам известны многосложные слова?

— Э...

— Расслабьтесь, — посоветовал он. — Я здесь не для того, чтобы устраивать вам испытания, унижать, оскорблять и тому подобное. Это не ловушка, и вам не грозит опасность. К полуночи вы вернетесь в Венецию.

— Со мной все в порядке, — выдавила я. — Просто немного растеряна и смущена присутствием такой знаменитости.

— Не стоит. Вряд ли я первая знаменитость, с которой вам довелось встретиться, не так ли?

— Верно, но...

— Люди находят меня пугающим. Правда, со временем привыкают и потом удивляются, из-за чего возникло столько шума.

— Почему именно я?

— Мне нравится, как вы работаете. Люди часто доверяют вам свои самые сокровенные тайны, особенно в конце жизни.

— Вы говорили о решении оставить живопись, а не о смерти.

— Так или иначе, речь идет об уходе с общественной сцены. Ваши интервью всегда казались мне правдивыми. Не помню, чтобы кто-то из ваших героев заявлял, что его слова неверно истолкованы.

— Всякое бывает, — вздохнула я. — Поэтому я всегда стараюсь, чтобы рядом была АМ. В этом случае никто не осмелится оспорить сказанное.

— Для моей истории это значения не имеет, — заверил Зима.

Я ошарашенно уставилась на него.

— Вы что-то недоговариваете? Существует другая причина, по которой вы вытянули мое имя из шляпы.

Ответа на свой вопрос я не дождалась.

Говоря о Голубом периоде, большинство людей имеет в виду эру действительно гигантских полотен. Довольно скоро они стали достаточно большими, чтобы затмить размерами дома, парки и сады. Достаточно большими, чтобы увидеть их с орбиты. Голубые панели высотой в двадцать километров нависали над частными островами или поднимались из штормовых морей по всей Галактике. Расходы не представляли проблем, поскольку у Зимы было множество спонсоров, состоявшихся за то, чтобы оплатить самое последнее и самое большое произведение. Панели продолжали увеличиваться в размерах, пока не потребовались сложные механизмы, чтобы противостоять силе тяжести и погодным условиям. Они пронзали верхние слои планетных атмосфер, устремляясь в космос. Они излучали собственное мягкое свечение. Они изгибались арками и веерами, так что все визуальное пространство наблюдателя наполнялось голубизной.

К тому времени Зима стал невероятно знаменит даже среди людей, не особенно интересовавшихся искусством. Его считали чудачковатым киборгом, ваяющим огромные голубые сооружения, затворником, который никогда не дает интервью.

Но это было сто лет назад. И Зима еще далеко не достиг вершины своего творчества.

Постепенно структуры становились чересчур громоздкими, чтобы размещать их на планетах. Зима с легкостью перебрался в межпланетное пространство, создавая обширные, свободно плавающие голубые панели десяти тысяч километров в поперечнике. Теперь он работал не кистями и красками: целая армия роботов-шахтеров разрушала астероиды, чтобы получить исходный материал для его полотен. Ныне за честь спонсировать работы Зимы боролись целые звездные колонии.

Примерно в это время мой интерес к работам Зимы пробудился вновь. Я посетила одно из его «лунных обертываний»: заключение целого небесного тела в голубую емкость с крышкой, похожей на шляпу. Два месяца спустя он покрыл весь экваториальный пояс газового гиганта голубыми пятнами, и я была свидетельницей этого события. Через полгода изменился химический состав поверхности кометы, про-

ходившей вблизи Солнца, так что она распустила голубой хвост, забрызгав всю Солнечную систему. Но я ни на шаг не приблизилась к цели. Продолжала просить об интервью и неизменно получала отказы. Я знала одно: в одержимости Зимы есть нечто большее, чем простой каприз художника. И без понимания сути этой одержимости у меня выйдет не история, а всего лишь анекдот.

Я не специализируюсь на анекдотах.

Поэтому я ждала и ждала. И вдруг узнала о последнем шедевре Зимы. Я отправилась в фальшивую Венецию на Мюреке, даже не надеясь на интервью. Я просто должна была оказаться там.

Раздвинув стеклянные двери, мы вышли на балкон. По обе стороны белого стола стояли два простых белых стула. На столе — напитки и ваза с фруктами. За неогражденным балконом круто спускалась к морю бесплодная земля, позволяя увидеть набегающий на песок прибой. Вода была спокойной и манящей. Опускающееся за горизонт солнце отражалось в ней серебряной монетой.

Зима жестом пригласил меня сесть.

— Красное или белое, Кэрри?

Я открыла рот, но не издала ни звука. Обычно в краткий миг между вопросом и ответом за меня делала выбор АМ, теперь же отсутствие подсказки сбilo меня с толку.

— Думаю, красное, — решил за меня Зима. — Если, разумеется, у вас нет принципиальных возражений.

— Не то чтобы я не могла сама решать подобные вещи, — пробормотала я.

Зима налил мне бокал красного и поднял к небу, чтобы полюбоваться цветом и прозрачностью.

— Разумеется, — кивнул он.

— Просто все это несколько странно для меня.

— Но здесь не должно быть ничего странного. Именно так вы жили сотни лет.

— Хотите сказать, естественной жизнью.

Зима налил красного вина и себе, поднес к лицу, вдыхая аромат.

— Да.

— Но что же естественного в том, чтобы прожить тысячу лет? — пожала я плечами. — Моя органическая память достигла точки насыщения примерно семьсот лет назад. Голова похожа на дом, где слишком много мебели. Для того, чтобы что-то внести, нужно прежде что-то вынести.

— Давайте для начала обратимся к вину, — предложил Зима. — Обычно вы полагаетесь на совет АМ, верно?

— Естественно.

— И АМ всегда предлагает одну из двух возможностей? Например, всегда красное или всегда белое вино?

— Все не так просто, — возразила я. — Имей я какие-то предпочтения, АМ неизменно рекомендовала бы один сорт вина. Однако иногда мне нравится красное вино, иногда — белое, а иногда я вообще не хочу вина.

Я надеялась, что моя досада не слишком очевидна. Но после замысловатой затеи с голубой карточкой, роботом и такси не хватало еще обсуждать с Зимой собственную несовершенную память.

— В таком случае ваш выбор произволен? И АМ все равно, что назвать — красное или белое?

— Нет, это не совсем так. АМ следует за мной сотни лет. Она видела, как я пью вино тысячи раз, в тысяче различных ситуаций. И знает с высокой степенью надежности, что мой выбор будет обусловлен определенными параметрами.

— И вы беспрекословно следуете совету?

Я пригубила вино.

— Конечно. Не будет ли ребячеством делать все наперекор, только чтобы самоутвердиться? Кроме того, обычно я вполне удовлетворена предлагаемым выбором.

— Но если не игнорировать эти советы хотя бы время от времени, не станет ли ваша жизнь набором предсказуемых реакций?

— Может быть, — кивнула я. — Но разве это так уж плохо? Главное, что я счастлива.

— Я вас не критикую, — улыбнулся Зима, откидываясь на спинку стула и словно рассеивая этим движением напряжение, вызванное довольно бесцеремонным допросом. — В наши дни не так много людей пользуется АМ, верно?

— Мне трудно сказать.

— Менее одного процента всего населения Галактики.

Зима снова понюхал вино и посмотрел на небо через бокал.

— Почти все остальные смирились с неизбежным.

— Необходимы приборы, чтобы управлять тысячелетней памятью. И что тут зазорного?

— Приборы, да, но другого порядка, — возразил Зима. — Нейронные имплантаты, внедренные в самосознание пациента. Неотличимые от биологической памяти. Вам не придется расспрашивать АМ о выборе вина и не придется ждать подтверждения. Вы просто будете точно знать.

— А в чем разница? Весь мой прошлый опыт записан прибором, ко-

торый сопровождает меня повсюду, где бы я ни была. Прибор не упускает ничего и настолько эффективен, что заранее предвосхищает вопросы, так что мне почти не приходится спрашивать.

— Но прибор уязвим.

— Время от времени он требует проверки. И не более уязвим, чем куча имплантантов у меня в голове.

— Вы правы, разумеется. Но у меня есть более веский аргумент, причем не в пользу АМ. Прибор слишком совершенен — и не умеет ни забывать, ни исказить.

— Но разве не в этом его назначение?

— Не совсем. Когда вы что-то вспоминаете — возможно, разговор, случившийся сто лет назад, — какие-то детали обязательно забудете или вспомните неточно. И эти неточные детали сами по себе станут частью вашей памяти, с каждым разом обретая текстуру и цельность. Уже через тысячу лет ваше воспоминание о той беседе будет иметь весьма слабое сходство с реальностью. И все же вы готовы поклясться, что все воспроизводите верно.

— Но если со мной АМ, я безусловно воспроизведу все подробности и обстоятельства беседы.

— Скорее всего, — согласился Зима. — Но эти воспоминания нельзя назвать живыми. Они нечто вроде фотографии, процесса механического воспроизведения. Это замораживает воображение, не оставляет пространства для неверного воспроизведения некоторых деталей.

Он замолчал, чтобы долить вина в мой бокал.

— Представьте, что почти каждый раз, когда вы сидите на свежем воздухе и выбираете не белое, а красное вино, у вас почти нет причин сожалеть об этом выборе. Но однажды вас убедили выбрать белое, несмотря на все советы АМ, и оно оказалось великолепным. Все сошлось, словно по волшебству: компания, разговоры, летнее тепло, прекрасный пейзаж, эйфорическое ощущение легкого опьянения. Идеальный день перетекает в идеальный вечер...

— Но все это могло не иметь ничего общего с моим выбором вина, — возразила я.

— Да, — согласился Зима. — И наверняка АМ не сочтет важным это счастливое стечение обстоятельств. Вряд ли одно небольшое отклонение сможет значительно повлиять на результат. И в следующий раз АМ обязательно ответит: «Красное вино».

Я ощутила неприятный укол осознания его правоты.

— Но человеческая память вряд ли работает подобным образом.

— Видите ли, память замкнется на единственном исключении и придаст ему ненужное значение. К тому же она усилит привлекатель-

ные моменты воспоминаний об этом дне и подавит менее привлекательные: муха, жужжавшая над головой, беспокойство по поводу такси, которое может не прилететь вовремя, подарок на день рождения, который необходимо купить завтрашним утром. Все, что вы запомнили — золотистое свечение удовольствия и покоя. Далее в подобных обстоятельствах вы снова можете выбрать белое вино. Вся модель поведения будет изменена единственным моментом отклонения. АМ этого никогда не допустит. Вам придется игнорировать его советы много-много раз, прежде чем «птичка» нехотя изменит свои решения и начнет предлагать белое вместо красного.

— Хорошо, — кивнула я, втайне желая перевести разговор с себя на Зиму. — Но какую практическую разницу имеет то обстоятельство, будет ли искусственная память порхать у моего плеча или прятаться в голове?

— О, разница огромная, — заверил Зима. — Воспоминания, хранящиеся в АМ, зафиксированы навечно. Вы можете сколь угодно часто задавать одни и те же вопросы, она никогда не опустит ни одной детали. Но имплантанты работают иначе. Они словно вливаются в биологическую память до такой степени, что пациент не может определить разницу. По этой причине они обязательно сделаны из мягкого, подверженного деформации пластика и способны на ошибку и искажение.

— Способны на ошибку, — протянула я.

— Но без способности ошибаться не может быть искусства! А без искусства не может быть истины.

— Ошибки ведут к истине? Интересное мнение.

— Я имел в виду истину в высоком, метафорическом смысле. Этот золотистый день... Вот она — правда. И воспоминание о мухе стало бы прекрасным дополнением в материальном смысле. Необходимой деталью, которая чуть подпортила этот день.

— Но не было никакого дня и никакой мухи, — запротестовала я. Мое терпение угрожало вот-вот лопнуть. — Послушайте, я благодарна вам за приглашение. Но думала, что услышу нечто большее, чем лекцию о способе, которым я предпочитаю управляться со своей памятью.

— Собственно говоря, в этом был определенный смысл. Касающийся не только меня, но и вас тоже.

Он оставил стакан и поднялся.

— Не хотите ли немного прогуляться?

— Солнце еще не село, — заметила я. Зима улыбнулся.

— Поверьте, всегда будет новый рассвет.

Он снова повел меня через дом, но другой дорогой. Мы вышли через боковую дверь. Извилистая тропинка постепенно поднималась на-

верх между белыми каменными стенами, окрашенными сейчас золотистыми закатными лучами. Наконец мы добрались до небольшого плато, которое я заметила, приближаясь к острову. Оказалось, что плато действительно окружали многоярусные трибуны высотой около тридцати метров, с лестницами позади, ведущими на разные уровни. Зима остановился в тени, отбрасываемой ближайшей трибуной, и открыл узкую дверцу. Мы очутились у небольшого прямоугольного бассейна, в который не залили воды. Это и была та панель, что я видела с воздуха.

Зима подвел меня к бортику.

— Бассейн, — пожалала я плечами. — Вы не шутили. Но к чему тогда трибуны?

— Именно здесь все и произойдет, — пояснил Зима. — Демонстрация моего последнего шедевра и объявление о завершении моей карьеры.

Бассейн был еще не закончен. Маленький желтый робот в дальнем углу выкладывал стенки голубой плиткой. Ближайшая к нам часть была полностью отделана, но я невольно заметила, что местами плитки треснули и облупились. В дневном свете трудно различались оттенки, но мне показалось, что это зима голубой.

— Не находите, что по сравнению с вашими межпланетными полотнами это определенное снижение уровня и некий шаг назад?

— Отнюдь, — покачал головой Зима. — Для меня это место, где заканчиваются мои поиски. То, к чему вели все предыдущие работы.

— Убогий плавательный бассейн?

— Не просто старый бассейн, — возразил он.

Он провел меня по всему острову. К этому времени солнце село, и повсюду царил один цвет: пепельный.

— Прежние картины шли от сердца, — рассказывал он. — Я писал их в огромных количествах, потому что этого требовали сами предметы изображения.

— Это была хорошая работа, — признала я.

— Это была банальная, трафаретная работа. Гигантская, броская, сложная, популярная, но абсолютно бездушная. И даже то, что она шла от сердца, не делало ее хорошей.

Я ничего не ответила, потому что была точно такого же мнения о его работе: такая же гигантская и бесчеловечная, как его вдохновение; и только модификации самого Зимы, превратившие его в киборга, придавали этому искусству некоторый намек на самобытность. Хвалить его — все равно что превозносить картину, которую кто-то писал, зажав кисть в зубах.

— Моя работа не говорит о космосе ничего такого, чего бы космос не мог сказать сам о себе. И, что важнее, ничего не говорит обо мне. Какая разница, обитал ли я в вакууме или плавал в море жидкого азота? Существенно ли, что я мог видеть фотоны ультрафиолетовых лучей или пробовать на вкус электрические поля? То, что я проделал со своим телом, было не только экстремальным, но и чудовищным. Но, поверьте, умело организованная реклама принесла бы мне ничуть не меньшую популярность.

— По-моему, вы чересчур строги к себе, — пробормотала я.

— Это не самобичевание. Это уверенность в том, что я способен на большее.

— Вы имеете в виду все эти голубые штуки?

— Голубые штуки, — кивнул он. — Все началось спонтанно: нечаянный мазок голубого на почти законченном холсте. Бледный аквама-риновый оттенок на черном фоне. Эффект был поразительным. Я словно получил доступ к некоей интенсивной, первобытной памяти, океану впечатлений, где этот цвет был самой важной вещью в мире.

— И что это за память?

— Понятия не имею. Знаю только, что этот цвет лег на душу так, словно я всю свою жизнь ждал момента, чтобы найти его. Найти и освободить.

Он ненадолго задумался.

— В голубом всегда было нечто необычное. Тысячу лет назад Ив Клайн сказал, что это суть самого цвета, способного заменить все остальные. Однажды некий человек провел всю жизнь в поисках определенного оттенка голубого, который видел только в детстве. И уже начал отчаиваться, посчитав, что просто вообразил именно этот оттенок, которого, возможно, не существует в природе. Но в один прекрасный день наткнулся на него. Такой оттенок имел жук в музее естествознания. Счастливец готов был рыдать от радости.

— Что такое зима голубой? — спросила я. — Цвет крыльев жука?

— Нет. Дело не в жуке. Но я должен был знать ответ, и неважно, куда бы это меня завело. Должен был знать, почему этот цвет так много значил для меня и почему он завладел моим воображением.

— Вы *позволили* ему завладеть, — напомнила я.

— У меня не было выбора. По мере того, как голубой становился более интенсивным, более доминирующим, я чувствовал, что ответ совсем близок. Что стоит погрузиться в этот цвет, как мне откроется истина. И я пойму себя — как художника.

— И что? Поняли?

— Да. Но это было не то, чего я ожидал.

— Что же вы узнали?

Зима промолчал.

Мы шли медленно. Я слегка отставала, ковыляя за грациозно шагавшим великаном. Становилось холоднее, и я пожалела, что не догадалась захватить пальто. Заикнулась было попросить у Зимы одолжить мне куртку, но сейчас намного важнее понять, куда он клонит. В моей работе труднее всего держать рот на замке.

— Мы говорили о неверности памяти, — внезапно выпалил он.

— Да.

— Моя собственная память была крайне несовершенной. Со времени установки имплантантов я помнил все, случившееся за последние триста лет, но не более того. Я знал, что на самом деле гораздо старше, но из «прежней» жизни помнил только фрагменты, отдельные кусочки паззла, который никак не мог собрать.

Он замедлил шаг и повернулся ко мне. Меркнувший на горизонте оранжевый свет бросил отблеск на его лицо.

— Я знал, что, если хочу понять все значение зима голубого, должен покопаться в прошлом.

— И насколько далеко вы продвинулись?

— Это было нечто вроде археологических раскопок. Я следовал по дороге памяти к самому раннему, абсолютно точному событию, которое случилось вскоре после установки имплантантов. Это увело меня в Харьков-8, мир в Гарлин Байт, почти в девятнадцать тысяч лет световых лет отсюда. Я запомнил только имя человека, с которым был там знаком. Его звали Кобарго.

Имя Кобарго ничего для меня не значило, но даже без АМ я знала о Гарлин Байт — области Галактики, содержавшей шестьсот обитаемых систем и втиснутой между тремя главными экономическими державами. В Гарлин Байт не действовали обычные межзвездные законы. Это была территория изгоев.

— Харьков-8 специализировался на определенной продукции. Вся планета была приспособлена для предоставления некоторых медицинских услуг... Незаконные кибернетические модификации, что-то в этом роде.

— Именно там...

Я осеклась.

— Именно там я стал тем, кем являюсь теперь, — подтвердил Зима. — Конечно, кроме операций на Харькове-8 я претерпел и другие вмешательства: улучшил толерантность к экстремальным средам, усовершенствовал сенсорные способности, но главные мои качества были заложены под скальпелем в клинике Кобарго.

— Значит, до прибытия на Харьков-8 вы были обычным человеком? — спросила я.

— Вот тут начинаются трудности, — вздохнул Зима, осторожно пробираясь по тропинке. — По возвращении я, естественно, попытался разыскать Кобарго. Предположил, что с его помощью смогу лучше понять фрагменты воспоминаний, вертевшихся у меня в голове. Но Кобарго исчез. Растворился где-то в Байте. Клиника осталась, но теперь ею управлял его внук.

— Бьюсь об заклад, отпрыск оказался не слишком разговорчив.

— Именно. Пришлось его убеждать. К счастью, у меня имелись для этого средства. Подкуп, а также лесть и тому подобное.

Мой собеседник слегка улыбнулся.

— Так или иначе, он согласился показать архив клиники и проверить записи деда, касающиеся моей операции.

Мы свернули за угол. Море и небо были одинаково и безлико серы. Не оставалось ни следа голубого.

— И что же было дальше?

— В записях сказано, что я вообще не был человеком, — объяснил Зима и снова помолчал, очевидно, чтобы я лучше поняла смысл сказанного. — До моего прибытия в клинику Зима никогда не существовал.

О, чего бы только я ни дала за диктофон или хотя бы простые, старомодные блокнот и ручку! Я нахмурилась, словно это могло заставить мою память работать хоть чуточку усерднее.

— Кем же вы были?

— Машиной. Сложным роботом с автономным искусственным интеллектом. До прибытия на Харьков-8 я уже существовал несколько веков и имел полную независимость.

— Нет, — покачала я головой. — Вы человек с деталями робота, но не робот.

— История болезни вполне ясна. Я прибыл в качестве робота. Андроида, разумеется, но тем не менее робота. Меня разобрали и внедрили основные познавательные функции в специально выращенное биологическое тело.

Он постучал пальцем по оловянно-серому черепу.

— Здесь полно как органических материалов, так и кибернетических механизмов. Трудно сказать, где начинается одно и кончается другое. А еще труднее определить, кто хозяин, а кто раб.

Я смотрела на стоявшую рядом со мной фигуру, безуспешно пытаюсь свыкнуться с мыслью о нем, как о машине, хотя и с мягкими, точными компонентами. Мне это никак не удавалось.

— Но в клинике вам могли солгать, — возразила я.

— Не думаю. Им куда выгоднее, чтобы я ничего не узнал.

— Возможно, вы правы.

— Таковы факты, которые оказалось очень легко проверить. Я просмотрел таможенные архивы Харькова-8 и обнаружил, что за несколько месяцев до операции на планету прибыл робот с автономным искусственным интеллектом.

— Но это необязательно были вы.

— Ни один робот десятилетиями и близко не подлетал к планете. Так что это, скорее всего, я. Мало того, в записях указано место происхождения робота.

— И где это?

— Мир за пределами Блайта. Линтан-3, в архипелаге Мюэра.

Нет, все же отсутствие АМ подобно выпавшему зубу!

— Вряд ли он мне известен.

— Скорее всего. Это не тот мир, который вы посещаете по собственной воле. Да рейсовые корабли туда и не ходят. Моей единственной целью приезда туда было...

— Вы побывали там?

— Дважды. Один раз до процедуры на Харькове-8 и второй — недавно, чтобы установить, где я находился до Линтана-3. Следы показались мне крайне запутанными, если не сказать больше... но я сумел задать верные вопросы, порыться в соответствующей базе данных и наконец узнал, откуда явился. Однако и это не было окончательным ответом. Оказалось, я посетил много миров. Но цепочка с каждым новым визитом становилась все призрачней. К счастью, на моей стороне была настойчивость.

— И деньги.

— И деньги, — вежливо кивнул Зима. — Это невероятно помогло.

— И что же вы в конце концов обнаружили?

— Я проследил путь до самых истоков. На Харькове-8 я существовал как мыслящая машина с интеллектом человеческого уровня. Но я не всегда был настолько умен и сложен. Зато поэтапно совершенствовался, когда позволяли время и обстоятельства.

— Самостоятельно?

— Оказалось, что да. Именно так я обрел свою автономию и легальную независимость. Но мне пришлось достичь определенного уровня интеллекта, прежде чем добиться свободы. До того я был гораздо более простой машиной... Чем-то вроде игрушки или домашнего животного. Между сменой поколений я переходил от одного владельца к другому. Каждый добавлял какую-то деталь, делавшую меня умнее.

- Но как вы начинали?
— Как проект, — признался он.

Мы вернулись к плавательному бассейну. Экваториальная ночь спускается быстро, и теперь бассейн был залит искусственным светом фонарей, расположенных над трибунами. Робот все еще трудился, приклеивая последние плитки.

— Бассейн почти готов, — заметил Зима. — Послезавтра туда нальют воду. Я стану ее менять, пока она не достигнет необходимой прозрачности.

- А потом?
— Подготовлюсь к представлению.

По пути к бассейну он рассказал все, что знал о своем происхождении. Зима начал свое существование на Земле еще до моего рождения. Его собрал любитель, талантливый молодой человек, интересующийся практической роботехникой. В те дни и одиночки, и целые группы пытались решить сложную проблему искусственного интеллекта.

Экстрасенсорное восприятие и полеты в космос — вот те области, которые интересовали молодого человека. Он создал множество роботов, составляя их из наборов комплектующих, поломанных игрушек и запасных частей. Их разум, если можно так выразиться, был сляпан из внутренностей старых компьютеров, простые программы которых ратобали на пределах памяти и скорости процессоров.

Молодой человек набил свой дом подобными машинами, причем каждая была предназначена для решения определенной задачи. Один робот с липкими паучьими лапами карабкался по стенам, вытирая пыль с картинных рам. Другой лежал в засаде на мух и тараканов. Он их ловил и пожирал, используя энергию химического распада биомассы насекомых, чтобы перебраться в другое место дома. Третий постоянно красил стены, так что цвета соответствовали смене времен года.

Еще один жил в плавательном бассейне и трудился день и ночь, надраивая керамические плитки, которыми тот был выложен. Молодой человек мог бы заказать по телефону дешевого чистильщика, но его забавляла идея собрать робота по своим эксцентричным принципам дизайна. Он дал роботу цветную систему видения, и мозг, достаточно большой, чтобы преобразовывать визуальные данные в модель окружающего пейзажа. Он позволил роботу принимать собственные решения относительно лучшей стратегии чистки бассейна. Разрешал выбирать время работы и время перезарядки солнечных батарей, закрепленных на его спине. И снабдил его примитивным понятием о вознаграждении за труд.

Маленький чистильщик многому научил молодого человека относительно основных принципов сборки роботов. Эти уроки получили свое применение в других роботах-слугах, пока один из них, простой уборщик, не стал настолько самостоятельным, что молодой человек начал предлагать эту модель в качестве набора комплектующих. Дело пошло, и год спустя молодой человек выставил на продажу уже собранных домашних роботов. Его изделия получили большой сбыт, и фирма юного предпринимателя вскоре стала лидером на рынке продаж домашних роботов. Через десять лет мир кишел его умными старательными машинами.

Но и он не забыл маленького чистильщика бассейнов. Время от времени хозяин использовал его в качестве испытательного полигона для своего нового аппаратного и программного обеспечения. Постепенно робот становился самым умным из его созданий и единственным, кого молодой человек отказывался разобрать и уничтожить.

После смерти изобретателя чистильщик бассейна перешел к его дочери. Она продолжила семейную традицию, совершенствуя маленькую машину. Ее наследником стал внук первого владельца, который жил на Марсе.

— Это тот самый бассейн, — пояснил Зима, — на случай, если вы не догадались сами.

— После стольких лет? — удивилась я.

— Он очень старый. Но плитки еще держатся. Самым сложным было найти именно его. Пришлось поднять двухметровый слой почвы в том месте, который когда-то именовали Кремниевой долиной.

— Эти плитки окрашены в зима голубой.

— Зима голубой — цвет этих плиток, — мягко поправил он. — Просто молодой человек использовал именно этот оттенок для облицовки своего бассейна.

— Значит, что-то вы помните.

— Отсюда я начал. Незамысловатая машина, у которой интеллекта было ровно столько, чтобы передвигаться в бассейне. Но это был мой мир. Все, что я знал. Все, что мне нужно было знать.

— А теперь? — осмелилась спросить я, заранее боясь ответа.

— Теперь я возвращаюсь домой.

Я была там, когда он вернулся домой. К этому времени на трибунах было полно людей, жаждавших увидеть перформанс, и небо над островом превратилось в мозаику теснившихся друг к другу кораблей. Дисторсионный экран работал, и платформы обозрения на кораблях были заполнены сотнями тысяч наблюдателей с воздуха. И все видели бас-

сейн с его прозрачной, абсолютно спокойной водой. На краю стоял Зима. Солнечные батареи на его спине сверкали подобно чешуе дракона. Никто из зрителей понятия не имел о том, что должно произойти. Никто не понимал важности происходящего. Но все ожидали чего-то необыкновенного. Демонстрации работы, долженствующей затмить все, что создал до этого Зима. А пока что зрители с недоумением глазели на бассейн, гадая, каким образом кусочек водной глади может сравниться с пронизавшими небо холстами или целыми мирами, заключенными в голубые футляры. Большинство считало, что бассейн — лишь средство отвлечь публику от главного зрелища. Истинный шедевр — произведение, которое увенчает его уход со сцены, должно быть где-то еще, пока невидимое, ожидающее момента предстать во всей красе.

И только я знала правду. Знала и молча наблюдала, как Зима стоит на краю бассейна, отдаваясь голубизне. Он объяснил, как все должно произойти: медленное, методичное, постепенное отключение всех высших функций мозга. И вряд ли имело значение, что все это необратимо: у него просто не останется достаточно интеллекта, чтобы пожалеть об утрате.

Но все же что-то останется: крохотное зернышко бытия и достаточно разума, чтобы осознавать собственное существование. Достаточно разума, чтобы верно оценить свое окружение и получить капельку удовольствия и радости от выполнения задачи, пусть и абсолютно бесцельной. Ему даже не придется покинуть бассейн. Солнечные батареи обеспечат его необходимой энергией. Он никогда не состарится, никогда не заболит. Другие машины позаботятся об острове, защитят бассейн и молчаливого пловца от разрушительного действия погоды и времени.

Пройдут века.

Тысячелетия.

Миллионы лет.

Кто знает, что будет потом? Но одно ясно: Зима никогда не устанет от работы. В его мозгу не была запрограммирована способность устать. Он стал воплощенным опытом. И если и испытывал какую-то радость от плавания в бассейне, это была почти бессмысленная эйфория насекомого-опылителя. Этого для него было достаточно, как тогда, в калифорнийском бассейне, так и сейчас, тысячелетие спустя, в том же бассейне, только в ином мире, под иным солнцем, в отдаленной части той же Галактики.

Что же до меня...

Оказалось, что из нашей встречи на острове я запомнила гораздо больше, чем имела на то право. Думайте, что хотите, но вышло так, что

я нуждалась в мысленной подпорке своей АМ куда меньше, чем всегда воображала. Зима был прав. Я позволила своей жизни стать заранее продуманным сценарием, чем-то вроде аккуратно расчерченной схемы. Всегда красное вино на закате. Никогда белое. На борту космической клиники мне имплантировали ряд нейронных расширений памяти, которые прекрасно послужат мне следующие четыреста—пятьсот лет. Когда-нибудь мне понадобится другое решение, но, думаю, добравшись до этой точки, я смогу перейти мнемонический мостик. Прежде чем навсегда расстаться с АМ, я перенесла ее наблюдения в гулкие новые пространства моей расширенной памяти. Правда, я ощущаю, что все события происходили не совсем так, как кажется мне, но с каждой попыткой вспомнить все постепенно укладывается на свои места. Все смягчается, а подсветка сияет ярче и ярче. Полагаю, эти воспоминания становятся все менее точными при очередном воскрешении, но Зима считал, что в этом весь смысл.

Теперь я знаю, почему он решил поговорить со мной. И дело не в моем методе написания биографий. Дело в его желании помочь кому-то начать новую жизнь, прежде чем сам он возвратится к прежней.

Кстати, я сумела написать его историю и продала в свою первую газету «Марсианские хроники». Приятно снова навестить старую планету Марс, особенно теперь, когда она переместилась на более теплую орбиту.

Все это было давным-давно. Но, похоже, я все еще никак не могу расстаться с Зимой.

Каждые двадцать лет я долетаю пассажирским сверхзвуковым судном до Мюрека, спускаюсь на белые мраморные улицы Венеции, беру такси до острова и присоединяюсь к горстке упорствующих зрителей, рассеянных на трибунах. Они должны чувствовать, что у художника что-то еще осталось в запасе... Последний сюрприз. Большинство из них прочли мою статью и поэтому знают, что означает медленно плывущая фигура. И все же ажиотажа на острове не отмечается. На трибунах всегда пусто и печально, даже в самый погожий денек. Но скамьи никогда не бывают полностью пусты, что, полагаю, является неким видом заповеди. Некоторые люди это понимают. Большинство не поймет никогда.

Но это и есть искусство.

**Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА**

М А Й К Л С У Э Н В И К

ЛЕТО

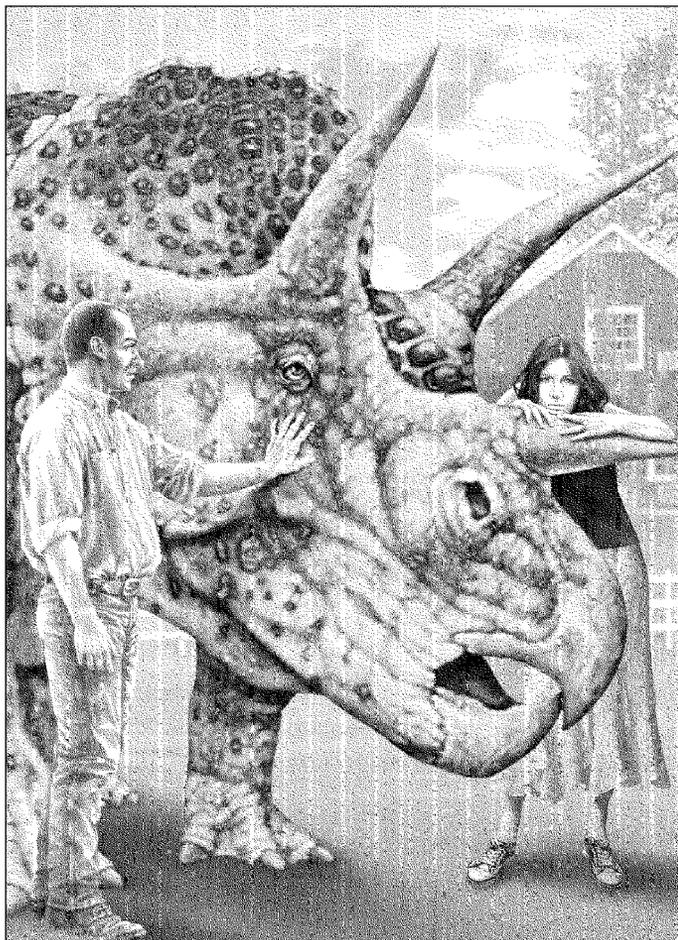

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ДИНОЗАВРОВ

Динозавры чуть покачивались в жарком мареве, поднимавшемся от раскаленного асфальта. Их было голов тридцать, — небольшое стадо, вроде бы трицератопсы. Они важно шествовали через шоссе (не спрашивайте о причинах), поэтому я остановил пикап, заглушил мотор и приготовился ждать.

Сидел и смотрел.

Любопытные создания и для своих габаритов удивительно грациозные. Не глядя по сторонам, они изящно вышагивали прямо у меня перед носом. Я почти не сомневался, что правильно определил биологический вид, ведь на морде у каждого имелось по три рога. Я тоже когда-то был ребенком и играл пластмассовыми модельками.

— Почему мы остановились? — спросила моя соседка Грета, дремавшая на пассажирском сиденье.

— Динозавры на дороге.

Она открыла глаза:

— Матерь Божья!

И не успел я ее остановить, как она потянулась к гудку и трижды нажала на него изо всех сил.

Трицератопсы как один замерли и повернули головы к пикапу.

Я скорчился от смеха.

— Что тут смешного, черт побери? — вскинулась Грета.

Но я только тыкал перед собой пальцем и беспомощно тряс головой; по щекам у меня катились слезы.

Все дело в гребнях. Такое даже безвкусицей не назовешь. Они будто сошли с циркового плаката — сплошь красные завитки, желтые мазки-слэши и ослепительно оранжевые ромбы, столько цветов и форм, что всего не перечислишь, и ни один не походил на другой. Да ведь эти «рюшечки» — словно китайские воздушные змеи! Будто бабочки с шестифутовым размахом крыльев! Кислотные вывески Лас-Вегаса! А под этими карнавальными «шляпками» моргают и разевают рты наиглупейшие морды — ни дать ни взять сбрендившие коровы. И в цирк ходить не надо!

Грета понемногу закипала. Выбравшись из кабины, она злобно хлопнула дверцей. Испугавшись резкого звука, пара трицератопсов напустила лужу, и стадо нерешительно отступило на шаг. Потом они начали подбираться поближе — посмотреть, что будет дальше.

Моя соседка поспешно вернулась в машину.

— И что теперь твои гады удумали? — раздраженно спросила она.

Похоже, в происходящем она винила меня. Прямых выпадов она, конечно, не делала, учитывая, что сидела у меня в пикапе, а ее BMW до сих пор торчал в сервисе в Саут Берлингтоне.

— Им интересно, — ответил я. — Просто замри. Не двигайся и не шуми, скоро им надоест, и они уйдут.

— Откуда ты знаешь? Ты таких уже встречал?

— Нет, — признал я. — Но когда-то, лет тридцать—сорок назад, я работал на молочной ферме. Они ведут себя как обычные парнокопытные.

И верно, трицератопсы потеряли к нам интерес и собрались было уходить, когда рядом с визгом затормозил потрепанный «хёндаи», из которого выскочил худощавый молодой человек с едва ли не вороньим гнездом на голове, — такой всклокоченности я давно не видел. Динозавры решили остаться и поглазеть.

А молодой человек, размахивая руками, подбежал к нам. Я высунулся из окна:

— В чем дело, приятель?

Он был заметно расстроен.

— Там такое стряслось... катастрофа... в смысле, несчастный случай. Я хотел сказать... в институте. — Он явно имел в виду Институт новейшей физики, расположенный неподалеку от шоссе, где мы застряли. Субсидировало его правительство, и он каким-то неведомым образом подчинялся Вермонтскому университету. — Стабилизаторы грани отказали, мезонное поле инвертировалось и векторизовалось. Факторы конгруэнтности полетели ко всем чертям, и... — Он взял себя в руки. — Ничего этого вам видеть не положено.

— Так это ваши? — переспросил я. — Они ведь трицератопсы, верно?

— *Triceratops horridus*, — рассеянно уточнил он, и я испытал необъяснимое удовлетворение. — По большей части. В стадо мог затесаться кое-кто другого подвида. Они как утки. Не слишком разборчивы, с кем водиться.

Вскинув руку, Грета демонстративно посмотрела на часы. Как и все ее вещи, часы были дорогими. Она работала в «Эссекс Джанкшн» — фирме, занимавшейся системным анализом для компаний, которые задумались о сокращении штата. В ее задачу входило выяснить круг должностных обязанностей сотрудников и доложить руководству, кого из них можно безболезненно уволить.

— Я теряю деньги, — буркнула она.

Я пропустил ее слова мимо ушей.

— Слушайте, — взмолился парень. — Держите язык за зубами, ладно? Мы не можем позволить, чтобы информация просочилась в прессу. Ее надо держать в секрете.

— В секрете?

По ту сторону стада остановилось еще три машины. Их пассажиры сейчас стояли, разинув рты, посреди дороги. За нами затормозил «форд торес», и водитель опустил стекло, чтобы лучше видеть происходящее.

— Вы хотите утаить стадо динозавров? Их же наверняка несколько десятков!

— Сотен, — с отчаянием отозвался молодой человек. — У себя они мигрировали. Но, попав к нам, стадо распалось. Это только часть его.

— Тогда не понимаю, как вы собираетесь их скрыть. Посмотрите: они же размером с танк. Их нельзя не заметить.

— О Боже, Боже...

У кого-то на той стороне оказался при себе фотоаппарат, и теперь он ошалело щелкал.

По ходу разговора Грета все больше теряла терпение. Наконец она вылезла из пикапа и заявила:

— А я не могу себе позволить терять время. Меня работа ждет.

— И меня тоже, Грета.

Соседка презрительно фыркнула:

— Выкорчевывать унитазы и собирать трубы! Я уже потеряла больше, чем ты зарабатываешь за неделю... Давайте ключи. — Последняя фраза предназначалась молодому человеку.

Парнишка ошеломленно повиновался. Забравшись в «хёндаи», Грета развернула автомобиль.

— Попрошу потом отогнать машину к институту, — бросила она в открытое окно.

И на том исчезла — искать объезд вокруг стада.

Ей бы следовало подождать, потому что минуту спустя животные решили уйти и вскоре скрылись из виду. Впрочем, найти их не составит труда. Стадо оставляло за собой полосу выглаженной земли.

Парнишка встряхнулся, словно освобождаясь от наваждения.

— Эй! Она же забрала мою машину!

— Полезайте в кабину, — велел я. — Впереди по шоссе есть бар. Думаю, вам надо выпить.

Его звали Эверетт Маккафлен, и стакан он сжимал так, словно, если отпустит, провалится под землю. Потребовалась пара порций вис-

ки, чтобы вытянуть из него всю историю. Когда он закончил, я долго молчал. Не стесняясь, скажу, что от его слов мне стало не по себе.

— И как надолго? — спросил я наконец.

— Недель десять, в худшем случае три месяца. Не больше.

Я глотнул содовой, встал из-за стола и пообещал Эверетту скоро вернуться.

Сотовый телефон я оставил в «бардачке» пикапа.

Сначала я позвонил домой. Делия уже ушла в свадебный магазин, а поскольку ее начальство не одобряет, когда ей звонят на работу, я только бросил SMS-ку со словами любви. Потом набрал номер книжного магазина «Зеленая гора». Магазин еще не открылся, но Рэнди приходит пораньше, и, услышав на автоответчике мой голос, он поднял трубку. Я спросил, есть ли у него что-нибудь по трицератопсам. Попросив минутку подождать, он вернулся и сказал, мол, да, у него есть книга «Рогатые динозавры» Питера Додсона. Пообещав заехать за ней в ближайшее же время, я вернулся в бар. Эверетт успел заказать третью порцию виски, но я отобрал у него выпивку.

— С тебя хватит, — сказал я. — Отправляйся домой, поспи. Если хочешь, в саду повозись.

— Я без машины, — напомнил он.

— Где ты живешь? Я тебя отвезу.

— И вообще, мне положено быть на работе. Я не отметил, что ушел. И формально я еще на испытательном сроке.

— Какая разница? — спросил я. — Теперь-то?

Эверетт жил в Уиноски на Вуллен-милл. Надо думать, в институте ему хорошо платили. Или же он легкомысленно швырял деньгами. Подбросив его домой, я позвонил паре знакомых подрядчиков и договорился, что они перехватят заказы, которые я уже взял. Потом позвонил в редакцию «Фри пресс», чтобы они сняли мое еженедельное объявление, сделал звонки всем моим клиентам, объяснив, что у меня проблемы с графиком и мне пришлось передать их заказы другим людям. Взъерепенилась только старая миссис Бреммер, но и она успокоилась, узнав, что ее джакузи я все равно смог бы заняться не раньше конца июля.

После я поехал в банк и по второму разу заложил дом.

Потребовалось некоторое время, чтобы убедить Арта Летурно, что у меня серьезные намерения. Мы уже давно вели с ним дела, и он знал, как я отношусь к долгам. А еще я уклонялся от ответа, зачем мне нужны деньги. Он почти заподозрил, что у меня запоздалый кризис среднего возраста. Но документы на дом были на мое имя, а цены на

недвижимость в наших местах росла как на дрожжах, поэтому мы в конце концов договорились.

По дороге домой я заехал в ювелирный магазин и к цветочнице.

При виде цветов глаза Делии расширились, а после сузились до размера камня в кольце. И вид у нее сделался совсем не такой, как я ожидал.

— Выкладывай! Да что-нибудь хорошее, не то пожалеешь.

Тогда, сев за кухонный стол, я выложил все от начала и до конца. Когда я закончил, Делия молчала почти столько же, сколько я в придорожном баре, а после спросила:

— И сколько у нас времени?

— Три месяца, если повезет. Во всяком случае, десять недель. Так Эверетт сказал.

— Ты ему веришь?

— Он как будто не сомневался.

Я неплохо разбираюсь в людях, и Делия это знает. Когда Грета поселилась в перестроенном амбаре по соседству, я сразу сказал, что от нее только и жди неприятностей. И это было еще до того, как она замутила траву на своем участке, засыпав ее мульчей трех разных цветов, и начала скандалить, что я паркую пикап на подъездной дорожке, где он у всех на виду.

Делия задумалась на несколько минут, серьезно хмурясь, как делает, когда пытается сосредоточиться, а после улыбнулась. Улыбка вышла блеклая, но все-таки...

— Что ж, я всегда мечтала позволить себе первоклассный отпуск.

Отрадно было это слышать, ведь именно по такой дорожке бежали и мои мысли. И уж совсем счастливым я стал, когда она вскинула руки и крикнула:

— Я еду в Диснейленд!

— А как же! — отозвался я. — У нас хватает на Диснейленд, на Диснейуорлд и на Евродисней тоже. Кажется, даже в Японии что-то такое построили.

К тому времени мы оба уже улыбались до ушей, она стащила меня с табуретки, и мы затанцевали по кухне: от случившегося нам было чуточку не по себе, но все исчезло в радостном, как в детстве, счастливом головокружении.

На следующее утро мы собирались спать допоздна, но старые привычки не умирают, и вообще Делия считала, что не может покинуть магазин, не предупредив заранее. После ее ухода я поехал узнать, куда направились трицератопсы.

На шоссе я увидел Эверетта, который пытался поймать машину. Я остановился.

— Что, никто из института не мог пригнать тебе машину? — спросил я, когда мы снова тронулись.

— В институт-то она не попала, — мрачно ответил он. — Та женщина, которую ты подвозил вчера, загнала ее в канаву. Порвала тросик сцепления и безнадежно помяла кузов. Сказала, мол, никакой аварии не случилось бы, если бы мои динозавры ее не расстроили. И бросила трубку. А я только-только начал работать в институте. И моих сбережений на новую машину не хватит.

— Возьми в кредит, — посоветовал я. — Или купи на кредитную карточку и ближайšie пару месяцев плати минимум.

— Об этом я не подумал.

Некоторое время мы ехали молча, потом я сказал:

— Как ей удалось тебя разыскать?

Ведь Грета укатила еще до того, как он назвал свое имя.

— Она позвонила в институт и попросила парня с вороньим гнездом на голове. Ей дали мой домашний номер телефона.

Попасть на парковку Института новейшей физики можно было только по пропуску, поэтому я высадил Эверетта на обочине.

— Спасибо, что никому не сказал, — поблагодарил он, вылезая. — Про... ну, сам знаешь.

— Решил, так будет разумнее всего.

Он уже собрался уходить, но вдруг обернулся и спросил:

— У меня правда на голове воронье гнездо?

— Да нет, все не так страшно. Любой парикмахер справится.

К институту я подъезжал по трассе, а на обратном пути выбрал шоссе, выющиеся мимо ферм. Подъехав к тому месту, где видел вчера трицератопсов, я было решил, что произошла авария, так много тут скопилось машин. Но выяснилось, что это зеваки и телевизионщики. По всей видимости, стадо ушло не далеко. Вдоль обочины мигали камеры, и стайка хорошеньких женщин щебетала в беспроводные микрофоны.

Я тоже остановился посмотреть, что происходит. Один трицератопс подошел к самому ограждению и задумчиво жевал высокие сорняки. Он, похоже, несколько не боялся людей, вероятно, потому что в его дни млекопитающие не вырастали больше хорька. Подойдя поближе, я погладил динозавра по спине: кожа у него оказалась теплой, жесткой и бугристой, словно галька. Это и сделало свое дело. Ощущение теплой шершавости под рукой придало реальности происходящему.

Подошла, прихватив с собой оператора, корреспондентка.

— Вид у вас явно счастливый, — заметила она.

— Я всегда мечтал потрогать живого динозавра. — Не снимая руки с теплого гребня, я повернулся к девице. — Сногсшибательное впечатление: глупы как пробка, зато какие интересные.

Она задала мне несколько вопросов, и я ответил, что мог. После, сказав в микрофон завершающее слово, она достала блокнот, записала мою фамилию и спросила, где я работаю. Я объяснил, что сейчас занимаюсь установкой сантехники, но когда-то трудился на молочной ферме. Ей это как будто понравилось.

Я еще немного поглазел на динозавров, а после поехал в Берлингтон за книгой. Магазин еще не работал, но, когда я постучал, Рэнди открыл дверь.

— Ах ты скотина, — с ходу набросился он на меня. — Знаешь, сколько я мог бы за нее получить? Тут один чужак, — так Рэнди называл любого, кто приехал из штата Нью-Йорк или, возможно, даже Нью-Гэмпшир, — предлагал мне двести долларов. И я мог бы получить вдвое, будь у меня что-нибудь на складе!

— Очень тебе признателен, — сказал я и выложил денежки. — Ты сам-то уже ездил на них посмотреть?

— Я что, по-твоему, с ума сошел? Тысячи людей рвутся поглазеть на тварей. Да скоро там черт-те что будет твориться.

— То-то мне показалось, что машин на шоссе больше обычного.

— То ли еще будет!

Рэнди оказался прав. К вечеру заторы были уже такие, что Делия на час опоздала домой. Поставив запеканку в духовку, я сидел за кухонным столом с книгой, когда она наконец вошла, едва передвигая ноги от усталости.

— У самцов рога длиннее и смотрят вверх, у самок — более короткие и направлены вперед, — объявил я. — А еще самцы крупнее самок, но самки численно превосходят самцов в пропорции две к одному.

Я с улыбкой откинулся на спинку стула.

— Две к одному, ты только подумай!

Делия наградила меня подзатыльником.

— Дай посмотреть.

Я протянул ей книгу. Происходящее напомнило мне далекие дни, когда, едва поженившись, мы ездили наблюдать за птицами. Дни, когда мы были еще не так заняты. Тут позвонила подруга Делии Марта и велела поскорее включать третий канал. Мы нажали кнопку, и из телевизора раздался мой голос:

— ...глупы как пробка...

— Так ты у нас теперь специалист по крупному рогатому скоту? — съехидничала Делия после окончания репортажа.

— Я не то говорил. Репортерша все перепутала. Посмотри лучше, что у меня есть. — После полудня я заехал в три разных турагентства и сейчас разложил на столе брошюры: Париж, Дубай, Рим, Австралия, Рио-де-Жанейро, Марракеш. Даже Диснейуорлд. Я собрал все, что показалось мне мало-мальски привлекательным. — Выбериай, куда мы завтра же отправимся.

Вид у Делии стал смущенным.

— В чем дело?

— Ты же знаешь, в июне у нас запарка. Столько девушек выходит замуж! Франческа уговорила меня остаться до конца месяца.

— Но...

— Это не так уж долго.

Несколько дней в нашей округе словно бы проходили Вудсток, суперкубок и мировой чемпионат по футболу разом — все федеральные трассы встали, и если ты всерьез собирался куда-то ехать, то делал это на свой страх и риск. Потом губернатор вызвал национальную гвардию, Читтенден-каунти оцепили, и на въезде и выезде приходилось предъявлять документы. Трицератопсы к тому времени рассеялись небольшими группками по округу. Затем десяток-другой динозавров поймали и развезли по зоопаркам в соседних штатах. Поэтому жизнь почти вернулась в обычную колею.

Дело было в субботу. Я как раз собрался покрасить наличники, когда в побитой развалюхе прикатил Эверетт.

— Мне нравится твоя стрижка, — похвалил я. — Тебе идет. Приехал посмотреть на трицов?

— На трицов?

— Так телевизионщики прозвали наших динозавров: «трицератопс» — слишком длинное слово. У нас неподалеку обретаеся семейка из семи или восьми особей.

Позади дома тянулся лесок, а за ним — небольшое болотце. Ящерам нравилось пастись на опушке и нежиться в тине.

— Нет, э... Я приехал узнать, как зовут ту женщину, которую ты тогда подвозил. Которая забрала мою машину.

— Ты про Грету Хук?

— Наверное. Я тут подумал и решил: пусть она платит за ремонт. Я хочу сказать, надо же совесть иметь.

— Вижу, ты решил в кредит ничего не брать.

— Глупо как-то выходит. Конечно, эта колымага досталась мне по дешевке, но она едва-едва фурычит. Дверь закрывается, только если ручку вешалкой подпереть.

Из дома с корзинкой для пикника вышла Делия, и я их познакомил.

— Эв ищет Грету, — объяснил я.

— Лучшего времени вам не придумать, — отозвалась Делия. — Мы с ней как раз собирались посмотреть на трицев. Присоединяйтесь к нам.

— Ну, я не...

— Да бросьте. Еды на всех хватит. — И повернулась ко мне: — Ты пока почистись, а я схожу за Гретой.

Так мы и оказались на узкой тропинке, которая вела через лес к полю у обрыва над фермой Тайлеров. Поле облюбовали трицы. Посевы они потравили основательно, но штат пообещал возместить ущерб, поэтому Тайлеры не слишком переживали. Я невольно спросил себя, не знает ли губернатор то же, что и мы, не потолковал ли он с ребятами из института?

Я расстелил одеяло, Делия достала закуску, яйца вкрутую с острой начинкой, лимонад — в общем, что полагается. Я прихватил с собой пару биноклей, которые отдал нашим гостям. Грета держалась букой, и я задумался, как Делии удалось уговорить соседку пойти с нами. Однако неожиданно для всех Грета воскликнула:

— Ой, смотрите: с ними детеныши!

И действительно, тут было три маленьких динозаврика, всего несколько футов длиной. Два игриво дрались: бодались и кувыркались друг через друга. Третий просто сидел, моргая на солнце. Все были чертовски симпатичны — с шишечками на месте будущих рогов и прекрасными большими глазами.

Остальные трицы бродили вокруг, лениво пощипывая кусты. Только один с видом свирепого защитника сидел возле малышей.

— Это мама? — спросила Грета.

— Нет, это самец, — отозвался Эверетт. — По рогам можно определить. — И он пустился в пространные объяснения, которые я пропустил мимо ушей, поскольку уже прочел это в книжке.

При подъезде к дому Грета буркнула:

— Наверное, тебе нужен телефон моей страховой компании.

— Наверное, — ответил Эверетт.

Минут на двадцать они скрылись в ее доме, потом Эверетт сел в свою развалюху и уехал. После я сказал Делии:

— Я думал, весь смысл пикника в том, что мы с тобой наконец решим, куда отправимся в отпуск, а ты даже не захватила с собой туристические брошюры.

— Полагаю, они друг другу нравятся.

— Так ты пикник для *них* устроила? Тебе мало глупостей, которые ты натворила в свое время?

— Например? — возмутилась Делия. — Когда это я не была воплощением мудрости?

— Ну... скажем, когда вышла за меня замуж.

— Ах это. — Она меня обняла. — Это исключение, которое подтверждает правило.

Так день за днем медленно катилось лето. Делия взялась подманивать трицератопсов к дому капустой, пучками сельдерея и прочими овощами. Капусту они любили больше всего. Так и вышло, что однажды вечером мы кормили трицев с заднего крыльца. С топотом они явились на закате, надеясь на капусту, но готовые удовлетвориться чем угодно.

Их визиты прикончили задний двор, ну и что с того? Делия немного расстроилась, когда животные вытоптали ее клумбы, но я огородил садик крепким забором, и она заново посадила цветы. А динозаврий навоз, разведенный водой, живительно действовал на растения. Розы расцвели как никогда прежде, а в августе помидоры достигли паразитных размеров.

Я рассказал об этом Дейву Дженкинсу в садовом центре, и лицо его стало задумчивым.

— Думаю, на это будет спрос. Я куплю у тебя столько навоза, сколько сможешь привезти.

— Извини, — ответил я. — У меня отпуск.

Я по-прежнему не мог уговорить Делию выбрать маршрут поездки. Однажды вечером, пока я рассказывал ей про отель «Атлантида» на Парадайз-айленд на Багамах, она вдруг воскликнула:

— Надо же! Ты только посмотри!

Оторвавшись от описания дельфинов и рукотворных руин под водой, я подошел к двери и встал рядом с женой. Перед домом Греты была припаркована машина Эверетта, новенькая, оплаченная страховкой Греты. Свет в доме горел только на кухне. Потом и он погас.

Похоже, наша парочка разрешила свои разногласия.

Однако час спустя мы услышали, как хлопают двери и ревет мотор. Потом кто-то забарабанил в нашу дверь. Грета. Когда Делия ее впустила, соседка безутешно разрыдалась. Я занялся кофе, а Делия усадила

гостью на кухне, принесла носовые платки и попросила толком объяснить, в чем же провинился Эверетт.

— Знаете, что он мне сказал? — рыдала она.

— Кажется, да, — предположила Делия.

— Разрывы...

— Да, дорогая, разрывы временного потока.

Грета остолбенела.

— И вы тоже? Почему вы мне не сказали? Почему от всех скрыли?

— Я было хотел, — отозвался я, — но потом мне пришло в голову: что же могут натворить люди, если узнают, что их поступки теперь не имеют значения? Большинство поведет себя довольно порядочно. Но кое-кто, боюсь, натворит бед. Не хотелось брать на себя такую ответственность.

Соседка немного помолчала.

— Объясни мне еще раз про петли, — сказала она наконец. — Эв пытался, но я была слишком расстроена, чтобы слушать.

— Я и сам не все понимаю. Но из его объяснений следует, что ученые уладят проблему, вернувшись вспять, до того момента, когда произошел разрыв, и его предотвратят. Когда такое происходит, все с момента разрыва до момента, когда они вернутся наложить «заплату», отделяется от основного временного потока. И затем понемногу растворится — никогда не было, никогда не будет.

— А что будет с нами?

— Просто вернемся к тому, что мы делали, когда произошел сбой приборов. Пустяки. Как с гуся вода.

— И не останется воспоминаний?

— Как можно помнить то, чего не случилось?

— Значит, мы с Эвом...

— Да, дорогая, — мягко сказала Делия.

— Сколько у нас времени?

— Если немного повезет, остаток лета, — сказала Делия. — Вопрос в том, как ты хочешь его провести.

— Какая разница? — горько возразила Грета. — Если оно все равно кончится.

— Все рано или поздно кончается.

Некоторое время Грета сидела молча, потом достала сотовый, позвонила Эверетту (я заметил, что его номер у нее на быстром дозвоне) и начальственным тоном продиктовала:

— Тащи сюда свою задницу, — и, не ожидая ответа, сложила телефончик.

Она не произнесла ни слова, пока перед ее домом не остановилась машина Эверетта, и тогда вышла на улицу. Не слыша слов, мы, как в немом кино, наблюдали сцену их бурного объяснения. Наконец она, схватив Эверетта за плечи, поцеловала его. Потом взяла за руку и увела в дом.

Они даже свет не потрудились погасить.

Я некоторое время смотрел на притихший дом, а потом вдруг сообразил, что Делии больше рядом нет, и пошел ее искать.

Она сидела на заднем крыльце.

— Смотри, — прошептала она.

Стояла полная луна, и в ее свете мы увидели, как трицератопсы устраиваются на ночлег в нашем саду. Делии удалось наконец их приручить. Лунный свет серебрил их шкуры и скрадывал рисунки на гребнях. Огромные рога сложились охранной стеной вокруг детенышей. Один за другим гигантские ящеры закрывали глаза и засыпали.

Хотите верить, хотите нет, но старший самец храпел.

Тут мне пришло в голову, что у нас осталось не так много времени. Однажды утром мы проснемся и... будет конец весны и все в точности так, как до появления динозавров.

— Мы так и не попали ни в Париж, ни в Лондон, ни в Рим, ни в Макак... Марракеш, — грустно сказал я. — Даже в Диснейленд не поехали.

Не отрывая глаз от спящих трицев, Делия обняла меня за плечи.

— Ну куда тебя все время тянет? — спросила она. — Мы же и дома отлично провели время, правда?

— Я просто хотел сделать тебя счастливой.

— Идиот несчастный. Ты уже сделал это пару десятилетий назад.

Так мы и сидели в то позднее лето нашей жизни. Ни с того ни с сего нам подарили отпуск от повседневности, и вот он подходил к концу. Пессимист сказал бы, что мы просто хотели забыться. Но мы с Делией считали иначе. Жизнь — странная штука. Временами тяжелая, временами настолько тяжелая, что способна разбить сердце. Но иногда она нелепа и прекрасна. Иногда она переполняет тебя ощущением чуда — как трицератопсы, спящие под луной.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

Ваш гид по рынку

Достоверная
информация
и реальные
цены

Это издание полезно и интересно как профессиональным антикварам и коллекционерам, так и тем, кто просто любит и ценит красоту старинных вещей и предметов искусства. Журнал в первую очередь адресован тем, кто понял, что самое достойное и надежное вложение денег — приобретение предметов старины и произведений искусства, создание коллекций. Мы исследуем тенденции рынка, приводим реальные цены на реальные вещи.

Адрес: 119435, Россия, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (495)248-6819 (отдел распространения),
тел./факс: 248-2190
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
id@lkpress.ru (отдел распространения)

Е В Г Е Н И Й Л У К И Н

БЫТИЕ НАШЕ

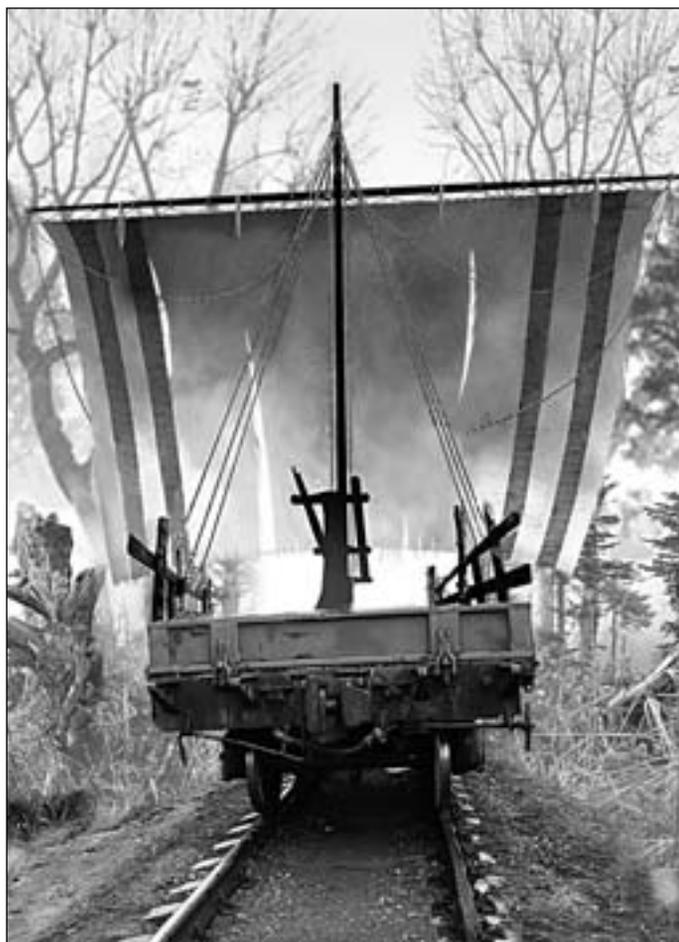

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ДЫРЧАТОЕ

Мертвая бабочка — и такие последствия?
Рэй Брэдбери.

Глава 1. Белый мусор

Нет-нет, речь пойдет вовсе не о милиционере славянской национальности. Термином «белый мусор» баклужинские изобретатели-самородки именуют материальный аналог белого шума, видимо, путая его с чистым шумом, отчего, впрочем, суть явления нисколько не меняется.

Что такое чистый шум? Если верить тем же самородкам, это особым образом взбаламученный поток информации, из которого человек с воображением способен извлечь все, что угодно: от эпохального открытия до гениального произведения. Взять, к примеру, оригинал шекспировского «Гамлета». Хаотическое нагромождение текста, переходящее местами в абракадабру. Однако достаточно посмотреть сноски — и нечленораздельная, на первый взгляд, строка (скорее всего, ошибка наборщика) волшебным образом проясняется, обнаруживая даже не один, а сразу несколько глубоких, хотя и взаимоисключающих смыслов.

В итоге же усилиями комментаторов и переводчиков из общей неразберихи удалось извлечь трагедию, служащую по сей день непревзойденным образцом данного сценического жанра.

Примерно так же обстоит дело и с белым мусором.

Известно, что, разобрав и собрав подряд несколько бытовых приборов (наименования указываются разные, но в каждом списке обязательно присутствует механический будильник), вы неминуемо получите определенное количество лишних деталей, каковые надлежит сгрести вместе и тщательно перемешать. Так добывается белый мусор высшего качества. Если исходный материал подобран правильно, вам не составит особого труда соорудить из имеющихся запчастей небольшой вечный двигатель первого рода.

Будет ли он работать — вопрос второй. Тут все зависит от интуиции умельца. Главное, как утверждают знатоки, сочленять деталь с деталью бессознательно, по наитию. Успех чаще всего сопутствует новичкам и виртуозам. Механики средней руки, отягощенные очерпнутыми из учебников предрассудками, обычно терпят неудачу.

Окультисты объясняют эту странность вмешательством низших потусторонних сил, чье неистребимое любопытство давно стало притчей во языцех. Привлеченный очевидной нелепостью конструкции барабашка пытается уразуметь, как оно вообще может крутиться,

и зачастую, увлекшись, действительно запускает машину в ход. Подобную трактовку одинаково трудно и подтвердить, и опровергнуть. Будем считать, что оккультистам виднее.

* * *

Змеиное шипение в сенях заставило Андрона Дьяковатого поднять голову и прислушаться. Шипела жена.

— А ну-ка вон отсюда со своими чемоданами! Убери ногу! Убери ногу, я сказала!..

Андрон нахмурился, положил карандаш на незавершенный эскиз противовеса и, встав, пошел на звук. Агата Георгиевна отпихивала от порога кухни хрупкого, низкорослого субъекта, чье отчаянное отрешенное лицо показалось Дьяковатому смутно знакомым. А в сенях и впрямь стояли два огромных старых чемодана, перехлестнутых ремнями.

— Ну? — недружелюбно спросил Андрон. Настроение у него было скверное. Не без причин, понятно.

— Вот! Приперся! — визгливо известила супруга. Таиться уже не имело смысла.

Незванный гость убрал ногу, с помощью которой он не давал хлопнуть пухлую, обитую дерматином дверь перед своим бледным хрящеватым носом, и заискивающе улыбнулся хозяину. Зрелище не совсем приятное, поскольку нижнюю губу он при этом подвернул, чтобы прикрыть плохие зубы, а верхнюю вздернул, чтобы обнажить хорошие.

— Заходи, — решил Андрон.

— Тебе что, двух штрафов мало?.. — заголосила Агата Георгиевна — и смолкла, убитая тяжелым взглядом мужа.

— Иди обед готовь, — не повышая голоса, сказал ей Андрон.

Жена заплакала и пошла.

— Заходи, — повторил Андрон.

Помощь предлагать не стал. Сам дотащит.

Пока гость, пристанывая от натуги, волок чемоданы в хату, хозяин, как бы от нечего делать, приостановился у окна и отстранил занавеску. Отцветала сирень. За штакетником по травяной обочине крался на цырлах, занося детский марлевый сачок над бабочкой-лимонницей, встрепанный седенький Аксентьич, в прошлом удачливый политик, а ныне относительно безобидный деревенский дурачок. Несмотря на многочисленные странности, Аксентьича в Колдобышах уважали и побаивались. Даже имени его никто не помнил — обращались исключительно по отчеству.

— Ох-х... — с облегчением выдохнули сзади.

Андрон обернулся. Оба чемодана уже лежали посреди горницы. Кивком предложил откинуть крышки. Как и следовало ожидать, внутри обнаружился мелкий механический лом.

— И что это будет?

— Было... — хриловато поправил еще не отдышавшийся полужнакомец. — Понимаете, попал в аварию... багажник и все, что в багажнике, всмятку... ну и вот... восстановить бы...

— Про аварию другим расскажешь, — отозвался невозмутимый Андрон, прислушиваясь краем уха к всхлипам на кухне. — Что конкретно собрать? Если движок — зря ташил. За движки сейчас гоняют...

— Нет-нет, — испуганно сказал гость. — Зачем движок?

— А что?

— Да вот... машинку бы...

— Ну, это запросто, — равнодушно изронил Андрон. — Ближнего прицела небось?

— Дальнобойную... можно даже одноразовую... — выдавил гость, явно опасаясь, что после таких слов выставят неминуемо. Вместе с чемоданами.

Страхи его, однако, не сбылись. Андрон задумчиво почесал переносицу.

— А на кой она тебе?

— То есть как? — растерялся владелец белого мусора.

Так и не получив внятного ответа, Андрон подошел к ближнему чемодану и присел перед ним на корточки. Взял в корявые пальцы шестеренку, повертел.

— За кого голосовал? — неожиданно спросил он.

— Ни за кого, — виновато признался гость.

— А я вот за Портнягина... — удрученно молвил Андрон. — Вишь, как оно все обернулось... Не можешь быть свободным — научат, не хочешь — заставят! Движок с платформы снять велели, буду теперь на парусную тягу переделывать.

— Платформу? — тихонько ахнул гость. — Железнодорожную?

Очень, видать, хотел понравиться хозяину.

Однако угрюмый Андрон, судя по всему, его не услышал.

— Через пару деньков загляни, — велел он, бросая шестеренку в общий хлам и поднимаясь с корточек. — Расценки знаешь?

Тот заверил, что знает, и с видимым облегчением поспешил откланяться. Наверное, и сам не ждал такой удачи. Оказавшись за ка-

литкой, остановился перевести дух. Таксист, как и договаривались, еще не уехал. Возле скамьи бродила курица и нежным трепетным голосом просилась в лапшу, а неподалеку встрепанный седенький стасикашка с детским сачком в руках неистово вминал каблуком в грунт какое-то, надо полагать, вредоносное насекомое.

Медведку, что ли, топчет?

Да нет, не медведку — бабочку.

Почувствовав, что на него смотрят, старичок обернулся, удивив наблюдателя выражением яростного ликования на морщинистом рыльце.

— Ну они у меня в будущем попрыгают! — потрясая сачком, злобно пообещал он. — Демократы хреновы!

* * *

Когда за нежелание продать торговую точку Дмитрий Уаров вторично получил по голове, с ним что-то, видать, случилось. То ли мозги ему слегка повредили, то ли потом в палате успокоительным перепотчевали, только вместо того, чтобы испугаться, он вдруг задумался. Точку, правда, продал, но как-то машинально, без сожаления. Притих, приобрел привычку бродить по городу, беседуя вполголоса с самим собой. В иные времена таких провожали жалостливыми или насмешливыми взглядами, теперь же на Уарова посматривали с завистью, не в силах понять, где спрятан сотовый телефон с пешеходной гарнитурой.

Замечено, что постоянное общение упрощает психику. Одиночество же усложняет ее до полной невозможности общаться. Вы не поверите, но для этакого добровольного робинзона каждое слово начинает означать то, что оно означает. Скажешь ему при встрече: «Ну и как твоё ничего?» — а он-то и впрямь примется толковать о зрящности жизни. И ладно бы если только своей!

Или, допустим, поделишься с ним умилением, что вот-де наш православный боксер, выходя на ринг, перекрестился перчаткой, а этот урод возьмет да и прицепится: подставлял ли тот во время боя левую щеку, получив по правой, как подобает христианину?

За внешностью Уаров еще следил, за здоровьем — перестал. Брилсы ежедневно, а вот к стоматологу уже подзабыл дорожку.

Самой сообразительной, естественно, оказалась жена: быстро уяснив, что к чему, незамедлительно перевела недвижимость на свое имя, чего Дмитрий, кажется, не заметил. Как, впрочем, и многого другого.

Грянувшие вскоре исторические события застали Уарова на улице. Распад Суловской области, позиционная гражданская война, выборы первого Президента Суверенной Республики Баклужино — все это происходило при нем, но в памяти как-то не откладывалось. Слонялся, бормотал. Сидишь, бывало, на баррикаде, а он станет аккуратно на линии прицела — и смотрит, смотрит, пока у тебя щекотка в указательном пальце не начнется. Потом махнет безнадежно рукою и побредет дальше.

Как уцелел — непонятно.

Потом добро восторжествовало, из окон первых этажей исчезли мешки с песком, легендарный бронетрамвай занял нынешнее свое место на пьедестале, и в голове Димитрия Уарова тоже вроде бы слегка развиднелось. Очнулся, начал скупать подержаную бытовую технику. Неизвестно, до чего он там додумался, но в решительных скорбных глазах его отчетливо читался приговор самому себе и всему человечеству.

Живи он в эпоху драконовских законов термодинамики — и черт бы с ним! Теперь же, после незамеченного Димитрием государственного переворота, когда чудес стало чуть ли не больше, чем явлений природы, ничто не мешало ударенному по голове бизнесмену обратиться за помощью к тому же Андрону Дьяковатому, на чьей совести уже висели такие чудовищные изобретения, как деноминомет, безынерционная пуля и даже, если верить молве, подслушивающе-расстреливающее устройство, ввинчивающееся непосредственно в наушник телефона.

* * *

Минули условленные два дня.

Как в прошлый раз, пройдя в незапертые сени, Димитрий без стука (поскольку стука все равно бы не услышали) приотворил пухлую дерматиновую дверь.

— К вам можно?

Заплаканная Агата Георгиевна, склонившись над кухонным столом, остервенело раскраивала шмат сала. В тарелке мокли серые огурцы.

— У, варвар! — заклеимила она вошедшего и снова отвернулась.

Тот расценил это как разрешение проникнуть в горницу, где был неприятно поражен присутствием участкового милиционера.

— А вот штрафану третий раз, тогда узнаешь! — грозил участковый Андрону.

— Да? — развязно отвечал ему тот. — А ноу-ноу не хау-хау? За что штрафанешь?

— За движок!

— Ты что, Перфильич, с коня упал? Он и на движок-то не похож...

И впрямь, то, что бесстыдно растопырилось посреди стола, не было похоже ни на что. За одно только отсутствие кожуха невольно хотелось обвинить конструктора в порнографии. Что-то невероятно извращенное мерещилось в этом диком до цинизма сочленении различных деталей.

Впрочем, тут вопрос привычки. Случись так, что пойдет изделие в серию, внедрится в быт, — глядишь, со временем кому-нибудь даже покажется красивым. Нарочно начнут кожухи снимать, чтобы нутро предьявить.

— Не веришь — заказчика спроси, — предложил Андрон.

Перфильич скинул кепи (старого образца, еще с суловским гербом), вытер взмокший лоб и повернулся к Уарову. Лицо у милиционера было алчущее, но усталое.

— Что вы, какой движок? — не дожидаясь вопроса, испуганно сказал Димитрий.

— В заявлении написано: движок! — упрямо стоял на своем Перфильич. — Как теперь отчитываться?

— Как! — передразнил Андрон. — Первый раз замужем? «Такой-то такой-то, такого-то такого-то стукнул мне, такому-то такому-то, что Андрон Дьяковатый собрал контрафактный артефакт. Проведенная мной проверка показала, что собранный механизм таковым не является...»

— А каковым он является?

— Сам, что ли, не видишь!

Участковый кашлянул и покосился на непотребный агрегат. Примерно так завязавший со вчерашнего утра алкоголик косился бы на предлагаемую соблазнителем стопку. Осмотрел, кривясь и хмурясь.

— Куда ж ты рычаг засадил? — ворчливо упрекнул он. — Руку свихнешь, пока до темпоралки доберешься. Умелец хренов! Ладно, твоя взяла... На кухне договорим.

* * *

Еще тогда, в горнице, скинув форменное кепи и обнажив философскую плешь, участковый Перфильич стал заметно человечнее. Дубленое неумолимое лицо его исполнилось здравого смысла и спо-

койной житейской мудрости. А приняв первую стопку, деревенский детектив и вовсе отмяк.

— Мало мне браконьеров с самогонщиками... — бурчал он. — Теперь еще за тобой, Андрон, присматривай...

— Тебе-то чего жаловаться? — заметил тот, разливая по второй. — Прямая выгода...

— А хлопот сколько прибавилось?

— Ну а как ты хотел...

Если человек действительно мудр, ему одинаково близка любая идея и одинаково чужд любой способ ее осуществления. Ибо нет ничего уродливее воплощенной в жизнь мечты.

Так, голосуя за давнего своего дружка, колдуна Глеба Портнягина, известный противоестествоиспытатель Андрон Дьяковатый даже представить не мог, чем для него обернется Глебово президентство. Если раньше, до обретения Баклужином независимости, народному умельцу досаждали одни лишь недобитые академики, публично обличавшие его в шарлатанстве и невежестве, то теперь, когда нетрадиционное изобретательство наряду с колдовством было признано реально существующим, пришлось выйти из тени — напрямую под пристальное око государства.

Для начала вынудили выправить лицензию и обложили еще одним налогом. Дальше — хуже. Оказалось вдруг, что нарушение законов природы тоже должно происходить законным порядком. Хорошо еще участковый Перфильич доводился Андрону сватом, а то бы там не два, все двадцать два штрафа содрали.

— Ты совсем, что ли, не пьешь? — скорее сочувственно, чем сурово, обратился участковый к Димитрию.

— Да не то чтобы совсем... Не хочется.

— Зря. Машинку бы обмыть надо. А то работать не будет.

— Да она в черте города так и так работать не будет, — утешил Андрон.

— Как?! — ахнул заказчик.

— Так, — невозмутимо продолжал Андрон. — Это тебе с ней надо в аномальную зону, куда-нибудь на Колдушку. А в городе — не-ет, не попрет. Я, кстати, завтра до Слиянки на платформе пойду, под парусом... Испытать-то надо... Так что, если хочешь, могу подкинуть.

— Пожалуй, я тоже выпью, — после тревожного раздумья решил Димитрий.

— Давно бы так, — усмехнулся Перфильич, наливая. — А машин-

ка-то тебе все-таки зачем? Да еще и дальнобойная! На комод для красоты поставишь?

— Почему на комод?

— А куда еще? Я смотрю, денег тебе девать некуда...

Ответил Уаров не сразу. Выпил, закусил. Щеки его потеплели, нервозность пошла на убыль.

— Да, пожалуй, что некуда... — уныло признался он. — Зачем они мне там?

Сваты переглянулись.

— А-а... — понимающе протянул участковый. — Вон ты куда метнул... С концами, значит? Ну-ну!

Уаров вздрогнул и в ужасе посмотрел на проницательного собутельника, однако уяснив, что тот ничего ему инкриминировать не собирается, успокоился.

— Странно... — с заискивающей улыбкой (нижняя губа подвернула, верхняя вздернута) отважился он. — За движки штрафуете...

— Велено — штрафует, — насутился сват Перфильич.

— Пространство вокруг них, говорят, свертывается, — нехотя пояснил сват Андрон. — Схлопнуться может... То, понимаешь, не схлопывалось, не схлопывалось, а тут вдруг возьмет да и схлопнется!

— Так ведь машинка-то опаснее, — недоумевал выпивший Уаров. — Я же с ней и президентские выборы переиграть могу, и...

— Ага! Переиграл один такой!

— А почему нет?

— Да кто бы их тогда разрешил, машинки-то!

* * *

Проводив Перфильича, которому еще предстояло накрыть сегодня с поличным своего кума Протаску Худошапова, изобретатель с заказчиком вернулись в горницу, где посреди стола по-прежнему бросало вызов здравому смыслу механическое чудище, в просторечии именуемое машинкой.

— Чего тебе ее в город тащить? — резонно рассудил Андрон, сгребая в брезентовую сумку инструменты с клеймом фирмы «Русская рулетка». — Все равно к утру возвращаться... Чемоданы, если хочешь, забери.

— Лучше я их вам оставляю, — решил Димитрий. — Там же, наверное, запчасти непригодившиеся, еще что-нибудь соорудите...

Андрон хмыкнул, открыл дверцу платяного шкафа, за которой висела рядком одежда на все случаи жизни (ветровка, штормовка, ура-

ганка, тайфунка, землетрясенка), и определил сумку с инструментом в нижний левый угол.

— Много там чего соорудишь! — сказал он, прикрывая дверцу. — Три детальки на донышке...

— Сколько ж она тогда весит? — Дмитрий недоверчиво уставился на то, что попирало собою стол, а заодно все известные законы мироздания.

— Да почти ничего, — отозвался Андрон и, подойдя к машинке, в доказательство чуть приподнял ее за угол одной рукой. Потом с той же легкостью опустил.

— Как же это...

— Долго объяснять... — уклончиво проговорил умелец, почесав в затылке. — Тут, видишь, раз на раз не приходится. Иногда пуд железа потратишь, а в руки возьмешь — семи килограммов не весит... Слушай, может, у меня заночуешь? Я уже сегодня работать не смогу. А одному допивать — тоже как-то не по-нашенски...

— Нет-нет, — торопливо сказал Дмитрий. — Собраться надо, то-сё...

— Чего там собираться-то? Рот закрыл — да пошел!

— Ну и... прихватить кое-что...

Андрон был сильно разочарован.

— Баламуты вы! — с мужской прямоотой объявил он. — Примут по стопке — и врассыпную.

Дмитрий Уаров почувствовал себя неловко.

— А этот ваш кум... то есть не ваш — Перфильича... ну, кого штрафовать пошли... — начал он исключительно с тем, чтобы хоть как-то скрасить отказ. — Его тоже за движок?

— Протаску? — пренебрежительно переспросил Андрон. — Не-ет. Протаску — за ножовки...

— За что? — ужаснулся Дмитрий.

Краем уха он уже слышал, что в последнее время правоохранительными органами Баклужино не раз предпринимались попытки лицензировать садовый инвентарь. Причина заключалась в следующем: местные дачники — народ, известный своей воинственностью и неуступчивостью — согласно указу были разоружены сразу по окончании гражданской войны. И вот, ощутив себя беззащитными, они решили превратить в оружие доселе мирные сельскохозяйственные принадлежности: грабли, культиваторы, шланги. Разработали уникальную систему физических упражнений, подвели под это дело какую-то хитрую философию — и настали для мародеров черные

дни. Милиция, которой дачные грабители традиционно отстегивали часть прибыли, просто не успевала приходить на выручку своим кормильцам. Пока добирались до места (а дороги у нас — сами знаете какие), пожилая огородница с помощью нескольких торфоперегнойных горшочков успевала положить замертво целую группу головокожих экспроприаторов.

А вот что касается нелицензионных ножовок, то о них Дмитрий Уаров, честно сказать, слухом не слыхивал, в чем тут же и признался Андрону.

— Нет, тут другое, — растолковал тот. — Живем-то, почитай, на краю аномальной зоны, сотовая связь, сам понимаешь, никудышная. Как ни достанешь мобилу — он сеть ищет.

— Да, но пилы-то тут при чем?

— Еще как при чем! Ты слушай... Берешь вместе сотик и ножовку, сжимаешь покрепче, чтоб плотней друг к другу прилегли, — вот тебе и добавочная антенна. Чик — и ты уже в сети! Ни разу, что ли, так не делал?

— Нет...

— Темнота городская! Показал я Протаске, как зубцы под определенную сеть затачивать. А закладает он крепко. Ну и вот... Позвонил ему кто-то по пьяному делу, поговорили нормально, хотел он дать отбой — смотрит: а в руке-то у него одна ножовка. Без сотика, прикинь... Ну и народ мигом все усек. Не поверишь: с двуручными пилами наострились в сеть выходить! Телефонов никто не покупает — знай зубцы разводят да перетачивают. А производителям-то это в лом! Думаешь, за движки почему гонять начали? Энергетики ментов натравили!

— А-а... — зачарованно протянул Дмитрий. — Вот оно что! Стало быть, и здесь экономика...

— Ну! А я тебе о чем? Никто никого на бабки не сажает, значит, считай, все дозволено...

* * *

В сених Дмитрий снова столкнулся с Агатой Георгиевной и вежливо с ней попрощался. К своему удивлению, обидных слов он в ответ не услышал.

— Выпьет — мужик мужиком, — со вздохом поделилась она, смахивая слезинку краешком фартука. — А трезвый — зверь. Ничего, кроме железак своих, не видит. Аж подходить к нему боязно. Ты уж завтра утром не запаздывай — он этого страсть как не любит.

Димитрий растерянно поблагодарил хозяйку за добрый совет и вскоре очутился за калиткой, где его давно уже поджидал бывший политик, а ныне деревенский дурачок Аксентьич.

— Далеко собрались? — как бы между прочим осведомился он, отряхивая радужную пыльцу со штанины. Верный его сачок был прислонен к штaketнику.

— В смысле?

— В смысле, в смысле... — уличающе покивал Аксентьич. — Насколько понимаю, вы ведь не движок, вы машину времени заказывали?

— Н-ну... д-да... А вам-то, простите, какое дело?

— Попутчик нужен? — прямо спросил бывший политик.

— Куда?

— В прошлое.

— Господи! — сказал Димитрий, изумленно глядя на престарелого авантюриста. — И вы туда же?

Морщинистое рыльце просветлело, голубенькие глазенки увлажнились.

— Всех бабочек там потопчу... — мечтательно выдохнул Аксентьич.

— И что будет?

Отставной трибун очнулся от грез, оделил невежду сердитым взглядом.

— Диктатура будет, — известил он, строго поджимая губы. — Наша справедливая диктатура. Не сразу, правда. Через миллион лет. Примета такая. Как растопчешь бабочку, так через миллион лет диктатура.

— Не возьму, — решительно сказал Димитрий.

Старикан молча подошел к штaketнику, забрал сачок. Повернулся, загадочно протер глаза.

— А я про вас куда следует сообщу, — ласково пообещал он.

— Да вы уж, кажется, сообщили.

— Еще раз сообщу. Только уже не участковому — вы сейчас водку с участковым пили...

Глава 2. Отрицалы и положили

До станции Обум-Товарный, где в одном из тупиков временно приткнулась парусная платформа Андрона Дьяковатого, их доставил на своем пикапчике тот самый Протаска Худошапов, что затачивал и разводил пилы под сотовую связь. Димитрий хотел полюбопытствовать из вежливости, удалось ли вчера заточнику избежать штрафа,

но, когда выезжали из Колдобышей, оглянувшись, увидел собачку. Лохматая, белая, просвеченная солнцем насквозь, почти до крохотного своего сердечка, она стояла возле бетонного столба и смотрела им вслед.

«Последний раз вижу, — внезапно осознал Димитрий. — Собачку, столб, деревню...»

Осознание отозвалось предобморочной слабостью. Вдобавок сработала дурная привычка, приобретенная Уаровым еще во времена его уличных блужданий: чуть что, прятать голову в философию. Пока ехали до Обума-Товарного, Димитрий успел измусолить проблему как минимум с двух точек зрения. Если каждое мгновение неповторимо, то, куда ни посмотри, видишь все в последний раз. Если же сосредоточиться на том, что он, Димитрий Уаров, уходит навсегда, то собачка, при всей ее трогательности, далеко не последнее из увиденного. Вряд ли парусная платформа обладает высокой скоростью. Стало быть, еще насмотримся.

Предобморочная слабость исчезла, зато грусть сделалась куда пронзительней. Вот почему никогда не следует слушать тех, кто, видя ваш печальный облик, советует отнестись ко всему философски. Они сами не знают, что говорят. Философия способна лишь приумножить скорбь, но ни в коем случае не приуменьшить. Лучше уж выпить водки и получить от кого-нибудь по морде.

Тем временем добрались до места. Андрон велел родственнику (Протаска доводился ему свояком) подогнать пикапчик впритык к железнодорожному одномачтовому. Втроем они быстро перенесли привезенный груз на палубу, после чего водитель, пожелав попутного ветра, уехал, а капитан с пассажиром стали ждать обещанного.

Ждать пришлось до одиннадцати. Уаров сидел на гуде скомканного брезента, видимо, предназначенного стать парусом, и без интереса рассматривал круглую сквозную дырку в настиле — отверстие для одного из четырех болтов, которыми в былые времена крепился демонтированный ныне вечный двигатель, или, как его называют в здешних краях, движок.

Рангоутное оснащение платформы состояло из короткой мачты по центру и косога латинского рея. В целом конструкция сильно напоминала деревенский колодец системы «журавль» и, очевидно, была позаимствована с картинки, изображавшей венецианскую галеру.

— Независимость... — ворчал Андрон, вздевая смоченный слюной палец, в надежде уловить первое дуновение. — Раньше посмотришь, какая погода в столице, и уже точно знаешь, что денька через

два и до нас доберется. А теперь хрен поймешь. Одни на повышение температуры играют, другие — на понижение...

Потом воздух все-таки шевельнулся — и Дмитрию пришлось не только встать с брезента, но и принять самое деятельное участие в подъеме паруса. Серое в заплатках косое ветрило долго хлопало и сопротивлялось, потом наконец вздулось, напряглось, однако платформа по-прежнему пребывала в неподвижности. Андрон спустился по железной лесенке на землю, с минуту отсутствовал, затем настил под ногами дрогнул.

— Поберегись!.. — послышалось из-за борта, и на платформу со стуком упал тормозной башмак.

* * *

Ошибся Андрон с пассажиром, крепко ошибся. Когда ковыляешь по заброшенной железнодорожной ветке на парусной платформе, чем еще заняться, кроме разговоров? Кроме того, каждому ведь хочется, чтобы кто-нибудь со стороны восхитился его работой. Дмитрий же Уаров безмолвствовал. Даже удивления не выразил, что такая махина и вдруг движется под парусом. Хотя, с другой стороны, подобное равнодушие можно было истолковать как безоглядную веру в талант и мастерство умельца: чему дивиться-то? У него и асфальтовый каток курсом бейдевинд пойдет.

А все же досадно. Как-никак под каждый угол платформы по девальватору засобачил. Некоторые ошибочно именуют такие устройства антигравями, но это они по незнанию. Земное тяготение тут вообще ни при чем. Речь идет именно о девальвации единиц измерения, загадочной аномалии, зачастую возникающей самопроизвольно и, что уж совсем необъяснимо, усиливающейся по мере удаления от культурных центров. Физики, во всяком случае, так и не смогли разобраться, почему это на столичных рынках один килограмм весит в среднем девятьсот девяносто четыре грамма, а в провинции — всего девятьсот восемьдесят пять.

В полдень миновали Баклужино, оставив его по правому борту. Постукивали гулкие колеса, над покатым зеленым холмом громоздилась северная окраина столицы. Высотные здания плыли подобно надстройкам океанских кораблей, с величавой неспешностью разворачиваясь и обгоняя друг друга.

— Вот совсем достанут, смастрячу трехмачтовый бронепоезд, — мрачно пошутил Дьяковатый. — Наберу команду — и под черным флагом на Колдушку...

Уаров не улыбнулся. Скорее всего, просто не расслышал. Обесмыслившимися глазами он созерцал маленькую трагедию, разыгравшуюся в десятке шагов от насыпи. Там на двухметровой высоте завис, чуть пошевеливая широкими раскинутыми крыльями, ястреб. А может, и сокол — поди их различи! Кто-то, короче, хищный. А под ним, не зная, куда деться, метался обезумевший от страха воробей. Ну и дometался — сам в когти влез.

Скривив рот, Димитрий повернулся к Андрону.

— Вот она, природа-то, — почему-то с упреком молвил он. — Красота, кричим, красота! А приглядишься — взаимопожиралово одно. Ястреб — воробьишку, воробьишка — кузнечика, кузнечик тоже, наверное, тлю какую-нибудь... Все-таки хорошо, что я неверующий, — неожиданно заключил он ни с того ни с сего.

Ну, слава те Господи! А то уж Андрон начинал опасаться, что спутник его так и промолчит до самой Слиянки.

— Кому? — ухмыльнулся шкипер.

— Что «кому»?

— Кому хорошо?

Пассажир тревожно задумался.

— Всем, — решительно сказал он наконец. — Понимаете... Будь я верующим, я бы возненавидел Творца. Основал бы наверняка какую-нибудь богоборческую секту...

— Чем же это Он тебя достал?

Несостоявшийся богоборец беспомощно оглянулся, но за кормой (видимо, так теперь следовало величать заднюю оконечность платформы) не было уже ни ястреба, ни тем более воробья.

— Ладно, — вдруг разом обессилев, выговорил Димитрий. — Допустим, согрешил человек. Что-то не то съел. Ну вот нас и карай! Но весь мир-то зачем? Того же воробьишку, скажем... Или он тоже какое-нибудь там запретное зернышко склевал? А ризы кожаные?

— Какие ризы?

— Ну, когда Адам с Евой согрешили и листьями прикрылись, Бог им потом кожаные одежды сшил. Так в Писании сказано! Но раз сшил, значит с какого-то зверя шкуру содрал... Стало быть, убил. За что?

Теперь призадумался Андрон. Морально-этическая сторона вопроса не слишком занимала изобретателя, однако найти контраргумент он всегда полагал делом чести. Именно так и завязываются зернышки открытий.

— Почему обязательно убил? — поразмыслив, возразил он. — А Змей? Господь ему как сказал? «Проклят ты перед всеми скотами,

будешь ходить на чреве...» Значит, лапы пообрывал — за соблазн... Наверно, с лап кожу и взял... — Хмыкнул, покрутил головой. — А вот прикопай они тогда огрызок, — сокрушенно добавил он, — глядишь, жили бы мы сейчас в раю. Все оно, разгильдяйство наше баклужинское. Хоть бы урок какой извлекли! А то выйдешь в пойму — опять овраги мусором завалены... Зла не хватает!

Поворот подкрался незаметно. Повизгивая колесами, платформа рыскнула, брезент неистово заполоскал, забился. Еле усмирили.

— Ну вот, как в Него такого верить? — задыхаясь, проговорил Дмитрий, когда парус совместными усилиями был установлен в новом положении. — Нет, уж лучше естественный отбор...

— Ты ж сказал: неверующий, — поймал его на слове Андрон.

— Ну да... неверующий...

— А в естественный отбор?

— Да нет же! — с тоской отвечал Уаров. — Естественный отбор... его нельзя ненавидеть, понимаете? Это бессмысленно, это все равно что ненавидеть таблицу умножения...

— Так ты еще и в таблицу умножения веруешь? — подивился Андрон. — Плохи твои дела. Знаешь, ты кто? По-нашенски говоря, отрицала ты.

— А вы?

— А я положила.

— Это как, простите?

— Ну, отрицалы — это которые все на словах отрицают. Спорят, доказывают...

— А положили?

— Эти не спорят. Эти — молча. Что хотят, то и делают.

— А-а... — сообразил Дмитрий. — Девальватор, например, машину времени...

— Во-во!

* * *

Новостройки окраины помаячили за кормой и сгнули, заслоненные дубравой. Пошла степь.

К двум часам дня ветер опять ослаб. Андрон, бормоча ругательства, уже несколько раз вылезал и что-то подкручивал на ходу то в одном, то в другом девальваторе, выжимая из хитроумных устройств все возможное. Теперь, по его словам, каждый килограмм платформы весил не более десятка граммов, и все же парусник плелся по расширенным рельсам со скоростью усталого пешехода.

— Да нехай катится, — решил наконец Андрон, снова забираясь по лесенке на палубу. — Давай-ка перекусим, пока тихо...

Из рюкзака был извлечен солидных размеров термос, свертки, пакеты. Димитрий испугался, что следующим предметом окажется бутылка, но, к счастью, ошибся. Видимо, Андрон если и брал в поход спиртное, то исключительно на крайний случай.

— Значит, говоришь, зверушек любишь... — вернулся он к прерванному разговору.

— Раньше любил, — со вздохом ответил Уаров, принимая кружку с горячим чаем.

— А теперь?

— Теперь уже не так. Ничем они нас не лучше. Только и знают, что друг друга хрумкать.

— Как воспитаны, так и хрумкают, — утешил Андрон.

Уаров не донес кружку до рта и недоверчиво посмотрел на собеседника.

— При чем тут воспитание? — спросил он, моргнув. — Хищник, он и есть хищник. Не зря же говорят: сколько волка ни корми... Такой же закон природы, как... ну, скажем, закон всемирного тяготения.

А вот подобных слов при Андроне Дьяковатом произносить не следовало. С законом всемирного тяготения у самородка были особые счета. Взбылчился, отставил кружку.

— Слышь! — презрительно выговорил он, подаваясь к Димитрию. — Да ты хоть знаешь, откуда он взялся, этот твой закон? Мало того, что сами все вниз роняем, еще и детишек тому же учим. «Бух! — говорим. — Бух!» А младенчик верит. Вот тебе и тяготение!

Андрон был настолько грозен, что Уаров мигом уяснил всю глубину своей бестактности. Ну что это, вправду, за свинство такое: сам едет на парусной железнодорожной платформе — и сам же толкует о каких-то законах природы! Если на то пошло, природа сама нарушает законы природы — одним только фактом своего существования.

Впрочем, народный умелец быстро взял себя в руки.

— Нет, если, конечно, вверх, тогда еще хуже, — вынужден был признать он. — Улетит — хрен поймает... Поначалу-то новорожденный все видит правильно, а потом начнут переучивать, и у него в головенке верх и низ местами меняются. Вот и медики то же самое говорят... — Андрон потянулся к кружке, отхлебнул чайку, помолчал, недобро усмехаясь. — Коперник этот со своими приколами, — ворчливо добавил он. — И никто, главное, не хочет не то что мозгами по-

шевелить — глаза открыть хотя бы! Ну выйди за порог, сам посмотри, что вокруг чего крутится! Глупый мы народ, доверчивый...

— Но ведь Земля действительно вращается вокруг Солнца, — рискнул возразить Димитрий.

— Да мало ли что вокруг чего вращается! Солнце вон тоже вокруг центра Галактики вращается. Что ж теперь, от центра Галактики отсчет вести? Привязали Землю к Солнцу, как рубль к доллару, и еще чему-то радуемся, придурки... Мы ж не на Солнце живем, в конце-то концов! Раньше вон, при системе Птолемея, посмотришь вверх — и сразу видно, где что. А нынче на бумаге — одно, на небе — другое... А! — И Андрон Дьяковатый в сердцах махнул рукой.

В молчании съели по бутерброду.

— Этак можно и до плоской земли на трех китах дойти, — осторожно заметил Уаров.

— Когда-то так все оно и было, — кивнул Андрон. — А потому что дети родителей почитали! Сказал батяня, плоская земля — значит, плоская. На трех китах — значит, на трех...

— Хм... — озадаченно отозвался Димитрий. — То есть получается: если всем внушить, что наша планета...

— Да запросто! — не дослушав, подтвердил умелец. — В России до девяносто первого года Бога не было, а после девяносто первого взял вдруг и появился. Ты прикинь: Бог! Не абы кто! А тут всего-то делов: одну планетишку сплюснуть. Только кто ж нам такое позволит, — примолвил он, побряхтев. — Думаешь, Америка зря космос осваивает? Это она так шарообразность Земли нам в извилины втирает. Ей ведь, Америке, плоский мир — нож острый: вся как есть со своими хваленными небоскребами на горб киту ссыплется, если, конечно, со стороны Старого Света плющить.

Допили чай, доели бутерброды, оставшееся вернули в рюкзак. Андрон подошел к борту и с удовольствием оглядел еще не успевшую выгореть степь.

— Ну вот и аномалка пошла, — облокотясь на самодельные поручни, заметил он. — Знаешь, что такое аномалка? Это, брат, такие места, куда людские предрассудки не добрались. Или, скажем, выветрились. Душой отдыхаешь...

— А как же «бытие определяет сознание»? — укоризненно спросил Димитрий, облокачиваясь рядом. — Вы с этим тоже не согласны?

— Почему не согласен? — удивился Андрон. — Согласен. А с чем тут не соглашаться? Это ж все равно что «казнить нельзя помиловать»! Поди пойми, кто там кого определяет. — Сплюнул за борт, ус-

мехнулся. — Думаешь, раз в Бога не веруешь, значит, уже неверующий? Настоящий неверующий, чтоб ты знал, вообще ни во что не верит. Даже в то, что Бога нет...

* * *

Ветер так и не усилился. Время от времени из лесопосадок выходил любопытный лис и, замерев, с тревогой смотрел на медлительное колесно-парусное чудище. Потом по просьбе Димитрия Андрон вынул из мешка машинку и начал инструктаж.

— Куда тебе? — равнодушно осведомился он, запуская пятерню в нутро бредового агрегата.

Уаров сказал. Андрон Дьяковатый медленно повернул голову к попутчику, внимательно его оглядел.

— Ох, что-то ты крутое затеял, — промолвил он наконец.

— Что... не достанет? — упавшим голосом спросил тот.

— Достать-то достанет. А ты там выживешь?

— Н-ну... это уж мое дело.

— Ага... — неопределенно отозвался Андрон и, насупившись, снова принялся что-то крутить в механических потрохах. — А с координатами как?

— Известны, более или менее...

— Более или менее... — Андрон только головой покачал, дивясь беспечности своего пассажира. — Имей в виду, наводить будешь сам. Вручную. На глаз. Значит, так...

— Погодите, — прервал Димитрий умельца и полез за блокнотом. — Лучше я запишу. У меня на термины память плохая...

— Термины! — ослабилась тот. — Ну, записывай... Эту хрень видишь? Ее сдвигаешь сюда, сам смотришь в эту вот хренотень, а этими двумя хреновинками...

Растолковывал долго и обстоятельно. Димитрий смотрел и зачарованно кивал, запоминая. Записывать раздумал.

— Во-от, — закончил объяснение Андрон. — Когда нашаришь, кликни. Имей в виду, в аномалку мы въехали, так что машинка уже фурычит. Вполсилы, правда, но ты с ней все равно поосторожнее. Никакой другой фигни не трогай — только ту, что показал. А я, пожалуй, пойду клопика придавлю... После вчерашнего, что ли, разморило...

Солнышко припекало, поворотов не предвиделось аж до станции Красный Воруй. Шкипер бросил на палубу пару старых ватников и возлег в тени паруса, благосклонно поглядывая на старательного Димитрия. Преклонив колени перед машинкой, тот припал

глазом к некоей линзочке и всю уже крутил ручки настройки. Судя по отчаянному выражению лица, дело не ладилось... Ничего. Не боги горшки обжигают. Научится. Андрон повернулся на другой бок и уснул.

Толком однако вздремнуть не удалось. И получаса, наверное, не прошло, а пассажир уже принялся трясти за плечо.

— Что? Уже? Быстро ты... — Шкипер сел, зевнул, хотел протереть глаза — и вдруг насторожился. Колеса побрякивали и постанывали как-то не так. С другой интонацией.

— Я правда ничего не трогал! — испуганно сказал Уаров.

Андрон огляделся. По-прежнему вяло вздувался брезентовый латаный парус, по-прежнему плыла за бортом ровная степь. Только плыла она теперь в противоположную сторону. Навстречу ей в направлении Баклужино, с неправдоподобной неспешностью вздымая крылья, летела ворона. Хвостом вперед.

— Ну да, не трогал... — сердито проговорил Андрон. — Само тронулось...

С кряхтением поднялся и, подойдя к машинке, перевел сдвинутый рычаг в нужное положение. Окружающая действительность застыла на долю секунды и двинулась вновь. На этот раз куда следует.

Глава 3. Тропа войны

Человека на шпалах они заметили издали. С какой-то тряпицей на голове, голый по пояс, он стоял, чуть расставив стоптанные, кривые кроссовки, и, опершись на грабли, терпеливо ждал приближения платформы.

— Ну вот... — промолвил Андрон. — Только их нам и не хватало!

Кажется, шкипер был слегка встревожен.

— Кто это? — спросил Димитрий.

— Дачник.

— Попросит подвезти?

— Да нет... Видишь, голову майкой повязал?

— Вижу. И что?

— Немирной. — Андрон произнес это с таким выражением, что у Димитрия по спине пробежали мурашки. Вынырнувшее из девятнадцатого века опасное словечко было, в его понимании, приложимо исключительно к чеченцам времен генерала Ермолова.

Неумолимо отсчитывая стыки, колесный парусник неторопливо наезжал на голого по пояс незнакомца, но того это, кажется,нисколько не пугало. Лицо под повязкой оставалось безразличным.

— Как бы мы его не переехали...

— Как бы он нас сам не переехал! — Андрон сплюнул за борт. — Отступи-ка подальше. И без резких движений, лады? А то не так поймет — может и граблями порвать... Они ж в основном с мародерами дело имеют. Дикий народ...

Тупорылая платформа уже нависала над дачником. А грабли-то, кажется, и впрямь нелицензионные. Боевые. Грабловище (оно же чивильник) — чуть ли не в человеческий рост, хребет и зубья — кованые, заточенные, чуть загнутые вовнутрь.

Внезапно стоящий на шпалах вскинул свое многоцелевое орудие, уперся в сноп, и тут в глаз Уарову совершенно некстати попала соринка. Так он и не уразумел, проморгавшись, каким образом заступивший им путь огородник очутился на палубе. То ли прыгнул, то ли выыркнулся.

— Здорово, Ильич, — сдержанно приветствовал его Андрон. — Никак на abordаж взять решил?

Названный Ильичом стоял в той же позиции, в какой секунду назад поджидал их на шпалах.

— Сдай назад, Андрон, — угрюмо, даже не ответив на приветствие, проговорил он. — Дальше не пропустим.

Андрон Дьяковатый недобро прищурился. На лице его было написано то, что обычно пишут на заборах.

— А договор? — сквозь зубы напомнил он. — На вилах клялись.

— Во-первых, клялись не мы. Клялось тебе садовое товарищество «Экосистема».

— А во-вторых?

— Во-вторых, считай, что и «Экосистема» клятву разорвала.

— Чем же я их обидел?

Крякнул дачник, насупил. С виду — чуть постарше Андрона, так же коренаст, лицо от долгой борьбы с природой несколько туповатое. В данном случае — туповато-беспощадное.

— Пойми, — отрывисто сказал он. — Мы к властям нисколько не лучше тебя относимся. Только разборки свои с ними затевай где-нибудь в другом месте. А не здесь. Знаем мы, как наши вояки ракетные удары наносят! Сначала все дачи разнесут, а потом уж только, если повезет, в вашу телегу угодят...

— Вояки? — очумело переспросил Андрон.

— Ну, наши вояки, баклужинские. И не вздумай рассказывать, будто он... — последовал небрежный кивок в сторону Дмитрия Уарова, отступившего, как было велено, на самую корму, — тебя

в заложники взял. В городе, может, и поверят, а мы с тобой не первый год знаем... Тебя, пожалуй, возьмешь! Сам потом не зарадуешься...

— Вы там что, до сих пор сады опрыскиваете? Химикатов нанюхались? Какой, в баню, ракетный удар? Какие заложники?

С тяжелым подозрением немирной дачник вперил взор в озверелое лицо Андрона Дьяковатого. Бог его знает, чем бы кончилось это их противостояние, но тут лежащая в углу платформы двуручная пила затрепетала, издав звук, напоминающий утренний птичий щебет. Шкипер молча бросился на звук, схватил инструмент и, чуть изогнув стальное певучее полотно, припал к нему ухом.

— Да! — крикнул он. — Кто? Ты, Протаска?.. — долгая мертвая пауза и потрясенный выдох: — Да ты чо-о?..

Ильич, которому, надо думать, последние новости были уже известны, по-прежнему опершись на грабли, с сожалением оглядывал платформу. Дачники — существа не то чтобы изначально циничные, нет, просто они располагаются по ту сторону добра и зла. Предметы и явления делятся для них по единственному признаку: сгодится оно или не сгодится на дачном участке.

Здесь бы сгодилось все.

Тем временем зубастое стальное полотно в руках Андрона мелодично взвыло на манер гавайской гитары — и онемело. Секунду самородок пребывал в остолбенении, затем швырнул визгливо сыгравшую пилу на место и с искаженным лицом шагнул к парламенту.

— Куда я тебе сдам? — процедил он. — Ветер, глянь, в самую корму.

— Да какой это ветер! Так, сквознячок...

— Хотя бы и сквознячок!

Оба оглянулись. По правому борту сквозь перелесок успели проступить дачные домики, а возле насыпи обозначился тотемный знак садового товарищества «Дикая орхидея», членом которого, надо полагать, и состоял немирной Ильич. Времени на раздумья не оставалось. Либо туда, либо обратно.

— Туда! — решительно сказал дачник. По лбу его ползали слизняками огромные мутные капли пота. Тоже был явно испуган.

— Далеко ты уйдешь при таком ветре! — буркнул Андрон. — Озеро ты шотландское!

Ильич встрепенулся, взглянул на небо, что-то прикинул.

— Ветер обеспечим, — хмуро заверил он.

И спрыгнул за борт.

* * *

— Что случилось? — кинулся Димитрий к Андрону.

Тот пристально рассматривал белесую размазную облаков над ближайшей рощицей.

— Обеспечат они! — проворчал он наконец вместо ответа. — А какой обеспечат? Слева? Справа? Попутный?..

— Что случилось?!

— А? — Шкипер несколько одичало покосился на пассажира. — То и случилось! Болтать меньше надо...

— С кем я болтал?

— С Аксентьичем!

Димитрий судорожно припомнил свой разговор с топтателем бабочек и ничего криминального ни в одном своем слове не нашел.

— А он... что?

— Что-что! Пошел в газету, напел с три короба. Дескать, хочешь отправиться в прошлое — человечество уничтожить, пока не размножилось... А те обрадовались, заголовок на всю первую страницу бабахнули!

Почувствовав слабость в ногах, Димитрий Уаров вынужден был взяться за мачту.

— Как... узнал? — еле выговорил он. — Я же ничего ему...

— По глазам не видно, что ли? — огрызнулся Андрон. — А меня ты вроде как в заложники взял. Вся столица на ухах! Президентский дворец пикетируют. Слово уже такое придумали: хронотеракт.

Тень обреченности набежала на бледное чело пассажира. Димитрий заставил себя отпустить мачту и выпрямился.

— Возвращайтесь, Андрон, — твердо сказал он. — Вы заложник, вас не тронут.

— Ага!.. — язвительно откликнулся тот. — А то я не знаю, как захват проводят! Сначала заложников перебьют, чтоб не застали, а там уж за террористов возьмутся...

Дальше разговор пришлось прервать, поскольку дачники обещание свое сдержали. Черт их знает, как они это сделали, но уже в следующую минуту со стороны Баклужино пришел первый порыв, и дряхлая платформа повела себя подобно подскипидаренной кляче: пошла вскачь, еле удерживая колею в ребордах разболтанных колес. Пришлось с риском для жизни срочно подкручивать девальваторы, чтобы чуть увеличить вес и прижать обезумевшую старушеницу к рельсам.

Только теперь стало ясно Андрону, до какой степени изношено его верное транспортное средство. Возможно, оно и раньше скрипе-

ло, дребезжало и брякало, как расхлябанный дощатый ящик с пустой стеклотарой, но в те добрые старые времена эти нежелательные звуки не бывали слышны за уханьем и грохотом вечного двигателя.

— Лишь бы брезент выдержал! — проорал Андрон, растравливая гика-шкоты (так он, во всяком случае, это называл).

Пассажиры испуганно молчали. Команды, однако, выполнял с великой расторопностью, очевидно, стараясь хотя бы таким образом заглаживать свою вину.

Домики садового товарищества «Дикая орхидея» канули в кильватере. Справа бурлили лесопосадки, слева волновались поросшие камышом заливные луга — бывшие уголья хозяйства Красный Воруй. Саму станцию террорист с заложником проскочили железным галопом по стыкам — дыгдым, дыгдым. Собственно, станции как таковой давно уже не было — так, оземленелые, поросшие травой фундаменты да торчащая кое-где из земли ни на что не годная ржавь. Удивительно, однако, что при всем при том рельсы и шпалы не только уцелели, но и пребывали в относительно исправном состоянии. Суеверные люди искренне полагали, будто о путях заботятся две бригады нечисти, известной в народе под именем моторыжек. Лица, более склонные к рациональным объяснениям, предпочитали думать, что причина таится в завихрениях торсионных полей, свойственных лобой аномальной зоне.

По мере удаления от дачных территорий ветер помаленьку утрачивал свирепость, разболтанный одномачтовик уносило все дальше и дальше в направлении Слиянки, шума стало поменьше, можно уже было перекликаться, не напрягая голосовых связок.

— Может, все-таки остановимся, сдадимся властям? — вот уже третий раз взволнованно предлагал склонный к самопожертвованию Дмитрий.

— Не дрейфь, юнга! — с грозным весельем рычал на него Андрон. — Из каждого безвыходного положения есть выход в еще более безвыходное...

Вскоре стало и вовсе не до разговоров — сразу за Красным Воруем рельсы вновь принялись вилять, ветер нажимал то справа, то слева, маленькая команда выбивалась из сил, борясь с толкучим брезентом, так и норовившим отправить тебя либо за борт, либо в нокдаун.

— Послушайте, Андрон...

— Отстань!

— Но это очень серьезно...

— Отстань, говорю!

Наконец после очередного маневра возникла малая передышка, и тут как на грех опять затрепетала, шебеча по-птичьи, двуручная пила.

— Да! — крикнул Андрон, припав ухом к выгнутому полотну. — Слушаю... — Затем лик шкипера стал ужасен. Как у царя Петра перед Полтавской битвой. — А ты чего на меня наезжаешь?.. Чего наезжаешь, говорю? Я вообще заложник — какой с меня спрос?.. Не заложник?.. А кто? Сообщник?.. Ну, значит, и ты сообщник!.. Да? А кто вчера водку с нами пил?.. Того!.. Того, говорю!.. За стукачами своими приглядывать надо, вот чего! Чтоб по газетам меньше бегали!

Наконец шкипер выругался и дал отбой. Сделал он это весьма своеобразно, шелкнув ногтем по одному из зубцов. Затем неистово повернулся к Димитрию, давно уже дергавшему спутника за латаный рукав старенькой тайфунки.

— Сказал, отстань! Некогда!

— Да послушайте же, Андрон!..

— Достал ты меня! Ну, что?

— По-моему, за нами погоня.

— Где?! — не поверил тот. Двуручная пила с вибрирующим визгом полетела в угол.

— Вон, вон... Красный Воруй проходят... Сейчас из леска покажутся...

Не проронив ни слова, Андрон Дьяковатый выхватил из рюкзака бинокль, отрегулировал, всмотрелся — и на каменном капитанском лице случилось нечто вроде оползня.

— Ну-ка глянь, — сказал Андрон, дрогнувшей рукой протягивая бинокль Димитрию.

Тот припал к окулярам. Сильно увеличенная местность прыгнула, метнулась, а затем Димитрий Уаров увидел преследователей. Вопреки ожиданиям за ними гналась не дрезина и даже не автототриса. Противарь глаза не имело смысла. Станцию Красный Воруй проходила одинокая железнодорожная платформа под косым брезентовым парусом.

— Это... мы?!

— В том-то и дело... — буркнул шкипер.

Лицо пассажира оступело, но тут же прояснилось.

— Парадокс... — благоговейно выдохнул он. Порывисто повернулся к Андрону и был озадачен гримасой угрюмого непонимания, с которой тот вглядывался вдаль.

— Андрон! Да ведь все просто! К вечеру мы встретимся... ну, скажем, с группой захвата, и вы, чтобы с ней разминуться, надо полагать, отбросите нас на полчаса... на часик назад...

— Да? — проскрежетал Андрон. — А будильник ты кувалдой починить не пробовал? Ты мне какую машинку заказывал? Дальнобойную одноразовую... Ишь! На полчаса ему отскочи!

— Н-но... отскочили же... — пролепетал Димитрий, тыча биноклем в сторону Красного Воруя.

Андрон Дьяковатый, не отвечая, играл желваками.

— И потом... — робко добавил Уаров. — В прошлый-то раз... когда я не тот рычажок тронул...

— Это она прогревалась, — буркнул Андрон.

Вот тебе и отрицала-положила! Вот тебе и неутомимый борец с законами природы! Машинка у него, видите ли, не того класса... Стоило, спрашивается, нарушать общепринятые правила, чтобы потом неукоснительно и слепо соблюдать свои собственные?

И всегда ведь он так! Взять те же ножовки. Придешь к нему, попросишь развести пилу на две сети сразу — куда там! Упрется, как баран: нельзя — и все тут. А почему нельзя? Попробуй хотя бы!

* * *

Несмотря на то, что участок пути предстоял непростой, Димитрию выпало на долю бороться с парусом в одиночку. Андрону было не до того. С потемневшим от дум лицом он, как присел на корточки перед машинкой, так в этой позиции и околел.

— Ч-черт... — бормотал он время от времени, трогая невероятные узлы и сочленения. — Ну вот как ее перенацелишь? Перебирать — это день работы...

Вечерело. На западе тлели лилово-розовые космы циклона — этакая спиральная галактика, только из облаков. Армейский вертолет возник именно оттуда, вылупился чуть ли не из самого ее центра. Платформу пилот заметил сразу. Да ее нельзя было не заметить — лесопосадки как нарочно шарахнулись от полотна, выдав мишень в лучшем виде.

— Как же я это сделал?.. — бормотал Андрон.

Стало шумно. Серый в яблоках вертолет заходил на цель.

— За борт! — взвизгнул Димитрий, видимо, решивший окончательно присвоить роль капитана. — Всем за борт!

— Но ведь сделал же как-то... — бормотал Андрон, по локоть погружая руку во чрево невообразимого механизма.

На секунду вскинул глаза — посмотреть, далеко ли вертолет. Тут-то и был дан по ним первый залп. Без предупреждения. Оба плавничка боевой машины окутались дымком, а мгновение спустя последо-

вал разрыв по правому борту. Платформу трянуло, накренило — и команда одномачтовика, съехав по наклонному настилу, вцепилась кто чем в дощатое ограждение.

Какое-то время парусник, как балансирующий слон, стоял на одних только левых колесах, словно бы раздумывая, в какую сторону податься. Предпочел правую — и, тяжело рухнув, выправил крен. Андрона с Дмитрием подбросило, затем вновь уложило на палубу. В глаза ударил яркий солнечный свет, и возникло такое ощущение, что обоих членов экипажа поразила внезапная глухота...

* * *

Брезентовый парус трепался со звуком топота многих ног, под настилом изредка, вразнобой побрякивало, платформа, покряхтывая, прикидывала, не проще ли развалиться, и однако же сравнительно со всем предыдущим это казалось тишиной.

Дмитрий, не зная еще, жив он или мертв, заставил себя подняться на четвереньки и взглянул поверх борта. Вместо предательской пуштоши, на которой их только что накрыли ракетным ударом с вертолета, глазам его вновь предстали залитые ярким послеполуденным солнцем окрестности Красного Воруя. Издырявленный и покореженный одномачтовик, замедляя ход, катился в направлении станционных руин, до которых оставалось метров триста. Воздушных сил противника в небе не наблюдалось.

Судя по всему, их отбросило в прошлое часа на полтора, а то и на два.

— Ну! — оживая, вскричал Дмитрий. — Говорил я вам?

Андрон Дьяковатый, сидя на палубе, ошалело разглядывал нечаянно выхваченную из недр машинки деталь. Наконец крикнул и сунул в карман тайфунки.

— Чтобы у вас — да не получилось? — торжествовал Дмитрий.

Андрон насупился. Как и всякий мастер своего дела, незаслуженной славы он не желал.

— Я-то при чем? — буркнул он, с трудом поднимаясь на ноги. — Что-то, видать, перемкнуло... от сотрясения... Всяко бывает...

— Как это?

— Мы ж в аномальной зоне, — напомнил Андрон. — Тут и не такое еще случалось. — Спешно принял озабоченный вид, оглянулся. — А эти дурики где?

— Какие?

— Ну... мы.

В бинокле выбило осколком одну линзу. Но и с помощью того, что осталось, быстро удалось высмотреть в паре километров впереди целехонькую платформу под брезентовым парусом, бойко бегущую на рандеву с вертолетом.

— А нам теперь куда? Вперед? Назад?

— Вперед, — подумав, сказал Андрон. — Там сразу за Ворумом заросли... ну, мы их с тобой недавно проезжали. Там и переждем.

* * *

Там и переждали. Высокие дебри уникального баклужинского кустарника, известного местным дендрологам как ива смеючая, подступали здесь почти к самой насыпи. Не то чтобы идеальное место для укрытия, но и не та плешь, где их чуть не разнесли в щепки. Издырявленный парус сняли, расстелили на палубе. Изучив повреждения, помрачневший Андрон сбежал по железной лесенке на твердую землю. Злобно прищипывая, долго ходил вокруг платформы — считал пробоины. Наконец махнул рукой и велел передать с борта старое байковое одеяло и рюкзак.

Путники расположились на травке и приступили то ли к ужину, то ли к обеду, ибо вечер по второму разу еще не настал. Уаров боязливо поглядывал на шкипера, ожидая упреков. Нет, не за чрезмерную откровенность с заведомым стукачом (откровенности там и в помине не было), а исключительно за то, что несуразное чудовищное вранье старого клеветника оказалось на поверку чистой правдой.

Вопреки расхожему мнению, человечеству не следует бояться злодеев. Злодей никогда не додумается уничтожить род людской в целом, поскольку это его естественная среда. Злодействуя, он живет по ее законам. Зачем же выбивать почву у себя из-под ног? Останешься один — над кем злодействовать будешь?

Иное дело — тихие собиратели истины по кусочкам. Вот от этих извращенцев можно ждать чего угодно. Что им человечество, если они к нему, по сути, уже не принадлежат? Такое же взаимопожирало-во, как и дикая природа.

Упреков однако не последовало, и пассажир осмелел настолько, что решил вообще не касаться щекотливой темы.

— Скажите, Андрон, — поколебавшись, обратился он. — А машинки ближнего прицела вам тоже приходилось собирать?

— Только их и собираю, — признался тот. — Самый что ни на есть ходовой товар... Был, — со вздохом добавил он. — Теперь еще и за машинки штрафовать начнут! А все Аксентьич... джип его задави!

Уаров вновь почувствовал себя виноватым, но Андрон уже замолчал.

— То есть получается, — выждав приличное время, отважился Димитрий, — что вы даете в руки кому попало страшное оружие... Нет, вы не улыбайтесь! Именно оружие. Я это только сейчас понял, после налета. Пусть даже, вы говорите, все вышло случайно.

— Слышь, — утомленно отозвался даже и не думавший улыбаться Андрон. — На сознательность не дави, да?.. Самоубийцам такое оружие продавать! Первую-то свою машинку я, между прочим, для себя ладил. Жизнь свою думал поправить...

— Поправили?

— Ага, поправил! Жди... Знаешь, что оказалось? Чем больше курочишь прошлое, тем хуже в настоящем. Жизнь, она, брат, всегда только с первого раза и выходит. Вот, скажем, поскользнулся ты на гололеде, палец свихнул. Ага, прикидываешь, а вернись-ка я в тот день и ледышку эту обойду... Начнешь обходить — ногу сломаешь. Ну и так далее... Пока шею не свернешь.

— Не может такого быть!

— Вот и клиенты то же самое говорят. Предупреждаешь их, предупреждаешь... Мне, если хочешь знать, заказ от министерства обороны поступал. От того еще, от суловского. Ну, испытали они машинку. В полевых условиях. Продули пару маневров — враз все поняли. Больше не обращались.

— Думаете, и с дальнобойными то же самое? — забеспокоился Димитрий. — Их, кстати, часто заказывают?

— Реже... Так, придет какой-нибудь чудик вроде тебя. История ему, вишь, не угодила, улучшить надо. Ну, сделаешь...

— И что?!

Андрон неопределенно повел бровью.

— А то сам не видишь, в каком государстве живем! Исправлялы хреновы...

— И вы тем не менее их собираете? Машинки?

— Я один, что ли? Полдеревни так подрабатывает. Жить-то надо... Семью кормить надо. С неба не падает...

Димитрий Уаров механически открыл рот, намереваясь откусить от бутерброда, и надолго задумался.

— Минутку! — внезапно вскричал он. — Как же вы говорите, будто, изменяя прошлое, портишь настоящее? Мы же с вами только что из-под обстрела выбрались! Опасности избежали!

Андрон зловеще ухмыльнулся.

— Это кто ж тебе сказал, что избежали? Погоди, пожалеешь еще, что выбрались.

* * *

Вечерело. Второй раз за день. На западе в прогале между ветвей тлели все те же лилово-розовые космы циклона, этакая спиральная галактика, только из облаков. Внезапно Андрона подбросило с земли.

— Эх! — выдохнул он, стискивая кулачищи. — Как же я, недотепа, сразу-то не смикитил... Подъем! Резко разгружаемся!

— Зачем? — не понял Димитрий.

— Затем! Вот-вот вертолет появится!

— Ну и что? — продолжал недоумевать Димитрий. — Мы-то здесь, а не там...

— Так пилот-то ведь не слепой! — рявкнул Андрон. — Увидит сейчас, что цель пропала! Не взорвалась, не развалилась — пропала! Хорошо, если сразу на базу полетит. А ну как сообразит на всякий случай местность обшарить? Думаешь, нас сверху не видать? По платформе и ударит...

Оба кинулись к многострадальному паруснику. Сначала сняли и отнесли подальше машинку, потом инструменты и прочее барахло. Начали таскать что помельче. К тому времени на западе давно уже гулял отдаленный гул.

— Сейчас он нас там ка-ак... — предвкушающе начал Андрон.

Действительно, секунд через пять вдалеке раздался сдвоенный взрыв, потом еще один. Услышав грозные эти звуки, Уаров замер, вытаращил глаза — и вдруг ни с того ни с сего припустил по шпалам в сторону Красного Воруя.

— Куда? — отчаянно крикнул Андрон.

Добежав да поворота, Димитрий остановился и, как бы не веря своим глазам, затряс головой.

— Назад!

Не услышал. Пришлось бежать следом.

— Жить надоело?!

Уаров хотел что-то сказать, но Андрон уже волок его к ближайшим зарослям ивы смеючей. Толкнул на землю, под сень глумливо изогнутых ветвей, упал рядом.

— Ну и куда тебя понесло?

Димитрий ошарашенно озирался и облизывался, как нервный кот.

— Ну, мы же там... — судорожный кивок в западном направлении, — исчезли... Значит, должны появиться здесь... А... а где же?..

— Мы здесь появились полтора часа назад, — пытаюсь не растерять последние крохи терпения, растолковал Андрон.

Судя по жалобному выражению лица, объяснение усваивалось с трудом. Впрочем, степень сообразительности Димитрия занимала в данный момент шкипера меньше всего. На всякий случай придерживая впечатлительного попутчика за плечо, Андрон Дьяковатый прислушивался к гулу двигателя. Вертолет несомненно удалялся. Вскоре его не стало слышно совсем. Они выждали еще минут десять. Одно из двух: либо пилот счел отсутствие останков платформы за результат исключительно точного попадания, либо даже не удосужился убедиться в наличии внизу трупов и обломков.

Наконец оба выбрались из укрытия и зашагали в сумерках по шпалам к поврежденному паруснику.

— Вояки... — ворчал Андрон. — Как же они нас защищать будут, если даже разбомбить не смогли?

Глава 4. Весь в белом

Пока снова перегружали скарб на палубу, сумрак сгустился окончательно. Оставлять на ночь вещи в рощице было, по словам Андрона, рискованно и неразумно. Платформа приткнулась в опасной близости от садового товарищества «Экосистема», а у каждого истинного дачника, как известно, с годами в мозгу развивается особый орган, чутко реагирующий на любой брошенный без присмотра предмет в радиусе нескольких километров. Отчасти именно по этой причине исчезла когда-то с лица земли заброшенная железнодорожная станция Красный Воруй.

В пруду неподалеку заседал лягушачий парламент. Скрежетал спикер, взволнованно скандалила оппозиция. Ночка выдалась светлая, лунная. Спасаясь от комарья, путники развели костерок.

— Высовываться отсюда нам пока нет резона... — сосредоточенно излагал Андрон. — Рельсы впереди, я полагаю, взорваны. Как-никак четыре ракеты засадил, козел...

Димитрий внимал, изредка кивая и отмахиваясь от отдельных особо отчаянных комаров. На грани слышимости трепыхался в ночи собачий лай.

— Утром туда могут сбросить десантуру... — неторопливо продолжал Андрон. — Или броневишки пригонят...

— Удостовериться, что мы ликвидированы?

— Что ты ликвидирован. А я трагически погиб. От руки террориста, понятное дело... Наверняка оставят оцепление.

— Зачем?

— А иначе фанаты набегут. За реликвиями.

— Чьи фанаты?

— Твои... Ты что ж думаешь, после того, как пресса хай подняла, ни одного идиота не найдется? Наверняка уже портреты из газетки вырезают, на стенки вешают... Чего ты там собирался? Человечество уничтожить? На такое — да чтоб не клюнули...

Димитрий пришибленно молчал. К парламентским прениям лягушек добавился прерывистый птичий щебет.

— Ну вот, — недовольно сказал Андрон. — Опять кто-то прорывается. Поди принеси...

Уаров послушно встал и направился, отбиваясь от комарья, к серой, словно бы запыленной лунным светом, платформе. Какие-то смутные клочки мрака метнулись под днище и попрятались за колеса. Возможно, те самые моторыжки, что, по верованиям местных жителей, следили за исправностью путей. Слышно было, как Димитрий взбирается по лесенке, чем-то громыхает, тихо чертыхается. Наконец искомое было обнаружено, и пассажир вновь возник у костерка, бережно держа обеими руками трепещущую двуручную пилу.

— Ну?.. — устало осведомился Андрон, активировав полотно. — Чего реवेशь?.. Разбомбили?.. Кого разбомбили?.. Нас?.. А куда ж ты тогда звонишь, если разбомбили? На тот свет?.. Пьяный, лыка не вяжет... — отняв на секунду ухо от чуткой стали, с усмешкой сообщил он Уарову. — А откуда знаешь?.. Через плечо!!! Откуда знаешь, что разбомбили?.. По радио слышал?.. Значит, так... Кончай реветь! Кончай реветь, говорю!.. На ногах держишься еще? Пойди сейчас к Георгиевне, скажи: пусть не надеется — со мной все в порядке... Э! Э! Шутка не понимаешь? Про «пусть не надеется» не говори... Просто: в порядке, мол... Ну все! — Звонко щелкнул ногтем по зубцу, отключился.

— Протаска? — понимающе спросил Димитрий.

— Нет, Перфильич... — Андрон отложил пилу на травку, машинально отстранил комара. — Ну что ж... — задумчиво молвил он. — Тогда одной заботой меньше. До завтра мы с тобой — официальные покойники, и ловить нас никто не будет. А вот завтра... Увидят, что ни обломков, ни трупов, рельсы одни покореженные... — Шкипер потер широкий подбородок, прикинул. — Хотя... Что ж они, дурачки, о неудаче докладывать, когда уже об удаче доложено? Да и Порт-

нягин проверять не станет — оно ему надо? Разбомбили и разбомбили...

Прозрачный дымок поднимался к черному ясному небу и таял меж звезд.

— Вы, правда, были знакомы с Президентом? — несмело полюбопытствовал Уаров.

— Было дело, — нехотя отозвался Андрон. — Да он тогда еще сопляк был...

— И что вы о нем можете сказать?

Андрон подумал.

— Баламут, — неодобрительно обронил он. — Никогда ничего на место не положит...

— Неужели его нисколько не волнует: обезврежен я, не обезврежен?

— Чего ему волноваться? Шум в прессе погасил — и хорош!

— А вы? — Кажется, Уаров был не на шутку уязвлен таким невниманием. — Вы, Андрон! Вам тоже не интересно, что я на самом деле затеваю? Да и родственник ваш, участковый! «На комод для красоты...» Знаете, если бы не этот наш отскок по колее, я бы решил, что вы надо мной просто... прикалываетесь! Собрали из железок, — Димитрий гневно пожевал губами, — Бог знает что...

Нисколько не обидевшись, Андрон сорвал пучок травы и кинул в костер — дымок прибавить.

— Чего шумишь-то? — кротко осведомился он. — Действует машинка? Действует. Чего тебе еще надо?

— Но вы же сами видели! — Димитрий вскочил и, облапанный алыми бликами костра, стал похож на Арлекина. — Изменения происходят именно в нашем с вами времени! А не в каком-то там... параллельном. А если я и вправду задумал уничтожить человечество?

— Попробуй, — равнодушно отозвался шкипер. — Вдруг получится...

Секунды три Уаров пребывал в ошеломлении, потом обмяк и вновь осел на травку.

— Я все понял, — с горечью уличил он Андрона. — Вы нарочно меня поддразниваете, чтобы я почувствовал неуверенность и сам отказался от своих планов... Что ж, это мудро, — страдальчески усмехнувшись, признал он. — Гораздо мудрее, чем гвоздить ракетами с вертолета.

Нахохлился и умолк.

Андрон возлежал у костерка, опершись на правый локоть, поэтому пожать ему удалось одним лишь левым плечом.

— Я ж тебе сегодня рассказывал уже, — скучным голосом напомнил он. — Почему хотяб прошлое изменить? Потому что в настоящем добра себе желают. Себе, стране, роду людскому. А получается навыворот. Хуже и хуже...

— Почему?

— А в жизни завсегда так получается. Вот я и думаю: если ты какую пакость затеял, вдруг оно все к лучшему обернется?

* * *

О том, чтобы продолжить путь завтра, даже и речи не шло. Залатать парус, проверить состояние осей и колес, сходить на разведку к поврежденному ракетами участку дороги, проверить (а если надо, то и перебрать) четыре девальватора и машинку — один этот перечень предстоящих дел свидетельствовал, что у Красного Воруя путешественникам предстоит осесть на сутки, а то и на двое.

Постели устроили на палубе — поближе к сваленным возле мачты вещам. Спать пришлось в накомарниках.

Пробуждение ознаменовалось таинственным и весьма тревожным событием: одновременно выпутав головы из плотных зеленых сеток, Андрон и Димитрий увидели неподвижно стоящего на борту платформы рослого незнакомца. Его белая дзюдогама казалась розовой в лучах восходящего солнца. Лицо же... Собственно, в данном случае стоило говорить лишь о левой половине лица, поскольку правая представляла собой сплошной шрам: то ли результат тяжелейшего ожога, то ли печально известного таежным охотникам медвежьего поцелуя, когда вставший на дыбы зверь берет вас в объятия и единым лобзанием как бы схлебывает вашу физиономию, оставляя в лучшем случае висящие на ниточках глаза.

Очень неприятное зрелище.

Секунду незнакомец молча смотрел на оцепеневших путников, затем исчез. Если прыгнул наземь (а куда еще?), то надо признать, что сделал он это совершенно бесшумно.

Димитрий кинулся к борту, но был остановлен коротким властным: «Стоять!» Хмурый Андрон, для которого подобные переделки, видимо, стали уже чем-то привычным, вручил напарнику плотницкий топорик, сам вооружился небольшим гвоздодером и знаками велел переместиться на противоположный конец платформы, причем осторожно, опасаясь атаки снизу. Не исключено, что незванный гость укрылся под настилом, откуда мог выстрелить или чем-нибудь ткнуть. Пробоин в днище хватало.

Заняв исходную позицию в носовой части судна, Уаров оглянулся. Андрон уже стоял на корме. Выждав мгновение, шкипер дал команду. Оба одновременно соскочили в разные стороны — сначала на сцеп, потом — как можно дальше — на трухлявые шпалы. Обернулись, присели. Вроде бы под платформой никто не прятался.

Выпрямились, огляделись. Нигде никого.

Трудно сказать, насколько такой маневр был оправдан. Разумеется, предполагаемый противник при всем желании не смог бы оказаться сразу на двух разных концах платформы. Зато ему представлялась прекрасная возможность расправиться с каждым поодиночке.

— Дачник? — спросил Димитрий, когда они сошлись с Андроном на том самом участке насыпи, куда, по идее, спрыгнул ужасоликий незнакомец.

— В дзюдогаме?

— Да они в чем только не ходят!

Андрон подумал.

— Нет, — бросил он. — Я их тут почти всех знаю. Таковую рожу я бы запомнил.

— Тогда кто? Спецназовец?

— Спецназовцы — в камуфле.

Теперь озадачились оба.

— Может, из этих... из фанатов? — предположил Димитрий.

— Хм... — сказал Андрон. — С одной стороны, не тронул. Хотя мог... С другой, вроде бы рановато еще для фанатов. Ты вообще длину этой ветки представляешь?.. Впрочем... смотря как по ящику общили. Если «между Красным Воруем и Слиянкой», тогда — да. Тогда вычислить недолго...

— Чем же он сюда добрался?

— А черт его знает!..

Полные недобрых предчувствий, позавтракали и принялись за дело. Димитрия Андрон усадил чинить парус, а сам занялся осями и колесами. Вопреки опасениям, жизненно важные узлы уцелели. Видимо, выручили девальваторы. Одно дело, когда на рельсы рушится туша в несколько десятков тонн, и совсем другое, когда тот же вес идет чуть ли не как одна тысячная к номиналу. Остальные-то качества (прочность, упругость) сохраняются.

Примерно к половине девятого ремонтные работы были прерваны гулом авиационных двигателей. Кажется, многоопытный Андрон и здесь оказался прав: по всей вероятности, на место вчерашней антитеррористической операции сбросили десантуру. Пришлось опять

подхватываться и в третий раз перетаскивать пожитки с места на место. Естественно, что ни один вертолет не появился над Красным Воурум. Вот если бы оставили груз на платформе — тогда, конечно, другое дело. Тогда бы появился обязательно.

Рискунули выбраться на бугор, но ничего оттуда не высмотрели. А когда уже шли обратно, начались события, Андроном не предсказанные: со стороны Слиянки послышалась густая пальба. Такое впечатление, что на исковерканных железнодорожных путях шел нешуточный бой за останки трагически погибшего экстремиста.

— С кем это они? — вслух гадал Димитрий. — И кто?

Андрон хмурился и, надо понимать, гадал про себя.

К полудню стрельба утихла. Пришла пора обеда. К тому времени парус был залатан, колеса и оси — проверены. Но поесть спокойно так и не дали: на западе снова завывало, затрещало, заухало.

— Ну теперь точно всю насыпь разворотят... — упавшим голосом заметил Димитрий.

— Может, для того и затеяли, — посопев, ответил Андрон. — Концы спрятать. Поди потом разбери: была там платформа, не было...

После трапезы настал черед более тонких механизмов. Умелец вожился с машинкой, раскладывая детали на газетке, а клиент сидел рядом и, затаив дыхание, следил за священнодействием. Иногда позволял себе деликатно подать голос.

— Скажите, Андрон... Мы ведь сейчас, вы говорите, в аномальной зоне и довольно близко к эпицентру...

— Умгу... — мычал Андрон, состыковывая нестыкуемое.

— То есть, если все окажется в порядке, я смогу отправиться прямо отсюда?..

— Смочь-то сможешь, а куда? Ты сначала на цель ее наведи, а тогда уж... Вот переберу, проверю — будешь опять эти хренотеньки крутить, пока не нашаришь, что там тебе нужно.

— А если не нашарю?

— Значит, на комод поставишь. Для красоты.

На бледном лице пассажира отображался испуг.

— А у других? Получалось?

— Бывало, что и получалось...

Уаров малость успокаивался и почтительно умолкал, не смея более отвлекать. Ненадолго, правда. Минуты на две.

— Скажите, Андрон... Это ко вчерашнему нашему разговору. Вот вы сказали, что любая попытка исправить прошлое ухудшает настоящее...

— Умгу...

— И, стало быть, по-вашему, возможно обратное? Скажем, я сознательно хочу исковеркать прошлое, а настоящее в итоге улучшается?

— Почему нет?

— Но... это проверял кто-нибудь?

— Вот ты и проверишь.

— А вы сами? Неужели ни разу... в порядке эксперимента...

Андрон насупился, свинтил воедино запчасть от будильника с запчастью от кухонного комбайна и придирчиво осмотрел получившееся.

— Будя! — прогудел он. — Наэкспериментировался. Что я тебе, собака Павлова?

Покосился на Уарова — и замер, увидев что-то за его плечом. Дмитрий резко обернулся. Возле корявого ствола вербы неподвижно стоял и молча смотрел на них утрешний гость в дзюдогаме. Обоих снова ужаснула изуродованная половина лица незнакомца, похожая на схватившийся как попало гипс. Правый глаз напоминал червоточину.

Топорик и гвоздодер, по уговору, лежали рядом. Но пока вскакивали на ноги, таинственный соглядатай, по-прежнему не говоря ни слова, отступил за древесный ствол.

Двинулись к вербе, обходя ее с флангов, и никого за стволом не обнаружили. Может, в кроне засел? Вскинули головы. В белой робе среди зелени не спрячешься. Дупла вроде тоже нету...

— Клоун! — с отвращением подвел окончательный итог Андрон. — Нашел место ниндзю из себя корчить... И время...

При слове «время» Уаров встрепенулся.

— Слушайте... А вдруг у него тоже машинка? Вдруг это за нами следят откуда-нибудь... оттуда.

— Да за просто, — безразлично согласился Андрон. — Вот почему я и не дергаюсь. Какой смысл? Ну изменишь ты прошлое! Все равно ведь потом из будущего придут и по-своему перекурочат...

* * *

Эйфелева башня свела с ума не только Мопассана — она еще пыталась свести с ума и нашего Льва Толстого.

«Без всякой, какой бы то ни было надобности, — сокрушался граф, — составляется общество, собираются капиталы, люди работают, вычисляют, составляют планы; миллионы рабочих дней, пудов железа тратятся на постройку башни; и миллионы людей считают

своим долгом взлезть на эту башню, побыть на ней и слезть назад; и постройка, и посещение этой башни не вызывают в людях никакого другого суждения об этом, как желание и намерение еще в других местах построить еще более высокие башни. Разве трезвые люди могли бы это делать?»

Если не углубляться в тонкие материи, классик прав во всем, включая последнюю фразу. Но откуда ж ему было знать, что, считая себя созидателем, человек сильно переоценивает собственную роль. На самом деле мы ничего не изобретаем, это изобретения используют нас в качестве родовспомогательного средства. Ну как еще, скажите, платоновская идея может воплотить себя в жизнь? Только пробравшись тихой сапой в наши извилины. В скандальном случае с Эйфелевой башней Мопассану было отчего сойти с ума, поскольку идея телевышки по недосмотру пустила корешки в мозгах раньше, чем идея передатчика.

Первый раз она пустила корешки еще в Вавилоне. Вот, кстати, где жуть была! Не то что о телевидении или там о радио — об электричестве народ понятия не имел. А они — башню строить! Глянешь на этот самый столп — чуть язык родной с перепугу не забудешь. Некоторые, кстати, забывали. Заговоришь с таким, а он лопочет в ответ не разберешь по-каковски...

Так вот, в отличие от яснополянского мудреца Андрон Дьяковатый никогда не пытался оценить целесообразность сооружения, над которым корпел в данный момент. Главное было отдаться работе и ни в коем случае не давать воли сомнению.

Димитрий же Уаров в этом смысле представлял собой полную противоположность самородку из Колдобышей. Критикан. Опасный критикан. Отчаявшись найти смысл жизни, он теперь искал повсюду его отсутствие. Ну и, понятное дело, находил.

Конечно, по уму следовало бы начать не с машинки, однако отладка четырех девальваторов — морока долгая, поэтому пассажира надлежало чем-нибудь занять, чтобы не болтался зря по лагерю и не отвлекался вопросами. Вот поди ж ты! Такой был скромный, молчаливый, когда отъезжали от Обума-Товарного, и таким оказался несносным говоруном...

Снова показав, за какие хреновинки крутить и в какую хренотень смотреть, Андрон полез под правый передний угол платформы. Димитрий же снова припал к линзе и забыл обо всем на свете. Координаты, выданные ему по секрету знакомым палеонтологом Кирюшей, давно затвержены назубок.

Потом его взяли за плечо.

— Погодите, Андрон... — забормотал он, продолжая лихорадочно наводить и подкручивать, как вдруг ощутил, что хватка у руки какая-то не совсем дружеская.

Вскинул голову, огляделся. Вокруг него стояли трое иноков не иноков — так, не разбери-поймешь. Все в черных рясах и столь же черных беретах. У двоих шеи охватывала собранная узлом на горле алая шелковая косынка. («Пионерский галстук», — содрогнувшись, вспомнил Уаров.) У третьего кумач был повязан на бандитский манер и скрывал лицо до глаз. Двое держали наготове помповые ружья, у третьего в правой руке имелся пистолет с глушителем, а в левой — свежий номер газеты с портретом самого Димитрия.

— Уаров? — инквизиторским голосом осведомился тот, что с газетой.

— Я... — ощутив предсмертную дрожь, не стал запираяться Димитрий.

Но тут зловещая торжественность момента была нарушена: со стороны платформы, подталкивая автоматным стволом в спину, доставили Андрона. Шкипер держался вызывающе и вообще вел себя в лучших традициях революционной матросни, которую, если верить советскому кинематографу, хлебом не корми — дай мрачно побалагурить перед казнью.

— Что ж это вы, ребята, а? — глумливо увещевал Андрон. — С Президентом ряды смыкаете? Подполье называется...

— Иди...

— Иду... Слышь, а может, он вам еще и приплачивает?

— Ты нас с этим ублюдком не равняй! — неожиданно пронзительным голосом завопил конвоир. — Он вас из шкурных соображений уничтожить хотел.

— А вы из каких?

— А мы ради идеи!

— Слышь, командир... — обратился Андрон к тому, чье лицо скрывалось под алым шелком. — Ошибка вышла. Не тех вы взяли. А тех еще вчера вечером ликвидировали к едрене фене... Что ж вы, газет не читаете?

— Читаем, — гулким юношеским баском ответил замаскированный главарь и в доказательство шевельнул номером «Баклужинца». — Ни о какой ликвидации тут не сказано.

— Так газетка-то вчерашняя! — истоиво округляя глаза, вскричал Андрон. — Конечно, не сказано еще.

Вместо ответа предводитель посмотрел на Димитрия, потом на портрет. Спорить не имело смысла. Сходство было очевидным.

— Ну и что? — нашелся Андрон. — Ну, захотел мужик человечество уничтожить! Так вы ж сами поете: «Весь мир насилия мы разрушим...»

— Насилия, — многозначительно подчеркнул главарь.

— Так а я о чем? Сам посмотри, что вокруг делается! Геноцид, в натуре... Такое — да чтоб не разрушить? До основанья?..

— А затем? — процедил главарь.

— Что «затем»?

— Вы же никакого «затем» людям не оставляете!

— Нет, погоди, — судя по всему, Андрон выкладывал последние козыри. — Вы ведь не просто коммунисты! Вы коммунисты-выкресты! А как же «не убий»?

Рыжеватые брови презрительно шевельнулись в узкой щели между алым шелком повязки и черным сукном берета.

— Ты меня еще заповедям поучи! — надменно сказал главарь.

Действительно, соблюдение заповедей Христовых часто зависит от обстоятельств. Так, в военное время исполнение их сплошь и рядом оборачивается прямой изменой Родине: попробуй «возлюби ближнего», когда идешь на него в атаку! Или «не укради», если приказано добыть «языка»! Или «не лжесвидетельствуй» — на допросе в плену! Или «чти отца и мать» — даже переметнувшихся к врагу! Единственный запрет, претупая который, ты не приносишь Отечеству ровно никакой пользы, это, конечно, «не прелюбодействуй». Можем ли мы назвать героическим поступок разведчицы, отважно переспавшей с начальником неприятельского штаба, если попутно не были нарушены заповеди «не убий», «не укради» и «не лжесвидетельствуй»?

Так что последняя фраза шкипера скорее навредила, нежели помогла. Властный кивок — и путешественников подтолкнули стволами к той самой вербе, за которой час назад бесследно растаял урод в дзюдогаме.

— Иех!.. — отчаянно вскричал Андрон. Будь у него на голове шапка, он бы и шапкой оземь шмякнул. — Ну вот куда бедному крестьянину податься? Президент — бомбит, вы — расстреливаете... А еще говорят: мы за народ, мы за народ...

— Кто они? — шепнул Димитрий, пока их прилаживали спинами к шершавой рубчатой коре.

— «Красные херувимы», — сквозь зубы пояснил Андрон. — Те, что на прошлой неделе Игната Фастунова грохнули, спикера.

— А за что они нас?

— Не во имя того мир разрушаем...

— Именем Пресвятой Революции... — вдохновенно завел главарь. Стволы поднялись, уставились.

— У, лодыри! — беспомощно выдохнул Андрон, не зная уже, чем уязвить напоследок. — Чужих заложников мочить! Стыдоба...

Дальнейшее даже трудно с чем-либо сопоставить. Ну, скажем, так: представьте, что в густое черно-красное варево плюхнули столовую ложку сметаны и быстро-быстро размешали. Некий белый смерчик прошел меж монашских ряс, взвихрив их и разметав. Чей-то истошный ор, шальной выстрел — и картина вновь замерла. Теперь она изображала группу разметанных тел, а композиционным центром ее несомненно являлся давешний ужасный незнакомец. Весь в белом. Припавши на левое колено и упершись в траву левым же кулаком, он явно выжидал, не шевельнется ли кто из поверженных.

Никто не шевельнулся.

Тогда он сосредоточил внимание на прислоненных к вербе путешественниках. Странно: его изуродованное лицо показалось им на этот раз почти симпатичным. И не потому что похорошело, и даже не из благодарности — просто «Красные херувимы» в данный момент выглядели гораздо хуже.

— Прохор... — сипло назвался нежданный спаситель.

Глава 5. Они сошлись

Первым, как и следовало ожидать, опомнился шкипер.

— А ты кто, земляк? — с интересом спросил он.

— Я же тебе только что сказал, — терпеливо напомнил тот и как-то вдруг оказался на ногах.

Димитрий ахнул. Белые штаны Прохора были варварски разорваны в мотне и обильно смочены кровью. От одного предположения, что шальная пуля (выстрелить-то успели!) ударила бедолагу в пах, Уарову чуть не стало дурно.

— Вы... ранены?

Назвавшийся Прохором наклонил голову и с неудовольствием осмотрел повреждение.

— Зашьем, застираем, — успокоил он.

У Димитрия отлегло от сердца. Надо полагать, кровь была чужая, а ткань просто не выдержала рывка в момент особо резкого удара ногой.

— Нет, ну все-таки... — снова начал Андрон.

— Машинка цела? — бесцеремонно перебил его энергичный Прохор.

Андрон моргнул.

— Цела... если, конечно, ты по ней гачами своими не въехал.

— Не въехал. А девальваторы?

Ответил шкипер не сразу. Сначала, хитро прищурясь, еще раз изучил исковерканное лицо собеседника, сообразил, видать, что Прохору ничего не стоило, целый день прячась где-нибудь поблизости, подслушать все их беседы с пассажиром, — и лишь после этого соизволил отомкнуть уста.

— Левые — в порядке, — неспешно, с достоинством сообщил он.

— Правый передний — вроде тоже. А задний я перебрал... почти. Отвлекли — сам, чай, видел.

— Значит, платформа на ходу?

Вопрос остался без ответа.

— Кто ж ты все-таки будешь, мил человек? — задумчиво произнес Андрон.

Прохор досадливо скривил неповрежденную часть лица. Однако шкипера эта гримаса ни в чем не убедила.

— Думаешь, если ты «херувимов» пятками закидал, — ласково продолжал он, — то мы так тебе сразу и поверим?

— Могу и вас закидать, — предложил Прохор.

— А закидай! — с придурковатой готовностью откликнулся Андрон. — Мы люди привычные: то ракетами нас гвозданут, то к стенке поставят... То есть не к стенке — к вербе... Так что не стесняйся, милоч, приступай.

— Хорошо, — процедил Прохор, уяснив, что иначе с мертвой точки не слезешь. — Меня наняли следить, чтобы с вами не случилось ничего плохого. Достаточно?

— Кто нанял?

— «Ёксельбанк».

— Эх ты! — поразился Андрон. — А что это ты так легко заказчика сдаешь?

— Есть на то причины, — уклончиво заверил незванный ангел-хранитель с кровавой дырой на штанах. — Еще вопросы будут?

Члены экипажа переглянулись.

— Нету, — буркнул Андрон.

— Тогда грузимся, — скомандовал Прохор. — Мотать отсюда надо, и как можно быстрее. А то еще и десантура нагрянет. — Приоста-

новился, оглядел с тоской поле недавней битвы. — Уложил четверых мужиков ни за хрен собачий... — расстроено произнес он.

Последняя его фраза, признаться, озадачила Димитрия.

— Лучше, если бы это были женщины?

Прохор, стоявший к Уарову изуродованной половиной лица, свирепо покосился на любопытного червоточиной правого глаза.

— Ненавижу... — проскрежетал он.

* * *

В вопросах рукопашного смертоубийства Прохор несомненно был весьма искушен, и это давало повод предполагать, что грузчик из него никудышный. Так оно и оказалось. Даже хилый с виду Димитрий — и тот в смысле ухватистости представлял собой более серьезную тягловую силу.

Собственно, пожитков было немного, прекрасно обошлись бы и без помощника, но, во-первых, совместное перетаскивание тяжелых вообще сплачивает коллектив, во-вторых, обнаружив первую свою слабость, Прохор сразу стал в глазах путешественников как-то привлекательнее.

Ветер во второй половине дня наладился бортовой, и это давало определенную свободу маневра. План был намечен крайне рискованный, однако, по сути, единственно возможный: снова откатиться на дачные территории до развилки и едва ли не на глазах у «Экосистемы» устремиться в аномальную зону по соседней ветке.

Уарова с машинкой шкипер отправил на корму, ставшую теперь носом, сам же направился к стоящему у поручней новому члену экипажа. Из одежды на Прохоре были только белая куртка да набедренная повязка из подручного материала. Штаны с застиранной, но еще не зашитой мотней трепались на вантах.

— А «Ёксельбанку»-то какая прибыль, что мы целы будем?

— Зачем тебе?

— Так, любопытно...

Правая половина лица Прохора ничего не выражала, поэтому Андрон счел разумным сменить позицию и зайти слева.

— Кранты «Ёксельбанку», — помолчав, жестко молвил бесштаный телохранитель. — Вот-вот лопнет.

— И что? — не понял Андрон. — Не он первый...

Прохор с сожалением покосился на него здоровым глазом.

— Устарелые у тебя понятия о бизнесе, — упрекнул он. — А имидж? А честь фирмы? Представь: люди доверили тебе свои день-

ги, а ты их, получается, растратил. Как после этого вкладчикам в глаза смотреть?

— Да, — признал Андрон. — Неловко...

— А тут как раз газета со статьей вышла. Что этот твой Уаров нашел способ отправиться в прошлое...

— Он нашел! — фыркнул Андрон.

— ...и намерен уничтожить все человечество в зародыше, — невозмутимо закончил Прохор. — На корню.

— И что?

— И все... И никаких проблем. Нет человечества — нет «Ёксельбанка». А значит, и банкротства не будет.

— Застрелиться не проще? — с интересом спросил Андрон.

— А толку? Все равно совестно. Банк-то лопнул.

— Можно заранее...

— Какая разница? Хоть раньше застрелись, хоть позже, денег-то у вкладчиков от этого не появится! А так какой с тебя спрос? Раз человечества не было, то и банка не было.

— Да-а... — чуть ли не с уважением молвил шкипер, потирая двухдневную железную щетину на широком подбородке. — А тебе в этом во всем что за выгода?

— Заказ, — чуть ли не позевывая, напомнил Прохор.

* * *

Искусства, как известно, делятся на боевые и небоевые. К боевым относятся различные виды восточных единоборств, к небоевым — все прочее: литература, театр, ну и тому подобное. Бесполезность небоевых искусств очевидна. Попробуйте прочесть наехавшим на вас в темном переулке отморозкам что-нибудь из Иннокентия Анненского — и вы сами это поймете.

Иное дело боевые искусства. К ним, кстати, в последнее время причисляют пулевую стрельбу и гранатометание, поскольку и то, и другое, согласитесь, тоже представляет собой разновидность диалога. Обмен мнениями, если хотите, причем зачастую на интернациональном уровне. Не зря же международный язык ударов по печени в последнее время решительно вытесняет эсперанто.

На Востоке принято считать, что невозможно по-настоящему зверски убить противника, не достигнув предварительно вершин духовности. Походить на солдафона по нашим временам вообще романтично, а уж на японского солдафона — тем паче. И когда славянин принимается изучать какое-либо экзотическое душегубство, не-

минуемо срабатывает обратная связь: скажем, стоит освоить проламывание переносицы согнутым пальцем, как на тебя нисходит просветление.

Меняется отношение к миру, да и к самому себе. Если для европейца жизнь — это подарок, то для самурая — это долг, который надлежит вернуть по первому требованию, неизвестно, правда, кому. С юного возраста самурай ищет своего таинственного кредитора и, не найдя, как правило, расплачивается с кем попало. Обычно со старшим по званию. «Устав Вооруженных Сил» читали? Так вот у японцев это называется бусидо.

Словом, безразличие Прохора к себе как к части рода людского нисколько не удивило Андрона. За свою долгую жизнь встречался он и с такими. Но тему все же решил сменить.

— Что ж ты в белой робе по лесу шастаешь? Мог бы и что понеприметнее напялить...

— Понеприметнее — всякий дурак сможет, — с надменной ноткой откликнулся Прохор. Тут же, впрочем, сбавил тон, оглянулся на ваны, где сохла нижняя часть его амуниции. Опять мелькнула жуткая правая сторона лица. — Дурака сваял, — смущенно признался он. — Надо было что-нибудь на выброс, а я, видишь, новехонькие загубил... А с другой стороны, не голым же бегать...

Отношения явно налаживались. Каждый почуял в собеседнике родственную душу: профессионала, мастера своего дела — и теперь исподволь проникался к нему уважением.

— Охотой не увлекаешься? — как бы невзначай поинтересовался Андрон.

— Охотой?

— Ну, там... на крупного зверя... На медведя, скажем.

— Нет.

— А кто ж тебе так физию свез?

Андрон предчувствовал, что вопрос прозвучит несколько неделикатно, однако никак не предполагал, что до такой степени. Прохор дернулся и, по всему виду, с превеликим трудом заставил себя проглотить оскорбление.

— Несчастный случай, — соврал он через силу.

— Ага... — озадаченно молвил Андрон.

Зашедший в тупик разговор был удачно прерван призывным криком Дмитрия Уарова.

— Неужто навел? — оживился шкипер, оборачиваясь.

Но нет, похоже, новость с настройкой машинки связана не была.

Вскочивший на ноги Дмитрий взволнованно указывал на что-то замеченное им за бортом. Андрон с Прохором, переглянувшись, поспешили на зов.

Несомненно, парусник уже вплотную приблизился к землям садового товарищества «Экосистема». В неглубокой ложбинке лежал навзничь изувеченный труп мародера с грушей-скороспелкой во рту. Путешественники молча проводили его глазами: Андрон — скорбно, Дмитрий — испуганно. Прохор остался невозмутим, лишь пренебрежительно дернул левой щекой, как бы давая понять, что, будь он на месте дачников и застань мерзавца на месте преступления, применил бы совсем другие приемы.

Специалисты вообще ревнивы к чужим успехам.

* * *

К пяти часам достигли развилки. Безлюдные окрестности выглядели настолько идиллически, что мысль о засаде возникала сама собой. Андрону несколько раз чудилось, будто из-за наглухо оплетенного декоративным виноградом штакетника за ними наблюдают. Возможно, так оно и было. Наблюдали, держа наготове нелегальные грабли и складывая особым образом смертоносные витки поливного шланга. Нападения однако не последовало. Скорее всего, дачники вовремя уразумели, что платформа вторглась на их территорию исключительно с тем, чтобы как можно скорее ее покинуть, — и, смирив инстинкты, решили не делать резких, а тем паче губительных движений.

Не без труда переведя ржавые стрелки, перебрались на соседнюю ветку. Пролегала она стороной от водных угодий, поэтому Андрон, подрабатывавший, в основном, доставкой рыбаков к местам обильного клева, пользовался ею редко. Тем не менее рельсы и шпалы были и здесь вполне исправны. Мало того, чем дальше, тем исправнее они становились — то ли и впрямь попечением нечистой силы, то ли правы были эзотерики, утверждавшие, будто в глубине аномальных зон память металла заметно улучшается вплоть до полного излечения склероза, ведущего в обычных условиях к ржавению и деформации.

День клонился к вечеру, в рощах уже залегла ночь. На борту всяк занимался своим делом: Андрон разбирался со снастями, Дмитрий крутил что было велено, Прохор чинил просохшие штаны, причем чувствовалось, что делает он это не впервые. Игла сновала бойко, сноровисто. Так и поблескивала, так и поблескивала...

— Черт... — тоскливо произнес Дмитрий, отрываясь от линзочки своей дальнобойной машинки. — Она или не она?

Игла застыла, не завершив стежка. Прохор отложил рукоделие и медленно повернулся к Уарову.

— Ты что, бабу в прошлом ищешь? — Вопрос прозвучал то ли укоризненно, то ли угрожающе.

— Ну да...

— Зачем?

Уаров замялся.

— Пристрелить, — ответил за него Андрон. Иногда он бывал удивительно циничен.

— Это правда?

— Ну почему обязательно пристрелить? — жалобно вскричал Димитрий. — Усыпить, перебросить в другое время...

Прохор недоверчиво посмотрел на него, понял, что собеседник не шутит, и, презрительно фыркнув, принялся шить дальше.

— Как? — мрачняя, спросил Андрон Уарова.

— Что «как»?

— Как перебросить?

— Ну... с помощью вашей машинки, разумеется...

— Ты ж мне ее одноразовую заказывал!

Уаров со страхом посмотрел на умельца.

— Баламут... — безнадежно определил тот. — Ладно. Вы двое тогда поморячьте, а я посмотрю, что там в ней еще можно сделать.

Сходил принес газетку, чтобы было на чем раскладывать запчасты, и отодвинул Димитрия от агрегата. Тот потоптался немного за плечом мастера, а потом платформа пошла в поворот — и пассажир с телохранителем, бросив все, занялись парусом.

— Так почему не пристрелить? — сердито поинтересовался Прохор сразу по завершении маневра. — Оно и надежнее. У меня тут, кстати, недалеко ствол прихоронен.

— Женщина... — с укоризной напомнил Уаров. — Да и негуманно...

— А они с нами гуманно поступают?! — просипел Прохор и стал даже страшнее, чем был.

Димитрий отшатнулся.

Надо полагать, у Прохора от бешенства перемкнуло голосовые связки. Пару раз он беззвучно открывал и закрывал рот, потом молча повернулся и пошел дошивать.

— А я вот читал у одного четвертолога*, — как ни в чем не бывало подал голос Андрон, сосредоточенно разгребая узловатым пальцем

* И. Шагин. «Принцип ильянь». (Здесь и далее прим. авт.)

разложенные на газетке детали, — будто Бог женщину вовсе не из ребра сотворил. Это только из приличия говорят, что из ребра, мол. Ребра-то у нас все на месте, хоть справа, хоть слева. Не веришь — пересчитай... В мужском организме есть только один-единственный орган без кости...

— Язык? — машинально спросил еще не отошедший от испуга Димитрий.

— Нет. Язык — это орган внутренний, он во рту живет.

— А что же тогда? Ухо?

— В ухе — хрящ. И потом уши-то и у баб есть.

— Гос-споди Боже мой!..

— Вот именно, — подтвердил Андрон. — И сразу все становится ясно. Думаешь, почему он так себя ведет, орган-то? А мы почему так себя ведем? Тоска по утраченной косточке, понял? Причем каждый свою ищет...

— Ну, мне эта тоска не грозит, — перекусывая нитку, невнятно заверил Прохор.

* * *

Беседу продолжили за ужином.

— Давай колись, раз начал, — добродушно предложил Андрон Димитрию. — Как ты это конкретно думаешь проверить?

За бортом стелились длинные тени, плыли травянистые бугорки, перелетали какие-то пернатые пепельных оттенков, иногда попадалась поросшая высоким камышом, не пересохшая еще баклужина с корягой и диким утенком.

— Вы, конечно, слышали, что человечество когда-то прошло через бутылочное горлышко... — поколебавшись, начал Димитрий.

— Слышали, — сказал Андрон. — Дальше.

— А я не слышал, — сказал Прохор. — Что за горлышко?

— Образное выражение... Понимаете, было время, когда на земле обитало всего несколько человек... Правда-правда! Генетики установили, что все мы произошли от трех мужчин и одной женщины...

— От Евы, что ли?

— Ученые ее так и окрестили, — подтвердил Уаров. — Настоящее имя, разумеется, неизвестно... А ведь, если вдуматься, очень точный термин! — горестно перебил он сам себя. — Бутылочное горлышко. То есть человечество, по сути, джинн, вырвавшийся из бутылки. И зря... Рано или поздно оно само себя погубит. Отравит, взорвет...

— Ни хрена! — возразил Андрон. — Думаешь, почему до сих пор

ядерной зимы нет? Да потому что навару с нее никакого! Невыгодна она, гибель человечества, можешь ты это понять?

— Тем более, — твердо сказал Димитрий. — Видите ли, я много думал... нет, не откуда в мире зло — с этим пусть богословы разбираются. Я думал, как это исправить... Принято считать, что во всем всегда виноват кто-нибудь один...

— Или одна, — не преминул уточнить Прохор, давно уже высматривая что-то в вечерюющей лесостепи.

— Или одна... — не стал спорить Уаров. — Сталин, Чубайс, Портнягин... А потом, когда вник чуть поглубже, оказалось, что свято место и вправду пусто не бывает. Все ниши заполнены. Скажем, устранишь какую-нибудь историческую личность... Мысленно, конечно, мысленно, — поспешил уточнить он, обращаясь в основном к Прохору. — Глядишь, а на трон уже очередь в затылок выстроилась. Начнешь убирать по одному человечку, — с несчастным видом продолжал Димитрий, — уберешь всех до единого... Вот я и подумал: а что если одним и ограничиться? То есть не одним — одной... Если мы действительно все от нее произошли...

— Стоп! — неожиданно встрепенулся Прохор и, прервав трапезу, поднялся на ноги. — Я сейчас...

И канул за борт.

Андрон с Димитрием обеспокоенно привстали. Хотя беспокоиться было особо не о чем: ветер ослабел настолько, что догнать парусник пешком труда не составляло. Человек за бортом уверенным шагом направлялся к одинокому корявому дереву — полуживому, почти без листы. Анчар этакий.

Алый шар коснулся горизонта, белая дзюдогама вновь казалась розовой. Кажется, Прохор что-то доставал из дупла.

— Я смотрю, он тут не первый раз шлындрает, — раздумчиво заметил Андрон, присаживаясь. — Тертый...

Вскоре Прохор вновь перемахнул борт — и уже не с пустыми руками. В левой у него теперь был средних размеров сверток.

— Вот, — удовлетворенно сказал Прохор, выпутывая из промасленных тряпок тупорылый пистолетище. Полюбовавшись, повернулся к Димитрию. — Обращаться умеешь или показать?

Глава 6. По шпалам, брат...

Солнце вставало, как с похмелья, багровое, мутное.

Проснувшись, Андрон первым делом удостоверился, что за ночь никто из экипажа не пропал. Димитрий еще посапывал, свернувшись

крендельком под старым ватником. Прохор, расположившись на корме, шлифовал и оттачивал свои смертоносные приемы. В чем мать родила. Ранняя пташка... Андрон устроился поудобнее и стал наблюдать. В следующий миг Прохор кинулся на палубу плашмя — и, не долетев до нее сантиметров пятнадцать, завис звездообразно. Руки и ноги раскинуты, подбородок устремлен вперед напоподобие тарана триеры.

Левитация? Не может быть! Андрон передвинулся, чтобы посмотреть, чем это он там поддомкрачен — и в следующий миг все понял. Вот оно, оказывается, в чем дело! Не ногой уложил вчера Прохор кого-то из «херувимов», ох, не ногой...

Году этак в двухтысячном, будучи еще пацаном, Андрон раскопал выложенную в интернете анонимную статью некоего израильянина по фамилии Рабинович (согласитесь, что подписать в Израиле таким манером газетный материал — все равно что никак его не подписать).^{*} Речь шла о запрещенном во всех цивилизованных странах, исключительно мужском и безусловно изуверском виде восточных единоборств вин-дао-ян — единственном, где разрешены удары гениталиями. К сожалению, автор статьи не мог удержаться от скабрёзности: цитировал лже-Баркова, вообще всячески веселил почтеннейшую публику. Тем не менее суть он изложил верно.

Давным-давно монахи одного из монастырей Шаолинь научились усилием воли подавать кровь в пещеристую плоть под таким напором, что детородный орган мгновенно достигал прочности закаленной стали. Собственно, детородным его уже назвать было невозможно — после первого месяца упражнений мужчина становился бесплоден до конца своих дней.

Если руку обычно срачивают с мечом, то данную часть тела следует уподобить кинжалу.

О тайной философии вин-дао-ян практически ничего не известно (кстати, после первой публикации на эту тему пресса онемела, да и журналист Рабинович как в воду канул), однако есть причины считать духовную подоплеку учения абсолютно бесчеловечной. Уже то, что представители ее искренне убеждены, будто страшное оружие ближнего боя с древнейших времен использовалось нами не по назначению, так сказать, чреват выводами: равнодушие к женщинам, отказ от потомства и, естественно, от наслаждений. Какое уж тут наслаждение, если фаллосом пробивают стены и ломают об него бамбу-

^{*} Народная газета, 26. 12. 2000.

ковые палки! Здесь вин-дао-ян отчасти смыкает ряды с нашим Львом Толстым, чью «Крейцерову сонату» многие современники восприняли как прямой призыв против дальнейшего размножения рода людского.

В древнем Китае бытовали две (разумеется, тайные) разновидности упомянутого боевого искусства: южная и северная. Чем-то они друг от друга отличались, но чем именно, Андрон подзабыл. Кажется, южная школа применяла в бою постоянную эрекцию, а северная практиковала ее только в момент нанесения удара... Или наоборот?..

Тем временем Прохор закончил свои упражнения и, облачась в дзюдогаму, направился к мачте, под которой, как он полагал, еще почивали остальные члены экипажа.

Помня о загадочной судьбе израильского журналиста, Андрон счел за лучшее притвориться спящим.

* * *

С погодой на этот раз не заладилось. Над округой нехотя собирались комковатые, словно бы плохо процеженные облака, воздух остолбенел.

Димитрий и Прохор, предчувствуя недоброе, смотрели, как Андрон достает из дальнего загашника буксирный фал и вяжет на нем узлы.

— Ну не торчать же здесь на виду, — невозмутимо объяснил шкипер и, мурлыча народную песенку «По шпалам, брат, по шпалам, брат, по шпалам...», сошел с корабля. Свернутая на манер лассо бечева с узлами висела у него на плече.

Все четыре девальватора были отлажены. Вскоре платформа уже весила не больше тонны.

— А инерция? — с тревогой осведомился Димитрий.

— Не бери в голову, — посоветовал Андрон.

Беда с этими дилетантами. Кто им внушил, что девальваторы обесценивают один только вес, а масса-де остается прежней? Тем-то и отличается девальватор от антиграва. Любого продавца спроси — он подтвердит: уменьшаешь вес — уменьшаешь массу.

Нехотя, но впряглись.

— Картина Репина, — осклабился Андрон. — Ну-ка... «Эй, ух-нем»... За-пе... вай!

Петь не стали. С натужным кряхтением наклонились вперед, едва не коснувшись лбами шпал, и кое-как стронули махину с места. Впрочем, потом платформа раскатилась, возникла возможность малость разогнуть хребты, даже начать беседу.

— Какой у тебя вообще арсенал? — сурово допрашивал Дмитрия Прохор, воистину репинским жестом поправляя лямку на плече.

— Какой у него арсенал! — усмехался Андрон. — Носовой платок да зубная щетка...

— Хорошо, нечего сказать, — покручивал головой Прохор. — В одних трусах — к саблезубым тиграм?

— Почему к саблезубым?

— Ну к саблезубой...

Нет, воля ваша, а что-то здесь не так. Пусть он даже исповедует свой дурацкий вин-дао-ян! Одно дело — чураться женщин в силу убеждений, но тут-то явно другое — тут застарелая личная ненависть к каждой представительнице слабого пола.

Черт его знает, что у него там приключилось с дамами. Отзаниматься, бывало, в тренажерном зале, ну и заговоришь в душевой о бабах — так он так на тебя здоровым глазом зыркнет, что анекдот поперек горла станет...

Часам к десяти ветер очнулся, засуетился, не зная, куда метнуться, потом дунул зачем-то в направлении дачных участков. Одолеть его смогли бы разве что поморские шхуны, которые так когда-то и звались — «с Богом супротивницы». А железнодорожная платформа, оснасти ты ее хоть двумя мачтами, хоть тремя, намертво привязана к колее — как лавировать? Впрочем, нет худа без добра: не будь колеи — пришлось бы кому-нибудь торчать на корме и править.

— Ничего, ребята, — хрипел Андрон. — До того бугорочка, а там уж под уклон...

Слава Богу, не обманул. Действительно, за обещанным бугорочком платформа пошла самосплавом, то ныряя в одичавшие лесопосадки, то выскакивая из оных, то замедляясь чуть ли не до полного останова, то, напротив, разгоняясь так, что стыки стрекотали и дух захватывало. Вес, конечно, пришлось увеличить, поскольку ветер сегодня, по всему видать, твердо решил дуть только в лоб.

Команда, естественно, сразу поднялась на борт, стоило представиться такой возможности, и долго отдыхивалась. Тяжела ты, доля бурлацкая... Андрон передал Уарова в руки инструктора Прохора, а сам опять занялся машинкой. К тому времени, когда последняя деталька (не считая тех, что остались лишними) заняла свое место в бредовой конструкции, Дмитрий тоже успел кое-чему обучиться. Вовсю уже собирал, разбирал, заряжал, разряжал и звонко спускал курок вхолостую.

В углу заныла, завибрировала двуручная пила.

— Да?.. — сказал Андрон, шелкнув по зубцу и припав ухом к выгнутому полотну. — Здоровей видали!.. Новостей, надеюсь, нет?.. Есть?.. — Шкипер нахмурился. — Уволил?.. Что, правда?.. Это уже хуже... А когда? Сегодня утром?.. Н-ну ладно... Спасибо, что звякнул... — Закончив разговор, застыл в тревожном раздумье.

— Что там? — спросил Прохор.

— Министра обороны сняли.

— Кто снял?

— Кто еще может снять? Президент, конечно.

— Может, совпадение?

— Да нет. Именно в связи со вчерашним. За провал антитеррористической операции... Так, говорят, и передали.

Передали, понятное дело, далеко не все. Вчерашним утром, когда сброшенная на поврежденные пути десантура мирно собирала парашюты, возле насыпи невесть откуда взялся репортер столичной газеты с фотокамерой. Сержант Очипок перекрыл утечку информации, но слишком энергично. Возник вопрос, куда девать труп. К тому времени со стороны Слиянки подкатила моторная дрезина с правозащитниками. Как водится, борцов за справедливость волновала не столько судьба Андрона, сколько судьба Димитрия. Заложнику-то любой дурак посочувствует, а ты попробуй террористу посочувствуй! Не зная, как быть в данном случае, лейтенант Миулин приказал дрезину обстрелять. Поскольку с правозащитниками увязался иностранец, дело запахло дипломатическим скандалом. Полковник Филозопов, которому немедленно обо всем доложили, схватился за голову и распорядился накрыть то, что осталось от дрезины, залпом реактивных минометов. Но тут Чумахлинская станция слежения сообщила, что над Слиянкой проходит китайский спутник-шпион, наверняка запечатлевший в подробностях заключительный этап операции. Генерал Белоснегов велел привести в боевую готовность расположенный в окрестностях Колдобышей единственный противокосмический комплекс Баклужино, и только вмешательство Президента спасло мир от крупного международного конфликта.

Обо всем об этом Андрон с Прохором узнали позже, а Уаров вообще не узнал.

— А-а!.. — с несвойственной ему доселе злорадной напевностью протянул он. — Засуетился муравейничек? Спыхватились? Поняли?

С большим пистолетом в руке Димитрий стоял у мачты и демонически ликовал. Удивительно, какие подвижки в характере производит получасовое общение с оружием, хотя бы и незаряженным.

— Слышь... — с досадой сказал ему Андрон. — Ты сильно-то не гордись! Понадобилось Глебу министра снять — ну и снял. А мы с тобой только повод.

— То есть... — Уаров хотел было оскорбиться, но быстро сообразил, что версия Андрона тоже кое в чем привлекательна. — Вы хотите сказать, что... сняли — и ладно? Что бомбить нас уже не будут?

— Будут, — заверил Андрон. — Одно другому не мешает. Как раз тот, кого назначат, и начнет сейчас рвение свое показывать... Так что готовьтесь.

Телохранитель Прохор, не принимавший участия в этом, прямо скажем, не слишком содержательном для него разговоре, поглядывал по сторонам, предъявляя спутникам то миловидную, то страхолюдную половину своего лица.

— Может, прямо сейчас остановиться? — предложил он. — Там дальше опять пустоши пойдут, а здесь все-таки посадки.

— Да мы и так скоро остановимся, — успокоил Андрон. — Не век же нам под уклон катиться...

А с этим побоищем на шпалах, как хотите, все равно история загадочная. Полковник Филозопов, допустим, никогда особым умом не отличался, но Олежку-то Миулина как угораздило скомандовать огонь на поражение? В учебке, помнится, самый дисциплинированный был курсант, без приказа пальцем не шевельнет, всегда его нам, бывало, в пример ставили...

* * *

Парусник тормознули на самом дремучем участке лесопосадок. Вернее, он сам себя тормознул, зацепившись мачтой за сомкнутые аркой кроны. Будь у платформы полный вес и скорость побольше, сломило бы снасть, как спичку.

Взаимопожирало, именуемое природой, выглядело здесь особенно красиво. Трясогузки гоняли ястреба. Видя, что со всей их бандой ему не сладить, хищник в конце концов улетел, но одна самая отчаянная трясогузка долго еще не могла уняться: воинственно взмывала, хорохорилась, свиристела, обещала при встрече клюв поврвать...

Прохор, по своему обыкновению, сразу же сгинул с глаз. Сию секунду стоял на корме — и уже нет его там. И нигде нет. Надо думать, решил обойти дозором окрестности.

— Готова твоя машинка, — обрадовал Димитрия Андрон. — Садись и наводи.

Уаров мялся.

— Что не так? — прямо спросил умелец.

— Понимаете, Андрон, — смущенно сказал Димитрий. — Вы из-за меня попали в передрыгу... платформу, наверное, придется ремонтировать...

— Да уж, — согласился тот. — Попали, так попали...

— Короче, вот. — На свет появилась сложенная вдвое бумажка. — Здесь номер счета. Немного, но на ремонт, я думаю, хватит... Мне-то уже не пригодится... Вам, впрочем, тоже, но вдруг промахнусь или с машинкой не слажу...

— Нет, ты уж, пожалуйста, сладь, — проворчал Андрон, принимая бумажку. Потом все-таки не выдержал, улыбнулся. — Вот кабы все клиенты так...

Похлопали друг друга по плечу, а когда обернулись, увидели, что на палубе возле трапа стоит задумавшийся Прохор. Словно бы и не уходил никуда. Правая половина лица ангела-хранителя, напоминавшая лунный пейзаж, была по обыкновению неподвижна, левая выражала меланхолию и скорбь.

— Все тихо? — спросили его.

— Да... — очнувшись, печально отозвался он. — Теперь да.

Костяшки на правой руке были ссажены, лоб слегка оцарапан, а мотня белых дзюдоистских штанов разорвана и окровавлена.

* * *

Обезвреженная рошица шевелила ветвями, по издырявленным осколками доскам настила бродили упитанные солнечные зайчики.

— Нашел... — выдохнул Димитрий, отшатнувшись от линзы.

Не веря счастью, снова прилип глазом к стекляшке.

— Ну-ка, ну-ка... — заинтересовался Андрон.

Прохор (снова в набедренной повязке) бросил стирку, привычным движением стряхнул руки над тазиком и тоже подошел.

— Дай-ка взглянуть... — Шкипер, бесцеремонно отстранив Уарова, присел перед машинкой. — Да-а... — уважительно вымолвил он наконец. — Справная бабочка! Горилла в чистом виде... Полюбуйся, — уступил он место Прохору.

Тот хищно припал к окуляру и не отрывался от него минуты полторы. Так, должно быть, смотрят в оптический прицел.

— Вообще-то калибр девять миллиметров... — в сомнении пробормотал он. — Ну, тут уж как повезет... В голову не стреляй, — озабоченно посоветовал он. — Там головенка-то... Смандражируешь —

промажешь. Первый выстрел — в корпус. А контрольный, если понадобится, это уж потом...

Встал, потрелал ободряюще по предплечью и пошел к тазику — достирывать. Дмитрий опасливо проводил его взглядом и повернулся к умельцу.

— Андрон, — понизив голос до шепота, обратился он. — А вы все-таки покажите мне, как потом совершить этот добавочный скачок... и перенести ее куда-нибудь... из того времени... Ну не хочу я никого уничтожать физически!

— А человечество? — поддел Андрон.

— И человечество тоже! Я хочу избавить его от убийств, предательств, от бессмысленной жестокости, ото всей этой крови и грязи, называемой историей... От ненужных мук...

— Чистый «Ёксельбанк»! — съязвил шкипер.

— Ну что же делать! — жалобно вскричал Уаров (опять-таки шепотом). — Что же делать, раз невозможно устранить всю эту мерзость, не устранив причины?! В конце концов, это как эвтаназия. Никто ничего не заметит...

— Твою бы доброту да в мирных целях... — мечтательно произнес Андрон. — А с этими как? Со зверушками... Так и будут друг дружку хрумкать?

Оба обернулись и стали свидетелями душераздирающего зрелища. Слетевший на корму лесной воробьишка сноровисто лущил о настил пойманного кузнечика — освобождал от хитина.

— Ну, эти сами пусть разбираются...

Далее разговор пришлось прервать — держа на вытянутых руках отжатые растопыренные штаны, подошел Прохор и принялся укреплять выстиранное на вантах. Потом взял тазик с водой и, сойдя по железной лесенке, унес в заросли — выплеснуть в какой-нибудь овражек.

Это он правильно. Что вода накапливает и хранит информацию, знает любой, кто смотрит телевизор. Но далеко не всем известно, что вода на нас еще и стучит. И всегда стучала. Капала. В инквизицию, в Третье отделение, в Святейший синод, в Комитет госбезопасности. Даже ментам.

Поэтому лучше выплескивать подальше.

Глава 7. Бытие наше дырчатое

Во второй половине дня над аномалкой закружил вертолет — судя по всему, разведчик. Должно быть, вновь назначенный министр обо-

роны решил ответить на доверие Президента не бездумным рвением, как предположил Андрон, а демонстрацией высочайшей степени профессионализма. Тщательная подготовка операции — и никаких опрометчивых решений.

— У тебя машинерия выключена? — спросил Андрона Прохор.

— Без разницы, — буркнул тот. — У них же там все по науке, у вок: радары, сонары. А мои машинки — лженаука. То есть как бы нету их: железка и железка... Вот платформу наверняка засекут.

— Так давай мачту снимем, чтоб от других не отличаться. Мало ли платформ на белом свете!

— На белом свете много. А в аномалке всего одна. И та моя.

— Та-ак... — Прохор призадумался. — А когда Димона отправить сможем?

— В прошлое-то? Сейчас прикинем. Еву он свою там нашарил... Теперь зафиксировать, навести поточнее... инструктажик ему напоследок... Часа через два.

— Хм... — Прохор был явно недоволен. — Тогда надо бы его с машинкой куда-нибудь подальше от платформы... в рощицу вон...

— Дело, — согласился Андрон. — А саму платформу отогнать подальше да раскулачить... девальваторы снять, еще кой-чего... Хотя нет, — с сожалением возразил он сам себе, — не успеем, пожалуй, с девальваторами.

Разведывательный вертолет прошел над самой рощицей. Злоумышленники проводили его взглядами.

— Я вот думаю, может, Димитрию условия им выставить? — предложил Андрон. — Время потянуть.

— Какие условия?

— Ну, пригрозить... уничтожу, мол...

— Поздно. Пригрозил уже.

— А поздно, так поздно, — бесшабашно сказал Андрон, которому вообще свойственно было веселеть в минуты опасности. — Тогда все на разгрузку!

* * *

Взгромоздившаяся на ель головастая ворона косилась одним глазом на поляну и с сожалением осознала, что поживиться здесь, в сущности, нечем. Одни железки. Время от времени отворяла клюв и вместо «кар» произносила «кыв», причем тоненько-тоненько, меланхолично-меланхолично.

— Ну, удачи тебе, Димон, — сипло напутствовал Прохор. — Все, что могли, мы для тебя сделали.

Совместными усилиями Уаров был неплохо экипирован: ношенная землетрясенка с капюшоном, на ногах — неказистая надежная кирза. Привычный к портняжьему ремеслу Прохор вчера вечером раскроил и сшил из обрезков брезента наплечную кобуру. Растроганный Дмитрий еще давился словами благодарности, когда, к общему неудовольствию, защебетала прислоненная к еловому стволу двуручная пила.

— Проститься не дадут, — сказал Андрон, беря переговорное устройство. — Да! Ты, Ильич?.. А чего это ты вдруг?.. Да-а?.. А как выглядело? Выглядело, говорю, как? И не раскулачили? Что-то плохо верится. Заминировано? Да вы и заминированное раскулачите... А! Там и охрана была? И куда делась? Ну, спасибо... Спасибо, говорю! Слово такое вежливое...

— Что еще? — спросил Прохор.

— Похоже, взрывать нас будут... — известил Андрон, снова прислоня пилу к дереву. — Только что мимо «Орхидеи» по нашей колее проехала самоходная тележка — вся в брезенте и под охраной.

— Охрана большая?

— Без понятия. Если дачники пропустили — значит, большая.

— А состав? Мужики?

— Ну, естественно... десантура.

— И где они сейчас? — продолжал допытываться Прохор. Левая половина лица его омрачилась.

— Проводили тележку до развилки, дальше не пошли. Так что абордажа не будет. Надо думать, людей побережь решили.

— Ну, слава Богу... — с видимым облегчением выдохнул телохранитель.

Андрон взглянул на него с удивлением и тут же сообразил, что беспокоится Прохор не о себе, даже не о спутниках. Охрану жалко.

— А скорость у тележки?

— Ильич говорит, приличная.

— Тогда шеметом! — приказал Прохор. — Давай, Димон!

— Погоди, — Андрон достал из кармана рюкзака и протянул Уарову пакет соленых орешков. — На вот, возьми в дорожку... Может, тебе там эту любовь свою искать придется... по хвощам... Проголодаешься...

Дмитрий дернул кадыком, глаза террориста увлажнились. Хотел сказать на прощанье что-нибудь трогательное, но, не найдя нужных

слов, махнул рукой и потянулся к стартовому рычагу. Замер. Выпрямился, судя по всему, пораженный внезапной мыслью.

— Послушайте... но ведь вас же... тоже сейчас не станет...

— Сообразил! — всхрикнул Андрон.

— Не тяни время, — сквозь зубы посоветовал Прохор.

Димитрий Уаров, с орешками в горсти, растерянно смотрел на благодетелей и бледнел на глазах.

— Нет... — выдохнул он. — Не могу...

— А человечество? — не удержался шкипер.

— Ну... — беспомощно проговорил Уаров, прижимая пакетик к груди. — Пусть уж тогда... Такой ценой... Нет.

— Кы-ыв... — жалобно поддержала его сверху ворона.

— А ну пошел без разговоров!.. — мгновенно лишившись голоса, просипел Прохор. — Я из-за тебя, козла, заказом рискую! Быстро, пока не заломал!

— Ломайте, — жертвенно согласился Уаров. Мраморное лицо его было прекрасно.

Но тут уже начал багроветь Андрон Дьяковатый, причем багрец стремительно переходил в синеву. Глаза шкипера угрожающе выпучились.

— Бя-гом!.. — страшно и широко разинув пасть, грянул он по-сержантски. Достал его Уаров. Крепко достал.

Не вынеся столь жуткого зрелища, оглушенный Димитрий на ощупь нашарил дрогнувшей рукой нужный рычаг — и поспешно, чтобы не сказать, суетливо, исчез из этого мира. Вместе с машинкой и пистолетом в брезентовой наплечной кобуре.

— С предохранителя снять не забудь... — запоздало крикнул вслед ему Прохор.

Вот потому-то и не любит народ интеллигенцию. Эта их перемежающаяся порядочность кого хочешь из себя выведет. Уж лучше цельные гармонические натуры, называемые также мерзавцами! От них, по крайней мере, знаешь, чего ждать.

* * *

Андрон вскинул на плечо рюкзачок с инструментами и уже сделал шаг к виднеющейся сквозь ветви насыпи, когда обнаружил, что спутник его стоит неподвижно, воздев натруженный убийствами указательный палец и таинственно выкатив левый глаз. Правый, как всегда, напоминал червоточину и чувств не выражал.

— Ты чего это?

— Тише... — прошепел Прохор в мистическом ужасе. Или в мистическом восторге. — Сейчас...

— Что сейчас?

— Все бабы сейчас навернутся... Разом!

Так, наверное, ослепленный Самсон, сдвигая поддерживающие дом столбы, сипел: «Умри, душа моя, с филистимлянами...»

— Делать тебе нечего! — с досадой сказал Андрон. — Видишь же: ничего не случилось. Значит, и не случится... Пошли с тележкой разбираться. А то долбанет посреди рощи — мало не покажется!

Спутник не услышал. Потом, по прошествии минуты, воздетый перст его утратил твердость, а левый глаз наполнился разочарованием, даже обидой.

— Промазал... — скорбно констатировал Прохор. — Говорил же ему: в корпус цель, а не в голову... При-дурок!

— Хорош горевать. Живы и живы. Пошли.

— Нет, но как это можно было? — не унимался Прохор. — Из такой пушки не завалить!

— Снайпера нашел... Да и не стрелял он, скорее всего.

— Как?!

— Так. Попробовал, видать, в другие времена перекинуть. Ох, чуется мое сердце, пришибла она его. Бабочка-то — сам видел...

— Ну и кто он после этого?!

— Слышь! — сдерживаясь из последних сил, напомнил Андрон. — Тележка на подходе...

Прохор резко выдохнул и взял себя в руки.

— Ладно, — угрюмо подвел он итог. — Заказ я выполнил, а дальше уже их дело...

В молчании путники выбрались из рощицы и направились к платформе. Шли, не зная, то ли радоваться, то ли огорчаться.

— У тебя сотик в рюкзаке пишит, — сердито заметил Прохор.

— Откуда? — буркнул Андрон. — Я ими уж пять лет как не пользуюсь.

* * *

Выпутали мачту из веток и, мысленно благодаря Бога, что не дал им времени снять девальваторы, выкатили облегченную до предела платформу на место попросторнее. Прохор приволок откуда-то три мертвых тела в камуфле и живописно рассадил их на палубе. Подняли парус. Ветер с прежним упорством дул в направлении дачных поселков. Вскоре в лесопосадках пошли прогалы.

— Прыгаем! — скомандовал сиплый Прохор. — Вон она...

Действительно, вдали, на том самом бугорке, которым сегодня завершилось их бурлачество, навстречу паруснику бойко бежало по рельсам нечто небольшое и самоходное.

— Ну, прощай старушка... — Андрон, скривившись от жалости, похлопал по самодельному поручню. Подхватил рюкзачок и, сойдя по ступенькам железной лесенки, соскочил на твердую землю. Скорость была еще невелика.

Проход лесенкой пользоваться не стал и, по своему обычаю, просто махнул через борт.

Приостановились, глядя вслед уходящему в последний путь кораблю — и у обоих зашемило сердце. Вроде все рассчитали правильно: на глазах многочисленных (возможно, в том числе и зарубежных) наблюдателей отчаявшийся террорист шел на таран, столкновение предстояло не в рошицах, а среди чиста поля, — и однако, видя удаляющуюся корму израненного, издырявленного одномачтовика, гордо идущего на верную гибель, трудно было не чувствовать себя подлецом.

— Сходил, называется, до Слиянки, — заглушая голос совести, Андрон крикнул. — Да, удружил мне Димитрий... Дальнобойные машинки теперь точно запретят. А то и все разом... У них ума достанет. И на что жить?

— А счет? — напомнил Проход, видимо, ухитрившийся подслушать и этот разговор шкипера с пассажиром. — Он же тебе номер счета оставил.

— Думаешь, на новую хватит? — Осунувшись, Андрон неотрывно смотрел на уменьшающийся латаный парус.

В небесах опять заревело, засвистало. С вертолета-разведчика тоже, видать, заметили, что преступная платформа рискнула покинуть свое логово и сама ринулась навстречу опасности.

— Может, она, тележка эта, где-нибудь там с рельс сошла? — с надеждой предположил Андрон — и в этот миг грянуло. Никто не знает, сколько ящиков с боеприпасами загрузили воюки на маленький колесный брандер, но громыхнуло знатно. Долбануло — как из динамика.

Вспучилось грязноватое пламя, в воздух начали всплывать доски, трупы, оси, колеса, треть мачты с обрывком вантов — и Андрон отвернулся. Что-то простонало над головами и во что-то с хрустом вцепилось. В рошице завопила насмерть перепуганная ворона. Потом обломки вдалеке стали оседать, перспектива очистилась, и только пожар продолжал полыхать на путях. Стало потише.

— Хорошо еще не назвал ее никак, — перехваченным горлом выдавил Андрон. — Хотел ведь назвать...

— Кого?

— Платформу... Какой-никакой, а корабль...

— Слушай, ну сотик же надрывается! — не выдержал Прохор.

— Нет у меня сотика! — отгрызнулся Андрон и осекся. Чертыхаясь, сбросил с плеча рюкзак, расстегнул, раскрыл. Зудящий звук стал громче, отчетливей. Умелец сунул руку в недра мешка — и выудил оттуда неопиcуемый артефакт явно собственноручного изготовления. Вещица стремительно подрагивала рубиновым глазком и легонько жужжала.

— Вот те хрен... — изумленно выдохнул самородок и вскинул глаза на Прохора. — Зря ты, выходит, огорчался. Все ему удалось.

— Что это за...

— Это-то? Да, видишь... Заказал мне один чудик хренотеньку, чтобы она его о конце света предупредила... в смысле — мигнула, бибкнула...

— А то бы он без нее не понял!

— Ну мало ли... Вон в любом киоске определители настроения продают. Ну кто, скажи, лучше тебя знает о твоём настроении? А все равно покупают. Так и тут.

— Погоди... — Смертоносная пятерня сомкнулась на предплечье умельца. — Что-что, ты говоришь, Димону удалось?

Андрон едва не выронил артефакт.

— Как что? Человечество уничтожить.

Пальцы, помедлив, разжались. Прохор поглядел на тухлявые шпалы, на взмывший в зенит вертолетик, оглянулся на дымящиеся обломки платформы.

— Непохоже, — холодно заметил он.

— Ясно, что непохоже, — берясь свободной рукой за поврежденное место, недовольно отозвался Андрон. — Видишь? — предъявил он продолжающее зуммерить изделие. — Мигает! Как мигнет разок — так конец света... И тут же отбой.

— Отбой чего?

— Конца.

— Не понял...

— Сейчас объясню, — пообещал Андрон. — Про парадокс дедушки слышал?

— Дедушки?..

— Ну, это когда ты отправляешься в прошлое и убиваешь там своего дедушку...

— Что, и такой заказ был? — вконец ошалел Прохор.

— Да нет же! Это для примера... Ну вот прикинь: отправился Дима в прошлое, убрал оттуда единственную женщину... Так?

— Так.

— Значит, что? Значит, нет человечества. А не было человечества — не было и Димы... Так или нет?

— Так...

— А не было Димы, значит, никто не отправлялся в прошлое, никто никого не убирал... А раз не убирал — опаньки! — есть человечество. Вот они, мы с тобой, стоим разговариваем.

— Ну... — Левый глаз бойца очумело помаргивал чуть ли не в такт рубиновому огоньку.

— Но раз стоим разговариваем, то, значит, Дима-то все-таки отправился в прошлое! Сами отправляли. А раз отправляли...

— Т-то есть... полсекунды мы существуем, а полсекунды...

— Да! — радостно вскричал Андрон. — Вот тебе и весь парадокс! Так и знал, что и тут нас дурят!

* * *

Каким именно образом удалось Димитрию Уарову заткнуть пресловутое бутылочное горлышко, не позволив джинну человечества вырваться наружу, видимо, останется загадкой. Скорее всего, выдворил бедную женщину из родного неолита в какой-нибудь кембрий (хорошо еще, если не мел), а пистолетом, надо полагать, так и не воспользовался — характер не тот. Хотя, конечно, мог и пальнуть с перепугу.

Гадать о том, что стало с ним самим, занятие малополезное и, прямо скажем, неприятное. Настроение оно не повысит. Если по завершению хронотеракта Уаров остался лицом к лицу с волосатыми разъяренными Адамами, то, несомненно, был грубо зарублен на месте каким-либо примитивным орудием. Если же он и сам отправился с Евой неизвестно куда, то почти наверняка пал от ее руки. Романтический вариант (Ева + Димитрий = ...) исключен изначально, поскольку чреват восстановлением человечества, что, в свою очередь, опровергается бибиканьем и миганием Андропова артефакта.

А с другой стороны, интеллигентика этого и в Баклужино рано или поздно пришибли бы. Что в лоб, что по лбу. Поди теперь пойми, прав был или не прав старый шкипер, предупредивши сразу после обстрела: «Пожалеешь еще...» Трудно сказать, что предпочел бы сам Уаров: удар кремневым рубилом или прямое попадание ракеты «воздух — земля».

Тем не менее, снова увидев под елью оттиснутые в мягкой почве следы четырех ножек исчезнувшей машинки, Андрон Дьяковатый испытал легкую грусть и даже виноватость. Вспомнилось, как, беспомощно улыбаясь, Димитрий нелепо вздергивал верхнюю губу и подвертывал нижнюю. Опустела поляна. Ворона после взрыва тоже убралась — то ли от греха подальше, то ли к греху поближе.

— Н-да... — нахмурившись, вымолвил Андрон и с озабоченным видом повернулся к сваленному грудой скарбу. — Ну и как теперь отсюда все это вызволять?

Поглядел на Прохора. Тот по-прежнему пребывал в раздумье, переходящем временами в тяжкое недоумение.

— То есть это что же? — проговорил он почти с возмущением. — Это получается, что теперь наша жизнь как бы дырявая? В прорехах?

— Можно сказать и так, — согласился Андрон.

— А почему же мы тогда этих прорех не замечаем? — Прохор осекся. — А-а... — осененно протянул он чуть погоды. — Вроде как фильм смотришь, да? Кадры ведь тоже быстро мелькают...

— Н-ну... не совсем поэтому, — Андрон поморщился. — Тут хоть быстро, хоть медленно. Просто человечества-то в этих прорехах нету. Как ты что заметишь, если нет тебя?

Прохор оцепенел вновь.

— Да не майся ты! — Андрон опрометчиво ткнул его кулаком в плечо, чуть запястье себе не свихнул. — Заказ ты по всем пунктам выполнил... Кстати, — спохватился он. — Тебе, может, свидетель нужен? Ну там, в «Ёксельбанке»... подтвердить...

Прохор очнулся, разомкнул спекшиеся губы.

— Да, пожалуй... — выдавил он. — Вообще-то мне везде на слово верить, но... Лучше, если специалист объяснит.

* * *

Загодя снятое с героически погибшей платформы барахло убедить не удалось бы в любом случае. Было ясно, что, оставив оцепление на месте взрыва, вояки, скорее всего, прочешут и рощицу, объявленную в прессе последним плацдармом террористов. Даже если схрон не привлечет их внимания, за вояками в лесопосадки как пить дать нагрянут «черные копатели» и многочисленные фанаты Димитрия Уарова, не говоря уже о дачниках.

Поэтому, посоветовавшись, поступили так: наиболее ценными вещами набили два рюкзака, а остальное сложили в овражек, слегка забросав еловыми лапами. Затем Андрон с помощью верной двуруч-

ной пилы дозвонился до Ильича и выдал точные координаты тайника, восстановив таким образом добрые отношения с «Дикой орхидеей».

Приторочив пилу к рюкзаку (средство связи могло еще не раз понадобиться), влезли в лямки и двинулись в направлении рыбацкого поселка Прикольный, что на реке Ворожейке.

— Значит, думаешь, так он в нее и не шмальнул ни разу? — расстроено спросил Прохор.

Андрон покосился на спутника, но правая половина физиономии идущего рядом была по обыкновению статична. Жуть. Как будто полголовы в станок замотало. Вместе с ухом.

— Прохор, а ты не разведенный?

— Холост.

— А с чего ж ты тогда баб ненавидишь? Вин-дао-ян?

Вопрос был задан не без опаски, но, слава Богу, особого впечатления не произвел. Наймит «Ёксельбанка» воспринял его с обычным безразличием.

— Да видел я, что ты подсматриваешь, — ворчливо успокоил он умельца. — Утром тогда, на палубе. — Помолчал, вздохнул. — Нет, тут другое...

Бывший шкипер решил уже, что больше об этом ничего не услышит, когда Прохор заговорил вновь.

— Вин-дао-ян, — несколько сдавленно поделился он, — это школа наша, мужская. А есть еще женская — вин-дао-инь...

— И что? — невольно понизив голос, спросил Андрон.

— Да все то же самое, — угрюмо ответил Прохор. — Только у них вместо ударов захваты...

И как бы невзначай тронул кончиками пальцев правую изуродованную половину лица.

Андрон потрясенно посмотрел на спутника и тут же отвел глаза. Больше вопросов на эту тему не задавал.

* * *

Привал устроили на бугорке, не скрываясь. Все равно внимание общественности было пока что целиком приковано к обгоревшим обломкам платформы. Прохор тут же сбежал в балку, где, раздевшись догола, принялся совершенствоваться в своем высоком искусстве. Временами слышен был треск ломающегося дерева. Андрон распахнул рюкзак и, развязав пластиковый кулечек с белым мусором, занялся помигивающим жужжащим артефактом.

Увлечшись, не заметил, как минуло полтора часа.

— Что-то хитрое у тебя получается, — уважительно заметил вернувшийся из балки Прохор.

— Получается? — задорно переспросил самородок. — Скажи лучше: получилось... Глянь!

Помигивающая жужжалка обзавелась окулярчиком.

— Прицел-то зачем? — не понял Прохор.

— Вот ты давеча насчет прорех помянул, — возбужденно пояснил Андрон. — А мне интересно стало: что ж в этих прорехах-то?

— Как «что»? — опешил Прохор. — Ничего. Сам же говорил.

— Э, нет! В прорехах только человечество исчезло. А природа — как была, так и есть. Представляешь, благодать? — С этими словами изобретатель приложил окуляр к глазу — и надолго замер. Лицо его стало всё задумчивей и задумчивей.

— Что там? — любопытствовал Прохор.

— На... — как-то неуверенно предложил Андрон, протягивая вещьцу.

Прохор взглянул в окуляр и отпрянул.

— Кто такие? — оторопело вырвалось у него.

— Хм... — Умелец ошеломленно подергал себя за мочку уха. — Вишь ты... — пробормотал он. — Выходит, прав был Димитрий!

— В чем?

— Ну... свято место пусто не бывает... все ниши заполнены... Как он еще говорил? Уберешь короля, а на трон уже очередь в затылок выстроилась.

— Так что там за уроды?

— А черт их разберет! Ниша-то от человечества пустая осталась. Ну вот, стало быть, эти ее и заполнили.

Андрон умолк. Упрямые обветренные губы дрогнули в скорбной улыбке. Все-таки не зря сгинул Димитрий в своем неолите. Благодаря ему противоестествоиспытатель мог теперь утверждать почти наверняка: во имя чего бы ты ни курочил прошлое — результат отрицательный. То есть тоже результат.

Уяснив, что продолжения не будет, Прохор еще раз припал к окуляру, но надолго даже его железных нервов не хватило — сплюнул от омерзения и вернул изделие изобретателю.

— Нет, — искренне выдохнул он. — Уж лучше мы!

Дмитрий ВОЛОДИХИН

ЁРШ МОХИТО ИНКОРПОРЭЙТЕД

Взаимоотношениям фантастики и традиционной литературы «Если» посвятил не один материал, но одну любопытную тему мы совсем не затрагивали. За дело взялся московский критик.

Между прозой основного потока и фантастикой, как известно, полным-полно мостов и мостиков. Их проспекты кое-где переходят в наши и наоборот. Госграница между двумя литературными державами размыта, да и важна-то она больше для книготорговцев-оптовиков и товароведов в больших магазинах, чем для читающей публики. Совсем другое дело — критика, порожденная на фантастической и мейнстримовской почве. Эти две дамы почти не встречаются друг с другом. Сходство между ними примерно такое же, как между теркой для овощей и щипцами для завивки волос.

Прежде я полагал: тамошние критики — не чета нашему брату. Профи. Специалисты. Монстры мощи. Или мощи монстров? Словом, нечто невообразимо величественное. Знаю точно: у многих людей-от-фантастики такая же точка зрения. Однажды мне пришлось слышать от одного из крупных деятелей нашего сообщества: «Хочу привести в мир фантастики опытных критиков из большой литературы. НАСТОЯЩИХ. Понимаете?»

Понимаю, да.

Но в последнее время мое

мнение претерпело метаморфозу. Ситуация гораздо сложнее, чем банальное: «Они — лучше, а мы — хуже». Нет, суть у этой композиции иная. Там, где у них густо, у нас пусто. Сушая правда. Но зато там, где пусто у них, пожалуйста, у нас кое-что есть за душой...

Как это сделано?

Прежде всего: где, собственно, «густо» у мейнстримовских критиков? В чем их сила сравнительно со слабыми позициями критики, функционирующей на пространстве фантастической литературы?

В сущности, есть всего два значительных преимущества, выгодно отличающих «ту сторону». Их можно условно обозначить как «школа» и «статус».

Причем первое из них несравненно важнее. По большому счету, оно составляет территорию для нашего развития. Во всяком случае, для тех фанкритиков и тех Ф-журналов, которые испытывают желание развиваться. Итак, среди наших критиков крайне мало людей, получивших филологическое образование, имеющих навык литературоведческого анализа и способности оценить арсе-

нал художественных приемов того или иного автора. Откуда — за редким исключением — рекрутировались наши критики? Чаще всего из фэндома. Или же из числа эрудированных читателей, способных связно изложить мнение о художественном тексте. Лучшие, ударные качества известного «фантастоведа» — бойкий стиль и начитанность на грани начетничества. «А помнишь, в 89-м у него вышла первая книжка, ну, еще маленькая такая, рижская?» — «Первая вышла годом раньше в пропагандистском издании ЦК ВЛКСМ, и он до сих пор от этого страдает и первую свою книжку за первую не держит». Или: «Сколько знаешь переводов «Хроноклазма» Джона Уиндэма?» — «Если без «самопала», то три». — «А вот и врешь, четыре!» Соответственно, даже лучшие из нас в огромном большинстве случаев ОПЯЗом не обезображены, не носят с собой отвертки, не могут «развентить» «Тарантас» В.Сологуба и посмотреть, как и из чего он сделан... Каким бывает сюжет в рецензиях фанкритиков? «Лихо завернутым», «бойко закрученным», «динамичным», «линейным», ну, в лучшем случае, «дискретным». Это уже высший класс! На то, чтобы предложить читателю сколько-нибудь подробную схему, расписывающую, с помощью каких художественных средств оный сюжет закручен, почему его сделали дискретным, на какую литературную традицию ориентировался автор, творческой мощи на-

шей братии хватает в одной из полсотни рецензий. Впрочем, вру. Из сотни.

Нам учиться надо. Нам нужен тупой, примитивный ликбез. Курсы повышения квалификации при Литинституте. Говорю ли я это про каких-то непонятных людей? Да нет, все про тех же и про себя в их числе. Существует список из полсотни десятков членов жюри профессиональной премии критиков «Филигрань». В сущности, оттуда можно выщелкнуть двоих или троих, прочих же следовало бы посадить за парту и нещадно бить по носу линейкой, как только начнут (начнем!) задира́ть его со словами: «Да мы это и так потрохами чуем! Она скока у нас публикаций!» У нас нет школы. Нам нужна школа.

В мейнстриме порядочный критик с «отверткой» управляется на раз. Они там лентяи и павлины, но при необходимости могут разобрать текст на колесики не хуже, чем третьеклассник разбирает пластмассовый луноход с мигалкой. Мы — не очень-то.

Преимущество статуса — из другой области. Жанровый критик чаще всего представляет собой ромашку, вольно плавающую между рекламой, дружескими комплиментами и фэнской яростью. Он, по большому счету, необязательная примочка на могучем теле литературного процесса. Прыщик. След от поставленной банки. Если завтра все критики от фантастики полетят на свежий конвент во Владивосток в одном самолете,

да и разобьются на полпути, многие ли заметят потерю? Если убрать из НФ-журналов и профильных электронных ресурсов наши статьи и рецензии, это не убьет ни журналы, ни ресурсы. Пожалуют: мол, помогало ориентироваться на рынке... Да и все, пожалуй.

В мейнстриме ситуация иная. Там без обильного критико-литературоведческого отдела не может состояться ни один журнал. Там критик — абсолютно обязательная фигура. Там он и рецензии пишет не в размере расширенных аннотаций (2000—3000 знаков с пробелами), а такие, чтобы было, где высказаться как следует (6000—12000 знаков с пробелами). Там возможны издания, полностью состоящие из критики, библиографии, публицистики, литературоведения.*

Как исправить недостаток статуса? Я не знаю. Возможно, став «дороже». Иными словами, приобретая все ту же «школу».

Кое-кто называет еще одно преимущество мейнстримовской критики, которое при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзорным. В фантастике мало критиков. Они все на виду. Скольконибудь заметных персон — десятка три-четыре (считая сетевых). Писателей-фантастов раз в пятнадцать, наверное, больше. Если только не в двадцать. И это — если

отчекрыжить от литреестра людей-без-книг. В противном случае соотношение выйдет просто убийственное. Критик в толпе фантастов заметен до такой степени, словно его с ног до головы покрыли фосфоресцирующей краской. Едва он опубликует с дюжину рецензий, как обзаведется — желая того или нет — обоймой друзей и ворохом недругов. Благороднейшая в таких случаях позиция: молчать о друзьях, когда они плохи; в худшем случае высказывать им свое мнение приватно и не выносить на всеобщее обозрение. Добавим сюда отказ от суждения о людях, которые критику по личным причинам антипатичны, и выйдет почти ангельская личность.

Что происходит на самом деле? Ангелоподобные критики встречаются один на десять. Прочие из нас повязаны по рукам и ногам компанейщиной. На многих как будто наложены вериги многообразных «удобно», «неудобно», «обидеть», «не обидеть», «вместе пили», «не пили, но скоро выпьем», «а тот гад с нашими не выпил», «а этот гад выпил, а потом все равно распростирил слух». Наш фантастический мир — слишком плотная корпорация. От дружеских объятий порой не продохнуть... Существуют в современной российской фантасти-

* С января 2007 года в Петербурге стал выходить информационно-критический ежемесячник «Фантастика», однако собственно литературная критика там занимает минимальный объем. По большому счету издание ориентировано на потребителей кино и компьютерных игр. (Прим. авт.)

ке определенные идейные лагеря — правда, сравнительно с мейнстримом более размытые, — и если ты «состоишь» в одном из них, о чем и о ком бы ты ни писал, «правду лагеря» в твоих словесах непременно отыщут. Есть она там или нет ее...

Впрочем, все то же самое в основном потоке составляет привычную реальность. Но мне казалось (да и не мне одному), что при наличии «партийных побоищ», для нас не столь уж обычных, хотя бы от компанейщины люди основного потока избавлены в большей степени. Что ж, лет двадцать назад так оно, наверное, и было. Процент критиков относительно общей массы пишущих людей там был выше, корпорация не столь компактная, критики не в фокусе внимания... Процент и сейчас выше, но само положение литератора в нищем мейнстриме крайне непрочно, и там люди с 90-х годов научились сбиваться в стаи, поддерживать друг друга, «пробивать» интересы друг друга, работать на «легенды» друзей-товарищей. То есть и там, словами Олега Дивова, «шаманят» критики все больше на благо «соседской общины».

Язва компанейщины у нас с мейнстримщиками общая. Вот радость-то!

О чем это написано?

И все-таки, как говорила одна из жен Абдуллы, «мы не так уж плохи». Гроб и похоронный реквием заказывать рано. Рассылать при-

глашения на собственные похороны тоже пока не стоит, хотя церемония получилась бы шикарная.

Внимательное прочтение корпуса рецензий и критических статей за последние два-три года в нескольких толстых литературных журналах привело меня к выводу: бывает король без одежды, а бывает одежда без короля. Критик-мейнстримовец сделает текст-анализ, укажет, к какой традиции, к какому течению, группировке, школе следует относить автора, какие аналоги есть за рубежом, а какие — в русской классической литературе, выявит «в чем преодолен постмодерн» и где тут «местный текст», проведет «деконструкцию» и даже «обнажит дискурс». Он все сделает классно, как профессионал. На высшем уровне. С приличествующим случаю количеством интеллектуальных рюшечек.

Только не скажет главного: о чем, собственно, книга?

Какой-то рок, нависший над современной критикой основного потока, заставляет тамошних людей в большинстве случаев писать обо всем, кроме сути. Словно кто-то глумливо указал: «Делайте все, что хотите, но посылайте — это, право, смешно». Вот и выходит нечто вроде школьного сочинения «Как я провел лето», в котором половина текста посвящена дороге в деревню к дедушке, а вторая половина — возвращению в город к родителям...

Наш брат в большинстве случаев такого греха не знает. На-

против, наш критик с энтузиазмом бросается искать в книге «главное зерно». Ему-то как раз интереснее всего докопаться до того, «что хотел сказать автор и как у него это получилось». До рюшечек руки не доходят: объем нам дают не тот, да и рюшевозальных умений не хватает. Зато критик от фантастики не испорчен чрезмерной изощренностью. Ему интересна истина, а если истиной в книге не пахнет, то уж хотя бы «правда жизни». Он твердо знает: без «вечных вопросов» литература превращается в развлекаловку, и тогда остается судить лишь об одном — мастеровито выполнена книжная продукция или там сплошной «свист чайника». Вот ску-ука... Поэтому наши (все, кто чего-нибудь стоит) всегда ищут эти самые вечные вопросы и комментируют найденное, не стесняясь жесткости суждений. Нормальное дело для наших палестин — «спор за правду», бескомпромиссный и свирепый. Сшибаются писатели и критики, а то и критики между собой, каждый тащит на поле брани свою железяку-эталон и косит ею ближних... Встретившись на конвенте, спорщики могут вцепиться друг в друга оффлайн. Иногда литдискуссия Ф-общества напоминает драку детей в песочнице. Но в этих поисках и в этих драках есть что-то настоящее, как в бизоне работы палеолитического художника в сравнении с творчеством авангардистов или абстракционистов.

Что-то, придающее нашей первобытной наивности, нашим экспедициям за правдой и нашим потасовкам высокий смысл.

* * *

Итак, критика-от-фантастики простовата и неотесанна, она вроде известного народного напитка «ёрш». Эффект от ерша самый что ни на есть: незамысловато, но пробирает. Современная мейнстримовская критика больше напоминает коктейльчик с зонтиком, «пину коладу» или «мохито»: экзотично, на пляже каком-нибудь сойдет вполне, но... градуса нет. Ведро надо принять, чтобы «схватило».

Полагаю, лучший путь для жанровой критики наших дней — избавиться от «простоты», не потеряв искренности. Объединить «пробойный эффект» от ерша и утонченность мохито. Для этого очень нужен постоянно действующий семинар фантастоведов. Очень нужна профессиональная премия «критиков для критиков» (гамбургский счет). Очень нужно специализированное издание, где критик, не стесненный редакционными требованиями литературных журналов, избавленный от пресса компанейщины, мог бы изощряться в полную силу своего таланта.

Иными словами, чуть побольше свободы, чуть побольше странства и существенно больше знаний. Тогда — сама пойдет!

Что ж, рискнем поинтересоваться: какие претензии у наших писателей накопились к жанровым критикам?

Геннадий ПРАШКЕВИЧ:

На мой взгляд, профессиональная критика существует для того, чтобы помочь несведущему человеку (а такие сейчас преобладают) из моря книг правильно выбрать и объяснить ту, которая отличается наибольшими достоинствами. Определение «правильно» зависит от точки зрения: 1) автора, вольно или невольно навязывающего критику и читателю свою точку зрения; 2) читателя, всегда жаждущего найти только то, что ему хочется найти; 3) критика, обладающего тем или иным знанием литературы. Ко всему этому профессиональный критик обязан указать место анализируемой книги в общем пространстве литературы. Или хотя бы в пространстве жанра.

На самом деле все обстоит совсем не так.

Открыв страницу, посвященную фантастике, в том же «Книжном обозрении» (издание взято наугад, оно ничем не хуже многих других, а в чем-то и лучше), мы сразу видим чисто рекламный ряд. «Автор говорит о верной дружбе, неизменности семьи, самоотречении — о тех ценностях, которые не должны быть забыты...» Это Юлия Коржавина представляет книгу М.Костина. «Уишу некогда было удивляться: ведь у него есть только семнадцать часов, чтобы сгонять в Ссылку, найти похищенный циклопом кристалл, поцеловать девушку, проникнуть в замок влиятельного бандита Гленсуса, разгромить столицу народа «паучников» и напоследок разрушить незыблемую структуру бюрократического аппарата Средоточия Пространств и сами Пространства в придачу...» Это Екатерина Алхимова о новом романе И.Новака. «Юлия Остапенко считается восходящей звездой русской фантастики. Дебютировала она с рассказами (так в тексте, — *Г.П.*), которые принесли ей успех, затем перешла к более крупной форме...» Это Анастасия Рогова хвалит книгу упомянутой писательницы.

Возможно, Рогова—Алхимова—Коржавина — это один человек. И, возможно, Остапенко—Новак—Костин — тоже один человек. И тот, и другой (и те, и другие) пишут одинаковые тексты, и тот, и другой (и те, и другие) одинаково их оценивают. Одно время казалось, что, может быть, Роман Арбитман сможет расшевелить, поднять своим критическим плугом залежалые, спекшиеся от бесчисленных повторений пласты «нового». Но и Роман Арбитман не выдержал, сильно одичал в неравной борьбе с нежитью. А нежить (или бюрократический аппарат Средоточия Пространств) бурно воспроизводит сама себя, бюрократический аппарат растет.

Такова структура текущего момента.

И нет и не может быть у меня претензий к современной жанровой критике.

Эта критика занимается не литературой, а тем, что сегодня лежит на полках магазинов. Эта критика работает не на жанр, а на ту или иную тусовку, на тех или иных отдельных авторов. Эта критика рекламирует миры, которых нет, страсти, которые чужды нормальному человеку, образ жизни, который никогда не был реальным и никогда таковым не будет. Функция ее проста: как можно доходчивее объяснить читателю, почему тот или иной абсолютно стандартный товар надо потреблять во все более возрастающих количествах. Да, конечно, есть несколько достойных имен, но даже они имеют сегодня дело с ограниченным авторским рядом, рекламируют устойчивый валовой продукт.

То, что я говорю, не отторжение и не проклятие.

Время от времени появляются книги, о которых стоит писать и надо бы писать. Но жанровая критика этого не умеет. Она ангажирована, поскольку призвана заниматься рекламой. Вот почему нет у меня никаких претензий ни к Роману Арбитману, время от времени всплескивающему окровавленными руками, ни к Алхимовой—Роговой—Коржавиной, обещающей нам очередную победу над очередным бюрократическим аппаратом.

Вадим ПАНОВ:

Признаюсь откровенно: получив предложение выступить экспертом, я не колебался ни секунды. Мысли буквально роились в голове. Критики! Сколько всего интересного можно сказать о них!

Я уселся за компьютер в состоянии радостного возбуждения. Положил руки на клавиатуру, намереваясь высказаться... Нет! **ВЫСКАЗАТЬСЯ!**

И задумался.

А о чем, собственно, высказываться?

О том, что многие современные критики (и жанровые, и боллитровые) связаны корпоративными или дружескими обязательствами? Что, если люди понравились друг другу, подружались или примкнули к одной ОПГ (Организованная Писательская Группировка), то один будет хвалить книги другого, невзирая на отсутствие внятного сюжета, бедность языка и вторичность идей?

О том, что большинство современных критиков мы называем критиками исключительно от щедрости душевной?

О том, что само понятие «критик» в последнее время размыто до чрезвычайности? Ведь если вдуматься, у многих нынешних белинских нет в активе ни одной критико-аналитической статьи, сплошные отзывы в три—пять абзацев. Скажете, что таков нынешний «формат»? Так назовите себя обозревателями, не морочьте людям головы.

О чем еще? О том, что некоторые критики не читают книг, на которые стряпают отзывы? Что мейнстрим-критика не замечает фантастику, а потому в ряды жанровых критиков рекрутируются люди, не имеющие не то что специального образования, а и вовсе без высшего образования.

Обо всем этом говорено не один раз, слова давно превратились в горюх, летящий в стенку. В гладкую деревянную стенку.

Так о чем же поговорить?

Может, об уважении? О самоуважении? Об отношении к своему труду?

Каждый из нас стремится достичь успеха в своем деле, стремится получить признание. Писатель хочет, чтобы его книги читали, гонщик — приехать к финишу первым, музыкант мечтает, чтобы его мелодии насвистывали на улицах.

Жаждет успеха и критик. Однако задумаемся: что есть мерило его заслуг? Я полагаю, главный показатель качества работы критика — доверие читателей. Настоящее доверие, которое приходит только тогда, когда люди уверены, что книга проанализирована честно и принципиально. Люди должны быть уверены, что критик сможет похвалить роман «литературно-го противника» и объективно поругать книгу друга.

Однако подобное доверие, а значит — уважение, заработать неимоверно трудно. Представляете, сколько человек отвернется при появлении честного критика на каком-нибудь конвенте? Сколько обид будет затаено? Сколько злобных сплетен пойдет гулять за его спиной? Представили? А теперь вспомните исходную аксиому: каждый из нас стремится к успеху, признанию, каждый жаждет любви. Желательно быстро и побольше, побольше.

Вот и хвалят книгу только за то, что автор — хороший парень. И поносят тех, с кем не сложились отношения. Однако справедливости ради скажу, что ругательные отзывы в последнее время встречаются реже оазисов в пустыне. Дружить полезнее.

Вот только надо помнить одну простую вещь: чтобы восторженно хвалить или огульно ругать, ума не требуется. А многие из вас уважают дураков?

Увы, потеряв настоящее уважение, критики лишились возможности влиять на писателей, давить на них авторитетом беспристрастного наблюдателя. Разве можно давить тем, чего нет? И потому на любое справедливое обвинение критика в свой адрес каждый МТА может с ухмылкой ответить: «Знаешь, Петя (Миша, Вася, Коля), ты вчера Гришу (Диму, Юру, Юлю) похвалил, а его (ее) текст по сравнению с моим — полный отстой». И ведь почти наверняка МТА окажется прав, потому что в багаже практически любого современного критика найдется благожелательный отзыв на беспомощное сочинение приятного лично ему человека. Некоторым критикам кажется, что запас доверия еще высок? Вынужден вас огорчить, ребята: он исчерпан.

«Ты меня уважаешь, я тебя уважаю — мы с тобой уважаемые люди». И вспархивают над фэндомом маленькие птички, гадающие елеем на писательские души. Помните «критический» текстик, над которым ухохатывалась интеллектуальная часть фэндома? Ухохатывайтесь дальше — текстик признан одним из лучших за 2006 год.

Андрей ВАЛЕНТИНОВ:

Почему-то нашу критику и наших критиков принято ругать. Можно понять конкретного автора, пребывающего в обиде на конкретного Зоила (вместо «гениальный» написал «талантливый» — не простим!). Но чтобы всех — и сразу? Честно говоря, не понимаю.

Если ругают, значит, хотя бы чего-то иного, лучшего. Интересно, чего конкретно?

Нужен ли нам сейчас Белинский от фантастики, литературный диктатор, навязывающий свое единственно верное мнение пастве? Думаю, обойдемся — у самих мнение имеется, равно как и голова на плечах. Были у нас уже претенденты в Белинские, вспоминать не хочется.

Может, нам требуется профессиональный анализ произведений со всем набором заушной терминологии, чтоб челюсти сводило?

И без этого обойдемся, нам и понятных слов хватит. Желающие странного имеют возможность заглянуть в работы литературоведов, которым сложность по профессии положена — и получить удовольствие.

Критики пишут и печатаются редко? Так и запас собственных СМИ у нас невелик. Критические публикации имеются в каждом номере.

Что-либо срочное вполне можно выложить в Сеть, что и делается.

Критиков мало? Не так уж и мало, кроме того, мы знаем каждого, а значит, можем объективно подойти к оценке. Если книгу хвалит Владимирский — это одно, Рух — совсем иное, а уж Галина...

Критика излишне комплиментарна? Пишут главным образом о неплохих книгах, которые незачем поливать грязью. Книги плохие лучше вообще не замечать. Так что наши критики вполне справедливо оценивают в первую очередь публикации, достойные прочтения.

В целом наши критики честно делают свое дело: следят за новинками, читают их — и делятся с читателем своим мнением, помогая разобраться и выискивать в глянцево-м вале «фантасни» приличные книги.

Чего еще мы от критиков хотим?

Главное же достоинство наших критиков в том, что они хорошо разбираются в материале и знают, о чем пишут. И пусть пишут.

Анафеме следует предавать не их, а публику из «толстых» журналов, которая лезет судить фантастику, даже не читая ее. Вот по ним и вправду бензопила плачет.

Рецензии

Кристофер ПРИСТ

ЛОТЕРЕЯ

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Должно,

2006. — 352 с.

Пер. с англ.

М. Пчелинцева.

(Серия

«Интеллектуальный

бестселлер»).

4100 экз.

В 1981 году роман произвел настоящий фурор и сразу же поставил автора, известного больше в фантастическом цехе, в один ряд с литературной элитой прозы основного потока. Написанная под ощутимым влиянием Филипа К. Дика, книга тем не менее поражала новизной в рассмотрении глубинных механизмов творчества. Использованный для этого прием на ту пору выглядел свежо и необычно, однако сейчас этот блестящий образец психоделической прозы совершенно незаслуженно кажется вторичным — по сравнению хотя бы с вариациями Харуки Мураками или Хосе Карлоса Сомосы.

Реальность утрачивает свои очертания, когда человек переживает крушение всех устоев налаженной жизни. Как Питер Синклер, потерявший в короткий промежуток времени отца, любимую женщину, работу. Для того, чтобы выжить в этом внезапно ощерившемся на него мире, ради того, чтобы сохранить рассудок, герой пытается вести ретро-дневник, записывая события своего прошлого.

Бессмысленное, как выясняется, занятие, поскольку хроника личной жизни ничего не дает для самопонимания... И тогда Питер пытается определить себя через метафору, то есть, по сути, создает роман судьбы, художественно переосмысливая все перипетии собственных душевных исканий. Но превратившись в героя произведения, он неминуемо становится персонажем жизни: волшебное зеркало, которое он создал своим воображением, возвращает ему странные отражения — словно из иного мира.

Автор же выбирает позицию между двумя зеркалами, тем самым усложняя роман до литературного шифра, психологической загадки, таинственного кода. Жизнь героя становится символом, а «зазеркалье» превращается в реальность, которая, в свою очередь, является отражением символа, что, в свою очередь, предстает символическим отражением действительности... И в конечном счете, сам роман, который пишет герой, превращается в метафору романа.

Сергей Валентинов

Тимоти ЗАН

**НОЧНОЙ
ПОЕЗД
НА РИГЕЛЬ**

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Домино,

2007. — 416 с.

Пер. с англ.

К. Плешкова.

(Серия «Все

звезды»).

3100 экз.

Великая все-таки вещь — литературная технология. Именно она и позволяет англо-американской НФ десятилетиями лидировать на мировом рынке. Ведь сильны фантасты США не отдельными мастерами, а массовой продукцией, производящейся на достаточно высоком уровне. Это когда читаешь книгу и видишь: схема действия украдена из стандартного детектива, подобные персонажи сотни раз встречались в книгах других авторов, даже антураж не слишком оригинален... А поди ж ты: все равно интересно!

Вот и относительно новый (2005 года) роман Тимоти Зана принадлежит к тому же «качественному среднему звену». Сам фантаст тоже, мягко говоря, не Саймак и не Брэдли, однако на протяжении десятилетий издает вполне читабельные романы «твердой» НФ (российским читателям хорошо известны его циклы «Кобра» и «Черные воротнички»). В рецензируемом романе Зан рисует Вселенную, объединенную системой межпространственных туннелей, которыми управляет таинственная раса пауков. И мчатся по этим туннелям поезда, весьма напоминающие обычные составы с локомотивами. Единственное, чего нельзя перевозить с одной планеты на другую, это тяжелое вооружение. Однако Оракул пауков объявил, будто в ближайшее время может разразиться межпланетная война, участники которой сумеют перебросить оружие по туннельной системе. И вот, чтобы раскрыть возможный заговор злоумышленников, пауки нанимают частного детектива Фрэнка Комптона, бывшего агента разведки земного Западного альянса...

Таков зачин этого крепко сбитого НФ-детектива. Именно детектива, причем написанного в духе и манере лучших книг Д.Х.Чейза. Не шедевр, конечно. Глупо от Тимоти Зана ожидать экспериментов со стилем и языком, как и глубокого психологизма или философских обобщений. Однако ощущения бездарно потраченного времени от прочтения книги не остаются. Одним словом — добротное развлекательное чтение.

Глеб Елисеев

Ричард МОРГАН

**СЛОМАННЫЕ
АНГЕЛЫ**

*Москва: АСТ,
2007. — 541 с.*

Пер. с англ.

*Д. Куташова.
(Серия «Science
Fiction»).*
4000 экз.

Поиск сокровищ и прочих артефактов — занятие увлекательное и хорошо оплачиваемое. Места, отмеченные на картах крестами, обладают особой привлекательностью. На сей раз речь пойдет о поиске врат, ведущих к оставленному звездному кораблю цивилизации марсиан — то ли вымерших, то ли ушедших за пределы человеческой ойкумены.

Инопланетные артефакты и вообще ксеноархеология — тема для фантастики привычная. Однако для героев Моргана сложность заключается не в том, чтобы найти сокровища, а в том, чтобы их удержать — традиционная схема, восходящая к роману Стивенсона. Решение данной задачи возложено на наемника Такеши Ковача, уже знакомого читателю по книге «Видоизмененный углерод», где он фигурировал в роли частного детектива. Впрочем, второй роман цикла от своего предшественника отличается разительно.

Харизматичный сыщик переродился в бравого лейтенанта отряда наемников, подавляющих революционное восстание. Вместе с «переквалификацией» главного героя трансформировался и стиль прозы Моргана — текст стал более brutальным и натуралистичным. Описание разнообразных способов расправы Ковача со своими врагами, да и просто людьми, случайно вставшими на его пути, подается не приглажено, даже жестоко. Равно как и живописание всевозможных ран и увечий жертв военных действий. Все это выводит книгу из категории чтения, пригодного для подростковой аудитории.

Вооруженные противостояния, баталии и стычки перемежаются рассуждениями о путях развития марсианской цивилизации и религиозных воззрениях. Однако для текста этого оказалось недостаточно. От заурядных НФ-боевиков роман отличает разве что смакуемая натуралистичность и потуги на демонстрацию читателям «окопной правды» войн будущего.

Не порадовала и работа переводчика, допустившего в тексте чудовищно много всевозможных ляпов — как лексико-семантических, так и фактологических.

Сергей Шикарев

Глеб СОКОЛОВ

АДАМ & АДАМ

Москва: **ФОРУМ**,
2007. — 256 с.
(Серия «Другая
сторона»).
3000 экз.

«Человечество будет разделено на две неравные части...» — Глеб Соколов, кажется, поправляет или уточняет известную формулу Айзека Бромберга. Во-первых, никакой сверхцивилизации, лишь матушка Эволюция. А во-вторых, что важнее всего, человечество делится на три и более класса.

В романе затрагивается нетривиальная идея: из Центральной Африки, откуда вышел в своё время *Homo sapiens*, появляется новое человечество, называемое одними людьми-индиго, а другими — людьми-дьяволами. Эта идея и сама по себе могла бы стать забавной, однако Соколов готовит новый сюрприз: вот-вот опять-таки из африканского леса выйдет еще одно человечество, превосходящее и этих *Homo novus*. А еще по земле разгуливают генетически «пробужденные» неандертальцы. И все эти расы — под видом наших современников. Вокруг всего этого развернута криптологическая антиутопия с махинациями фашиствующих чиновников, с заговором всемирной организации людей-дьяволов с гениальным маньяком-генетиком и благородным русским следователем Иваном Кожедубом, противостоящим всему миру.

Пересказ такого рода может вызвать однозначную реакцию: перед нами очевидный бред. Но в исполнении Соколова подобный сумасшедший коктейль превращается в энергичную, логически выстроенную, остроумную и неглупую книгу. Достигается это странным сплавом сверхэнергичного экшена и демонстративного гротеска, чистого действия и интеллектуальной рефлексии.

Забойный эпизод, гипертрофия характеров и обстоятельств оборачиваются у Соколова отнюдь не пародией на массовые и околomассовые жанры, — это представление мира как насыщенного жизнью пространства, а подобная насыщенность всегда немного чрезмерна (нормативна только серость). Соколов хочет наблюдать и описывать только избыточные, гиперболизированные взаимодействия между персонажами, и как существами разумными, и как носителями инстинктов своих популяций.

Данила Давыдов

**Вадим
ПРОСКУРИН**

**ПРИВИВКА
ОТ КОСМОСА**

*Москва: ЭКСМО,
2007. — 416 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
8100 экз.

Космос — не игрушки! Тем более, что любое путешествие через Вселенную — билет в один конец. Да и вообще: у людей аллергия на межзвездные перелеты. О какой уж романтике вы говорите! Ни тебе суровых капитанов, ни обворожительных стюардесс, ни калейдоскопа новых миров в иллюминаторе. Бороздят бесконечное пространство холодные железки грузовых судов, управляемых автоматами. Правда, на кораблях все же есть несколько капсул для беглецов-неудачников, не сумевших реализовать себя на Земле.

Главный герой романа — один из таких ренегатов, оторвавшихся от счастливого социума. Его цель — затерянная в Дальнем космосе, безжизненная, ледяная планета Мимир. Там-то, на глубине пятисот метров от поверхности, изгой собирается найти свое счастье. Однако судьба прокладывает для героя совсем другой курс...

Ну что тут сказать? Дальний космос. Редкий фантаст проигнорировал благодатную тему: освоение Вселенной — великая мечта человечества. Однако, избрав в качестве декораций для романа космический антураж, автор должен отдавать себе отчет в том, что, сотворив очередной сиквел «Дюны» или «Марсианских хроник», он рискует оказаться всего лишь жалким подражателем.

Не миновал этой западни и Проскурин. Добротный, бодро написанный межзвездный экшен, читается легко, непринужденно... И столь же легко выветривается из памяти — роман сконструирован из стандартного набора приемов. Автор даже не пытается нарушить инструкцию по сборке.

Комплект ситуаций, проходящих на логические задачки, нанизан на единственную сюжетную линию, по которой, словно по проспекту, шествует Алекс Магнум, чернокожий американец из Бронкса. Над бывшим студентом Йеля, а теперь беглецом и отщепенцем, подобно ангелу-хранителю, парит авторское обещание: «Доживешь до финала!» Интригующая завязка уже к середине книги превращается в череду счастливых совпадений и чудесных избавлений.

Николай Калининченко

Михаил ПОПОВ

ПЛЕРОМА

*Москва:
Корпорация
«Солбра»,
2007. — 384 с.
3000 экз.*

Михаил Попов смоделировал ситуацию, при которой возникает нечто вроде рая земного. Одни открывают почти бесплатный и совершенно бездонный источник энергии. Другие находят способ реализовать идеи Николая Федорова относительно воскресения всех ранее живших людей по мельчайшим частичкам праха. Происходит физический катаклизм, в результате которого исчезает возможность удрать куда-либо с Земли, а по всей планете навечно устанавливается «полдень в средних широтах в конце лета». Социальный катаклизм убирает государства, оставляя почти невидимые структуры как-бы-управления. Человечество хорошо кушает и штатно благоденствует.

Весь этот антураж автор монтирует ради ответа на вопрос: если людей освободить от необходимости постоянно вкалывать, переживать от предчувствия смерти и встраиваться в социальные иерархии, удастся ли им «перевоспитаться»? Обратиться к собственным душам, найти всех обиженных при жизни, искупить нанесенный им урон? Тем более что новые власти с ощутимым нажимом подталкивают воскресших к большой этической работе...

Ответ получился неоднозначный. Попов тонко показал: рай земной кого-то делает лучше, а кого-то развращает. И, по словам одной из героинь, старое зло не расщепляется, зато новое синтезируется.

М.Попов в разное время выступал как поэт, автор прозы основного потока, детективщик, фантаст, выпустил два десятка книжек, увешан литпремиями, как новогодняя елка шариками. Он искусно владеет «психологическим письмом», превосходный стилист. И роман его любителям интеллектуальной НФ, полагаю, придется по душе. Если бы еще только автор не лез в табуированную зону «а это все приснилось герою», которая у него реализуется в виде финального постмодернистского выверта — мир совмещается с текстом одного из второстепенных персонажей... Взялся писать фантастику — пиши! И не стоит делать вежливые оговорки, дескать, все вышесказанное, хи-хи, понарошку.

Дмитрий Володихин

Мэтт РАФФ

**КАНАЛИЗАЦИЯ,
ГАЗ &
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО**

*Москва: ЭКСМО,
2007. — 672 с.*

Пер. с англ.

Ю. Федоровой.

*(Серия «Истории
истории»).*

4000 экз.

У каждого времени — свое будущее. И образы будущего, существующие в умах жителей минувших столетий и десятилетий, столь же важны для понимания эпохи, как и исторические реалии. Будущее, описанное в книге Мэтта Раффа, принадлежит 1990-м — эпохе, когда, казалось, наступил конец истории, а самой насущной задачей представлялась защита окружающей среды.

Что ж, за природу можно не беспокоиться, пока на страже стоит экипаж подводной лодки «Ябба-Дабба-Ду» и абордажная команда всего из одного человека — эскимоса по прозвищу Двадцать Девять Названный Снега, который наводит ужас на нарушителей.

А вот за весь остальной мир поволноваться придется. Под Манхэттеном команда Зоологического бюро Департамента канализации сражается с рептилиями и акулами, ежедневно рискуя собственной жизнью. А в это время злобный миллиардер Гарри Гант с маниакальной настойчивостью возводит все новые и новые небоскребы, хотя его бизнес-империи по производству андроидов уже угрожают корпоративные рейдеры. Скоро все сюжетные линии сматываются в тугой клубок. И это только начало — ведь дальше в книге появляются общество женщин, летающая акула и, как водится, всемирный заговор.

Роман Мэтта Раффа дрейфует в той части мейн-стрима, которая тесно связана с фантастикой. Абсурдистская сатира высмеивает основы и мифы американского общества — такие, как индивидуализм, свободное предпринимательство, политкорректность... Книга, однако, не только язвительная, но и по-настоящему смешная.

Рафф играет в ту же игру, что и Дуглас Адамс, хотя и делает это по своим правилам и на другом поле — может быть, менее успешно, но зато задорно и умно.

В числе представленных в издании лестных рекомендаций есть, в частности, отзывы Томаса Пинчона и Нила Стивенсона, что исчерпывающим образом характеризует и роман, и круг читателей, которым он будет интересен.

Сергей Шикарев

«В СРЕДНИЕ ВЕКА ВСЕ МЫ БЫЛИ БЫ ТЕОЛОГАМИ»

В этом месяце знаменитому американскому писателю-фантасту исполнилось бы семьдесят лет. И хотя никто никогда не произносил его фамилию, как это принято у нас, в данном случае автор этих строк готов прекратить многолетний спор и пойти на поводу у стихийно сформировавшегося «общественного мнения». Пусть будет Желязны. Уж больно любопытным получается сопоставление такой фамилии и творчества писателя, которое критики согласно относят к soft science fiction. Буквально — мягкой научной фантастике.

Фамилия Zelazny, конечно, везде в мире произносится не иначе как Зелаэни. Но, понятное дело, ее несомненные славянские корни интриговали наших критиков и фэнов. Желяэны, Желеэный — чешская, польская? А может...

Увы, должен еще раз разочаровать отечественных энтузиастов-старателей, занятых поиском «русского духа» (или хотя бы славянского) везде, где только слышалось. Уж во втором-то поколении наших в Америке нет и быть не может. Конечно, Роджер Желяэны — потомок выходцев из Восточной Европы. Как и покойный Клиффорд Саймак, папа которого звался Иваном Симаком и эмигрировал за океан из-под Праги. Как и многие другие аме-

риканские писатели-фантасты с подозрительно знакомо звучащими фамилиями — Алексей Паншин, Николас Ермаков, Александр Яблоков, не говоря уж о Николасе Толстом! Но, подобно всем перечисленным, Роджер Желяэны был и всю жизнь прожил «стопроцентным американцем». Штаты — это гигантский культурный, национальный и этнический плавильный котел, там все за весьма непродолжительное время гарантированно переплавляются в американцев. И кем по крови были ваши родители — итальянцами, евреями, русскими или вьетнамцами, — решительно никого не заботит. Хорошо это или плохо, другой вопрос.

Даже родившийся под Смоленском Айзек Азимов не помнил

ни слова по-русски и к своей исторической родине никакой ностальгии не испытывал. Как, впрочем, был равнодушен и к еврейским традициям и обычаям, и к иудаизму. Что же говорить о Желязны, родившемся 13 мая 1937 года в городке с забавным названием Евклид — пригороде крупного промышленного Кливленда. В семье обычных американцев, которые и сами-то мало что помнили о родине отцов и дедов.

Этот период жизни будущего писателя замечателен тем обстоятельством, что на него приходятся его первые пробы пера. Биографы писателя отмечали, что Роджер уже в десятилетнем возрасте сочинял «недурные рассказы с чудовищами и сказочными персонажами».

В местном университете Желязны учился на психолога, открыв для себя бесценных учителей — Фрейда, Карла-Густава Юнга и других властителей дум и «властелинов снов». Однако затем, пользуясь известным либерализмом американских колледжей, где студенты вольны менять курсы и даже факультеты, Желязны переключился на филологию (а в качестве хобби занимался дзюдо и другими восточными единоборствами). На место старых кумиров заступили новые — Чосер, Шекспир, Рильке, Уитмен, Томас Манн. Даже из приведен-

ного списка ясно, что в то время ему была особенно близка поэзия. С поэз, а не с фантастики он начал и собственную литературную карьеру. Хотя фантастические рассказы продолжал писать. Но так, для себя...

Осенью 1959 года он поменял и университет, перебравшись в престижный Колумбийский в Нью-Йорке. «Столица мира» поразила провинциала. Театры, музеи, набиравший популярность район богемы Гринвич-Виллидж с его джаз-клубами и особыми кафе, где пробовали все, что угодно. Об этом периоде жизни писатель вспоминал с ностальгией: «Мне казалось, что я осел в Гринвич-Виллидж надолго. Не сообщив никому из добропорядочных друзей-прихожан моего нового адреса, я всецело погрузился в ежедневную рутину: писал стихи, изучал японский и индийский языки. Отрастил огненного цвета бороду, упивался кофе по-восточному и даже научился играть в шахматы. Кроме этого, я попробовал еще и другие столь же популярные местные способы спасения души».

Но удовольствия быстро приелись. Спустя год Желязны вернулся в Кливленд и засел за магистерскую диссертацию по английской драме елизаветинских времен. В конце 1960 года молодой выпускник университета вступил в ряды местного отделе-

ния Национальной гвардии, прослужив шесть месяцев в далеком Техасе, а по возвращении с ходу, без «разгона», написал свой самый известный рассказ — «Роза для Экклезиаста»...

Но все по порядку. Итак, диссертация была защищена, после чего перед молодым филологом встала проблема поиска работы. По специальности он ничего подходящего найти не сумел, зато подвернулось присутственное место в некоей конторе (по-нашему «собес»). То есть всякие там пенсии, пособия, материальная помощь. Представьте себе на минуточку: автор мифопоэтической *science fiction* и «высокой» фэнтези служит чиновником в райсобесе!

На фоне этой, во всех отношениях нетворческой работы в 1962 году произошло событие, ставшее поворотным пунктом в жизни Желязны. Одновременно в августовских номерах «Amazing Stories» и «Fantastic Stories» вышли два рассказа писателя-дебюта (всего же за тот год состоялось четыре публикации Желязны). И за последовавшее десятилетие произошел взрыв — именно так критики характеризуют явление Желязны в американской НФ. На читателя не только обрушилась непосредственная «ударная волна» от первых его опубликованных произведений,

но, продолжая удачную аналогию, еще доброе десятилетие оказывала воздействие «остаточная радиация». То есть все те символы, образы, фантастические создания и поэтические метафоры, аллюзии и подтексты, которыми густо насыщены его романы и рассказы.

Иногда эта «густота» второго плана порой даже мешает цельному восприятию той или иной вещи Желязны. После чтения остается ощущение чего-то глубокого, эмоционального, поэтического — но чего именно, трудно сформулировать... По тонкому замечанию видного английского писателя-фантаста и одновременно историка научной фантастики Брайана Олдисса: «Желязны [и Дилэни] приготовят вам отменную сахарную глазурь, но самого торта вы так и не попробуете». А вот как охарактеризовал писателя рецензент журнала «Locus»: «Желязны напоминает идеально-го гостя на званом ужине. Вежлив, интеллигентен, задумчив, постоянно возбуждает всеобщее любопытство, а кроме того, тонко чувствует обстановку за столом». По-моему, точнее не скажешь!

Как бы то ни было, Роджер Желязны был ярким символом тех перемен, что произошли в американской НФ (не без влияния революционных веяний с Британских островов) в конце шестидесятых и были связаны с «Новой волной».

Перенос авторского внимания с «железа» — роботов и звездолетов — на человека, его внутренний мир и социум (подразделение на hard и soft в англоязычной science fiction появилось раньше, чем в популярной музыке и компьютерной индустрии) позволил по-новому осмыслить старую проблему. Что, собственно, следует понимать под «научностью» научной фантастики — только ли астрофизику, кибернетику и биологию, как раньше? Или расширить это понятие также на лингвистику, социологию, психологию, историю — вкупе с мифологией, религией, культурологией?

Ответ очевиден. Но в этой сегодняшней очевидности «повинны», в частности, и такие писатели, как Роджер Желязны.

Вместе с тем он никогда не мыслил себя элитарным художником и в полной мере овладел всеми несложными секретами «рыночной деятельности». Его, казалось бы, излишне переусложненные, мифологизированные произведения уже при первом знакомстве оказываются не столь сложными, чтобы отпугнуть массового читателя. Американские фэны, в массе своей не шибко образованные в мифологии, психоанализе и поэзии, творчество Желязны приняли. Свидетельство тому — завоеванные за первые семь лет творческой деятельности две премии «Хьюго»

и две «Небьюлы» (и еще 17 номинаций!).

Между прочим, отличным дополнением его гуманитарной эрудиции стал юмор. Точнее, самоирония, не дающая слишком уж серьезно увлечься этим, порой достаточно громоздким, мифотворчеством. Правда, как отмечал Харлан Эллисон, «подобным чувством юмора, надо полагать, обладал Торквемада»...

Приведу лишь одно высказывание Желязны о фантастике и о своем месте в ней; в неожиданном, оставленном на финал переходе от великого к смешному он весь: «Научная фантастика — это особый способ отношения к миру. Фантасты имеют дело с людьми, вещами и событиями, взятыми в их перспективе, рассмотренными с точки зрения ближайших последствий. Думаю, в Средние века все мы были бы теологами — и вероятно, в конце концов, всех нас ждал бы костер за ересь. Потому что по истечении некоторого времени уже просто невозможен иной взгляд на вещи, кроме еретического: на вещи сами по себе и на тень, которую они оставят, двигаясь по искривленному ландшафту... Но вообще-то заниматься этим одно удовольствие, а когда за подобные упражнения еще и платят, вполне сойдет за профессию. Я профессионал, и мне больше повезло, чем коллегам в Средние

века (хотя меня никогда не ловили на ложных предсказаниях): начать хотя бы с того, что наши сегодняшние общественные туалеты не идут ни в какое сравнение с древними. Интересно, кто-нибудь из предсказателей в старину предвидел нечто подобное?»

Бурные успехи на литературном фронте в 1960 — 1970-х перемежались неудачами и даже личными трагедиями. Умер отец Желязны, сам писатель чудом остался жив после автокатастрофы, затем последовал развод с женой. Наконец, в 1965 году он сменил работу, переехал в Балтимор, где второй раз женился. Ко времени рождения второго сына Роджер Желязны перебрался с семьей в знойный штат Нью-Мексико, где купил себе дом в городе Санта-Фе.

Даже при всей любви американских фантастов селиться в совершенной глуши, штат Нью-Мексико — это, как говорят, «отдельная песня». Однако чем-то его, видимо, приворожили пустыня, каньоны, кактусы и индейские пучки, потому что в Санта-Фе он оставался до последних дней жизни.

После того, как в 1969 году Желязны окончательно оставил свой «собес» и полностью переключился на литературную деятельность, в его биографии, как часто бывает с писателями, со-

бытия жизни уступили место событиям книжным.

Когда я впервые писал о Роджере Желязны, на дворе стоял 1990 год, и сюжеты многих произведений писателя приходилось пересказывать. Первые книги тогда уже заполнили наш рынок, но по большей части переводы были «самопальными», непрофессиональными (хотя и для переводчика-профи насыщенная культурными аллюзиями и ассоциациями проза Желязны, прямо скажу, не подарок; не случайно западные критики окрестили писателя «одним из самых культурно оснащенных американских фантастов»). Да и не все было переведено. Сегодня ситуация изменилась к лучшему. И меня не гнетет необходимость подробно пересказывать сюжеты — достаточно будет лишь беглого напоминания о том, что сделал и оставил после себя в американской НФ Роджер Желязны.

На мой вкус, главные его достижения принадлежат не короткой (рассказ) и не крупной (роман) формам. А средней — той, что в номинационных списках американских литературных премий разделена на novelette (короткая повесть) и novella (просто повесть). Наверное, такой мастер полутоннов и зыбкой неопределенности, как Желязны, и с жанровой формой никак не мог определиться. Не лаконичный мазок

и не литературная глыба, не монумент, а так — нечто среднее, промежуточное, трудно определяемое...

Перу Желязны принадлежат, как минимум, три повести, безоговорочно причисленные к классике жанра. Во-первых, это уже упоминавшаяся «Роза для Экклезиаста» (1963). Пересказывать подобные произведения — задача абсолютно провальная, проще переписать от первого до последнего слова. О чем это произведение? Да обо всем — о поэзии, культуре, любви, языке и лингвистическом «контакте», о жизни и смерти как индивидуумов, так и цивилизаций; об энтропии, космосе, времени...

Совершенно в ином стиле написана короткая повесть «Двери лица его, пламенники пасти его» (1965), принесшая автору премию «Небьюла». По жанру это «рыбацкая байка» (что отчасти верно, поскольку «рыбалку» на океанической Венере ведут нешуточную — ловят местного «ихтиозавра» размером с авианосец!), но Желязны снова верен себе. Повесть буквально напичкана мифологическими, религиозными и литературными аллегориями — от библейского чудовища Левиафана до Моби Дика Германа Мелвилла. Да и название, кстати, взято из ветхозаветной Книги пророка Иова. И, наконец, это повесть «Гора смертного» (1967). Мне, признаюсь, она

запала в душу больше других — может быть, потому, что я с юных лет неравнодушен к снежным вершинам. Но это в той же мере «фантастика об альпинизме», в какой «Старик и море» — проза о рыбалке.

Очень быстро Роджер Желязны написал и свои главные романы: «Этот бессмертный» (1966), «Повелитель снов» (1966), «Бог света» (1967). Называю их «главными» не только потому, что все три завоевали высшие премии в жанре. Просто они-то и вызвали тот самый взрыв, который потряс до основания американскую аудиторию в шестидесятых. Особенно третий роман, в котором западный читатель заворуженно следил за тем, как на далекой, отсталой планете «всесильные» потомки колонистов с Земли разыгрывают перед аборигенами богов индуистского пантеона (Желязны провел в Индии два года и знал, о чем писал).

Все последующее, написанное Желязны, по-прежнему воспринималось как нечто филигранное, поражало богатством отделки, но уже не удивляло так, как его ранние романы.

А теперь пора вспомнить цикл о Янтарной стране — самый коммерческий в творчестве писателя и особенно популярный в 1990-е годы у нас в стране. Не говоря уж о том, что сам цикл многие отечественные фэны по сей день счита-

ют классическим образцом жанра фэнтези.

Все началось с того, что в 1970 году вышел роман «Девять принцев Янтарной страны» (или «Амбера»). За ним весьма резво следовали продолжения — «Пушки Авалона» (1972), «Знак Единорога» (1975), «Рука Оберона» (1976), «При дворе Хаоса» (1978)... Десятый, юбилейный роман «Принц Хаоса» вышел в 1991-м. Вначале замысел автора был таков: Желязны хотел, чтобы каждый из девяти принцев пересказал бы одну и ту же историю по-своему. Писателю явно не давали покоя лавры Лоуренса Даррелла («Александрийский квартет») или Акутагавы («Ворота Расемон»). Вообще же, по авторскому замыслу, цикл должен был стать своего рода «философским комментарием к реальности и ее восприятию людьми». А реальность, по Роджеру Желязны, не что иное, как веер параллельных миров, в каждом из которых отыскиваются лишь небольшие отличия от хорошо известного «нашего» мира.

Так что это, скорее, не фэнтези (хотя все формальные признаки жанра присутствуют), а фантастика на тему параллельных миров. Увлекательно написанная, богатая деталями, спору нет. Но, на мой взгляд, все-таки изящная безделушка — во всяком случае, по сравнению с другими произведениями того же автора, о коих

речь шла выше. Продолжая «янтартарную» аналогию — брошь, которая приковывает внимание даже не ценностью материала (янтарь дешевле бриллиантов и прочих драгоценных камней), а каким-нибудь жучком или паучком, нашедшим в доисторической смоле свой вечный покой...

В последние десятилетия жизни Роджер Желязны писал все так же много и изобретательно. В основном — лихо закрученную, хотя по-прежнему литературно отточенную научную фантастику; а порой, не мудрствуя лукаво, ставил на «верняк» американского книжного рынка — на фэнтези. Читались эти книги легко, но многие забывались еще легче. Ряд романов был написан в соавторстве с признанными мастерами — достаточно назвать Альфреда Бестера, Филипа Дика и Роберта Шекли. И так же регулярно пополнялась в 1980-е годы коллекция литературных трофеев Роджера Желязны — высшими премиями были отмечены еще три отличные повести: «Вариации на тему единорога», «24 вида Фудзи» и «Вечная мерзлота».

Но вот сенсаций больше не случалось. А затем в область литературной истории отошло и все творчество Роджера Желязны. Он умер от рака в июне 1995 года, двух лет не дожив до своего шестидесятилетия.

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

Что принес минувший год нашему любимому жанру? Что сгинет без следа, а что останется в памяти — быть может, и в истории фантастики? Есть повод подумать об этом, сверившись с мнением 308 членов Большого читательского жюри.

По традиции осмотр литературного пейзажа у нас начинается с романа. Ведь для журнала самый приоритетный жанр — это рассказ, вот и оставим его «на сладкое».

На романной ниве по сравнению с 2005 годом изменилось немного. Разве что число их еще увеличилось («скоро книг станет больше, чем читателей», — уныло шутят фантасты). Однако известная философская доктрина о переходе количества в качество никак не реализуется на практике. Заметных книг в прошлом году появилось немного, поклонники НФ и фэнтези назвали лишь 18 романов (если учитывать только те, которые заслужили более двух упоминаний). Но и в этом невеликом ряду особой конкуренции не наблюдалось, шестерка лидеров сразу же оторвалась от остальной группы, а вскоре и она разделилась на две устойчивые тройки. В первой шли А.Громов («Исландская карта»), О.Дивов («Храбр») и Г.Л.Олди с А.Валентиновым («Тирмен»), во второй — А.Зорич («Время — московское!»), С.Лукьяненко («Последний Дозор») и О.Овчинников («Арахно: в коконе смерти»).

Победителем стал **Александр Громов**, он получает приз «Сигма-Ф» за роман «Исландская карта».

В номинации «Повесть» участники предпочли парный забег, с оптимальной дистанцией между двойками. «Земля веснарлов» М. и С.Дяченко состязалась с «Прыткой и Потаскуном» А.Громова, «Ампула» В.Крапивина соперничала с «Дагором» М.Галиной (любопытно, что оба произведения были опубликованы в одном номере журнала), «Недотепа» С.Лукьяненко пытался одолеть «Королей ванадия» В.Мясникова, «Эль Корасон» К.Бенедиктова боролся с «Майором Богдамиром» Л.Каганова.

Лучшей повестью признана «Земля веснарлов» **Марины и Сергея Дяченко**.

Рассказчики, как водится, шли тесной и теплой компанией. Чаще слышался голос С.Логинова, который рассказал читателям сразу две истории: «Гибель замка Рэндол» и «Барская пустошь». Убеди-

телен был О.Овчинников («Педант»), красноречив С.Синякин («Странствующие гости табора»), страстны Д.Колодан и К.Шаинян («Затмение»), задумчив Г.Л.Олди («Лодочник»), меланхоличен А.Громов («Фальстарт»), мятежен Б.Руденко («Слабое звено»). Самым ярким выступлением читатели сочли рассказ **Олега Овчинникова** «Педант».

Но это еще не конец нашей художественной части. Есть ведь номинация «Лучшее произведение зарубежного автора», где в силу единичности дистанции темным-темно от участников с романами, повестями и даже рассказами. В толпе были замечены мэтры: С.Кинг («Мобильник»), М.Крайтон («Государство страха»), П.Бигл («Два сердца»), Т.Пратчетт («Хватай за горло»), Г.Бенфорд («Водородная стена»), Д.Симмонс («Олимп»), С.Брюссоло («Вид большого города в разрезе»). Но не потерялись и новички (для российского читателя): Дж.Хемри («Леди-Будьте-Добры»), К.Бейкер («Мадам Айгюптос»), У.Бартон («Урожайная Луна»), Дж.Форд («Империя мороженого»).

Как ни странно, победу одержал не роман, а повесть, написанная в полном соответствии с традициями «Золотого века» американской фантастики — «Леди-Будьте-Добры» Дж.Хемри. В этой номинации мы награждаем издателей, познакомивших с произведением российских читателей, но так как повесть была напечатана в «Если», то диплом «Сигма-Ф» получает переводчик **Владимир Гришечкин**.

Следующий диплом предназначен фирме-прокатчику самой заметной картины. Никто не сомневался, что фильмом года станет «**Дневной Дозор**» — но простят нас создатели ленты: не потому, что фильм на голову выше конкурентов, а потому, что он наш. И хороший наш, в отличие от тех, которые смотреть просто стыдно... На втором месте оказались «Пираты Карибского моря-2», а на третьем опять-таки наша «Азирис Нуна» — и вновь по мотивам повести Сергея Лукьяненко (в соавторстве с Юлием Буркиным). Заметными экранными явлениями стали также «Люди Икс: Последняя битва», «Сайлент-Хилл», «Парфюмер»; остальные ленты набрали ничтожное количество упоминаний.

Нарушим последовательность анкеты и останемся в кинотеатре. Ибо с разделом «Видеодром» тоже все было ясно. Как и ожидалось, диплом — уже не «Сигма-Ф», а «Если» — за лучшее выступление о кино, напечатанное в журнале, получает **Антон Первушин**

(цикл очерков «Кинопробы космической экспансии»). Следом идут материал Л.Каганова «Запах книги», диалог В.Рыбакова и К.Лопушанского «Гадкие лебеди после работы», тематический обзор Д.Караваева «Погибшая в звездных войнах», рассказ Д.Байкалова о творчестве Ника Парка «Пластилин нежнее, чем глина», очерк В.Мидянина о фильмах, воплотивших образ чудовища Франкенштейна, «Душа монстра».

А вот и наши давние знакомые — прошлогодние победители в разделах «Критика» и «Публицистика». В прошлом году мы торжественно вручали им дипломы «Если», в этом преподнесем такие же, за другие выступления, но в излюбленном жанре: у одного это солидные тематические обзоры, у другого — парадоксальные, ироничные наблюдения за нашими непростыми отношениями с языком и любимым жанром (и их отношениями с нами).

Критических заметок, реплик, статей, обзоров «Если» в прошлом году напечатал немало — и немало было замечено публикой. Да почти все материалы были упомянуты в листе для голосования, почти каждый нашел своего благодарного читателя. Назовем лидеров: это Г.Елисеев «Битва за репутацию» (в числе лучших — его же «Устроители ближнего космоса»), В.Каплан «Суворовец в Хогвартс принес пулемет...», С.Алексеев «Гомеры нового времени», М.Галина «Волшебная лампа киборга», И.Найденков «Mobilis in mobile» и очерки Вл.Гакова в рубрике «Вехи». Ну а большинство почитателей оказалось у «Битвы за репутацию» **Глеба Елисеева**.

В разделе «Публицистика» абсолютным чемпионом стал **Евгений Лукин**: его заметки «Сравнительное естествознание» и «Кризис номер два» заняли первые два места. Третье практически поделили О.Дивов («Последний трамвай в мейнстрим») и В.Силин («Бесконечное детство»), следующее взял П.Амнуэль («Опаляющий разум»), затем Е.Харитонов («Сломанная табакерка») и замкнул группу лидеров Д.Володихин («И пусть никто не уйдет обиженным»).

Благодарим всех наших читателей, принявших участие в голосовании. Мы понимаем, что занятие это трудоемкое, и вы, конечно, понимаете, что просчитать три сотни анкет — тоже нелегкая работа. Однако делаем мы ее с удовольствием, поскольку знаем, что для наших авторов самое ценное мнение — ваше.

Спасибо всем!

Редакция «Если»

РОВЕСНИК ВЕКА

Седьмой «Роскон» фантастики состоялся в подмосковном пансионате «Лесные дали» с 22 по 25 марта. Конвент собрал более 600 участников: писателей, критиков, переводчиков, представителей крупнейших издательств и просто поклонников жанра.

На конвенте прошло около полусотни мероприятий, как рабочих, так и развлекательных. Стоит отметить, что темы рабочих семинаров, докладов и лекций становятся все более разнообразными и конкретными, все меньше остается невнятных «семинаров по критике» или «семинаров по фэнтези». Все мероприятия «Роскона-2007» можно разбить на несколько групп.

Литературная учеба. Впервые в рамках «Роскона» состоялись мастер-классы по романам (прообразом, кстати, послужили классические Малеевские семинары). За несколько дней до конференции две группы молодых фантастов, чьи романы прошли отбор, съехались в пансионат, чтобы «поработать над собой» с помощью двух маститых наставников — Сергея Лукьяненко и Ника Перумова, а также старосты семинара Владимира Васильева. По результатам трудов «литературной бурсы» издательства АСТ и ЭКСМО опубликуют отдельными книгами лучшие тексты из представленных на семинаре.

Состоялись и традиционные мастер-классы по рассказам, их — уже в рамках конвента — провели Ник Перумов, Андрей Ла-

зарчук и Вадим Панов. Свою литературную студию представили также Дмитрий Громов и Олег Ладыженский.

Молодые (и не очень) авторы смогли порезвиться во время конкурса «Роскон-Грелка». На тему, заданную главным редактором издательства АСТ Николаем Науменко (звучала она так: «Наш мир — плоский!»), от писателей, участников «Роскона», требовалось в течение трех суток написать рассказ, затем произведения без указания авторства выкладывались в интернет, и участники конкурса голосованием определяли двадцатку лидеров. Финалисты собрались на «Росконе» и уже в очном поединке (по системе адвокат—прокурор), но по-прежнему без раскрытия авторства, определили победителя. Соперников обошла Карина Шаинян с рассказом «Жираф в шарфе». Лучшие тексты конкурса выйдут отдельной книгой в издательстве АСТ.

Семинары и доклады. Большинство докладов «Роскона» носило просветительский характер и были адресованы молодым авторам. Типичные ошибки писателей были отражены в докладах «Оружие и тактика» Романа Злотникова, «Странности в поведении

инопланетных пришельцев, посещающих Землю» Михаила Ахманова, «Холодное оружие: мифы и реальность» Тимура Рымжанова и «Реальные звездолеты в космонавтике и фантастике» Антона Первушина. В обсуждении последнего доклада принял участие космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко — его воспоминания о разных аспектах жизни в космосе были встречены участниками на ура. Гречко и Первушин участвовали также в «космической викторине», и те, кто ответил на их вопросы, получили сборник «Закон Дальнего космоса», выпущенный издательством ЭКСМО.

Проблемы у молодых авторов во всем мире похожи: об этом поведала лекция гостя «Роскона» американского писателя Майкла Суэзвика «Красавица и чудовище: молодой честолюбивый автор и издательский бизнес. Инструкция по выживанию».

Александр Громов, не раз уничтожавший мир в своих романах, порадовал участников конвента докладом «Апокалиптичность в фантастике»; тема лекции Василия Головачева, как всегда, интриговала: «Зависть как дар Божий», ну а гости страны Фантазии из литературы «основного потока» писатели Ольга Славникова и Дмитрий Быков предложили участникам вопрос: «Фантастика и мейнстрим: границ больше нет?». Состоялись также «Круглый стол журналов фантастики», который традиционно вел

Евгений Харитонов, и дискуссия «Книга о фэндоме: какой ей быть?», организованная Александром Ройфе.

Кино. Помимо десятков новых и старых фильмов, показанных по транслировавшемуся на весь пансионат «Роскон-телевидению», много интересного можно было обнаружить и в кинозале. Польский культурный центр предоставил для мини-фестиваля польской фантастической киноклассики, мало знакомой нашему зрителю, фильмы «На серебряной планете» (снят Анджеем Жулавским по одноименному роману своего дяди Ежи Жулавского), «Слоеный пирог» (знаменитый Анджей Вайда снял его по знаменитому рассказу знаменитого Станислава Лема) и другие.

На неделю раньше начала всеобщего проката «Роскон» презентовал вторую часть нашумевшего фильма Михаила Хлебородова «Параграф 78». Участников съемочной группы, прибывших на конвент, весьма интересовало мнение профессионалов-фантастов о картине. Таковыми же заинтересованными лицами стали создатели ленты «Скалолазка» (по роману Олега Сеницына) — фильм еще не закончен, поэтому они привезли на «Роскон» только часть отснятых материалов. Поэт, музыкант и писатель Константин Арбенин поведал о биографии замечательного кинодраматурга на семинаре «Михаил Вольпин: предтеча отечественной кинофэнтези» и пока-

зал полувековой давности советский фантастический полнометражный мультфильм «Ключ».

Музыкальная и развлекательная программы. На «Росконе» с концертами выступили такие известные музыканты, как Александр Пушкин, Михаил Башаков, Кирилл Комаров, Олег Медведев. Группа «Зимовье зверей» предложила гостям конвента музыкально-театральную программу. Также в течение всего «Роскона» проходил турнир по популярной фэнтезийной карточной игре «Magic: The Gathering».

Премии. Премия «Большой Роскон» за вклад в развитие жанра фантастики была вручена писателю Зиновию Юрьеву. Премия «Фантаст года» по результатам опроса книготорговых организаций — Нику Перумову. Премия «Алиса» за лучшее произведение фантастической литературы для детей и подростков получили Андрей Жвалевский и Игорь Мытько за книгу «Здесь вам не причинят никакого вреда». Премия новой «голосовательной» номинации — «Лучший составитель антологии» — завоевал Василий Мельник, составитель сборников «Городская фантазия-2006» и «Русская фантастика-2006». Памятные знаки своим постоянным авторам вручило издательство ЭКСМО.

По результатам голосования всех участников фестиваля были вручены основные призы конвента. В номинации «Роман» главный приз, «Золотой Роскон», получил Александр Громов за «Исландскую

карту», «Серебряный Роскон» достался Олегу Дивову за «Храбра», «Бронзовый Роскон» — Сергею Лукьяненко за «Последний Дозор». В номинации «Повесть, рассказ» первым стал все тот же Александр Громов за повесть «Пряткая и Потаскун», вторым — Леонид Каганов за повесть «Майор Богдамир спасает деньги», а третье по причине полного совпадения баллов поделили Дмитрий Колодан, Карина Шаинян за рассказ «Затмение» и Андрей Лазарчук за повесть «Мы, урус-хаи». В номинации «Критика, литературоведение, история фантастики» «золото» взял Олег Дивов за статью «Последний трамвай в мейнстрим», «серебро» — Генри Лайон Олди за эссе «Вечные песни о главном, или Фанты для фэна», «бронзу» — Дмитрий Байкалов и Андрей Синецын за обзор «Любите ли вы фантастику так».

На фестивале была вручена организованная журналом «Если» Мемориальная премия имени Кира Булычёва, которая присуждается по итогам голосования профессиональным жюри писателей и критиков за произведение, «написанное на высоком литературном уровне и исполненное человечности». Лучшим среди ШЕСТИ кандидатов, прошедших во второй тур, был признан рассказ «Барская пустошь» Святослава Логинова.

Также на «Росконе» вручался приз читательских симпатий «Сигма-Ф»: на сей раз он представлял собой виртуальные часы-кален-

дарь. После торжественной церемонии, поздравляя свежеепеченных лауреатов «Сигмы-Ф» и нового обладателя Мемориальной премии им. Кира Булычёва, редакция предложила им поделиться самой главной писательской тайной: что они хотели донести до читателя, когда садились писать свои победоносные произведения?

Александр ГРОМОВ:

Для писателя нет вопросов хуже. Значит, из текста нельзя понять его центральную тему. Странно: я ее почему-то вижу, а читатель — нет. Кто-то говорит, что «Исландская карта» — ура-патриотический боевичок. Кто-то мамой клянется, что это чистейшая пародия на ура-патриотические боевички. Кого-то не сшибить с убеждения, что это пародия на Акунина.

Хороша дисперсия?

Надеюсь, с выходом второй книги (она будет называться «Русский аркан») туман несколько рассется.

Ну, хорошо, отвечу уже сейчас: для меня эта вещь, в первую очередь, о борьбе между долгом и честью, долгом и любовью. Все остальное — «оживляж», не более. Пусть занимательный. А как же! Не был бы он занимательным, разве мог бы я претендовать на звание профессионального литератора?

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО:

Сказано: «Возлюби ближнего своего». И многие следуют заповеди. Вот только границу между

ближним и дальним каждый проводит на свое усмотрение...

Олег ОВЧИННИКОВ:

Хотел поделиться наблюдением из личного опыта: в определенном возрасте дети ведут себя как законченные педанты, особенно если родители им это позволяют. Понимание того, что не все в жизни случается так, как тебе хочется, приходит позже, но, к сожалению, ко всем. Так давайте не будем его торопить. Ведь это несложно — налить ребенку сок в чашку с Микки-Маусом ровно на треть и дать две трубочки, зеленую и желтую.

Святослав ЛОГИНОВ:

Глянул я окрест себя и душа моя уязвлена стала. Любимая фантастика утопает в крови, некое несуществующее Добро с невероятной жестокостью мочит столь же небывалое Зло. Иногда случается наоборот, либо кровь проливается вовсе безыдейно. И за этими разборками авторы напрочь забывают о существовании обычной доброты.

Очень хотелось написать доброе произведение, и чтобы оно при этом не было нудным. Кажется, получилось.

И то, что за небольшую повесть (или рассказ?), основным достоинством которой является доброта, дали большой приз, внушает некоторый оптимизм.

**Подготовили
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Евгений ХАРИТОНОВ**

Курсор

В мае 2007 года

по всему миру фантастики пройдет множество мероприятий, посвященных тридцатилетнему юбилею выхода на экраны первого фильма саги «Звездные войны». Основательнее всех поступило почтовое ведомство США. Оно не только выпустило памятную почтовую марку, но и установило более чем в 200 городах страны ящики для приема корреспонденции, копирующие вид дроида R2D2.

Коричневый плащ

с капюшоном, что носил в оригинальной трилогии «Звездные войны» британский актер сэр Алек Гиннесс в роли Оби-Вана Кеноби, случайно нашли на одном из складов, где плащ пролежал весьма долгое время. Стоимость находки — сто тысяч долларов: за такую сумму она была продана с аукциона анонимному покупателю.

Группа российских

фантастов и критиков (С. Лукьяненко, А. Громов, Л. Каганов, В. Головачев, А. Синицын, Д. Байкалов), а также космонавт Г. Гречко были приглашены в Японию, где им предложили посмотреть и оценить с точки зрения фантастичности «завод будущего» — фабрику «Камеяма» компании Sharp, выпускающую самые большие в мире жидкокристаллические матрицы для мониторов и телевизоров. Фабрика предельно автоматизирована, работает (треть потребления!) на солнечной энергии, защищена уникальной системой демпферов от землетрясений и экологически абсолютно безвредна. Российские фантасты, ставшие одними из первых европейцев, допущенных на засекреченное производство, оценили его по достоинству.

Кинокомпания

Paramount Pictures наняла Джонатана Нолана для создания сценария к новому фантастическому фильму Стивена Спилберга «Межзвездный». Нолан известен сценариями для фильмов своего брата Кристофера — «Мemento», «Престиж» и других. Картина поведаст о приключениях космических путешественников, проникающих в другое измерение через так называемую червоточину. Сам Спилберг утверждает, что на создание ленты его вдохновила именно идея червоточин по теории физика Кипа Торна.

Стали известны

подробности о съемках Федором Бондарчуком экранизации повести братьев Стругацких «Обитаемый остров». Бюджет фильма будет рекордным для России — около 30 мил-

лионов долларов. В главных ролях выступят молодые малоизвестные артисты (Максим Каммерер — Василий Степанов, Гай Гаал — Петр Федоров, Рада Гаал — Юлия Снегирь), зато второстепенных персонажей «отработают» звезды современного российского кино (Странник — Алексей Серебряков, Прокурор — Федор Бондарчук, Вепрь — Гоша Куценко, Зеф — Сергей Гармаш, Генерал — Михаил Пореченков). Съемки пройдут в Крыму, на создание инопланетной боевой техники и башен будут брошены силы харьковских танкостроителей. Сюжет планируется адаптировать под современность (в частности, убрать упоминания о мире Полдня), однако сохранение духа книги — одна из главных задач создателей. Картина будет состоять из двух частей, премьера первой намечена на 23 октября 2008 года, второй — на 1 января 2009-го.

Триумфатором

аниме-фестиваля, проходившего в Токио в конце марта, стал фильм «The Girl Who Leapt Through Time» («Девушка, прыгавшая сквозь время»), получивший шесть наград, в том числе приз за лучшую картину года. Мультфильм, основанный на романе Ясутака Цуцуи и повествующий о путешествиях во времени, был одним из лидеров японского кинопроката в минувшем году.

Свой вариант

путешествий во времени представляют осенью и российские кинематографисты. Расхожий в советские времена сюжет о том, как молодые люди проваливаются во времени, попадают в разгар Великой Отечественной войны и совершают там подвиги, будет представлен осенью этого года. Правда, герои фильма Андрея Малюкова «Следопыты» отнюдь не пионеры или комсомольцы, а довольно беспринципные и циничные «черные археологи», занимающиеся поисками на полях сражений и продажей старого оружия.

Режиссер

Евгений Бедарев, чья дебютная картина «В ожидании чуда» вышла в прокат в апреле, заявил в одном из интервью, что следующим его фильмом, скорее всего, станет экранизация одной из повестей знаменитого фантастического цикла «В глубине Великого Кристалла» Владислава Крапивина. Режиссер, боясь сглазить, не стал уточнять, над какой именно повестью он намерен работать.

Агентство F-пресс

ГРАДИНАР Дмитрий Степанович

Родился в 1971 году в Харькове. Закончил Харьковский юридический институт. Ныне живет в Кишиневе, работает юристом.

Как писатель-фантаст выступает с 2005 года (рассказ «Особый стартельский-2» в сборнике «Право на пиво»). С тех пор опубликовал несколько новелл в журналах «Золотая чаша», «Реальный мир» и «Реальность фантастики», а также два романа в жанре НФ-боевика — «Расправляя крылья» и «Серый прилив», отмеченные дипломом Европейского совета по фантастической литературе и почетным призом «Восходящая звезда» харьковского клуба «Искатель». В 2007 году российская компания «GDTeam» приступила к разработке компьютерных игр по романам Д.Градинара.

КУПРИЯНОВ Сергей Александрович

Московский писатель-фантаст и детективист Сергей Куприянов родился 18 ноября 1957 года в городе Дмитровск Орловской области, но всю свою сознательную жизнь прожил в Зеленограде. Высшее образование получил в Московском автодорожном институте. Работал в НИИ, занимался бизнесом.

Участник Московского семинара молодых писателей-фантастов, С.Куприянов дебютировал в 1991 году рассказом «И воспарил», а в 1997-м вышла первая книга — «Осечки не будет». Однако после этого автор переключился на детективы. Его перу принадлежит более 20 книг, в том числе «Убийцы на продажу» (1998), «Плащ Иуды» (1998), «Убить бандита» (1999), «Дело для настоящего мужчины» (2000), «Особый талант» (2001), «Человек мести» (2002), «Давние связи» (2003), «Гражданин ночи» (2004) и другие. В фантастике писатель выступает как автор короткой формы, однако в нынешнем году должен выйти и НФ-роман С.Куприянова.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Фантаст, поэт и бард Евгений Лукин родился в 1950 году в Оренбурге в актерской семье. После окончания филологического факультета Волгоградского пединститута работал учителем в школе, затем редактором в издательстве. Фантастическую прозу начал писать в 1975-м в соавторстве с супругой Любовью Лукиной, а дебютом в печати стала их совместная повесть «Каникулы и фотограф» (1981).

В 1980-е годы Любовь и Евгений Лукины заняли одно из ведущих мест в отечественной НФ «четвертой волны». Их совместное творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но с 1994-го Евгений Лукин пишет и публикуется без

соавтора — Любовь Лукина отошла от литературной деятельности, а еще через два года ее не стало.

Сольная биография волгоградского писателя, продолжившего развитие иронической и социальной фантастики, оказалась не менее удачной. Сборник «Там, за Ахероном» (1995) тут же завоевал читательское внимание. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997), сюжетно и идейно пересекающегося с известной повестью 80-х «Миссионеры», рассказчик Лукин стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце» (1998), «Зона справедливости» (1998) и другие становились событием в отечественной фантастической прозе. В 2003 году увидел свет новый роман писателя — «Чушь собачья». К этому списку необходимо добавить и несколько поэтических сборников Лукина, в которых фантаст для многих читателей предстал с неожиданной стороны — как яркий, очень самобытный поэт: «Дым Отечества» (1999), «Ой да...» (2001), «Фарфоровая речь» (2002) и «Чертова сова» (2004).

На сегодняшний день Е.Лукин — обладатель самой большой коллекции литературных наград во всей русской словесности: он «полный кавалер» приза читательских симпатий «Сигма-Ф» (за роман, повесть и рассказ), лауреат премий «Бронзовая улитка», «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Аэли-та», «Золотой кадудей» и других.

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

(Библиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

Корр.: Скажите, пожалуйста, откуда такое странное имя у героя вашего рассказа?

А.Р.: Слово взято мною из поэмы Евтушенко «Станция «Зима». Мне показалось, что оно звучит красиво и необычно для англоязычного читателя.

СТРОСС Чарлз (STROSS, Charles)

Английский писатель Чарлз Стросс родился в Лидсе в 1964 году и после окончания университета, где получил диплом программиста, работал по специальности, а также (временно) аптекарем и свободным журналистом. Дебютом Стросса в научной фантастике стал рассказ «Парни» (1987), и уже в середине 90-х годов он полностью переключился на литературное творчество, продолжая, однако, вести колонки в журнале «Computer Shopper» и других британских компьютерных периодических изданиях. К настоящему времени Стросс опубликовал 10 романов, среди которых дилогия «Сингулярное небо» — «Сингулярное небо» (2003) и «Железный восход» (2004), — трилогия «Торговые принцы», а также одиночные романы «Accelerando» (2005), «Стекланный

дом» (2006) и другие. Кроме того, писатель является автором более трех десятков рассказов, в том числе написанных в соавторстве с Саймоном Ингсом и Кори Доктору, лучшие из которых составили сборники «Тост» (2002) и «Архив жестокостей» (2004). За последние два года три рассказа Стросса — «Лобстеры» (2001), «Трубадуры» (2001) и «Гало» (2002) — номинировались на премию «Хьюго», а впервые английский писатель завоевал эту высшую премию в 2005 году за повесть «Бетонные джунгли» (2004). В настоящее время проживает в Эдинбурге.

СУЭНВИК Майкл (SWANWICK, Michael)

Американский писатель Майкл Суэнвик родился в 1950 году. Окончив университет, работал в сфере информатики (information analyst). Первый рассказ — «Пир Святого Джаниса» — опубликовал в 1980 году, после чего достаточно быстро завоевал репутацию автора глубокого, оригинального, разностороннего и неповторяющегося. Он одинаково хорошо себя чувствует и в hardcore science fiction, и в фэнтези, и в «мифопоэтике», и в киберпанке.

На сегодняшний день Суэнвик является автором семи романов: «Дрейф» (1984), «Вакуумные цветы» (1987), «Яйцо гриффина» (1991), «Станции прилива» (1991, премия «Небьюла»), «Дочь Железного Дракона» (1993), «Джек Фауст» (1997), «Кости Земли» (2002). Его перу принадлежит более сотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Ангелы гравитации» (1991), «География неведомых земель» (1997), «Буклет Boscone 37», «Лунные псы» и «Рассказы Старой Земли» (все вышли в 2000 году). Кроме указанной премии «Небьюла» Суэнвик успел пять раз стать лауреатом премии «Хьюго» (в 1999-м — за рассказ «Тот самый пульс машины», в 2000-м — за рассказ «Скерцо с тиранозавром», в 2002-м — за рассказ «Пес сказал «гав-гав» и за короткую повесть «Медленная жизнь», в 2004-м — за короткую повесть «Легионы во времени»), Всемирную премию фэнтези, Премию имени Теодора Старджона. Перу Суэнвика принадлежат два небольших эссе по теории фантастики — «Руководство пользователя по постмодернизму» (1986) и «В начале...» (1994), вышедшие отдельными брошюрами, а также книга-интервью о Гарднере Дозуа, в соавторстве с которым Суэнвик написал шесть рассказов, — «Быть Гарднером Дозуа» (2001).

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERICK, Carl)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

В автобиографии американский писатель-фантаст и дипломированный физик-теоретик Карл Фредерик рассказал много любопытного о своих увлечениях:

«Я физик-теоретик — по крайней мере теоретически. Даже несмотря на то, что я давно оставил научную деятельность, я все еще считаю себя физиком. Потому что это даже не профессия, а скорее стиль жизни, если не религия. Что касается моих собственно религиозных взглядов, то я позиционирую себя как богобоязненного и истового вегетарианца, который, впрочем, не впадает в грех прозелитизма (стремления обратить в свою веру других). Вырос я в точном следовании рецептам обоих Споков (доктора и мистера), а потому считаю логику высшим арбитром в делах человеческих... Среди своих технических достижений я могу гордиться тем, что создал первый в мире цифровой модем, принесший мне деньги, собственное дело, но не чувство удовлетворения. Оказалось, что быть капитаном бизнеса и руководить собственной фирмой — это не по мне. Вот отчето я покинул свою компанию и вернулся в родную Итаку — но не для того, чтобы продолжать заниматься научными исследованиями, а для того, чтобы писать научную фантастику... А еще я увлекаюсь игрой на шотландской волынке, в качестве хобби изучаю сразу несколько иностранных языков, люблю играть в шахматы, обожаю домашних животных (а также созданного своими руками домашнего робота), воспитываю вместе с женой двоих сыновей». Можно добавить к этому, что несколько лет назад Карл Фредерик с компанией приятелей создал «правительство Марса в изгнании», а также придумал марсианский флаг и сочинил марсианский гимн.

ЭШЕР Нил (ASHER, Neal)

Английский писатель-фантаст Нил Эшер родился в 1961 году в деревне Биллерикэй (графство Эссекс) в семье «родителей, которые сами были фанатами научной фантастики». После окончания школы Эшер трудился в фирме, производившей металлическую мебель, а также вел курсы карточной игры («для работников необходимыми условиями были: пить, много и без видимых последствий, не рассчитывать на большую зарплату и уметь заваривать чай»). Затем Эшер работал фрезеровщиком на заводе, закончил инженерные вечерние курсы, литературные курсы и школу карате (в настоящее время имеет зеленый пояс).

Писать фантастику Эшер начал еще в школе, но свой первый рассказ «Пещерная рыбка» опубликовал только в 1994 году. С тех пор писатель, которого одинаково привлекают и «твердая» НФ, и фэнтези, выпустил девять романов: «Сдирающий кожу» (2002), дилогию «Связанные одной решеткой» — «Связанные одной решеткой» (2001) и «Государственная линия» (2003) — и другие, а также более двадцати рассказов и повестей, лучшие из которых составили три сборника.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагаем вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.**

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство. Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 330 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 330 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: (495) 248-21-90. Факс: (495) 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ПОДПИСКА **на второе полугодие** **2007 года**

**«Пресса
России»**

**«Роспечать.
Газеты,
журналы»**

**Журнал «Если» предлагается
в любом почтовом отделении
в двух каталогах:
«Пресса России»
и «Роспечать. Газеты, журналы».**

**Цена подписки
на второе полугодие — 317 рублей.**

Индекс — 73118.

ISSN 1680-645X

9 771680 645003

07005

>